ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

(1859-1917)

1

Всем потрудившимся
на ниве отечественной археологии
ПОСВЯЩАЕТСЯ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

THE IMPERIAL ARCHAEOLOGICAL COMMISSION (1859-1917)

HISTORY OF THE FIRST STATE INSTITUTION OF RUSSIAN ARCHAEOLOGY FROM THE BEGINNING UNTIL THE REFORM

Volume 1

Edited by
Alexander Musin & Maria Medvedeva

2nd revised edition

Saint Petersburg
2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории материальной культуры

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ (1859-1917)

ИСТОРИЯ ПЕРВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ОТ ОСНОВАНИЯ ДО РЕФОРМЫ

Том 1

Научные редакторы-составители
А. Е. Мусин и М. В. Медведева

2-е издание,
переработанное и дополненное

Санкт-Петербург
2019

УДК 930.25
ББК 63.4(2)
И54

Печатается по решению Ученого Совета ИИМК РАН

Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07–01–512а)

Первое издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 09–01–16101д)

И54 Императорская археологическая комиссия (1859–1917) : история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы : Коллективная монография : в 2 т. Т. 1 / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. — СПб. : ИИМК РАН, 2019. — 888 (1616) с.

ISBN 978-5-9072-9806-4
DOI 10.31600/978-5-9072-9806-4

Книга посвящена истории Императорской археологической комиссии, первого государственного археологического учреждения в России. Комиссия сыграла важную роль в становлении российской археологии как науки, в сложении теории и практики реставрации объектов культурного наследия и формировании мер по охране памятников культуры в России XIX — начала XX в. В книге впервые систематически изложена и охарактеризована разносторонняя деятельность ИАК, даны биографии членов и сотрудников Комиссии, опубликован справочный материал по ее исследовательской деятельности. В богато иллюстрированном издании использованы уникальные фотографии из Научного архива ИИМК РАН. Второе издание коллективного труда, переработанное и дополненное, предназначено специалистам в области отечественной археологии и истории, историкам искусства и реставраторам, общественным и политическим деятелям, сотрудникам органов охраны памятников, студентам исторических специальностей, всем, интересующимся судьбой памятников культуры.

УДК 930.25
ББК 63.4(2)

Рецензенты:
чл.-корр. РАН И. В. Тункина, к.и.н. О. А. Сиротина

Редакционная коллегия:
к.и.н. О. И. Богуславский, д.и.н. В. А. Лапшин (председатель),
к.и.н. М. В. Медведева (науч. ред.-сост.), д.и.н. А. Е. Мусин (науч. ред.-сост.),
д.и.н. Н. И. Платонова

Предисловие — д.и.н. В. А. Лапшин; Предисловие к первому изданию — чл.-корр. РАН Е. Н. Носов; Предисловие составителей — д.и.н. А. Е. Мусин, к.и.н. М. В. Медведева; Введение и история архива — д.и.н. А. Е. Мусин, к.и.н. М .В. Медведева, д.и.н. Г. В. Длужневская, Н. А. Белова; Летопись ИАК — д.и.н. А. Е. Мусин; Глава I — д.и.н. А. Е. Мусин, к.и.н. М. В. Медведева, д.и.н. Н. И. Платонова, Л. М. Всевиов, д.и.н. И. Л. Тихонов; Глава II — д.и.н. Ю. А. Виноградов; Глава III — к.и.н. М. Ю. Вахтина; Глава IV — д.и.н. Ю. А. Виноградов, д.и.н. А. Е. Мусин; Глава V — к.и.н. Р. В. Стоянов; Глава VI — д.и.н. Н. И. Платонова, д.и.н. А. Е. Мусин, д.и.н. С. А. Васильев; Глава VII — д.и.н. Г. В. Длужневская, Н. А. Лазаревская; Глава VIII — к.и.н. О. В. Игнатьева-Вильбоа, д.и.н. Н. Б. Крыласова, д.и.н. А. М. Белавин; Глава IX — к.и.н. М. Б. Рысин, В. Я. Стеганцева; Глава X — д.и.н. Г. В. Длужневская, д.и.н. Л. Б. Кирчо; Глава XI — д.и.н. А. Е. Мусин, д.и.н. Г. В. Длужневская, к.и.н. М. В. Медведева, д.и.н. Н. И. Платонова; Глава XII — к.и.н. Д. Д. Ёлшин; Глава XIII — д.и.н. А. Е. Мусин, к.и.н. М. В. Медведева; Глава XIV — д.и.н. А. Е. Мусин, д.и.н. Н. И. Платонова; Биографии — д.и.н. И. Л. Тихонов, д.и.н. А. Е. Мусин; Библиография — Л. М. Всевиов; Английское резюме — А. В. Гилевич; Указатели — д.и.н. А. Е. Мусин; Подготовка иллюстративного материала — Т. А. Ершова

В оформлении обложки использованы материалы ФО НА ИИМК РАН

9 785907 298064

© ИИМК РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Том 1

Предисловие 7
Предисловие к первому изданию 9
Предисловие составителей 13
Введение. История формирования архива Императорской археологической комиссии и обзор ее фондов в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН 29
Летопись Императорской археологической комиссии 41
Сотрудники Императорской / Российской археологической комиссии, 1859–1918 56
ГЛАВА I. Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. 62
ГЛАВА II. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского 354
ГЛАВА III. Императорская археологическая комиссия и изучение скифских древностей 537
ГЛАВА IV. Императорская археологическая комиссия и исследование древней Ольвии и Березани 654
ГЛАВА V. Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического 743
ГЛАВА VI. Императорская археологическая комиссия и первобытные древности 783
ГЛАВА VII. Археологические памятники Сибири в исследованиях Императорской археологической комиссии 833

Том 2

ГЛАВА VIII. Императорская археологическая комиссия и археология Пермского края 895
ГЛАВА IX. Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья 921
ГЛАВА X. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Средней Азии 1056
ГЛАВА XI. Славяно-русские и средневековые древности в исследованиях Императорской археологической комиссии 1092
ГЛАВА XII. Императорская археологическая комиссия и раскопки в Киеве 1908–1914 гг. 1202
ГЛАВА XIII. Императорская археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры 1237
ГЛАВА XIV. Императорская археологическая комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг. 1401
Summary 1463
Список сокращений 1469
Библиография изданий Императорской / Российской археологической комиссии 1476
Библиография 1482
Указатель географических названий 1561
Указатель имен 1586
Информация об авторах 1609

CONTENTS

Volume 1

FOREWORD 7
FOREWORD TO THE FIRST EDITION 9
FOREWORD OF EDITORS 13
INTRODUCTION. The history of archives of the Imperial Archaeological Commission and surveys of its collection in the depository of the Institute for the History of the Material Culture, Saint Petersburg 29
Chronicles of the Imperial Archaeological Commission 41
Staff of the Imperial / Russian Archaeological Commission, 1859–1918 56
CHAPTER I. Essay on the history of the Imperial Archaeological Commission in 1859–1917 62
CHAPTER II. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of the Cimmerian Bosporos 354
CHAPTER III. The Imperial Archaeological Commission and Scythian archaeology 537
CHAPTER IV. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of ancient Greek cities of Olbia and Berezan Island 654
CHAPTER V. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of the Tauric Chersonesos 743
CHAPTER VI. The Imperial Archaeological Commission and prehistoric archaeology 783
CHAPTER VII. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of Siberia 833

Volume 2

CHAPTER VIII. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of the historical region of Perm 895
CHAPTER IX. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of the Caucasus and Ciscaucasia 921
CHAPTER X. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of Central Asia 1056
CHAPTER XI. The Imperial Archaeological Commission and Slavic and Russian mediaeval archaeology 1092
CHAPTER XII. The Imperial Archaeological Commission and excavations in Kyiv in 1908–1914 1202
CHAPTER XIII. The Imperial Archaeological Commission: restoration and protection of monuments and sites 1237
CHAPTER XIV. The Imperial Archaeological Commission and its reform in 1917–1919 1401
Summary 1463
Abbreviations 1469
Bibliography of the publications of the Imperial / Russian Archaeological Commission 1476
Bibliography 1482
Index of places 1561
Index of names 1586
About the authors 1609

DOI: 10.31600/978-5-9072-9806-4-2019-62-353

Глава I

ОЧЕРК ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1859–1917 ГГ.

I

В начале правления императора Александра II, по ходу осуществления масштабных реформ, направленных на либерализацию многих сторон жизни российского общества, был поднят вопрос о государственном сохранении древностей как национального культурного наследия. Результатом стало создание в 1859 г. Императорской археологической комиссии (далее ИАК, Археологическая комиссия или Комиссия) — государственного органа, в компетенцию которого входили в числе прочего организация и финансирование археологических исследований. Сама по себе идея была не нова. Подобный проект впервые возник в России еще в 30-х годах XIX в. (Тункина 1995: 24–25), но его воплощение в жизнь стало возможным лишь в эпоху Великих реформ.

На протяжении второй половины XIX — первых десятилетий XX в. ИАК оставалась единственным центральным государственным органом империи, ведавшим археологией. Но только в конце XX в. ее деятельность стала, наконец, предметом углубленного исследования. Систематическое изложение истории ИАК в формате монографии также стало возможным лишь в наши дни. В отличие от Русского и Московского императорских археологических обществ и Одесского общества истории и древностей, публиковавших свои истории или биографические сведения о сотрудниках (Юргевич 1889; Анучин 1890; Веселовский 1900; Императорское Московское археологическое общество 1915; см. также: Жебелев 2017; на эту тему: Тункина 2015), ИАК, будучи подразделением Министерства императорского двора, похоже, не обладала необходимой компетенцией и свободой для такого рода размышлений о себе самой.

Конечно, в периодических и справочных изданиях самой Комиссии регулярно публиковалась информация о текущей деятельности. Однако осмысление результатов и подведение итогов работы осуществлялось руководством ИАК преимущественно в форме отчетов вышестоящему органу. Так появились «Записка о деятельности Комиссии от 31 декабря 1881 г.», составленная ее председателем С. Г. Строгановым (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 1. Л. 22–23, 24 — 25 об.), и «Очерк деятельности Комиссии за время царствования императора Александра III» нового главы Комиссии А. А. Бобринского (РО. Ф. 1.

Оп. 1-1900 г. Д. 174). К этим отчетам и очеркам стоит добавить небольшой очерк об Археологической комиссии, включенный в обзор деятельности Министерства императорского двора (Обзор деятельности Министерства императорского двора 1901: 109–130), а также публикации, связанные с юбилеем председателя Комиссии А. А. Бобринского (Рудаков 1911) или имевшие информационный, энциклопедический характер (И. Б. 1911; Спицын 1911а; Кондаков 1914).

Однако именно с последней из статей, как ни странно — вышедшей из-под пера действительного члена ИАК, в общественном мнении окончательно утвердился ряд стереотипов, определивших отношение к Комиссии вплоть до начала XXI в. Так, ИАК справедливо характеризовалась как единственное к началу 1910-х гг. правительственное учреждение в области изучения и охраны древностей с важными, но ограниченными государственными функциями. Находясь вне подчинения ведомств, владеющих памятниками зодчества, Комиссия признавалась независимой в решении вопросов их ремонта и реставрации, что имело благие последствия.

Однако здесь же читатель мог узнать, что «согласно издавна установившейся традиции» ИАК «вплоть до настоящего времени», т. е. 1910-х гг., направляет свои исследования и поиски «почти исключительно» на классические и скифо-сарматские древности и вообще «имеет ввиду интересы» Императорского Эрмитажа. Впрочем, такое внимание признавалось не безосновательным: именно эти памятники подвергаются наибольшей опасности и разрушениям от кладоискателей. Однако, как мы увидим, утверждение, что лишь императорское повеление 1889 г. побудило Комиссию обратить внимание на изучение всех российских памятников старины во всем их объеме, представляется слишком категоричным. Впрочем, такой взгляд А. А. Спицына на деятельность ИАК имел свои причины и был связан как с рядом противоречий внутри самой Комиссии, так и с некоторыми стереотипами, сложившимися к этому времени в российском обществе. Однако к пониманию этого нас приведет знакомство с длинной цепью событий, касающихся ее истории. Сейчас же стоит обратиться к тому, как российское общество и научное сообщество во второй половине XIX — XX в. воспринимало роль и значение Комиссии и результаты ее деятельности.

Еще ранее Д. Н. Анучин в статье «Россия в археологическом отношении», написанной для Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, прямо утверждал, что Императорская археологическая комиссия была основана при Эрмитаже (Анучин 1899: 424). Подобного же рода заблуждения о том, что Археологическая комиссия «была при Эрмитаже», встречаются и в современной литературе (Гаврилов 2007: 196).

В предшествующий период, преимущественно в периодике, время от времени появлялись публикации о деятельности Комиссии — главным образом о раскопках, ею организованных (Струве 1867; Яковлев 1888; Миронов 1900). Отдельный интерес представляют заметки, связанные с политикой ИАК в области охраны памятников и противодействия самовольным раскопкам. Примером тому служит жаркая газетная полемика 1887–1888 гг., вызванная стремлением Комиссии установить правительственный надзор за всеми раскопками на казенных,

общественных и церковных землях, путем введения системы Открытых листов и обязательных отчетов. На страницах газет «Новое Время», «Новости», «Русские Ведомости», «Московские Ведомости» тогда появилось не менее 20 статей, заметок и писем в редакцию на эту тему. В большинстве случаев общество выражало активное недовольство «административной опекой над наукой». Хотя многие публикации являлись анонимными или подписанными псевдонимами («Z», «Археолог-Легитимист», «Москвич» и т. д.), не приходится сомневаться, что они выражали позицию МАО и лично графини П. С. Уваровой, стремившейся придать руководимому ею обществу все права и функции государственного органа (об этом см.: Смирнов 2011а: 90–91).

Характерная риторика газетных публикаций 1887–1888 гг., обвинявших ИАК в «бюрократическом режиме», «некомпетентности», «властолюбивых притязаниях», «присвоении чужих трудов и материальных затрат» и даже в «стремлении к наживе» (см.: Русские Ведомости. 1888. №89), изначально сформировала в дальнейшем ряд расхожих штампов, которые на протяжении сотни лет влияли на представления отечественных ученых о Комиссии — ее целях, трудах и главных лицах. Дезавуировать эти обвинения могли лишь архивные свидетельства, однако вдумчивое исследование архива ИАК началось не ранее 1980-х гг.

Интересно, что в первые годы нового политического устройства в России в оценках Комиссии не преобладали отмеченные выше тенденции. Это было связано, как кажется, с тем, что авторами информации об ИАК в это время были люди, некогда связанные с Комиссией и знавшие ее проблемы «изнутри». В 1920-х гг. краткие сведения об истории Комиссии нашли отражение в трудах ее недавних сотрудников: С. А. Жебелева, ставшего автором первого учебника истории и теории археологического знания (Жебелев 1923), и Б. В. Фармаковского, автора брошюры, посвященной преобразованию ИАК в Академию истории материальной культуры (Фармаковский 1921а). История раскопок ИАК в Северном Причерноморье вполне благожелательно освещалась в юбилейных изданиях, посвященных Керченскому и Херсонесскому музеям (Марти 1926; Гриневич 1927), и в более общих сводках В. П. Бузескула по истории античной археологии (Бузескул 1924; 1927).

Однако в начале 1930-х гг. тональность публикаций резко меняется. В книгах В. И. Равдоникаса и М. Г. Худякова (Равдоникас 1930; Худяков 1933) деятельность ИАК оценивалась уже с позиций возобладавшего тогда в науке вульгарно-социологического подхода. «Феодально-буржуазная» сущность учреждения, функционировавшего в рамках Министерства двора, представлялась авторам очевидной. Впрочем, даже они не могли совершенно отрицать немалый вклад Комиссии в развитие отечественной археологии.

Принадлежность к Министерству двора (вкупе с титулом «императорская») способствовала настороженному отношению к ИАК в течение всей советской эпохи. Деятельность первого в России государственного учреждения, производившего археологические исследования и архитектурно-реставрационные работы, собравшего уникальную историко-культурную информацию, участвовавшего в меру сил в охране культурного наследия, зачастую оценивалась с гиперкритических позиций.

В конце 1950-х — 1960-х гг., на волне интереса к истории России и охране памятников, Комиссия, наряду с археологическими обществами, стала упоминаться в контексте истории музейного дела как «поставщик артефактов» для музейных коллекций. Ежегодные выставки, организуемые ИАК в Эрмитаже, рассматривались как элемент формирования методики организации археологической экспозиции. В целом роль Комиссии в деле охраны памятников продолжала оцениваться негативно: ограниченные возможности ИАК и дублирование функций с другими государственными учреждениями оставляли древности без надлежащего надзора (Разгон 1957: 89–90, 97, 98, 101, 123; 1960; 1961: 191–198, 210–213, 224, 228, 229; 1971; ср. современное видение проблемы в: Николаева 2013). Даже человек с тонким чувством истории, говоря об охране памятников в России и российском обществе, писал, что Археологическая комиссия, осуществлявшая надзор за всеми раскопками, продолжала традиции начала XIX в. и занималась главным образом остатками античной культуры в Причерноморье (Формозов 2018: 65; ср.: Формозов 1986; 1990). Отметим здесь же, что за этой оценкой стояла не только историографическая традиция, но своего рода «корпоративная солидарность», поскольку она исходила от представителя московской науки, естественным образом солидаризовавшегося с позицией МАО и П.С. Уваровой.

Похожим образом через 20 лет после этих публикаций авторы юбилейного сборника, изданного к 60-летию Института археологии АН СССР, начинали институциональную историю отечественной археологии с 1919 г., старательно дистанцируясь от учреждения, ставшего базой и прообразом системы археологических институций XX века в нашей стране (см.: КСИА. 1980. № 163).

Пожалуй, первая, пусть и «юбилейная» попытка объективного исследования истории ИАК на основе архивных документов была предпринята только в начале 1980-х гг. (Пескарева, Рябинин 1984). Публикация появилась на страницах журнала «Советская археология» в связи со 125-летним юбилеем Комиссии. Продолжением работы в том же направлении стала подробная характеристика заключительного этапа деятельности ИАК, данная Н.И. Платоновой на основе изучения архивных источников (Платонова 1989). На этих публикациях основывался Г.С. Лебедев, включивший сведения об ИАК в свой учебник истории отечественной археологии (Лебедев 1992: 88–91, 142–145). Именно в это время наметились новые, вполне концептуальные акценты в оценке деятельности Комиссии, связанные с историософией археологической науки в России. Так, Г.С. Лебедев противопоставил ИАК и МАО как «правительственную бюрократическую машину» и независимое от нее общество, которое естественно оказалось во главе всероссийского научно-общественного движения (Лебедев 1992: 99), поскольку научные общества вообще представлялись первичной формой объединения ученых, предшествующей научно-исследовательским институциям (ср.: Степанский 1975: 54–55).

Интересно отметить внимание к истории Императорской археологической комиссии в польской археологической науке, не в последнюю очередь — в трудах историографической школы Института археологии университета г. Лодзь в 1980–2010-х гг. Польские

исследователи много сделали для правильного понимания значения и роли ИАК для сохранения культурного наследия Центральной и Восточной Европы. Они справедливо отметили недостатки в деятельности Комиссии, которой не хватало системности. Часть проблем была связана с противоречиями в имперском законодательстве (Szczerba 2012b), в частности, функции охраны памятников дублировались администрацией местных губернаторов. Комиссии не хватало сотрудников и финансовых средств для эффективного надзора над качеством реставрации. Российская администрация на территории Царства Польского не хотела осложнять отношения с Римско-католическим костелом и старалась не привлекать ИАК к реставрации католических святынь. В ряде случаев деятельность ИАК была вписана в политическую активность империи по поиску «русских корней» местного населения и его культуры на землях Речи Посполитой. В деятельности Комиссии присутствовала и негативная оценка православно-католических форм культуры, связанных с деятельностью Греко-католической церкви, третируемых как «униатские», тогда как «русское православное искусство» рассматривалось в качестве эстетического образца.

Среди важных выводов и наблюдений возможно встретить тем не менее оценки деятельности Комиссии, схожие как со штампами советской эпохи, так и с критикой в адрес ИАК, инициированной МАО. Этому имеется объяснение: в обоих общественных дискурсах, но по разным причинам, имперское наследие оценивалось негативно, что естественным образом распространялось и на Комиссию, носившую название «императорская». Так, в польской науке ИАК иногда рассматривалась как «репрессивный орган» Российской империи, препятствовавший свободным изысканиям польских ученых (Abramowicz 1991: 12, 13, 14–15). Поляки, проводившие в XIX–XX вв. исследования на территории России (Blombergowa 1993; 1997; 2005a; 2005b; 2005c; Бломбергова 1999), предпочитали сотрудничать с Московским археологическим обществом (Бломбергова 1986; Blombergowa 1988; ср.: Róziewicz 1984), которое считали более демократичным. Впрочем, контакты с ИАК, например, для Г. Оссовского и Ю. Талько-Грынцевича были неизбежны, поскольку этого требовало правовое поле империи (Blombergowa 1989; 2001; 2003; Эйльбарт 2003; ср.: Staszel, Wójcik 2010; Supady 2012).

В трудах польских коллег по истории архитектуры и реставрации подчеркивалось, что ИАК на территории Царства Польского провела лишь несколько реставрационных мероприятий, интересуясь главным образом памятниками культуры византийского круга и обращая меньше внимания на исторические здания, относящиеся к культуре западноевропейской (Dettloff 2010a: 127–128). Лишь участие Комиссии в сохранении замка в Черске получило в историографии позитивную оценку (Jamski 2010). Сегодня продолжается дискуссия о характере трудов ИАК в 1902–1914 гг. по консервации фресок 1407–1418 гг. в костеле Святой Троицы Люблинского замка (Bilewicz 1999; Белковская 2015). Эти труды некогда были оценены как поспешная расчистка живописи на большой площади без надлежащего старания и необходимого применения реставрационных методов (Różycka-Bryzek 2000: 18). В последнее

время в польской науке появились статьи и монографии, посвященные оценке деятельности Комиссии в Российской империи в целом (Szczerba 2010), однако ее роль в охране археологических памятников на землях бывшей Речи Посполитой практически не затрагивалась (Szczerba 2012a).

В позднем СССР, а затем в России продолжали появляться труды, воспроизводившие штампы и ярлыки столетней давности, «приклеенные» ИАК в ходе ее полемики с МАО. Так, например, в монографии Г. И. Вздорнова, посвященной истории открытия и изучения древнерусской живописи, сюжеты, связанные с Археологической комиссией, освещались именно с этих позиций (Вздорнов 1986: 157–163). Современные исследования не оставляют сомнений в ошибочности подобной трактовки (Рославский 2004: 172–200; Платонова 2015a).

Стоит упомянуть коллективный труд, посвященный истории архитектурной реставрации в России, где значительное место уделено именно деятельности ИАК и ее месту в системе сохранения монументальных памятников прошлого (Памятники архитектуры... 2002). Основное внимание в нем занимает становление теории и идеологии реставрации, а не ее методика и специфика конкретных технологических решений. Эта книга весьма содержательна; она отразила заметную эволюцию представлений отечественных архитекторов и историков о роли ИАК в деле охраны и реставрации монументальных древностей, по сравнению с советским периодом. Однако «трудная судьба» публикации, пролежавшей в издательстве более десятка лет, все же не может служить извинением недостатков подготовки и редакционного оформления тома. К сожалению, авторы лишь изредка привлекали информацию из архивных дел фонда Комиссии, довольствуясь отчетами о реставрационных заседаниях, опубликованными в «Известиях ИАК». Графика и фотоматериалы Комиссии представлены в этом, несомненно, солидном издании без ссылок на шифры архивного хранения. В свою очередь, ссылки на дела фонда ИАК, составляющего важнейшую часть Рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН, даны некорректно: в них отсутствует год начала оформления документации — неотъемлемая часть шифра, которая в существующей системе заменяет номер описи. Поэтому найти по ссылке конкретное дело попросту невозможно. Впрочем, буквально накануне этого издания его авторы утверждали, что Комиссия занималась преимущественно раскопками и изучением античных, скифских и др. языческих древностей в Причерноморье, хотя после 1889 г. и начала заниматься охраной памятников церковной старины, якобы пользуясь здесь поддержкой Святейшего Синода (Щенков 2001).

Нельзя не упомянуть и ряд поверхностных публикаций, освещающих историю ИАК с многочисленными ошибками (Хартанович 2004; 2006: 109–127; рец. см.: Тихонов 2007a) или вообще ставящих под сомнение некоторые стороны и результаты ее деятельности (Медведь 2002). Свое место среди них занимает тезисная публикация, в которой без использования источников автор делает вывод о вреде, который деятельность Комиссии якобы нанесла изучению археологии Боспора и его памятникам (Баукова 2006). Продолжается тиражирование легковесного мнения о том, что в 60–70-е гг. XIX в. деятельность ИАК

«была направлена на изучение преимущественно классических древностей (Николаева 2008: 266).

Новое, основанное на работе с архивными материалами, обращение к истории ИАК произошло лишь в первые десятилетия XXI века. В результате появилось полноценное и в меру объективное исследование истории и деятельности ИАК, посвященное 150-летию ее создания (Императорская археологическая комиссия... 2009; см. рец.: Смирнов 2014).

Юбилей стал, несомненно, важным стимулом в архивных поисках и размышлениях, однако главным для творческого коллектива была возможность диалога с историей (Васильева 2000; Носов 2003; Длужневская 2006a; Тихонов 2006; 2008a; 2008b; 2009a; 2009c; 2012; Мусин 2007a; 2007b; ср.: Смирнов 2011a: 80–92; 2013).

Важным направлением поиска стало осмысление роли Археологической комиссии в деле охраны древностей (Лапшин 2002; Медведева 2007b; Медникова 1995; Медведева 2004; 2005; 2007a; 2017a-b; Медведева, Мусин, Александрович 2017; Платонова 2015a; 2015b; Мусин 2006; 2010).

Вопросы формирования этого фонда, в частности, коллекций фотографий и негативов Комиссии, ставших основой Фотографического отдела Научного архива ИИМК РАН, а также деятельность фотографов ИАК стали предметом исследований Г.В. Длужневской и М.В. Медведевой (Длужневская 2006b; 2007a; 2011; 2014; Медведева 2015b).

Из печати вышли многочисленные очерки, посвященные личной и творческой биографии председателей и сотрудников ИАК: С.Г. Строганова (Гурулева 2005; Платонова 2009a; 2010c); А.А. Бобринского (Бобринский 2003; Тихонов 2003b; Смирнов 2015); В.Г. Тизенгаузена (Тихонов 2007b; Musin 2018); В.Г. Дружинина (Гайдуков 2010); А.А. Спицына (Тихонов 2003c; 2008c; Платонова 2004; 2009b; 2010a: 99–112); П.П. Покрышкина (Платонова 2015a; 2017); Д.В. Милеева (Ёлшин, Мелюх, Ходаковский 2015). Изучение научной биографии Д.В. Милеева производилось в тесной связи с анализом тех методических новаций, которые были привнесены им в практику исследований городского культурного слоя в ходе раскопок ИАК в Киеве в 1908–1914 гг. (Ёлшин 2007; 2008). Тогда же, в начале 2000-х гг., в связи с передачей дворца графов Бобринских на Галерной улице Санкт-Петербургскому университету, Г.С. Лебедев выступил с концепцией проекта «Археология России и вклад А.А. Бобринского в развитие российской археологической науки» (Михайлова 2017).

Наконец, существует большое количество исследований, в которых деятельность ИАК проанализирована в связи с одним избранным регионом или группой археологических памятников (археологической культурой, эпохой и пр.). Такие работы существуют в различных форматах — от монографического и диссертационного до формата небольшой заметки. Серия таких работ была опубликована членами авторского коллектива в ходе подготовки первого издания настоящего труда (Васильев 2008; Длужневская 2008; Ёлшин 2008; Мусин 2007c; Стеганцева 2008; История и практика археологических исследований 2008).

Интерес к истории российской археологии в то время захватил не только авторов, писавших историю ИАК. Желание найти опору в прошлом становилось всеобщим для коллег-археологов.

Это был знак времени, второе пришествие «рефлектирующей археологии», согласно терминологической находке Г. С. Лебедева, вновь характеризующее кризис российского общества, сложные отношения между наукой и властью. Над историей, теорией и практикой полевых исследований в России и ролью политической власти в сложении археологии как науки одновременно трудились коллеги и друзья из Института археологии в Москве (Сорокина 2008; 2009; Смирнов 2011a).

Не будет преувеличением сказать, что появление этих трудов завершило формирование московской школы истории археологической науки. Ее начало стоит отнести к индивидуальным поискам А. А. Формозова (1986; 1990; ср.: Формозов 2004a; 2004b; 2005; 2011; дискуссию см.: Хорошкевич 2004; 2011; РА. №3. 2006: 165–181) и коллективным трудам отдела теории и методики Института археологии, получившим форму «Очерков истории отечественной археологии» (Очерки истории отечественной археологии 1991; 1998; 2002). Это произошло почти одновременно с появлением одного из первых концептуальных описаний истории российской археологии (Лебедев 1992), что вновь указывает на стадиальные совпадения в развитии региональных школ археологии.

Новый этап в истории московской школы начался во второй половине 2000-х — первой половине 2010-х гг. Капитальный труд И. А. Сорокиной, посвященный складыванию государственного подхода к археологии и формированию норм современной регламентации археологических исследований, не только выявил основные этапы и события становления этих научно-общественных феноменов, но и подчеркнул роль ИАК в этом процессе. В результате автор приходит к важнейшему выводу о том, что основы современных принципов исследования памятников археологии в России закладывались уже с середины XIX в., а не только в советское время, как было принято думать раньше. Соответственно, сложение системы государственного учета и контроля в области полевой археологии уже связано с деятельностью ИАК 1860–1880-х гг. (Сорокина 2008: 27, 36).

Сейчас уже вполне очевидно: именно ИАК в конечном счете создала систему регламентации полевых археологических исследований, принятую в основе своей до сих пор. Основной вклад Императорской археологической комиссии в процесс становления полевой археологии в России видится в осознании необходимости централизованной регламентации и последовательной борьбе за ее учреждение и внедрение. Необходимость и жизнеспособность такого порядка подтверждены тем, что он не только не был уничтожен с приходом новой власти в России, подобно многим явлениям предыдущей эпохи, но постоянно совершенствовался и укреплялся. Это во многом способствовало сохранению археологического наследия, поскольку с самого начала помимо административного аспекта регламентация предполагала и научный: защиту памятников от неквалифицированных раскопок, максимально полное сохранение археологической информации в научных отчетах (Сорокина 2009; Смирнов 2011b; ср.: Сорокина 2018b).

Именно членами Комиссии, «твердо стоявшими на позициях верховенства государственного начала в области полевой археологической деятельности и использования археологического

наследия страны», была сформулирована «парадигма государственной ответственности за сохранение древних памятников...» (Смирнов 2011a: 90; ср.: Смирнов 2011b). Именно Комиссия предложила ряд мер по контролю над соблюдением установленных норм в этой области, в связи с допуском специалистов к полевым работам. Методические рекомендации, разработанные ею в конце XIX в., с некоторыми изменениями просуществовали в России до последнего времени. Это в большой степени способствовало сохранению отечественного археологического наследия (Сорокина 2008: 28, 39; 2009).

В 2012 г. в Санкт-Петербурге и Москве почти одновременно были защищены две докторских диссертации, посвященные институциональной истории российской археологии (Смирнов 2013; Тихонов 2012). Хотя история ИАК не являлась в них основным предметом исследования, однако в обоих случаях ей были посвящены обширные разделы. Защите диссертации А.С. Смирнова «Археологические организации и властные структуры Российской империи (в контексте внутренней и внешней политики второй половины XIX — начала XX века)» предшествовала публикация его обширной монографии «Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века)» (Смирнов 2011a; 2011b). Несмотря на разные названия, тексты книги и диссертации практически совпадают. В центре внимания автора все время остается проблема взаимоотношения науки и власти, науки и идеологии, науки и внутренней или внешней политики правительства. Истории самих институций уделено не так уж много места, но зато тщательно рассмотрены их внешние связи. И в этом плане объемный труд А.С. Смирнова является новаторским для изучения истории отечественной археологии (Кузьминых, Сорокин 2015). Отметим также более объективное освещение автором роли ИАК в развитии дела охраны памятников в России по сравнению с его предшествующей работой на эту тему, вызвавшей критические замечания (Смирнов 2006).

Параллельное обращение к прошлому вносило взаимные коррективы в построения исследователей. Труды московской школы истории археологической науки позволили проверить, насколько выводы авторов первого издания истории Императорской археологической комиссии были правдивы и правильны. Такие параллельные труды создавали стереоскопическое видение места Комиссии в истории России и отечественной археологической науки. Так, стало возможным уточнить значение ИАК в становлении и развитии археологии и охраны культурного наследия России второй половины XIX — начала XX в. Комиссия так не стала органом, объединяющим провинциальные структуры, что значительно снизило ее эффективность в области управления историческим наследием и вынуждало прибегать к помощи иных ведомств, в первую очередь МВД. Штат Комиссии был одним из наиболее скромных среди археологических институций России. Его не сравнить с человеческими возможностями археологических обществ, поэтому не стоит абсолютизировать достижения ИАК как в организационном, так и в научном плане. В итоге Комиссия не всегда могла сформулировать научные приоритеты, адекватные общественной и исследовательской ситуации, особенно при

оценке заявок на раскопки, поступавших не от членов ИАК. Это отразилось и на области регулирования авторского права на раскопки, которое, впрочем, еще только начинало формироваться (см.: Смирнов 2014).

Изменила ли каким-либо образом первая публикация истории Императорской археологической комиссии изучение истории российской археологии? Однозначно ответить на этот вопрос затруднительно. Уже отмечалось, что ее появление стало итогом саморефлексии в отечественной археологии, параллельно разворачивавшейся в разных научных центрах, влиявших друг на друга, но трудившихся в различных жанрах (о жанровости в истории археологии см.: Тихонов 2015).

Наверное, книга стала своего рода энциклопедией, изменившей систему поиска, обработки и осмысления информации по истории науки. Издание достаточно прочно вошло в научный аппарат большинства исследований по истории археологии в России, Украине и Беларуси. Важным стало то, что информация и наблюдения из книги оказались востребованы в региональных исследованиях. Так, роль ИАК в развитии науки и культуры российской провинции виделась в архивировании археологической информации, регламентации процедуры полевых и камеральных исследований, инициировании полевых исследований наиболее значимых археологических объектов в губерниях, научное консультирование местных деятелей, выборочное финансирование археологических экспедиций, контроль над сохранением памятников церковного зодчества (Захарова 2014; Давыдов 2012; 2013). Книга оказалась востребована в общих работах по истории сохранения культурного наследия в России и в учебных пособиях на ту же тему (Шаманаев 2017; Шаманаев, Зырянова 2018), в решении частных вопросов изучения и сохранения ключевых памятников, входивших в сферу интересов Комиссии (Шаманаев 2014; 2015a; 2015b; ср.: Хрушкова 2017; Калиновский 2017). Материалы книги нашли применение в международных проектах, посвященных истории христианской археологии (Personenlexikon zur Christlichen Archäologie 2012; ср.: Musin 2010; Krushkova 2011–2015).

Впрочем, некоторым исследователям, занимавшимся периодизацией сибирской археологии, взаимоотношениями археологии и общества в Оренбуржье, историей древностей и охраной памятников Кубани, Северного Кавказа и Херсонеса, наше издание осталось неизвестно (Медведев 2011; Шматько 2011; Кац 2014; Китова 2014; Евгеньев 2018), очевидно, в силу нелюбопытства авторов.

Говорят: post hoc ergo propter hoc. Но говорят, что и post hoc non propter hoc. Появление книги не привело к информационному взрыву, который бы изменил общую картину прошлого археологической науки. Однако самопознание археологической науки продолжается после появления книги не как ее следствие (ergo) и не вопреки ей (non). Оно — само по себе. Изучение истории науки продолжает развиваться по своим законам. В результате ИАК продолжает оставаться единственной институцией в России, удостоившейся столь солидного монографического исследования (ср.: Смирнов 2014: 619; но ср.: Николаев 2008).

Это не значит, что книга, в которой А.С. Смирнов призывал увидеть «побудительный пример» (Смирнов

2014: 631), не стала стимулом. Определенно продолжением «проекта ИАК» представляется серия очерков под одной обложкой, посвященная истории РАИМК / ГАИМК / ЛОИА / ИИМК в 1919–2014 гг. (Академическая археология на берегах Невы 2013). Увидел свет давно написанный труд С.А. Жебелева, посвященный истории РАО и снабженный высоконаучными современными комментариями (Жебелев 2017; ср.: Щавелев 2019). Опубликованы дневники В.А. Городцова (Городцов 2014; 2019; см.: Платонова 2017b). В декабре 2013 г. в Липецком государственном педагогическом университете прошла конференция, посвященная 125-летию первых археологических раскопок под эгидой Императорской археологической комиссии в Липецком крае. Активизировалось обсуждение истории науки на встречах в Институте археологии в Москве, в 2013 г. состоялся круглый стол, инициированный А.С. Смирновым, И.А. Сорокиной, С.В. Кузьминых и И.В. Тункиной, в 2015 и 2017 гг. проведены большие конференции по истории археологии, продолжилась серия «Очерков истории отечественной археологии», начатая А.А. Формозовым (Очерки истории отечественной археологии 2015).

Однако налицо парадокс. Появившиеся подробности истории ИАК не изменили в целом весьма статичные представления и устоявшиеся стереотипы о роли и значении Комиссии в истории восточноевропейской археологии. Об этом свидетельствуют капитальные труды по истории мировой и отечественной археологии, появившиеся в недавнее время. ИАК может признаваться головным учреждением археологической науки, главным археологическим органом, или рассматриваться лишь как зародыш центрального государственного учреждения, занимающегося сбором сведений о древностях, стимулированием их исследований и экспертизой. Никуда не делось убеждение, что Комиссия на первых порах проводила главным образом раскопки скифских курганов, пополняя Эрмитаж, в то время как МАО стимулировало раскопки более широкого круга памятников как по хронологии, так и по территории. Окончательно устоялось представление о полицентричности развития российской археологии, которая формировалась вокруг двух сосуществующих устоев — ИАК и МАО. Однако их конкуренция способствовала расколу в науке и оформлению двух региональных школ — петербургской, за которой стояли Эрмитаж, ИАК и государство и которая выступала за более профессиональный подход, предпочитая вещеведение, строгость методов и близость к материалу, и московской — с Историческим музеем, МАО, общественностью, отличавшейся расположенностью к любительству, широтой интересов и смелостью обобщающих выводов (Клейн 2011b: 4; 2014a: 48, 49, 53, 292–297, 372–89).

Очевидно, что у книг, как и у человека — своя судьба. Сосредоточенное в них знание должно раствориться в людском сознании и мыслях. Не будет преувеличением сказать, что это один из тех случаев, когда количество, т. е. тираж, переходит в качество. Но не только этим стоит объяснить второе издание книги, посвященной истории Императорской археологической комиссии. Это издание — не вынужденная мера, а результат продолжающегося диалога с прошлым, который стал потребностью для большинства авторов первой книги. Исправления в уже

опубликованном были необходимы, но дополнения и уточнения были продиктованы не столько необходимостью сделать второе издание «исправленным и дополненным», сколько продолжающимися размышлениями авторов над ролью истории археологии в современном понимании материальных остатков прошлого. За прошедшее десятилетие эти размышления воплотились в многочисленных монографиях и статьях, основное содержание которых вошло в новую книгу (см.: Вахтина 2016; 2017a; 2017b; 2018; Виноградов 2010; 2012; 2013; 2014a-d; 2015; 2017a-f; Виноградов, Медведева 2017; Длужневская 2011; 2014; Ёлшин, Мелюх, Ходаковский 2015; Медведева 2015a; 2015b; 2017a-c; Медведева, Мусин, Александрович 2017; Мусин 2010; 2018a; 2018b; 2018c; Платонова 2014; 2015a; 2015b; 2015c; 2017a; 2019; Musin 2010; 2017a-b; 2018; 2019). Это еще раз подтверждает, что археология, как и история, связана не с событием, а с процессом, на сей раз творческим.

II

Создание Императорской археологической комиссии в 1859 г. ознаменовало собой завершение длительного процесса организации системы государственного покровительства только начинающей свое становление археологии. Сведения о памятниках археологии (курганах, городищах, кладах, каменных изваяниях и т. д.) встречаются уже в древнерусских летописях, которые писались при монастырях или княжеских дворах. Там же возникали и первые сокровищницы, в которые попадали самыми разными путями старинные вещи. В документах начала XVI в. впервые упоминается Оружейная палата как наиболее раннее отечественное собрание вещественных древностей, выросшее из сокровищницы московских князей (Успенский 1902). В позднее средневековье широко распространяются представления о том, что в земле сокрыто много ценного. Целый пласт русского фольклора посвящен кладам и способам их добычи, с XVII в. этими «сыскными делами» начинают интересоваться и государственные органы (Низовский 2001; Бердинских 2005). Однако по мнению известного историка XIX в. К.Н. Бестужева-Рюмина, средневековая Русь «не занималась собиранием древностей как древностей: она хранила старые вещи или как святыни в ризницах, или как драгоценность в царских казнохранилищах; если и обращали внимание на какие-нибудь находки, то с практической целью» (Смолин 1917: 122).

Тем не менее именно в XVII в. появляются первые признаки внимания со стороны правительства к вещественным памятникам старины. В грамоте времен царя Алексея Михайловича (1670) говорилось о том, что в Тобольском уезде «русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи и посуду, чего ради велено взять известия: откуда те татары в прежние лета такое золото и серебро получали, или из которого государства оное к ним привезено было» (цит. по: Смолин 1917: 123). К 1679 г. относится эпизод с обнаружением в окрестностях Воронежа костей «волота», о чем воронежский воевода сообщал в Москву. В ответ от имени царя Федора Алексеевича была направлена

Петр Великий (1672–1725), император Российский (ФО. Отп. Q 223-1)

грамота, предписывавшая кости тщательно раскопать и «сделать всему роспись и чертеж».

Осознанный, постепенно возрастающий интерес российских правителей к вещественным древностям начинается только с эпохи Петра I (см.: Тункина 2002а; 2013а). Ко времени его правления и можно отнести преконцептуальные истоки отечественной археологии. Ряд указов и распоряжений великого реформатора положил начало целенаправленным поискам, коллекционированию и описанию древних вещей и памятников в России. Указ от 13 февраля 1718 г., посвященный в основном «монстрам», в то же время гласил: «...Ежели кто найдет в земле или воде какие старые вещи... также какие старые подписи на каменьях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, також бы приносили, за что давана будет довольная дача, смотря по вещи, понеже не видав, положить нельзя цены...» (ПСЗРИ. Т. 5. 1830: 541–542, № 3159; см. также: Охрана памятников 1978: 21). Еще раннее, в 1714 г., была создана Кунсткамера — первый российский музей, куда и стали поступать подобные находки. В 1715 г. уральский промышленник А.Н. Демидов преподнес по случаю рождения наследника престола цесаревича Петра Петровича коллекцию «бугровых сибирских вещей». Эти находки заинтересовали царя, и он отдал распоряжение сибирскому генерал-губернатору о розыске подобных вещей для Кунсткамеры. В январе 1716 г. губернатор М.П. Гагарин, выполняя это распоряжение, прислал десять золотых вещей, а в декабре того же года 122 предмета, которые составили основу знаменитой сибирской коллекции Петра I (Завитухина 1977; Королькова 2003а; см. также об эпохе: Клейн 2011а: 257; Клейн 2014а: 34–41; Формозов 2018: 26–36). В 1721 г. последовал указ сибирскому губернатору А.М. Черкасскому о запрещении переплавлять найденные в могилах старинные золотые вещи и о присылке их в Берг-коллегию для доклада царю.

По личной инициативе царя в Сибирь была направлена научная экспедиция под руководством Д.Г. Мессершмидта, в задачи которой в том числе входили и сбор сведений о памятниках старины, и сбор древних вещей (Тункина, Савинов 2017). Эта экспедиция провела одни из первых раскопок курганов с научными целями на территории Российской империи. В 1733 г. в Сибирь отправилась Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга Петербургской Академии наук, в академический отряд которой входили натуралист И.Г. Гмелин и историк Г.Ф. Миллер, продолжившие раскопки курганов, описание и сбор

сведений о других памятниках древности и составившие первую инструкцию для археологических исследований. В 1764 г. из-под пера Г.Ф. Миллера вышла первая научная публикация на русском языке об археологических памятниках (Элерт 1990; Тункина 2006a; Tunkina 2007; Тихонов 2007c). В 1768 — начале 1780-х гг. были предприняты новые экспедиции в Сибирь и Поволжье, на Урал, но с последней четверти XVIII в. внимание переключилось на остатки античной культуры в Северном Причерноморье. Начинаются раскопки курганов и некрополей в окрестностях Керчи, на Тамани, в местах других древнегреческих поселений северного побережья Черного моря. В 1803 г. возникает первый кабинет редкостей в Николаеве при Черноморском депо карт, в 1811 г. открывается городской музей древностей в Феодосии (Тункина 2002a: 190–202; 2011).

В 1818 г. император Александр I посетил Керчь, где ему были показаны раскопки на горе Митридат, открытые склепы и гробницы, а также коллекции, собранные Полем Дюбрюксом (Дюбрюкс 2010). Известно, что 1810-х — начале 1830-х гг. П. Дюбрюкс частично на средства А.Ф. Ланжерона, частично на личные средства государственного канцлера гр. Н.П. Румянцева предпринял раскопки и разведки в Восточном Крыму и на Таманском полуострове (Тункина 2010a; 2010c). Еще ранее, в 1804 г., император выделил 2000 руб. из средств своего Кабинета на поездку в Северное Причерноморье хранителя I Отделения Эрмитажа академика Е.Е. Келера. Чуть позже, в 1822 г., по результатам новой экспедиции Е.Е. Келера в Крым, предпринятой на средства Академии наук, последовало специальное распоряжение «О средствах к сохранению древних достопамятностей Тавриды» и выделено на эти нужды 10 тысяч руб. Это был первый в России случай выделения значительных государственных средств на охрану и исследование древних памятников (Тункина 2002a: 67; 2013b).

В 1823 г. И.А. Стемпковский представляет новороссийскому генерал-губернатору графу М.С. Воронцову записку «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае», где предлагается широкая государственная программа по изучению и сохранению археологических памятников на юге России, вскоре частично реализованная (Тункина 2000a; 2002a: 120–139). В 1825 г. М.С. Воронцов сообщал министру народного просвещения о том, что докладывал императору «об учреждении систематического и основанного на известных правилах вскрытия и обозрения курганов, развалин или других мест, где могут быть найдены всякого рода древности». По итогам этого доклада в 1825 г. был основан Музей древностей в Одессе и в следующем, 1826 г. — музей в Керчи, их директором стал И.П. Бларамберг, который с 1810-х гг. по собственной инициативе и за свои средства вел раскопки Ольвии, а во второй половине 1820-х гг. по поручению и на средства, выделенные генерал-губернатором Новороссии М.С. Воронцовым, — раскопки близ Керчи и в Неаполе Скифском (1827). Тогда он был назначен специальным чиновником при новороссийском генерал-губернаторе с годовым жалованием в 3000 руб., которому поручалось «отыскание такого рода древностей, раскапывание курганов, в которых они заключаются, собирание их в музеи и надзор за сими последними» (Охрана памятников 1978: 38; Тункина 2002a: 108–118).

Николай I, император Российский (1825–1855). Фотография с миниатюры Рокштуля. 1850 г. (ФО. Отп. Q 243-62)

Определенное внимание вопросам охраны и изучения древних памятников истории и культуры стало уделяться правительством императора Николая I со второй четверти XIX в. В 1826 г. последовал циркуляр всем губернаторам с требованием о доставлении сведений о древних памятниках архитектуры и воспрещении разрушать их. В 1830 г. императору были представлены великолепные находки скифских вещей, случайно открытых в кургане Куль-Оба близ Керчи. Эти сокровища, равных которым не было ни в одном из европейских музеев, настолько заинтересовали царя, что он повелел продолжать раскопки и выделил на их проведение ежегодные денежные средства. С 1831 г. систематические раскопки погребальных памятников на Керченском и Таманском полуостровах производились чиновником керченского градоначальства Д. В. Карейшей на средства Кабинета его императорского величества, а с 1833 г. на средства Новороссийского края исследования параллельно проводил новый директор Керченского музея А. Б. Ашик (Тункина 2002a: 158–160, 180–182 и др.; 2010b).

С 1835 г. Керченский музей ежегодно получал «от казны» 5000 руб., для него строится специальное здание на горе Митридат. Все наиболее интересные находки из этих раскопок поступают в Эрмитаж, и в 1854 г. на средства, выделенные императором из сумм своего Кабинета (почти 30 000 руб.), было осуществлено роскошное трехтомное издание «Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа» (Жиль 1854). Стоит упомянуть и о первых попытках раскопок христианских храмов в Херсонесе, предпринятых Карлом Крузе в 1827 г. (Тункина 2001; 2002a: 511–516).

Необходимо упомянуть и о трудах Петра Ивановича Кеппена, который еще в 1817 г. снял план древнего поселения в Ольвии, а в 1830-е гг. изучал топографию и топонимику южного берега Крыма, издав свой знаменитый «Крымский сборник» (Кеппен 1837; 2016; Тункина 2002a: 90–96).

Происходило и организационное оформление науки о древностях и интереса к ним. В 1839 г. в Одессе начинает действовать Одесское общество истории и древностей, которому правительство оказывает финансовую поддержку. Его трудами были созданы первые документы методического характера, непосредственно касающиеся полевой археологии, — «Правила, которые надлежит соблюдать при разрытии курганов и вскрытии в них древностей»

и «Наставление, как надлежит приступать при открытии древностей» (Тункина 2002а: 634–638).

В 1846 г. в Петербурге учреждено Археолого-нумизматическое общество, переименованное в 1866 г. в Русское археологическое общество (Тункина 2017а). В 1851 г. году трудами его члена И.П. Сахарова составлена «Записка для обозрения русских древностей» (Сахаров 1851). По ходатайству министра народного просвещения графа С.С. Уварова Общество с 1847 г. стало получать ежегодное пособие от казны в 3000 руб. (Веселовский 1900: 50–53, 361). Таковы были археологические силы и достижения России к моменту создания ИАК.

III

Несмотря на уже совершенное в деле изучения древностей, стоит подчеркнуть, что до начала 1850-х гг. какая-либо координация правительственных действий в области археологии отсутствовала, здесь пересекались и часто сталкивались интересы различных центральных и местных ведомств: Министерств внутренних дел и императорского двора, Кабинета его императорского величества, канцелярий генерал-губернатора Новороссийского края М.С. Воронцова и керченского градоначальства. Установить свой контроль над всеми южнорусскими музеями пыталось и Одесское общество истории и древностей. Между тем еще в 1831 г. у президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина возникала мысль о создании правительственного органа, который ведал бы всеми делами, относящимися к археологии (АВ ИВР РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 11. Л. 3). Продолжал А.Н. Оленин разрабатывать этот проект и в 1835 г., предлагая названия для нового органа: «Археологическая комиссия», «Попечительский комитет» или «Главное управление изыскания древностей». Этот новый орган должен был заняться разведкой и раскопкой древностей в Крыму и на Кавказе, систематизацией и описанием памятников, их изданием, выработкой инструкций, сосредоточением в своих руках всех средств, выделяемых на раскопки, налаживанием руководства и контроля над работой исполнителей на местах. Все эти мысли были изложены в письме к министру императорского двора князю П.М. Волконскому, однако по финансовым соображениям проект остался нереализованным (Тункина 2002а: 189).

В 1830–1840-е гг. функции контроля за сохранением памятников древности исполняло Министерство внутренних дел, туда же поступала информация об археологических находках. Императорский указ от 3 июня 1837 г. предписывал обо всех находимых древностях немедленно сообщать МВД с «надлежащею точностью и подробностью» (Галай 2004: 133). На страницах журнала МВД только за десятилетие 1830-х гг. было опубликовано почти полсотни археологических публикаций (Формозов 1995а: 30). 21 августа 1839 г. положением Комитета министров был окончательно утвержден устав Керченского музея. Одновременно МВД предпринимались меры для каталогизации памятников отечественной старины (Глаголев 1838; 1840). Соответственно этому положению дел руководство археологическими изысканиями сосредоточилось в руках министра внутренних дел

ОЛЕНИН Алексей Николаевич (28.11.1763 — 17.04.1843) — государственный деятель, историк, писатель, археолог, коллекционер. Образование получил в Страсбургском университете. Участвовал в шведской кампании 1789–1790-х гг. и в действиях против польских конфедератов в 1792 г. При Павле I был обер-прокурором Сената и директором школы титулярных юнкеров, учрежденной для образования юристов. В 1803 г. назначен товарищем министра уделов, в 1811 г. — директором Императорской Публичной библиотеки, в 1817 г. — президентом Императорской Академии художеств. Член Государственного совета с 1827 г. Почетный член Императорской Академии наук (1809).

Принимал участие в составлении славяно-русского словаря. Автор одного из первых сочинений по русской палеографии, исследователь древнерусских и античных памятников. Инициатор издания «Древности Российского государства». Объединял вокруг себя группу любителей и знатоков древностей. В 1835 г. предлагал создать общегосударственный центр археологии — Археологическую комиссию.

Осн. соч.: Очерк нового библиографического порядка для Императорской публичной библиотеки. СПб., 1809; Краткое историческое сведение о состоянии Императорской академии художеств в 1764–1824 годы. СПб., 1829.

Лит. о нем: *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин: Опыт научной биографии. СПб., 2006; *Клейн Л. С.* Сановный археолог: А. Н. Оленин // Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 233–260.

(Ил.: Гравюра Н. И. Уткина по рисунку Ф. Крюгера, 1836 г.)

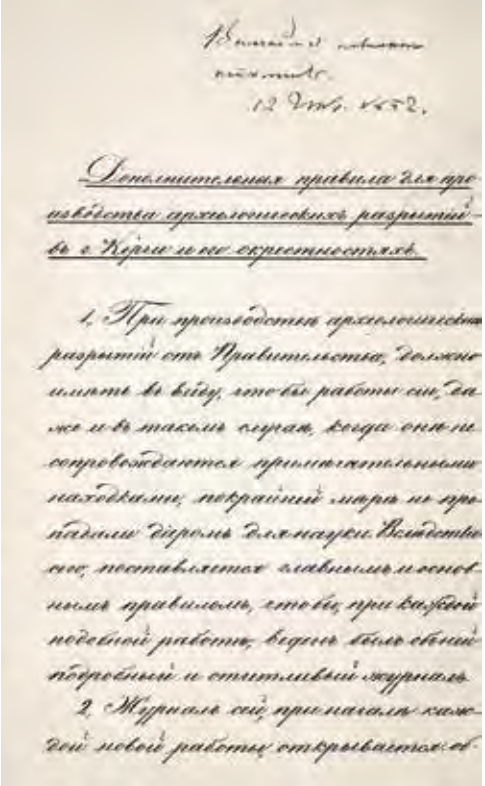
в 1841–1852 гг. графа Льва Алексеевича Перовского (1792–1856), который был известным коллекционером и любителем древностей.

В 1843 г. министр, по предложению саратовского губернатора, начал раскопки в Нижнем Поволжье на месте столицы Золотой Орды города Сарая-Берке, которые до 1851 г. осуществлял чиновник его министерства действительный статский советник Александр Власьевич Терещенко (1806–1865) (Рудаков 2000; Игарев 2015: 16–17). В течение 9 лет эти работы проводились на средства Министерства внутренних дел, а собранные коллекции поступали в Императорский Эрмитаж. В 1851 г. Л. А. Перовский поручил раскопки владимирских курганов ориенталисту П. С. Савельеву и своему племяннику графу А. С. Уварову. Последний даже отказался от карьеры дипломата в ведомстве Министерства иностранных дел и специально перешел на службу в Министерство внутренних дел, чтобы полностью посвятить себя археологии.

ПЕРОВСКИЙ Лев Алексеевич (9.09.1792 — 10.11.1856) — государственный деятель, действ. статский советник, граф. Внебрачный сын графа А.К. Разумовского. Окончив курс в Московском университете, служил колонновожатым в свите его величества, во время войны 1812 г. был ранен; перейдя на гражданскую службу, был членом, потом вице-президентом Департамента уделов, товарищем министра уделов. Член Союза спасения и Союза благоденствия, гофмаршал и сенатор. В 1841 г. назначен министром внутренних дел с сохранением должности товарища министра уделов. В 1852 г. был назначен министром уделов и управляющим Кабинетом его величества с подчинением ему Академии художеств, московских Дворцового архитектурного училища и Художественного училища и Ботанического сада. С 1855 г. генерал от инфантерии, с 1856 г. генерал-адъютант. Ему принадлежит ряд преобразований в управлении и устройстве удельных крестьян. В 1840-е гг. создал Управление (Комиссию) для исследования древностей, положив начало государственной организации археологии в России. Петербургский знакомый А.С. Пушкина.

(Ил.: Копия Ф. Иентцена с оригинала Ф. Крюгера. Берлин. Середина XIX в. (ГЭ. № ЭРГ-8296))

Л.А. Перовский пытался создать в рамках Министерства внутренних дел и некий орган в виде Комиссии для изыскания или исследования древностей, но до придания ему официального статуса тогда дело так и не дошло. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие устоявшегося названия данного подразделения, иногда именовавшегося «Управлением археологическими разысканиями» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 2. Л. 4). Тем не менее группой сотрудников Л.А. Перовского была разработана программа систематических раскопок на юге России, проводимых на правительственные средства. Сам Л.А. Перовский 27 октября 1851 г. представил императору доклад «О проводимых близ Керчи археологических разысканиях», в котором обращал внимание на то, что эти работы ведутся без всякого плана, связи и единства, отрывочно и наугад. В итоге императором были утверждены «Общие правила для предъявления правительству древних вещей, находимых в Керченском градоначальстве и его окрестностях», регламентирующие порядок и процедуру выплат находчикам. Тогда же Л.А. Перовским были разработаны и специальные «Дополнительные правила для производства археологических разрытий в г. Керчи и его окрестностях», Высочайше утвержденные 12 января 1852 г. Этот документ, по существу являвшийся первой правительственной инструкцией по проведению раскопок, требовал неукоснительного ведения специального журнала,



«Дополнительные правила производства археологических разрытий в г. Керчи и его окрестностях», утвержденные 12 января 1852 г. (РО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 179. Л. 16)

в который бы заносились все сведения о производимых работах и присутствии на раскопках чиновников, «занимающихся собственно археологической частью». Правила также предписывали доводить раскопки до конца, даже если они не сулили значительных находок, делать рисунки на месте, описывать отношение предметов друг к другу (РО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 179. Л. 16–19; ср.: Тункина 2002а: 253, 636, 638).

В мае 1852 г. Л. А. Перовский отправился на юг России с инспекционной поездкой. Объезжая Крым и Тамань, министр предписал местной администрации усилить контроль за охраной древностей и добился увеличения ассигнований на раскопки на 1000 руб. Близ станицы Сенной — «в центре всех раскопок на Таманском полуострове» — был выстроен специальный дом — своего рода «археологическая база» (Марти 1926: 21; Тункина 2002а: 303). По инициативе Перовского в Крыму и Причерноморье начались новые исследования. Еще в конце 1840-х гг. А. С. Уваров совершил сюда «ученое путешествие», осмотрел некоторые памятники и сделал планы ряда городищ, а в 1853 г. попробовал себя в качестве исследователя епископской базилики, впоследствии ставшей «Уваровской» (Тункина 1996). В 1852 г. А. А. Сибирский, будучи отправлен Л. А. Перовским на поиски местоположения древней Феодосии в Крыму, провел археологическое исследование нескольких курганных насыпей близ города (Тункина 2011: 65–67).

Тогда же, в августе 1852 г., Л. А. Перовский стал главой новообразованного Министерства уделов и управляющим Кабинетом его императорского величества. Упомянутые выше подготовительные мероприятия привели к тому, что в императорском указе об этом назначении значилось: «министру внутренних дел, действительному статскому советнику графу Перовскому... повелеваем быть министром уделов и управляющим Кабинетом нашим, подчинив главному его начальству... все археологические в России розыскания» (ПСЗРИ. Т. 30. Отд. 1. 1856: 4, № 26650).

В развитие этого указа 28 июня 1853 г. последовало Высочайшее повеление о том, чтобы «керченский музеум, археологическую в Риме комиссию и все археологические работы считать при Кабинете» (200-летие Кабинета 1911: 422), которое, по сути дела, подтверждало предшествующий

указ (ПСЗРИ. Т. 28. Отд. 1. 1854: 322, № 27389). В результате одиннадцать «чиновников по археологической части, состоявшие на сверхштатных должностях при МВД или Кабинете, были все причислены к Кабинету его императорского величества» (РО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 28). Такое подчинение археологии Кабинету подтверждалось и в 1855 г. (ПСЗРИ. Т. 30. Доп. 1856: 4), а в 1856 г. в документах появляется новое название уже существовавшего подразделения — «Комиссия разыскания древностей» (ПСЗРИ. Т. 31. Отд. 1. 1857: 1021–1022, № 31166), которая, будучи подразделением Кабинета, формально находилась в составе Министерства императорского двора, однако только в конце 1856 г., уже после смерти А. Л. Перовского, она официально и окончательно вошла в состав министерства.

А. С. Уваров, перейдя в штат Кабинета, получил звание камер-юнкера. Сформированный таким образом коллектив «археологов» приступил к реализации намеченной программы. Помимо продолжения раскопок древнерусских курганов во Владимирской губернии, осуществлявшихся А. С. Уваровым и П. С. Савельевым, были начаты раскопки скифского Александропольского кургана, порученные первоначально А. В. Терещенко, а затем П. С. Савельеву и А. Е. Люценко. В том же 1853 г. Л. А. Перовский поручил А. С. Уварову провести археологические исследования в Ольвии, Херсонесе и Неаполе Скифском, а князю А. А. Сибирскому — в Феодосии. К этим работам был привлечен и московский профессор П. М. Леонтьев, проводивший исследования в Нижнем Подонье. Всего в 1853 г. была выделена довольно крупная сумма в 56 051 руб. на раскопки в различных губерниях, приобретение древностей, издания и содержание Керченского музея, который тоже перешел в ведение графа Перовского, а его новый директор А. Е. Люценко был причислен к Кабинету его императорского величества.

По результатам раскопок 1853 г. было издано специальное «Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г.» (СПб., 1855) — роскошная книга в тисненом золотом переплете с крупным и редким шрифтом, богато и качественно иллюстрированная. Она состояла из трех разделов. В первом приводились сведения о случайных археологических находках по губерниям, в основном о монетных или вещественных кладах. Примерно с одинаковой степенью информативности перечислялись: огромный клад, состоящий из более 14 000 золотоордынских серебряных монет XIV в., найденный в Екатеринославской губернии близ села Воскресенка, и находка в Киеве медной византийской монеты (без указания времени) или клад серебряных копеек времени Петра I, не представляющий никакой исторической ценности. Второй раздел содержал сведения о древностях, приобретенных покупкою в Турции, Египте, Крыму. Оба эти раздела представляли собой скорее чиновничий отчет, чем аналитическое описание предметов. Основная — третья часть, именуемая «Местности, на которых проводились археологические розыскания», имела более научный характер, так как содержала описание раскопок и найденных вещей. Например, при описании исследований владимирских курганов, проведенных П. С. Савельевым, приводились рисунки таких столь типичных для этих памятников находок, как наконечники копий и стрел, фибулы, шумящие

подвески, височные кольца, шейные гривны, перстни и т. д. Уже в этом издании были выработаны форма и стиль подачи материала, которых в дальнейшем стала придерживаться ИАК в своих «Отчетах».

Все вышесказанное позволяет с определенной долей условности считать 1852 г. началом нового этапа в сложении практики планомерных раскопок на территории Российской империи. Проводимые на государственные средства, они стали приобретать систематический и целенаправленный характер, связанный с изучением различных регионов и исторических периодов Восточной Европы, выйдя за культурно-хронологические рамки античных древностей, навязанные обществу эстетикой классицизма. Однако дальнейшему развертыванию деятельности комиссии Л. А. Перовского помешала начавшаяся война с Турцией, переросшая в войну с Англией и Францией и приведшая к переносу военных действий на юг России.

IV

В 1856 г. граф Л. А. Перовский умер, а вслед за этим последовала новая министерская реформа. Дабы продолжить начатое им дело государственного контроля за раскопками, 24 ноября 1856 г. последовал указ Александра II министру императорского двора графу В. Ф. Адлербергу: «Заведование археологическими разысканиями, поступившими ныне в состав Министерства императорского двора, возлагаем на члена Государственного совета, генерал-адъютанта, генерала от кавалерии графа Строганова 1-го под ведением вашим» (РО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 2). В 1857 г. все дела об археологических разысканиях из канцелярии министра уделов и Кабинета были переданы С. Г. Строганову, под его же начало должны были перейти и лица, служащие по этой части в Кабинете, Керченском музее и Римской археологической комиссии. Последняя была некогда создана в составе Императорской академии художеств «для приискания древностей», в служебные обязанности которой входили также оказание содействия и руководство пенсионерами Академии, находящимися в Италии (Сборник 1866: 151).

Владимир Федорович Адлерберг (1790–1884), министр императорского двора в 1852–1870 гг. Копия П. Ф. Бореля с оригинальной фотографии А. Деньера (ГЭ. № ЭРГ-1502)

В ведение С. Г. Строганова также были переданы денежные суммы, отпускаемые ежегодно из Главного

казначейства на содержание Керченского музея и раскопки в Южной России — 4128 руб. и из Кабинета — 7500 руб. Большую часть средств, выделяемых Кабинетом, составляло жалование «чиновникам по археологической части» Савельеву и Медведеву 1700 руб., Терещенко и Пискареву 1500 руб., князю Сибирскому и графу Уварову 2400 руб., и только 2000 руб. на проведение раскопок (РО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 10, 17).

Поручение этого дела Сергею Григорьевичу Строганову не было случайностью, поскольку он являлся одним из крупнейших деятелей русского просвещения XIX в., пользовался широкой известностью как меценат, любитель искусств и археологии. Более 30 лет (с 1837 г.) он возглавлял Общество истории и древностей российских при Московском университете. Еще в 1825 г. он на свои средства основал в Москве бесплатную школу рисования, вошедшую в историю русского искусства под именем Строгановского училища.

Обладатель многочисленных коллекций, в первую очередь нумизматических, С.Г. Строганов в 1841 г. опубликовал небольшое исследование о кладах серебряных украшений, найденных во Владимире и Ярославской губернии, а в 1849 г. — монографию о Дмитриевском соборе во Владимире. В 1839–1853 гг. под его руководством было осуществлено шеститомное издание «Древностей Российского государства» — первая сводка неписьменных источников отечественной истории. Являясь с 1835 по 1847 г. попечителем Московского учебного округа, С.Г. Строганов много заботился о пополнении Московского университета молодыми талантливыми преподавателями. «Строгановская эпоха» в истории Московского университета ознаменовалась блестящими именами историков, филологов, искусствоведов: Т.Н. Грановского, О.М. Бодянского, Ф.И. Буслаева, С.М. Соловьева и др.

Все биографы С.Г. Строганова отмечали, что его блестящая карьера на посту московского попечителя оборвалась из-за конфликта и все более нарастающих разногласий с министром народного просвещения Сергеем Семеновичем Уваровым, отцом А.С. Уварова (Гурулева 2005: 164; Платонова 2009а; 2010с). Долгое время непосредственным поводом для отставки считалась одобренная Строгановым публикация в октябрьской книжке «Чтений в Обществе истории и древностей российских» за 1848 г. перевода сочинения английского дипломата и путешественника XVI в. Дж. Флетчера, содержавшая нелестные отзывы о Московском царстве. В мемуарах Ф.И. Буслаева эти два события — отставка С.Г. Строганова и скандал в связи с публикацией в ЧОИДР — ошибочно были совмещены и поставлены в прямую связь друг с другом (Буслаев 1897: 305–306). Вслед за мемуаристом, указанную ошибку повторили многие историки. На самом деле указанные события разделял почти год. В данном вопросе правильнее будет следовать за биографом С.Г. Строганова А. Гартвигом, который имел в своем распоряжении документы с точными датами.

В действительности дело обстояло так: в начале 1847 г. С.С. Уваров разослал попечителям проект нового университетского устава, где, в частности, предлагалось принимать выпускников гимназий в университет без экзаменов, уничтожить заодно и переводные сессии, предоставить выбор курсов на усмотрение желающим и т.п. С.Г. Строганов не согласился ни с одним

СТРОГАНОВ Сергей Григорьевич (8.11.1794 — 28.03.1882) — граф, государственный деятель, генерал-адъютант, член Государственного совета, сенатор, коллекционер, меценат, историк искусства, археолог. В 1811 г. закончил Институт корпуса инженеров путей сообщения. Поступил на военную службу. Участвовал в Отечественной войне 1812 г., отличившись в Бородинской битве, а также в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и Крымской войне 1853–1856 гг. В 1825 г. основал на свои средства в Москве бесплатную школу рисования (ныне МГХПУ им. С.Г. Строганова). С 1835 по 1847 г. попечитель Московского учебного округа. С 1837 по 1874 г. председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете. В 1849–1853 гг. руководил изданием шести томов «Древностей российского государства». В 1860 г. был приглашен ко двору в качестве воспитателя цесаревича Николая Александровича. Основатель и председатель Императорской археологической комиссии с 1859 по 1882 г.

Осн. соч.: Дмитровский собор во Владимире на Клязьме, строенный с 1194 по 1197 г. СПб., 1849; Русское искусство Е. Виолле ле Дюка и архитектура в России от X по XVIII вв. СПб., 1878.

Лит. о нем: *Гурулева В.В.* С.Г. Строганов — первый президент Императорской археологической комиссии // Хранитель. Исследователь. Учитель: к 85-летию В.М. Потина. СПб., 2005. С. 163–169; *Клейн Л.С.* Создатель археологического центра: С.Г. Строганов // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 281–296.

(Ил.: Портрет П.Ф. Бореля (ГЭ. № ЭРГ-1521))

из пунктов устава, найдя их «разрушительными» для университетов, и изложил свое особое мнение в письме к императору. Проект был провален. Ответный удар оскорбленного министра не заставил себя ждать.

Поводом послужили публичные выступления славянофилов. Незадолго до этого, в конце 1846 г., граф Строганов приостановил продажу книги (магистерской диссертации) К.С. Аксакова с резкими выпадами против Петра I и призвал к ответу совет факультета, разрешивший ее публикацию. Автору пришлось изъять и переработать некоторые страницы. Однако в марте 1847 г. защита все-таки состоялась и прошла успешно (Аксаков 1988: 341, 647). Тем не менее, с подачи С.С. Уварова, попечителя округа отныне обязали установить «наблюдение за славянофильской пропагандой». Реакция Строганова была вполне предсказуема: он счел это «выходящим из пределов ведомства» и приличным, скорее, III Отделению.

3 ноября 1847 г. было написано «всеподданнейшее письмо государю», в котором Сергей Григорьевич просил об отставке, указывая на свое «несогласие с графом Уваровым и невозможность оставаться безгласным исполнителем его направлений» (Гартвиг 1901: 96). Просьба была неожиданно удовлетворена. Все дальнейшее напоминало дурной фарс. Студенты решили поднести бывшему попечителю благодарственный адрес и вскладчину приобрели красивый альбом с тремя рисунками университетских зданий. Но, видимо, С.С. Уваров торопился выместить сопернику все прежние обиды. Поднесение альбома было запрещено. Император разрешил лишь передать его графу через нового попечителя Д.П. Голохвастова. Для внесения подписей в альбом студенты должны были являться на квартиру инспектора. Несмотря на все это, в альбоме расписались 182 человека.

Год спустя, осенью 1848 г., вспыхнул новый скандал, на сей раз, действительно, связанный с публикацией проф. О.М. Бодянским русского перевода «Записок» Дж. Флетчера о Московии. Министр в донесении государю тут же указал на «зловредность» распространения в публике сочинений, где русское правительство рисуется такими черными красками. Донос имел полный успех: в тот момент вся Европа полыхала революциями... О.М. Бодянского наказали переводом из Москвы в Казань, издания ОИДР подчинили общей цензуре, а С.Г. Строганову объявили от имени государя «строжайший выговор» через московского генерал-губернатора А.А. Закревского. В ответ он немедленно сложил с себя полномочия председателя Общества, а вот ученика своего О.М. Бодянского в конечном счете сумел защитить. Два года спустя, уже после ухода С.С. Уварова со своего поста, тот вернулся к преподаванию в Москве, а периодическая серия ОИДР — этого «духовного детища» С.Г. Строганова — возобновилась вновь под названием «Вестника» (Речи... 1893: 13; Гартвиг 1901: 97–98).

Разумеется, граф Сергей Григорьевич меньше всего годился на роль безответной жертвы. Он неплохо умел за себя постоять, и последний удар в поединке с Уваровым остался все-таки за ним. В бумагах Н.И. Веселовского, собиравшего в 1909 г. к пятидесятилетию Археологической комиссии сведения об ее истории и личности ее основателя, содержалось указание на то, что сам С.С. Уваров лишился министерского поста в 1849 г. именно вследствие доклада С.Г. Строганова императору обо всех подробностях этой неблаговидной интриги (РО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 145. Л. 1).

Для нас же сейчас важно то, что в семействе Уваровых С.Г. Строганов воспринимался в качестве личного врага. В этом контексте становится понятным, почему А.С. Уваров сразу же после назначения С.Г. Строганова переходит в другое ведомство и «в начале зимы 1857 г. переселяется из Петербурга в Москву... назначенный помощником попечителя Московского учебного округа» (Уварова 2005: 35). Служить под началом врага своего отца, к тому же, по бытовавшему мнению, виновника его отставки, А.С. Уваров никак не желал. Путь в существовавшее в Москве еще с 1804 г. Общество истории и древностей российских для него также был закрыт, поскольку С.Г. Строганов уже вновь принял там обязанности председателя.

УВАРОВ Алексей Сергеевич (28.02.1825 — 29.12.1884) — граф, археолог, коллекционер, меценат. Сын министра народного просвещения, президента Академии наук. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, слушал лекции в Берлинском и Гейдельбергском университетах. В 1846 г. выступил одним из учредителей-организаторов Петербургского археологического нумизматического общества (будущего ИРАО). Почетный член Академии наук (1857), учредитель Уваровских премий. Чиновник «по археологической части» при министре внутренних дел Л.А. Перовском, который приходился ему дядей. Помощник попечителя Московского учебного округа (1857–1859). Создатель и первый председатель (1864–1884) Московского археологического общества. Один из организаторов Исторического музея в Москве (1872). Инициатор и организатор проведения Всероссийских археологических съездов. Задачу археологии видел в реконструкции быта древнего населения. Производил раскопки в Ольвии, Херсонесе, Неаполе Скифском. Совместно с П.С. Савельевым осуществил раскопки более семи тысяч курганов во Владимиро-Суздальском Ополье (1851–1854). Автор первой обобщающей работы по каменному веку России. На II Археологическом съезде в Петербурге в 1871 г. по его инициативе был обсужден вопрос «О мерах к сохранению памятников». На III Археологическом съезде в Киеве в 1874 г. он делает сообщение: «Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа?»

Осн. соч.: Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. М., 1851; Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда. М., 1869; Археология России. Каменный период. М., 1881. Т. 1–2; Символика древнехристианского искусства. М., 1909.

Лит. о нем.: *Ардашев Н.Н.* Граф А.С. Уваров как теоретик археологии // Древности. Труды МАО. 1911. Т. 23. Вып. 1. С. 29–40; *Формозов А. А.* А.С. Уваров и его место в русской археологии // РА. 1993. №3. С. 228–245; *Клейн Л.С.* Строитель российской археологии: А.С. Уваров // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 297–326.

(Фото: ФО. Отп. О.778-24)

Оставалось одно — создавать собственное научное общество, что А.С. Уваров блестяще и реализовал в 1864 г. учреждением Московского археологического общества. Его он рассматривал в качестве альтернативы Комиссии. Таким образом, вопреки широко распространенному мнению о том, что конфликт между ИАК и МАО разгорелся лишь в 1880-е гг., становится очевидным: это противостояние

существовало изначально, и причины его носили личностный характер (см.: Тихонов 2006). Таким образом, вражда этих двух людей напрямую отразилась на судьбах русской археологии.

После назначения С.Г. Строганова группа сотрудников Л.А. Перовского «по археологической части» распалась, в том числе и по соображениям личного характера. Примеру А.С. Уварова последовал князь А.А. Сибирский, вышедший в отставку «по болезни» в декабре 1857 г. Следует учитывать и тот факт, что в России всегда огромную роль играли личностные связи с «патроном». Так, например, тремя десятилетиями раньше, после смерти канцлера Н.П. Румянцева, сразу же распался существовавший вокруг него кружок исследователей русских древностей.

Из прежних сотрудников активно начал помогать С.Г. Строганову, пожалуй, только П.С. Савельев. 24 декабря 1856 г. он писал в Керчь А.Е. Люценко: «Спешу... успокоить Вас насчет будущности археологических разысканий вообще и Керченского музея в особенности. Начальником археологических в России разысканий... назначен граф Сергей Григорьевич Строганов, страстный археолог и владелец одного из богатейших частных музеев. Он хочет усердно приняться за эту часть и устроить ее на прочных основаниях. Тяжкая болезнь его отца до сих пор препятствовала ему приняться за дело; ждем также ассигнования сумм на раскопки на будущий год» (Тункина 2002а: 255).

Было и еще одно обстоятельство, «препятствующее» С.Г. Строганову активно заняться делом организации археологической службы в столице: до 1860 г. он жил в Москве, а в 1859–1860 гг. был даже московским генерал-губернатором. После воцарения Александра II карьера С.Г. Строганова быстро пошла вверх: с 1856 г. он член Государственного совета, именно ему царь поручает воспитание и образование наследника престола цесаревича Николая. Не будет преувеличением сказать, что в это время С.Г. Строганов становится одним из самых приближенных лиц к императору и одним из самых высокопоставленных сановников империи. Занятость на государственных постах, конечно, отвлекала графа от занятий археологией.

Фактически С.Г. Строганову пришлось собирать коллектив археологов заново. 30 декабря 1857 г. И.Е. Забелин записал в своем дневнике следующий разговор с С.Г. Строгановым, состоявшийся в Москве:

«Государь мне поручил всю археологическую часть, находящуюся в заведовании Перовского, при Кабинете. Я хочу составить Комиссию. Вы не откажетесь?» — «Помилуйте, Ваше Сиятельство, вы меня осчастливите». — «Я думаю пригласить сюда Кене — он, кажется, лучше всех других по западной археологии, Савельева П.С. по нумизматике, русской и восточной археологии и вас по русской. Вы будете получать 1000 руб. в VI классе» (Забелин 2001: 37).

Несколькими месяцами ранее С.Г. Строганов написал А.Е. Люценко личное письмо, прося его поделиться своими соображениями о путях развития музея и определения направления дальнейших раскопок. В ответ в ноябре 1857 г. А.Е. Люценко подготовил специальную записку «О продолжении занятий Керченского музея, прерванных событиями минувшей войны», в которой предлагал сосредоточить внимание и силы на изучении памятников Керченского и Таманского полуостровов.

В это же время С.Г. Строганов разрабатывает проект положения о «Главной археологической комиссии» (РО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 — 33 об.). Название предполагаемого органа, вероятно, было взято по аналогии с существующей с 1834 г. при Министерстве народного просвещения Археографической комиссии. Впрочем, сам термин «археологическая комиссия», казалось, просто витал в воздухе. Муниципальная археологическая комиссия существовала в Риме. 29 апреля 1855 г. было Высочайше утверждено «Положение о Музеуме древностей и Временной археологической комиссии в Вильно» (ПСЗРИ. Т. 30. Отд. 1. 1856: 303–305, № 29267). Временная комиссия, будучи своеобразным сочетанием археографической комиссии и статистического комитета, была создана для систематического обозрения всех памятников древности в здешнем крае и просуществовала до 1863 г. Затем, в связи с изменением культурной политики в западных губерниях Российской империи, во избежание продолжения существования «пантеона литовско-польской старины в крае», на ее основе в начале 1864 г. была создана Комиссия для разбора и издания древних актов, будущая Виленская археографическая комиссия (Турцевич 1906; Пятидесятилетие Виленской Комиссии... 1914).

Однако создание подобного учреждения может быть поставлено в некоторую связь с возникновением подобных учреждений в Европе конца XVII — середины XIX в., прежде всего в Италии и во Франции. На основе сравнительного изучения деятельности российских и зарубежных учреждений, связанных с охраной памятников, можно предположить, что организация ИАК отчасти ориентировалась на Францию с ее общенациональными Генеральной инспекцией исторических памятников / Комитетом исторических памятников (1830 / 1837), как раз в это время преобразованными в Отдел изящных искусств и исторических памятников при Министерстве императорского двора и изящных искусств Наполеона III (1852–1870). Необходимо отметить, однако, и существенную разницу между французской моделью и созданием Комиссии. В России французский опыт был использован в минимальной степени, прежде всего — в части подчинения ИАК Министерству императорского двора, которая не стала органом, объединяющим губернские структуры и обладающим региональными представительствами. Это снижало ее эффективность в области сохранения и изучения исторического наследия государства, вынуждая прибегать к помощи иных ведомств и министерств, в частности Министерства внутренних дел (ср.: Смирнов 2014: 625).

Комиссии древностей, созданные после окончания наполеоновских войн в ряде французских департаментов, предшествовали появлению общенациональной структуры, возникшей в 1830-х гг. в системе МВД в эпоху преобразований Франсуа Гизо (1787–1874). В 1834 г. в русле этой деятельности создается Комитет исторических и научных работ (Charmes 1886). В его задачи входили, прежде всего, изучение, описание и сбор сведений о памятниках с целью составления их классификационного списка в соответствии с их культурной значимостью (Verdier 1935). Это учреждение неоднократно подвергалось реформам и переименованиям, и в 1839 г., как Дирекция гражданских зданий и общественных памятников, оно было передано в ведение Министерства общественного

труда. В 1840 г., благодаря его трудам, за государством было признано право отчуждать в свою пользу памятники искусства (Bercé 2000: 24–25).

Декрет 14 февраля 1853 г. окончательно изъял функцию охраны памятников из ведения МВД Франции и передал ее в подчинение государственного Министерства императорского дома. Здесь было создано Отделение исторических памятников (Léon 1935: 17–52; 1951; Verdier 1935: 53–426). Очевидно, ситуация была весьма схожа с той, что наблюдалась в России, но хронологически опережала ее. В 1863 г. во Франции создается Служба изящных искусств и исторических памятников уже в ведении Министерства императорского двора и изящных искусств. Не случайно второй председатель ИАК А. А. Васильчиков, настаивая на необходимости реорганизации Комиссии в 1882 г., будет апеллировать именно к этому прецеденту.

Парадокс российской системы археологических изысканий XIX в. (не охраны культурного наследия!) заключался в том, что, будучи отчасти административно скопированной с французского образца, она существенно отличалась от него по своим целям и месту в структуре национальной археологии. Если на всем протяжении своей деятельности ИАК рассматривала полевые исследования как основную форму своей активности, что сыграло основополагающую роль в сложении археологии в России как науки, то во Франции Комитет 1837 г. и наследовавшие ему организационные структуры рассматривали раскопки как сферу деятельности, вспомогательную для реставрации. Современная французская археология слагалась как государственный институт на основе развития колониальных исследований. В свою очередь, археология метрополии (галло-римские, меровингские и иные исследования) развивалась как следствие интереса любителей древностей и их объединений (Gran-Aymerich 1998). В целом система археологических исследований во Франции была предельно децентрализована (Boüard 1985: 35–46; Vadelorge 2003: 67–86; Gran-Aymerich 2003: 199–210).

Вопреки выводам, сделанным на основе формального сравнения процессов становления системы государственной охраны памятников в двух странах (Николаева 2008: 261–270), ни одно из мероприятий российского правительства до создания ИАК, в том числе и циркуляр МВД от 31 декабря 1826 г. «О доставлении сведений об остатках древних зданий в городах и о воспрещении разрушать оные» (Сборник материалов, относящихся до архивной части в России 1916: 586–587), не может рассматриваться как поворотный момент в отношении к отечественным древностям. Циркуляр не инициировал создание системы охранных мер и соответствующих охранных структур в данной области, не говоря уж о составлении общенационального списка памятников древности. Восприятие французского опыта в России не было непосредственным и несколько запаздывало, а в плане организационной структуры и вовсе не соответствовало французской модели.

Существует еще целый ряд моментов, дополнительно позволяющих воспринимать деятельность Археологической комиссии в европейском контексте. Представление найденных древностей на «Высочайшее воззрение», практиковавшееся ИАК ежегодно, было

отголоском обычного права, которое действует, например, в Великобритании до настоящего времени, а первые упоминания о нем относятся к XIII в. Речь идет о том, что монарх рассматривался как сюзерен и собственник не только подвластной ему земли, но и спрятанных в ней кладов, прежде всего монет и изделий из драгоценных металлов (ср. терминологию: la prérogative régalienne, treasure trove). В случае с археологическими памятниками действовало расширительное толкование такой традиции. Естественно, во Франции с ее республиканскими устоями такая практика в XIX в. не могла уже иметь места, хотя кодификация обычая в этой области активно происходила здесь в 1543–1642 гг. (Bercé 2004: 45–46, 52, 64, 153–161; Archéologie et droit de l'urbanisme 1995: 42).

Еще одной вполне «монархической», централизованной и государственной структурой, которая могла бы рассматриваться как некий прообраз ИАК, была система археологических раскопок и охраны древностей, созданная Неаполитанским «королем-археологом» Карлом III Бурбоном (1734–1759) и распространенная его сыном Фердинандом IV (1759–1806) на Сицилийское королевство (Jokilehto 2002: 57–59). Издание археологических отчетов об исследованиях Геркуланума (Le Antichità 1755–1792), составленных Accademia Ercolanese, и исключительные монаршие права как на проведение археологических раскопок, так и на их результаты, характерны и для будущего Королевства обеих Сицилий (1816–1861). Они вполне сопоставимы с особенностями устройства Комиссии С.Г. Строганова.

Вряд ли образцом для России могли послужить соответствующие учреждения Центральной Европы. Только в июне 1875 г. австро-венгерский поверенный в делах Х. Вреде обратился к управляющему Министерством иностранных дел барону Жомини с просьбой предоставить ему информацию об Императорской археологической комиссии и имеющихся постановлениях и распоряжениях по охране памятников в России. Это было сделано в связи с созданием в Вене в 1873 г. Императорско-королевской центральной комиссии для изучения и сохранения исторических памятников (Kaiserliche und Könighche Zentralkommission für die Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale) и в связи с подготовкой соответствующего законодательства в Австро-Венгерской империи (РО. Ф. 1. Оп. 1-1875 г. Д. 10. Л. 26 — 29 об.; об этой комиссии см.: Brückler, Nimeth 2001; Rampley 2013: 66–72, 187–188, 193–201; о деятельности комиссии в Польше и Румынии см.: Romstorfer 1913; Frycz 1975; Szyposz 1994; Solcanu 2000; Sobol 2008; Niculică 2010; Woźny 2011; 2018). Впоследствии австрийская комиссия неоднократно сверяла свою деятельность с практикой российских коллег. 4 июня 1891 г. через своего посла графа Волкенштейна Австрия вновь просила прислать ей правила об охране древностей, изданные после 1875 г. Подобный запрос повторялся и в 1895 г. 25 ноября 1891 г. похожие документы были вручены и итальянскому уполномоченному графу Баттара-Коста (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 93). 7 декабря 1910 г. итальянское правительство, в связи с намерением создать при Главной директории изящных искусств особую юридическую библиотеку по вопросам охраны древностей, также через структуры российского Министерства иностранных дел

обращалось за консультативной помощью в ИАК, прося предоставить тексты всех действующих в России постановлений; с подобным запросом обращалась и Нидерландская миссия при российском императорском дворе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 109, 111).

В конечном счете необходимо признать, что французская система археологии и охраны памятников весьма сильно повлияла на подобные структуры и процессы в Европе. Так, созданный лидерами Comité historique des Arts et Monuments Луи Витэ и Шарлем Ленорманом «Вопросник» 1838 г., посвященный картированию и описанию исторических памятников по эпохам, определил структуру подобного документа в Испании 1844 г. (Trujillo s.a.). Есть основания полагать, что он повлиял и на появление в недрах РАО «Записки для обозрения русских древностей» 1851 г. Однако, как уже было отмечено, это влияние не отразилось в системе государственных органов охраны культурного наследия, где отсутствовала централизованная структура государственного взаимодействия с региональными органами.

Впрочем, не исключалось и обратное. 15 марта 1914 г., очевидно в связи с принятием соответствующего закона, в российское Министерство иностранных дел обратилось посольство Французской республики с просьбой сообщить сведения о существующих в России правилах относительно археологических раскопок и охраны древностей, обнаруженных в процессе исследований (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 593). Как раз в это время, после серии скандалов с вывозом национальных древностей, добытых в процессе археологических раскопок, за рубеж, во Франции был принят закон об охране исторических памятников от 31 декабря 1913 г. / 4 января 1914 г. Он не вводил обязательного государственного разрешения на осуществление раскопок, однако обязывал префектуры наблюдать за происходящими исследованиями и открытиями (Journal officiel de la République française 1914; Recambert 1996: 15–21, 245–255; Audac 2003: 173–198; Le nouveau droit… 2004).

Таким образом, появление ИАК логично рассматривать в общем контексте становления органов охраны памятников в Европе, не замалчивая существовавших различий. Отчасти оно определялось их тогдашними особенностями, отчасти — влияло на их дальнейшую деятельность.

Было бы неверным, однако, утверждать, что С.Г. Строганов не думал о такого рода взаимодействии центрального археологического учреждения в Санкт-Петербурге с губернскими и региональными учеными организациями. Слово «Главная» в названии проектируемой С.Г. Строгановым Комиссии должно было подчеркнуть общегосударственный характер нового учреждения. Очень важно отметить, что в этом проекте С.Г. Строганов стремится придать Комиссии статус центрального государственного органа, главной задачей которого является «разыскание древностей посредством земляных раскопок». Этим Комиссия изначально отличалась бы от археологических обществ, которые трактовали археологию очень широко, как изучение любых памятников старины, в том числе и невещественных.

Первый параграф проекта гласил: «Главной археологической комиссии подлежит заведование всеми археологическими раскопками в России и местными музеями древностей».

Восьмой параграф указывал, что «раскопки на землях казенных и общественных производятся не иначе, как с разрешения председателя комиссии» (РО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 19 — 23 об.). Очевидно, что те вопросы, которые через 30 лет стали камнем преткновения в дискуссии с некоторыми археологическими обществами, С.Г. Строгановым изначально закладывались в проект устава Комиссии.

С.Г. Строганов выдвинул также предложение о создании архива Комиссии, в котором бы сосредоточивались все дела об археологических разысканиях в России и соответствующие им планы, рисунки, модели. Ставилась задача «с течением времени собрать и все прежде производимые дела (об исследованиях. — *Авт.*), дабы в ней сосредоточены были все сведения о древних достопамятностях государства» (Пескарева, Рябинин 1984: 301; Длужневская 2006b: 271). Штат Комиссии предполагался в составе председателя, трех членов, производителя дел и журналиста, а годовой бюджет определялся в 11 628 руб., т. е. увеличения расходов не предполагалось, поскольку эта сумма и ранее тратилась на нужды археологии из Государственного казначейства и средств Кабинета его величества. Правда, в другом варианте проекта бюджета предусматривалась сумма на «расход по археологической части» почти вдвое большая — 22 764 руб. (РО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 75).

В 1858 г. граф С.Г. Строганов подает на имя министра императорского двора графа В.Ф. Адлерберга «Записку о современном положении археологических разысканий и предлагаемых в них изменениях», содержащую очерк археологической деятельности правительственных учреждений и ставящую вопрос о создании государственного археологического органа с четко регламентированным финансированием и постоянным штатом сотрудников (Там же. Л. 28–34). Приложением к этой записке как раз и стал проект положения об Археологической комиссии.

При обсуждении этих документов в министерстве проект претерпевает немалые изменения. В декабре 1858 г. В.Ф. Адлерберг предлагает создать «Археологическую комиссию Министерства императорского двора», указывая, что с 1831 по 1852 г. раскопки на юге России финансировались и велись под эгидой именно этого министерства и только в 1852 г. были переданы в Министерство внутренних дел.

Похоже, что министр осознанно путает последовательность событий и соответствующие ведомства, дабы подчеркнуть неизбежность проведения археологических раскопок именно его министерством. В действительности Министерство двора никогда не занималось организацией полевых разысканий, поскольку до 1852 г. контроль над ними принадлежал Министерству внутренних дел, а с 1852 г. — Министерству уделов, выделенному из Министерства двора, и Кабинету его величества, инкорпорированному в новое министерство. Граф, только что возглавивший новое объединение ведомств двора и уделов в 1856 г., был заинтересован в расширении своего влияния.

В результате речь пошла не о центральном государственном, а ведомственном учреждении, так как министр вполне справедливо указывал, что если иметь в виду главное археологическое учреждение в государстве, то это дело должно рассматриваться Государственным советом. В процессе обсуждения проекта в названии вместо слова

«Главная» появляется вписанное чьей-то рукой слово «Императорская» (РО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 35, 88 — 91 об.). «Императорскими» в России именовались многие университеты, научные и культурные учреждения и общества. Этот титул, указывающий на то, что учреждение или общество находятся под покровительством Высочайшей власти, был весьма почетным, и его всячески добивались. Представляется, что титул внес С.Г. Строганов, который, являясь сам членом Государственного совета, хорошо понимал, что вынесение вопроса на его рассмотрение может затянуть реализацию проекта на неопределенно долгий срок. Поэтому он был вынужден согласиться на половинчатые и неопределенные полномочия создаваемой Комиссии, а приставка «Императорская» в названии понадобилась для поднятия статуса учреждения и для указания на то, что оно находится в ведении Министерства императорского двора. Следует заметить, что данное министерство занимало в российской системе государственного управления особенное место ввиду того, что министр двора подчинялся только императору, и ни одно учреждение не могло делать ему никаких предписаний, а равно и требовать от него каких-либо отчетов.

V

В окончательном виде проект Положения об Императорской археологической комиссии в виде опыта на 3 года был утвержден Александром II по докладу министра двора 2 февраля 1859 г. (ПСЗРИ. Т. 34. Отд. 1. 1861: 70–72, № 34109; Т. 34. Доп. 1861: 13). В первом параграфе Положения определялись цели Комиссии: «1) разыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россией; 2) собрание сведений о находящихся в государстве как народных, так и других памятниках древности; 3) ученая оценка открываемых древностей». В разделе «Действия Комиссии» определялся круг ее задач и способы достижения поставленных целей: «§ 5. Для изыскания древностей Комиссия раскапывает древние курганы и производит земляные раскопки на местах, или замечательных в историческом отношении, или дающих повод рассчитывать на открытие древностей. § 6. Комиссии предоставляется следить за всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности... § 7. Комиссия, в меру средств своих, заботится, чтобы в том случае, когда настоит надобность уничтожить какой-либо остаток древности, как-то: памятник зодчества, курган и проч., или произвести большие земляные работы на месте древнего города или замечательного урочища, которые находятся на землях казенных или общественных, приняты были, по возможности, нужные археологические меры и если при работах этих ожидаются важные археологические открытия, то чтобы к ним мог быть допущен ее чиновник» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 1. Л. 3 — 6 об.).

Восьмой параграф был логическим продолжением предыдущего: «Комиссия следит за земляными работами, предпринимаемыми в больших размерах, как, например: при проведении линий железных дорог, шоссе и проч., дабы, насколько окажется возможным, воспользоваться этими случаями для археологических открытий».

Как видим, в утвержденном Положении уже не было пункта о разрешении раскопок на казенных и общественных землях, а формулировки были довольно расплывчаты и неопределенны, никаких конкретных рычагов воздействия для осуществления своих полномочий Комиссия не получала.

Параграф 10 для поощрения к предъявлению случайных находок в Археологическую комиссию устанавливал денежное вознаграждение находчикам древних вещей «не только ценою золота, серебра или иного вещества, из которого они сделаны, но и археологическим достоинством их и редкостью». Следующие параграфы 11–13 определяли порядок, при котором «замечательнейшие из вещей, открываемых Комиссией или поступивших в нее, представляются на воззрение государя императора и, с соизволения его императорского величества, помещаются в императорский музей Эрмитаж или в другие Высочайше назначенные места». Вещи из раскопок самой Комиссии, не получившие «Высочайшего назначения», остаются в ее распоряжении, и она может передавать их по своему усмотрению в другие музеи и «древнехранилища». Все почтовые отправления самой Комиссии и ее членов, адресуемые на имя председателя, подлежали бесплатной пересылке.

Очевидно, что параграфы Положения в окончательной редакции приобрели более неопределенное звучание, нежели пункты проекта С.Г. Строганова. Так, параграф 6 проекта четко регламентировал функции новой Комиссии: «Как разыскания древностей предоставляются Комиссии, поэтому никакие земляные работы, предпринимаемые с этой целью, не могут быть допущены на землях казенных и общественных без предварительного сношения с ее председателем, который для всех подобных работ выдает пояснительные инструкции, как для более успешного производства их, так и для того, чтоб они не лишались того значения, которое они имеют для науки». Параграф 13 проекта предполагал создание всероссийского археологического архива: «Археологическая комиссия хранит у себя все дела об археологических разысканиях и открытиях, равно как и принадлежащие к ним рисунки, планы и модели. Не прибегая к усиленным мерам, она должна с течением времени собрать и все прежде производимые по этому дела, дабы в ней сосредоточены были все сведения о древних достопамятностях государства». Эти пункты не нашли отражения в уставе ИАК, что в конце концов предопределило сложность ее взаимоотношений с учеными обществами (Пескарева, Рябинин 1984: 301).

Тот факт, что ИАК, согласно пунктам 1 и 2 Положения, «находилась в ведении» Министерства императорского двора и состояла в нем «отдельным учреждением», заставляет нас обратиться к истории этого министерства, чтобы оценить ту систему взаимных отношений, которая сложилась между Комиссией и ведомством, частью которого она являлась. Министерство было образовано 22 августа 1826 г. как Министерство императорского двора и уделов, объединив в себе различные ведомства, связанные преимущественно с обеспечением российской императорской фамилии, которые, однако, могли выполнять и общественно-правовые функции. Такая двойственность министерства и его принципиальное отличие от подобных учреждений в Европе неоднократно подчеркивались

Александр Владимирович Адлерберг (1818–1888), министр императорского двора в 1870–1881 гг.

Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1916), министр императорского двора в 1881–1897 гг.

исследователями его истории и юридического статуса (Ивановский 1895–1896: 407–422). В разное время в него вошли Кабинет его императорского величества, Департамент уделов, Канцелярия, Капитул российских императорских орденов, Придворная конюшенная контора, Егермейстерская и Гофинтендантская конторы, Придворное духовенство, Придворная певческая капелла, Великокняжеские дворы, Дворцовые управления, Контроль Министерства императорского двора, Эрмитаж, Императорская академия художеств, Дирекция императорских Санкт-Петербургских театров, Управление императорских фарфоровых и стекольных заводов, Петергофская гранильная фабрика, Санкт-Петербургский ботанический сад. Ведомство обладало достаточно внушительным штатом: в 1878 г. здесь служил 1151 чиновник, а в 1914 —1157 штатных и 124 внештатных чиновника. 30 августа 1852 г. Министерство императорского двора и уделов было разделено на собственно Министерство императорского двора и Министерство уделов; во главе последнего и встал бывший министр внутренних дел Л.А. Перовский. Однако уже 24 ноября 1856 г., после его кончины, Министерство императорского двора и уделов восстановлено в прежнем составе. Именно в ведение реформированного министерства и вошла ИАК. Это ведомство подверглось существенной реформе по «Учреждению Министерства императорского двора» от 16 апреля 1893 г., что отчасти затронуло, как мы увидим, и саму Комиссию.

Первым министром двора был П.М. Волконский (1826–1852), а начальный период деятельности ИАК пришелся на время заведования министерством В.Ф. Адлербергом (1852–1870) и А.В. Адлербергом (1870–1881). Таким образом, «эпоха Строганова» в ИАК (1859–1882) совпадала с «эпохой двух

Владимир Борисович Фредерикс (1838–1927), министр императорского двора в 1897–1917 гг. Виньетка Н.С. Самокиша. 1883 г. (ГЭ. № ЭРГ-16028)

Адлербергов». Следующими министрами были И.И. Воронцов-Дашков (1881–1897) и В.Б. Фредерикс (1897—28 февраля 1917).

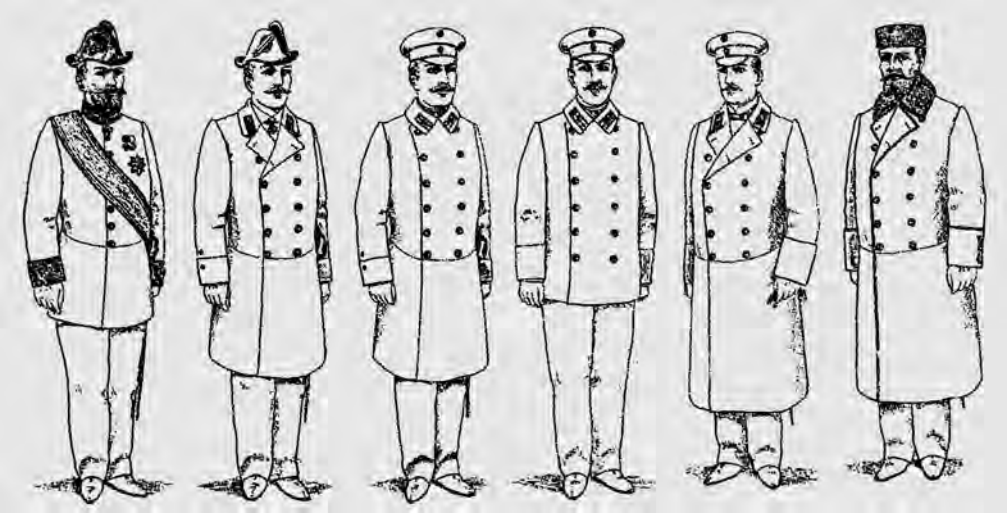
Первоначальный штат Археологической комиссии состоял из председателя, назначаемого Высочайшим повелением, которому никакого жалования не предусматривалось; одного старшего члена с 1200 руб. жалования в год; двух младших членов по 1000 руб., производителя дел (800 руб.); журналиста (350 руб.); канцелярского чиновника (200 руб.) и художника (500 руб.). В штат Комиссии были включены директор Керченского музея (928 руб.) и его помощник (572 руб.). На раскопки выделялось 10 000 руб. ежегодно. Таким образом, общий годовой бюджет Археологической комиссии первоначально составлял 17 764 руб. Разместилась Комиссия в двух небольших комнатках, выделенных для нее С.Г. Строгановым

Строгановский дворец, Невский проспект, 17 — первое помещение Императорской археологической комиссии (ФО. Нег. II 2548)

в собственном дворце на углу Невского проспекта и Мойки (Невский проспект, 17). В скором времени, 1 ноября 1859 г., он был вынужден ходатайствовать о предоставлении другого помещения, так как в его доме весьма тесно, но на это предложение уже 5 ноября последовал отказ министерства, и до 1882 г., до переезда в Эрмитаж, Комиссия не имела своего помещения, ютясь в Строгановском дворце, что, по собственному высказыванию графа, делало ее существование «крайне стеснительным» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 1. Л. 7–15).

То, что Комиссия была учреждением Министерства императорского двора, позволяло ее служащим носить мундир министерства (параграф 27 Положения об ИАК). В отставку они также выходили с «правом ношения мундира». Он был из темно-зеленого сукна с алым суконным воротником и обшлагами с золотым шитьем. В начале деятельности Комиссии его носили согласно «Описанию формы одежды чинам гражданского ведомства и правилам ношения сей формы» от 2 июня 1855 г. и «Описанию изменениям в форме одежды чинов гражданского ведомства» от 8 марта 1856 г.

Мундир чиновников Министерства императорского двора, 1855–1856 гг. (по: Шепелев 2005)



Покрой форменной одежды российских чиновников по законам 1903–1904 гг. (по: Шепелев 2005: 294)

САВЕЛЬЕВ Павел Степанович (23.06.1814 — 19.05.1859) — археолог, востоковед-арабист, нумизмат. Совершил целый ряд открытий в области золотоордынской нумизматики и топографии монетных кладов в России, популяризатор нумизматико-археологических сведений о Востоке. Сын купца, воспитанник Санкт-Петербургского университета (занимался арабским и турецким языками) и Института восточных языков при Министерстве иностранных дел. С 1837 по 1841 г. работал помощником редактора «Журнала Министерства народного просвещения». Более 10 лет служил в Комитете иностранной цензуры. В 1846 г. им написана «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII–XI веков в России и прибалтийских странах», удостоенная Демидовской премии. Был членом парижского Азиатского общества (1837); членом и основателем Русского археологического общества (1846), секретарем и редактором его «Записок», «Трудов» и «Известий». Всего в изданиях общества П.С. Савельев напечатал до 70 статей, из которых большая часть относится к нумизматике и археологии Средней и Передней Азии. С 1847 г. — член Санкт-Петербургского географического общества, позже входит в его совет. В 1853 г. переведен в Министерство уделов и причислен к Кабинету его величества для археологических работ. С 1853 г. производил раскопки во Владимирской, Ярославской и Екатеринославской губерниях. Изучал Спасо-Преображенский собор, соборную площадь и прилегающие к ней валы Переславля-Залесского, культурный слой городища Александрова гора под Переславлем, Сарское городище под Ростовом.

Осн. соч.: Обозрение географических открытий и путешествий, совершенных в средней части Азии с древнейших времен до наших. СПб., 1848; Очерк путешествия в прибалтийские страны, Великий Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де-Ланноа в 1412–1414 гг. // Географические известия. СПб., 1850. С. 17–135; Введение и примечания к запискам о Коканском ханстве хорунжого Потанина // Вестник ИРГО за 1856 г. 1857. Ч. 18 (6). С. 255–289.

Лит. о нем: *Григорьев В.В.* Жизнь и труды П.С. Савельева. СПб., 1861; *Аграфонов П.Г.* Забытый исследователь Ярославского края // Ярославский педагогический вестник. 1997. № 1 (7). С. 7–12.

(Ил.: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-С. Д. 319. Л. 1)

Впоследствии форменная одежда была упрощена и ей была придана большая практичность. Изменился фасон мундира, превратившийся в полукафтан за счет уменьшения длины фалд. Следующий «Свод правил о ношении форменной одежды» появился 6 мая 1894 г.

Наконец, в результате реформы 1 июля 1904 г. была установлена новая

форма, существовавшая до 1917 г., основными элементами которой, кроме известного полукафтана, становились сюртук и тужурка (Шепелев 1999: 233–256, 394–398; 2005: 266–276, 294–295, 346–350).

С.Г. Строганову пришлось не только создавать коллектив профессиональных исследователей, но и искать людей, способных обеспечить их деятельность, а также контролировать процесс археологических исследований и обнаружения случайных находок на территории России. Одним из первых сотрудников нового учреждения стал Павел Степанович Савельев, выпускник Петербургского университета, специалист по восточным языкам и нумизматике, который из канцелярии Комитета правления Академии наук был еще в январе 1853 г. причислен к Кабинету. В мае того же года вместе с А.С. Уваровым он отправился на раскопки владимирских курганов (Уваров 1871). П.С. Савельев умер 19 мая 1859 г., вскоре после назначения в ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 35). Стоит отметить, что его научное наследие, а именно материалы раскопок во Владимиро-Суздальском Ополье, так и не было востребовано ИАК, и в 1861 г. его попыталось использовать РАО. 14 марта 1861 г. Общество обратилось к С.Г. Строганову с вопросом, «не найдется ли препятствий к изданию» полевых дневников П.С. Савельева с планами и рисунками 1853–1854 гг. и нет ли других материалов по этому поводу в архиве ИАК. Материалов более не было, но препятствий не встретилось (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 13. Л. 3).

Младшим членом Комиссии был назначен Иван Егорович Забелин (о нем см.: Формозов 1984). Их предварительная договоренность с С.Г. Строгановым состоялась еще в конце 1857 г., что явствует как из дневников самого И.Е. Забелина, так и из официальной переписки. Сам граф, будучи назначенным на должность председателя Комиссии в Петербурге 9 февраля 1859 г., но продолжавший проводить значительную часть времени в Москве, уже 6 марта сделал И.Е. Забелину официальное предложение перейти на работу в Комиссию (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 5). 29 марта 1859 г. Министерство императорского двора разрешает ему перейти в ИАК по завершении дел архивариуса в Московской дворцовой конторе. Однако 8 июня 1859 г. С.Г. Строганов просит ускорить перевод И.Е. Забелина в Комиссию в связи с тем, что он предполагает командировать его на раскопки в Екатеринославскую губернию (Там же. Л. 12). В результате 3 июля 1859 г. И.Е. Забелин был задним числом, с 9 июня, переведен в Комиссию на должность младшего члена.

Известно, что труды И.Е. Забелина в Комиссии в значительной степени способствовали созданию фонда археологических источников по археологии Северного Причерноморья. Однако его подлинный интерес всегда был связан с древностями русского быта, и, несмотря на необходимость исполнять служебные обязанности, И.Е. Забелин всегда искал возможность трудиться в раз и навсегда избранной им области. Об этом, в частности, свидетельствует переписка председателя ИАК С.Г. Строганова с руководителями государственных архивов на предмет допуска И.Е. Забелина к фондам этих собраний. 21 апреля 1860 г. С.Г. Строганов просил канцлера А.М. Горчакова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 12. Л. 1) разрешить И.Е. Забелину ознакомиться с делами приказа Тайных дел, хранившимися в Государственном архиве

ЗАБЕЛИН Иван Егорович (17.09.1820 — 31.12.1908) — историк, археолог, коллекционер, музеевед. Уроженец Твери. Образование получил в Преображенском сиротском училище. По окончании училища в 1837 г. зачислен канцелярским служащим в Оружейную палату. В 1840 г. написал первую работу. В 1848 г. был назначен помощником архивариуса, в 1855 г. — архивариусом Московской дворцовой конторы. В 1850 г. член-сотрудник, затем в 1888 г. действительный и в 1892 г. почетный член РАО. Действительный (1864) и почетный (1894) член МАО. С 1859 г. — младший, затем старший, с 1886 г. почетный член ИАК. До 1873 г. проводил раскопки скифских курганов в Поднепровье и на Таманском полуострове. Результаты раскопок описаны в «Древностях Геродотовой Скифии» (1866, 1873) и в «Отчетах» Археологической комиссии. В 1871 г. получил степень почетного доктора русской истории в университете св. Владимира в Киеве, в 1884 г. — в Московском университете, в 1885 г. — в Петербургском университете. В 1879 г. избран председателем Общества истории и древностей российских. С 1884 г. член-корреспондент, а с 1892 г. — почетный член Академии наук. С 1872 г. входил в комиссию по постройке здания Исторического музея. В 1884 г. был назначен товарищем председателя музея. В 1880 г. назначен руководителем группы по написанию истории Москвы. Им была собрана огромная коллекция — рукописи, карты, иконы, эстампы, нумизматические знаки, обширная библиотека. По завещанию коллекция передана в Исторический музей. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Осн. соч.: Домашний быт русских царей в XVI–XVII веках. М., 1862 (переизд.: М., 1990); Домашний быт русских цариц в XVI–XVII веках. М., 1869; Историческое описание московского Донского монастыря. М., 1865; Кунцево и древний Сетунский стан. М., 1873; Первое водворение в Москве греко-латинской и общей европейской науки. М., 1887; Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891–1894.

Лит. о нем: *Анучин Д. Н.* И.Е. Забелин как археолог. М., 1909; *Кузьминский К. С.* И.Е. Забелин и его печатные труды. М., 1912; *Арциховский А.В.* Забелин-археолог // Историко-археологический сборник. М., 1948. С. 5–11; *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984; И.Е. Забелин. Библиографический указатель / сост. О.Ф. Бойкова. М., 1988; *Клейн Л.С.* Археолог поневоле: И.Е. Забелин // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 431–466.

(Ил.: Забелин 1918)

МИД, с целью исследования домашнего быта русских царей, что после доклада императору ему было разрешено с условием, что выписки не могут быть опубликованы без предварительного рассмотрения их председателем ИАК С.Г. Строгановым. Другое письмо в мае было отправлено министру двора В.Ф. Адлербергу с просьбой разрешить И.Е. Забелину, исследующему русские древности, доступ в архивы Московской дворцовой конторы и Оружейной палаты. 18 мая 1863 г. подобное письмо направляется министру юстиции с просьбой допустить в московский архив министерства (Там же. Л. 3–5). Эти документы свидетельствуют об определенном противоречии между задачами, которые И.Е. Забелин ставил себе сам, и задачами, которые ставила перед ним служба в ИАК.

Не без оснований предполагаем, что уход И.Е. Забелина из Комиссии в 1876 г. в значительной степени мотивировался драматической ситуацией, когда он был вынужден заниматься не тем, что его интересовало и чем он продолжал заниматься на самом деле, — русской средневековой культурой. Сам И.Е. Забелин записал в 1866 г. в своем дневнике: «Я сделался чиновником для раскопок, в то время как ваше сиятельство при определении меня назначали, словом, быть членом для “русских древностей”. Держите нас весьма умеренной степени вознаграждения за отличие» (Забелин 2001: 89).

И.Е. Забелин был в момент перехода в Комиссию в расцвете творческих сил — ему исполнилось 39 лет. По мнению А.А. Формозова, наиболее вдумчивого биографа Ивана Егоровича, неожиданное решение кардинально изменить свою жизнь, принять должность в ИАК и вплотную заняться археологическими раскопками на юге России было продиктовано стремлением открыть новый путь изучения русской истории, всегда его интересовавшей (Формозов 1984: 98–99). По выражению рано умершего друга И.Е. Забелина В.В. Пассека, раскопки курганов и городищ открыли бы новую летопись, «не обезображенную переписчиками, неопровержимую для наших кабинетных скептиков» (цит. по: Формозов 1984: 98).

«Эти идеи, несомненно, были близки Забелину, — пишет А.А. Формозов. — Взявшись за раскопки, он надеялся получить принципиально новый обширный материал о быте Древней Руси в первые века ее истории...» (Там же: 99). Однако в годы службы в ИАК эти интересы не реализовывались в его полевой деятельности: от И.Е. Забелина «требовали новых и новых золотых вещей для пополнения Эрмитажа, а ему хотелось спокойно искать следы древнего домашнего быта. Его перекидывали с Днепра на Тамань, оттуда на Буг и не давали приблизиться к более северным коренным русским краям» (Там же: 110–111).

Впрочем, необходимо отметить и другое. Положение И.Е. Забелина в научном мире изначально было очень сложным. В России середины XIX в. талантливый самоучка без образования не имел ни малейших перспектив служебного роста (и, соответственно, обретения достойных условий существования). Своим благополучием на склоне лет он был всецело обязан С.Г. Строганову и службе в Комиссии. Там Иван Егорович успешно достиг весьма высокой ступени табели о рангах, дослужившись до чина статского генерала (Там же: 38, 108–109).

После ухода И.Е. Забелина младшим членом Комиссии с 1 июня 1876 г.

КОНДАКОВ Никодим Павлович (1.11.1844 — 17.02.1925) — историк византийского и древнерусского искусства, археолог. Образование получил на историко-филологическом факультете Московского университета. С 1870 г. преподавал в Новороссийском университете в Одессе. В 1877 г. получил звание профессора, защитил докторскую диссертацию «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей». Удостоен за нее золотой медали ИРАО. В 1870–1890-е гг. совершил несколько экспедиций по странам Востока и Европы с целью сбора научного материала. С 1876 г. — младший член Императорской археологической комиссии, с февраля 1891 г. уволен по собственному прошению. Проводил исследования монастырей на Кавказе. Обследовал памятники Синая, Сирии, Палестины, Афона, Македонии. Работал в крупнейших музеях Европы, изучал памятники Константинополя, древности русских городов. С 1888 по 1897 г. — профессор кафедры истории искусств Санкт-Петербургского университета, преподавал также на петербургских Высших женских курсах. В 1888–1893 гг. — старший хранитель Отделения искусства средних веков и эпохи Возрождения Эрмитажа. Действительный (1886) и почетный (1896) член, помощник председателя (1916–1918) и председатель (1918–1922) ИРАО. В 1898 г. избран членом Императорской академии наук. В 1901 г. организовал Комитет попечительства о русской иконописи, а затем руководил им. С 1919 г. в эмиграции. Жил в Софии, с 1922 г. — в Праге. Преподавал в Карловом университете, где объединил вокруг себя кружок молодых ученых, известный под названием Seminarium Kondakovianum, который в 1931 г. преобразован в Археологический институт им. Кондакова.

Осн. соч.: Путешествие на Синай. Древности Синайского монастыря. Одесса, 1882; Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1887; Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1898. Т. 1; Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб., 1905; Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909; Иконография Богоматери. СПб., 1914; Пг., 1915. Т. 1–2; Русская икона. Прага, 1928–1933. Т. 1–4.

Лит. о нем: *Редин Е.К.* Никодим Павлович Кондаков. СПб., 1897; *Лазарев В. Н.* Н.П. Кондаков. 1844–1925. М., 1925; Никодим Павлович Кондаков. 1844–1925. Личность, научное наследие, архив. СПб., 2001; *Клейн Л.С.* Византиец: Н.П. Кондаков // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 541–565; *Кызласова И.Л.* Академик Н.П. Кондаков: поиски и свершения. СПб., 2018.

(Фото: РГАЛИ. Ф. 1937. Оп. 3. Ед. хр. 41)

становится Н.П. Кондаков, профессор Новороссийского университета (с 1877 г.), специалист по византийскому и древнерусскому христианскому искусству (см. о нем: Лазарев 1925; Кызласова 2018). Очевидно, не без связи с готовящейся отставкой И.Е. Забелина, известный знаток русских древностей и заведующий коллекцией Оружейной палаты Г.Д. Филимонов 24 апреля 1876 г. обратился к председателю ИАК С.Г. Строганову с просьбой о переводе его в состав Комиссии. В прошении говорилось: «Осмелюсь просить Ваше сиятельство оказать мне высокую милость переводом меня из безысходной моей службы в Оружейной Палате под непосредственное начало Ваше» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1876 г. Д. 6. Л. 8). 26 апреля последовал ответ С.Г. Строганова, который не мог исполнить просьбы: на вакантное место уже был приглашен Н.П. Кондаков.

Назначение Н.П. Кондакова в штат ИАК должно объясняться его изначальным вниманием к античному искусству, проявившимся в магистерской диссертации 1873 г. и археологических поездках по Северному Причерноморью. Впоследствии Н.П. Кондаков как младший член ИАК занимался исключительно археологическими исследованиями в Керчи (1876, 1878, 1882, 1883, 1885), на Таманском полуострове и Кубани (1877, 1878, 1880), под Евпаторией (1887), в Феодосии (1887) и Херсонесе, хотя здесь он выполнял свою миссию исключительно формально (1888–1890) (Никодим Павлович Кондаков... 2001). Однако к моменту назначения он уже в полной мере заявил о себе как о крупном специалисте по христианскому искусству, а не античному. Впрочем, по наблюдению В.Г. Дружинина, члена Комиссии в 1889–1896 гг. (о нем см. ниже), из-за присущей ему осторожности Н.П. Кондаков не брал на себя ответственность за атрибуцию предметов, признавая их фальшивыми. Так было, например, с серебряным блюдом с изображением Юстиниана, найденным близ Керчи, которое впоследствии стало предметом изучения Н.В. Покровского и Й. Стржиговского (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 178). Уход Н.П. Кондакова из Комиссии в 1891 г. помимо причин личного характера, очевидно, был продиктован и непреодолимыми противоречиями между основными научными интересами исследователя и его служебными обязанностями как члена ИАК.

Не исключено, что подобное отношение к славяно-русским и средневековым древностям со стороны ИАК диктовалось воззрениями ее председателя. С.Г. Строганов был достойнейшим человеком, храбрым генералом, любителем и знатоком искусств, имевшим, по словам того же И.Е. Забелина, «редкий талант... охранять людей науки от антинаучных напастей и невзгод» (Забелин 1893: 5).

При этом граф всю жизнь оставался крайним и ярым «западником», убежденным в том, что «никакого русского искусства до реформы Петра не могло существовать, что если и есть какие-либо достойные памятники, то все они воспроизведены иностранными мастерами...» (цит. по: Формозов 1984: 39). Отсюда его интерес к Дмитриевскому собору во Владимире, в резьбе которого он почувствовал Францию задолго до того, как это было доказано научно (Строганов 1849; Иоаннисян 2007: 277–315).

Формирование штата Комиссии при С.Г. Строганове происходило весьма

ЛИНЕВИЧ Александр Станиславович (ок. 1830 — 23.11.1861) — действительный статский советник, из мещан. Окончил курс в Московском университете по юридическому факультету в 1852 г. Определен на службу чиновником при Керченском музее в 1853 г. Уволен в 1855 г. по состоянию здоровья. Зачислен на службу в ИАК в качестве производителя дел в 1859 г.

Источник: РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 2; РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 28.

ТИЗЕНГАУЗЕН Владимир Густавович (Эрнст Вольдемар) фон (21.02.1825 — 2.02.1902) — востоковед-арабист, нумизмат, археолог. Родился в Нарве. В 1848 г. окончил курс в Санкт-Петербургском университете по отделению восточной словесности. После окончания служил письмоводителем, а затем столоначальником в разных учреждениях. В 1861 г. поступил в ИАК, в которой прослужил почти до самой смерти. Занимал должности: производитель дел (1861–1864), младший (1864–1876), старший (1876–1894) член, товарищ председателя (1894–1900) и редактор «Отчетов ИАК» (1861–1897). В 1864–1884 гг. по заданию ИАК провел многочисленные раскопки курганов и городищ на Нижнем Дону, в Поволжье, на Таманском полуострове, в Ольвии. Главные его работы посвящены восточной нумизматике, им проделан огромный труд по собиранию сведений (из арабских, персидских и турецких источников) о Золотой Орде. Чл.-корр. (1854), член (1866), почетный член (1891), первый официальный хранитель музея (1861–1866) РАО. Действительный член Германского восточного общества (1848), МАО (1865–1889), общества антикваров Нормандии (1868), ООИД (1882), ТУАК (1889). Чл.-корр. по разряду восточной словесности ИАН (1893), почетный член РАИК (1896).

Осн. соч.: О саманидских монетах. СПб., 1855; Монеты восточного халифата. СПб., 1873; Обзор совершенных в России трудов по восточной нумизматике. СПб., 1876; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечение из арабских источников. СПб., 1884. Т. 1; Материалы для библиографии мусульманской археологии. Из бумаг В.Г. Тизенгаузена // Записки Восточного отделения ИРАО. Вып. 1. 1906. Т. 16; С. 79–145; Вып. 3. С. 213–416.

Лит. о нем: Барон В.Г. Тизенгаузен: Некролог; Библиографический список трудов // Известия ИАК. 1902. Вып. 2. С. 112–126; *Розен В.* Памяти барона В.Г. Тизенгаузена // Записки восточного отделения ИРАО. 1904. Т. 16. Вып. 2–3. С. 231–236; *Тихонов И.Л.* Русский востоковед, нумизмат, археолог В.Г. Тизенгаузен // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского. СПб., 2007. С. 220–244; *Мальмберг Я.Н.* Из глубины времен (В.К. Мальмберг — К.Е. Думберг — В.Г. Тизенгаузен) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 77–83.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-Т. Д. 3. Л. 1)

активно, но место старшего члена продолжало оставаться не занятым. В конце декабря 1877 г. к С.Г. Строганову обратился помощник хранителя древностей Эрмитажа, ганноверский подданный, член-корреспондент Археологического института в Риме Иван Давыдович Дель (1832–1879) с просьбой принять его на службу в ИАК с оставлением, однако, при прежней должности (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 35). Поскольку со стороны Эрмитажа возражений не встретилось, то он стал младшим членом Комиссии 1 января 1878 г., однако заметного следа в ее деятельности не оставил. Уже в мае он был уволен в отпуск по состоянию здоровья, в сентябре 1879 г. был командирован министром двора за границу для изучения методов составления коллекционных каталогов, где 24 октября и скончался (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 57).

Определенную роль в организации деятельности Комиссии сыграл Александр Станиславович Линевич. 24 февраля 1859 г. он обратился к С.Г. Строганову с просьбой принять его в Комиссию на должность производителя дел, на следующий день последовала положительная резолюция председателя, а еще через день — просьба графа о переводе просителя из Кабинета его императорского величества в Комиссию (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 2. Л. 4, 5). Однако 23 ноября 1861 г. он скончался «после тяжкой болезни», и уже 24 ноября С.Г. Строганов в письме просил И.Е. Забелина приехать в Петербург как можно скорее, чтобы принять дела ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 28. Л. 1, 3).

Новым делопроизводителем Комиссии с 23 декабря 1861 года стал Владимир Густавович (Эрнст Вольдемар) Тизенгаузен, член-корреспондент Императорского Русского археологического общества, секретарь его Восточного отделения и хранитель отделения музея. Его роль в истории Комиссии значительна, выходит за рамки первоначально занимаемой им должности и требует отдельного рассмотрения. Да и сам В.Г. Тизенгаузен, обращаясь 27 ноября 1861 г. к С.Г. Строганову и не будучи лично с ним знакомым, вряд ли предполагал, что он придет в ИАК в качестве делопроизводителя. В заявлении он писал: «Занимаясь исследованиями по части истории и древностей Востока и желая принять участие в археологических разысканиях, производимых в России по распоряжению Министерства императорского двора, я счел бы за особую честь поступить в состав находящейся под ведением вашего сиятельства Императорской археологической комиссии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 30. Л. 1). При этом он ссылался на свои работы об арабских монетах и сообщал о намерении представить в ИАК записку о важности раскопок в Булгаре, а также собрать материалы письменных источников о Золотой Орде.

Очевидно кончина А.С. Линевича ускорила появление этого письма, однако сам Тизенгаузен явно предполагал заниматься в составе Комиссии научной деятельностью. 15 декабря С.Г. Строганов наложил на письме резолюцию об определении В.Г. Тизенгаузена на место скончавшегося делопроизводителя. С 1857 г. он состоял на службе в Строительной конторе Министерства императорского двора. Через три года после назначения в Комиссию, 31 марта 1864 г., В.Г. Тизенгаузена перевели на должность младшего члена с сохранением обязанностей производителя, которые он выполнял

до 1873 г., с прибавкой 1000 руб. жалования в год. С 1 июля 1876 г. он стал старшим членом, с 1886 г. начал «исправлять должность» председателя ИАК в случае его отъездов. В декабре 1894 г. именно для В.Г. Тизенгаузена была введена не предусмотренная Положением об ИАК экстраординарная должность товарища председателя Императорской археологической комиссии.

В.Г. Тизенгаузен, ученик академика Х.Д. Френа, был близок с людьми, чья деятельность также была связана с ИАК, — П.С. Савельевым и П.И. Лерхом. Можно считать, что благодаря В.Г. Тизенгаузену П.И. Лерх пришел в ИАК в качестве делопроизводителя в 1873 г. (об этом ниже, см. также: Розен 1906: 231–236; Веселовский 1887a: CXIV–CXX; Тихонов 2007b: 220–244).

Обратимся к научным заслугам В.Г. Тизенгаузена. В 1868 г. В.Г. Тизенгаузен был избран членом-корреспондентом Нормандского общества антикариев (Musin 2018: 58). Если его уход из Русского археологического общества не находит убедительных объяснений, кроме чрезвычайной занятости делами ИАК, то в 1889 г. он осознанно сложил с себя полученное в феврале 1865 г. звание члена Московского археологического общества из-за возникших разногласий между Археологической комиссией и МАО.

С именем В.Г. Тизенгаузена связано развитие «восточного направления» в деятельности ИАК, а его раскопки 1860-х гг. положили начало изучению «меотских» памятников. В мае 1863 г. ему было выделено 600 руб. из бюджета Комиссии, чтобы он мог познакомиться с раскопками, проводимыми ИАК на юге России. Первый опыт В.Г. Тизенгаузен получил под руководством старшего члена ИАК И.Е. Забелина на завершающем этапе раскопок Чертомлыцкого кургана. С 1867 г. он вел раскопки на Тамани, а в 1875 г. руководил исследованием Семибратних курганов, на что была выделена весьма солидная сумма, составившая 5850 руб., почти половина годового бюджета Комиссии в то время (РО. Ф. 1. Оп. 1-1875 г. Д. 3. Л. 10).

Однако его подлинным научным интересом всегда оставалась восточная археология и древности Золотой Орды. С деятельностью этого члена ИАК связано издание и исследование письменных сведений восточных авторов о Золотой Орде. Этот проект, рассчитанный на четыре тома, был предпринят В.Г. Тизенгаузеном на личные средства его непосредственного «патрона» по Археологической комиссии графа С.Г. Строганова (Сборник материалов 1884). Второй том увидел свет лишь много лет спустя. Ради этого предприятия В.Г. Тизенгаузен не только представил пояснительную записку к изданию (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 5. Л. 5–6), но и собирался совершить ученое шестимесячное путешествие по Европе и посетить Берлин, Лейпциг, Бонн, Мюнхен, Вену, Лейден, Париж и Лондон. С.Г. Строганов в январе 1880 г. обратился к министру народного просвещения Д.А. Толстому за материальной поддержкой этого предприятия, прося на все расходы даровать 2000 руб. и указывая, что накануне 500-летнего юбилея Куликовской битвы подобное издание пришлось бы весьма кстати. Министр во вспомоществовании отказал, однако переслал подписанный Д.А. Дорном, В.Р. Розеном и А.А. Куником положительный отзыв на проект издания конференции Академии наук (Там же. Л. 2–3).

В марте 1880 г. средства на поездку все же были получены от министра императорского двора.

Пожалуй, именно В.Г. Тизенгаузену принадлежала важная, едва ли не центральная роль в организации деятельности ИАК в первые три десятилетия существования. Особенно она возросла после отставки графа С.Г. Строганова в 1882 г., когда новый председатель Комиссии А.А. Васильчиков, одновременно занимавший пост директора Императорского Эрмитажа, не мог уделять много времени делам ИАК. Именно в это время В.Г. Тизенгаузен практически в одиночку ведет огромную переписку с исследователями на местах, в 1882–1886 гг. работает над проектами нового Положения и штатов Комиссии, защищает ИАК от попыток ее реорганизации или просто вытеснения из общественного пространства империи. Немало труда он потратил на приведение в порядок библиотеки Комиссии, каталоги которой часто вел собственноручно. Вплоть до 1897 г. он редактировал и готовил к изданию «Отчеты» Комиссии и переписывался с авторами раскопок. Интересно, что в 1880–1890 гг. В.Г. Тизенгаузен предлагал Комиссии сосредоточиться на «разыскании предметов древности, относящихся к отечественной истории», что очевидно было связано с началом осуществления национально-ориентированной культурной политики Александра III.

Отмечая заслуги В.Г. Тизенгаузена в организации работы Комиссии, необходимо указать, что непосредственным создателем делопроизводства ИАК стал Илья Алексеевич Суслов, принятый на должность журналиста Комиссии 1 января 1866 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24). Он происходил из солдатских детей лейб-гвардии Семеновского полка; образование имел музыкальное. В ИАК он пришел коллежским регистратором и достаточно быстро сделал там чиновную карьеру: в 1871 г. он губернский секретарь, в 1875 г. титулярный советник, в 1878 г. коллежский асессор, в 1882 г. произведен в надворные

СУСЛОВ Илья Алексеевич (20.06.1835 — август 1919) — происходил из солдатских детей лейб-гвардии Семеновского полка, имел музыкальное образование. С 1866 г. журналист, с 1878 по 1902 г. — делопроизводитель ИАК, много сделал для налаживания делопроизводства и унификации отчетности Комиссии. С 1888 г. — коллежский советник. 1 декабря 1902 г. вышел в отставку из-за конфликта с членами комиссии Н.И. Веселовским и А.А. Спицыным.

Источник: РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24; *Орешников А.В.* Дневник. 1915–1933 / ред. П.Г. Гайдуков. М., 2010. Кн. 1. С. 290.

(Фото: ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 52, фрагмент)

ЛЕРХ Петр Иванович (1828 — 4.09.1884) — востоковед и археолог, один из первых исследователей каменного века в России. В 1850 г. окончил курс в Петербургском университете по отделению восточной словесности. С 1861 г. библиотекарь РАО, с 1862 г. секретарь отделения западной и классической археологии. В 1873–1877 гг. секретарь Археологической комиссии, в 1877 г. получил место библиотекаря Петербургского университета. Изучал язык, историю и быт курдских племен. В 1858 г. сопровождал в Хиву и Бухару посольство полковника Н.П. Игнатьева. Летом 1865 г. по заданию ИАК совершил поездку по Олонецкой, Вологодской и Вятской губерниям с целью обзора местных древностей. Собранные им материалы изданы в «Отчете Археологической Комиссии» за 1865 г. и изложены в реферате, который он прочел в 1869 г. на антропологическом и историческом Международном съезде в Копенгагене. В начале 1870-х гг. занялся пехлевийским, зендским, согдийским языками и дешифрировал надписи на монетах, чеканенных в Бухаре в VII–VIII вв. Об этом открытии был сделан доклад на третьем Международном конгрессе ориенталистов в Петербурге в 1876 г., в подготовке которого он принимал активное участие. Готовил обширное исследование «Монеты Бухар-худатов», приблизительно половина исследования была напечатана. Скончался в Гамбурге.

Осн. соч.: Исследования об иранских курдах и их предках, северных халдеях. СПб., 1856–1858. Т. 1–3; Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870; Орудия каменного и бронзового веков в Европе // Известия ИРАО. 1863. Т. 4. Вып. 2. С. 145–169; 1863. Т. 4. Вып. 4. С. 310–323; 1865. Т. 5. Вып. 4. С. 201–220; Обзор материалов по части доисторических древностей, собранных во время командировки в Северную Россию // ОИАК за 1865. 1866. С. XII–XV; Археологическое путешествие в северные губернии // Известия ИРГО. 1865. Ч. 1 (10). С. 196–197.

Лит. о нем: *Тизенгаузен В. Г., Веселовский Н.И.* Петр Иванович Лерх (некролог) // ЖМНП. 1884. №11. Отд. 4, ноябрь. Ч. 236. С. 57–66; Памяти П.И. Лерха (1827–1884) // Записки ИРАО. 1884. Т. I. С. 104–114; *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 34–37.

(Ил.: Портрет К.К. Кастелли. Ок. 1878 г. (ГЭ. № ЭРГ-28836))

советники за «отлично-усердную службу», в 1888 г. он становится коллежским советником. 1 декабря 1902 г. И.А. Суслов был уволен на пенсию по болезни с сохранением права ношения мундира (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24. Л. 265 — 265 об.). Будучи журналистом ИАК, он

с 3 февраля 1877 г. начал исполнять обязанности делопроизводителя (в связи с болезнью П.И. Лерха, см. ниже), а с 1 января 1878 г. был утвержден в этой должности. Интересно, что в конце 1900-х гг. И.А. Суслов, имея в виду получить для себя новые льготы и выплаты, настаивал на 49 с половиной годах государственной службы, тогда как А.А. Бобринской везде указывал 36 лет и 10 месяцев его службы в Комиссии. К причине такого «несовпадения в счете» мы еще вернемся. Необходимо отметить, что именно с деятельностью И.А. Суслова связана унификация многих форм отчетной и корреспондентской документации ИАК в 1870–1890-х гг. При нем в 1899 г. в делопроизводство вводится печатная машинка.

Его преданность делу ИАК сказывалась и на образе жизни. По воспоминаниям В.Г. Дружинина, И.А. Суслов к 11 часам утра приходил на службу, оставался здесь до 5–6 часов вечера, ел насухо, а затем шел в какой-то клуб, где просиживал ночь до утра за картами, возвращался оттуда домой, спал и опять шел на службу. Он же описывает следующую забавную историю: «Суслов был большой патриот Комиссии, и в Кабинете [его императорского величества] над ним давно подсмеивались и поддразнивали его. Однажды сидел он в приемной управляющего Кабинетом и ожидал доклада. К нему подсели чиновники и стали умалять заслуги Комиссии. Слово за слово, чтобы опровергнуть мнение Суслова, они спросили его: “Да каков же годовой бюджет Комиссии?” На это Суслов с пафосом заявил, что Комиссия тратит в год до тридцати тысяч рублей. Тогда чиновники сказали ему: “Ну что же это за учреждение! Метельная команда Зимнего Дворца стоит в год двести тысяч рублей — вот это действительно учреждение!” Суслов так громко протестовал, что собеседникам его пришлось увести его из приемной во избежание скандала» (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д 7. Л. 201, 204).

Человеком, которого И.А. Суслов непосредственно сменил на посту делопроизводителя Комиссии, был Петр Иванович Лерх, который пришел в ИАК, очевидно, не без совета В.Г. Тизенгаузена, чьи «восточные интересы» он также разделял. 12 марта 1873 г. П.И. Лерх, будучи помощником библиотекаря Петербургского университета, пишет прошение о занятии открывающейся вакансии производителя дел. Именно от В.Г. Тизенгаузена он принял эту должность. Специалист по восточным языкам, П.И. Лерх посещал в 1850-х гг. Рославль, где изучал жизнь пленных курдов, а в 1857 г. с научными целями ездил в Хиву и Бухару (см.: Смирнов 2015: 7).

Кроме изучения восточной культуры необходимо отметить вклад П.И. Лерха в изучение древностей каменного и бронзового веков, особенно на Северо-Западе России (Формозов 1986: 187) (подробнее см. главу VI). Уже в 1865 г., будучи членом ИРАО, П.И. Лерх командировался ИАК для обозрения древностей в Вологодской, Олонецкой и Вятской губерниях и выявления «следов доисторических переселений» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 15. Л. 4 об.; ОИАК за 1865 г. 1866: XII–XV). Он продолжал свои научные занятия в области первобытных древностей и в рамках ИАК. С 15 июля по 15 августа 1874 г. П.И. Лерх принимал участие в Стокгольмском съезде археологов. Он уже участвовал в подобной встрече в 1869 г. в Копенгагене, будучи командирован туда Министерством народного просвещения. ИАК обратилась

ЛЮЦЕНКО Александр Ефимович (31.07.1807 — 28.01.1884) — инженер путей сообщений, археолог, коллекционер монет. Член-корреспондент МАО (1869). В 1825–1837 гг. служил в корпусе инженеров в различных округах путей сообщения. С 1838 по 1852 г. — преподаватель училища гражданских инженеров. В 1853 г. занял место директора Керченского музея. С 1859 г. в штате ИАК. Производил раскопки в окрестностях Феодосии, Керчи, на Таманском полуострове, доисследовал Александропольский курган. Впервые ввел в практику съемку планов разыскиваемых курганов, его научные отчеты отличались большой обстоятельностью. В 1878 г. вышел в отставку. Умер в Петербурге.

Осн. соч.: Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях Фанагорийского городища. СПб., 1880.

Лит. о нем: *Марти Ю.* Сто лет Керченского музея: Исторический очерк. Керчь, 1926; *Лазенкова Л.М.* Керченский музей древностей. Основатели. Исследователи. Керчь, 2003.

(Ил.: Марти 1926)

к министру двора с обоснованием такой поездки и необходимости ее финансирования. В письме, в частности, говорилось об успешном развитии в Европе доисторической археологии. Восприятие зарубежного опыта в России представлялось крайне важным для осмысления и обработки «случайно добытого материала» и современной «подъемки». Одновременно в Стокгольме П.И. Лерх имел бы возможность ознакомиться с доисторическими древностями в Национальном музее Швеции.

Однако карьера П.И. Лерха, потрясающе работоспособного исследователя (по воспоминаниям современников, «он душою и телом предавался делу: можно сказать, ночей недосыпал, обеда не доедал, обращался ко всем и каждому, от кого можно было ожидать доставки интересных предметов»), в Комиссии продлилась недолго.

После большого труда по подготовке выставки к Международному съезду ориенталистов в Петербурге в 1876 г. в феврале 1877 г. его разбил паралич: «к хлопотам по выставке, к занятиям в Университете и в Археологической Комиссии присоединились и нравственные потрясения, вызванные болезнями отца и умиравшего дяди». Он просит об увольнении со службы по причине расстроенного здоровья с 1 января 1878 г. Архивное дело сохранило его личную подпись под этим заявлением, сделанную нетвердой рукой. Впоследствии он выезжает в Германию, где в Гамбурге его и настигает кончина (Тизенгаузен, Веселовский 1884: 57–66; ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 10. Л. 1, 7, 19–20, 31, 35).

Не реализовалось желание старшего чиновника канцелярии Императорского Эрмитажа, коллежского секретаря Константина Александровича

Фельдта (1845 — не ранее 1885), ранее служившего в Императорской Публичной библиотеке, который 6 декабря 1879 г. обращается к С.Г. Строганову с просьбой о зачислении его на должность журналиста Комиссии с оставлением при должности в Эрмитаже. Директор А.А. Васильчиков в ответ на запрос председателя ИАК не возражал против такого совместительства, однако 18 декабря С.Г. Строганов пишет просителю, что «вследствие изменившихся обстоятельств определение состояться не может» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1879 г. Д. 36. Л. 1, 10). Предположительно, функции журналиста продолжал выполнять И.А. Суслов, получая за это дополнительное вознаграждение.

Художником Комиссии уже в 1859 г. стал губернский секретарь Иван Никитич Медведев (1828–1886). Он окончил Дворцовое архитектурное училище, служил в Санкт-Петербургском губернском правлении, а с 1852 г. был прикомандирован к А.С. Уварову, работал с ним в Херсонесе и поступил на службу в Министерство уделов, откуда впоследствии перешел в Министерство двора и ИАК. 1 апреля 1861 г. на вакансию канцелярского служителя Комиссии был определен воспитанник Гатчинского сиротского института Николай Данилович Иванов, однако 31 декабря 1864 г. он подал прошение об отставке по здоровью и ввиду домашних обстоятельств (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 8; РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 30).

В архиве ИАК сохранились имена нескольких сторожей Комиссии, в основном из отставных унтер-офицеров. Одним из первых здесь служил Афанасий Афанасьев, который с 1854 г. был швейцаром в Академии художеств, а в ИАК оказался не ранее осени 1861 г.

БЕГИЧЕВ Кирилл Родионович (1819 — 7.03.1862). Поступил в дворянский полк в 1835 г. В 1837 г. прикомандирован к учебному карабинерскому полку для испытания по службе. С 1843 г. служил в Виленском егерском полку. В 1845 г. уволен в чине штабс-капитана по собственному прошению. С 1853 по 1862 г. помощник директора Керченского музея. Известны его карандашные, акварельные и гравированные рисунки. Некоторые из них украсили роскошное издание «Древности Боспора Киммерийского». СПб., 1854.

Источник: РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 3; РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 3; РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 6; РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 9.

Лит. о нем: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. С. 298–299; *Виноградов Ю.А.* Древности Боспора Киммерийского в рисунках К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН). Симферополь, Керчь, 2017.

(Фото: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 146. Л. 1).

ГРОСС Федор Иванович (Фридрих Иоганн) (1822 [?] — 12.11.1897) — художник, археолог. Родился в Симферополе, получил домашнее воспитание, живописи учился у своего отца Иоганна Людвига Гросса. В 1854–1855 гг. занимался живописью и литографией в Одессе. С 1857 г. — учитель рисования, черчения и чистописания при керченском Кушниковском девичьем училище. Исправлял должность помощника директора Керченского музея с 1.04.1862 по 1884 г. С 8.03.1884 по 1891 г. — директор Керченского музея. В 1888 г. назначен членом ИАК с возложением обязанностей директора музея. В 1864 г. организует четыре большие выставки своих картин под общим названием «Виды Крыма». В 1867 г. пожалован золотым перстнем с алмазными камнями за альбом с крымскими видами, поднесенный императору. Создал прекрасный альбом рисунков керченских ваз. В 1871 г. за исполнение обширного и сложного труда по снятию снимков с фресок катакомбы, открытой в Керчи, получил благодарность от ИАК и денежное вознаграждение. Его рисунки — замечательная иллюстрация деятельности археологов на Керченском полуострове. 1 мая 1891 г. по состоянию здоровья был уволен со службы. В настоящее время место захоронения на городском кладбище в Керчи утеряно.

Осн. соч.: Коллекция живописных видов Крыма. Одесса, 1846; Альбом с 15-ю видами Одессы с картин Гросса. Одесса, 1854–1855.

Лит. о нем: *Мальгина М.* Художественная литография XIX в. и загадка Ф. Гросса // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. 1996. №13. С. 31–35; *Лазенкова Л.М.* Керченский музей древностей. Основатели. Исследователи. Керчь, 2003.

(Ил.: Марти 1926)

Новым сторожем стал П. С. Клекин, отставной унтер-офицер лейб-гвардии Преображенского полка, думавший служить в таможне в должности швейцара, но определенный в ИАК. С 1867 г. сторожем был Устин Михайлов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 23. Л. 1, 8; РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 14. Л. 1, 8).

Достаточно быстро сформировался штат «южного фланга» Комиссии — Керченского музея древностей. Должность директора унаследовал Александр Ефимович Люценко, возглавлявший музей с марта 1853 г. Он был уволен в 1878 г. согласно прошению, в связи с «расстроенным здоровьем». Его помощником стал Кирилл Родионович Бегичев (см. о нем: Виноградов 2017b: 8–21, 37–287), отставной штабс-капитан, занимавший эту должность с 1853 г. После его кончины в 1862 г. «условно допущенным к исправлению должности» помощника

директора с испытательным сроком 22 апреля стал учитель рисования, черчения и чистописания при керченском Кушниковском училище живописец и фотограф Федор Иванович Гросс (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 9; см. также: Виноградов 2017b: 22–287).

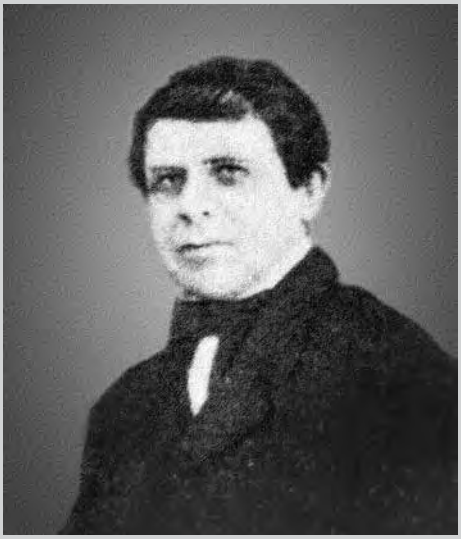
6 апреля 1873 г. А.Е. Люценко подает в ИАК рапорт с просьбой утвердить Ф.И. Гросса в занимаемой должности с 1 сентября 1862 г., что и было сделано. Однако в № 116 «Правительственного вестника» ошибочно сообщалось, что Ф.И. Гросс утвержден именно «директором» музея, что заставило честолюбивого А.Е. Люценко писать тревожные письма в Петербург, а С.Г. Строганова в ответном письме указать на ошибку официального издания (РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 29. Л. 1 — 3 об., 13).

Интересно, что Ф.И. Гросс был не единственным кандидатом на должность помощника. О подобном назначении для себя ходатайствовал уже 13 марта 1862 г. Андрей Максимович Стефанский, учитель рисования Керченского уездного училища. Изначально ответственность за выбор помощника С.Г. Строганов возложил на самого директора, однако тот предпочел переложить этот долг на председателя, предложив ему лично отвечать А.М. Стефанскому, но присовокупив, однако, что совет Академии художеств дал «невыгодный отзыв» на его работы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 9. Л. 4, 6).

Стоит отметить, что за год до этого, 17 января 1862 г., керченский градоначальник контр-адмирал А.П. Спицын ходатайствовал о причислении в качестве фотографа к Керченскому музею местного купца Маркуса Эдельштейна и пересылал в качестве доказательства профессионализма последнего сделанные им снимки пьедесталов и надгробной плиты. А.Е. Люценко, будучи вопрошен председателем о целесообразности такого шага, в ответном рапорте 26 мая 1861 г. написал, что находит такое причисление «не удобным» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 24).

В начале 1870-х гг. здоровье директора пошатнулось, что оказалось сопряжено по времени с материальными затруднениями в его жизни. В феврале 1869 г. А.Е. Люценко попросил С.Г. Строганова о своей отставке, а также о выделении ему под Феодосией участка земли, дабы он смог прокормить себя. При этом он предлагал назначить директором вместо себя исследователя местных древностей П.И. Хицунова, а сам предполагал получить звание члена-корреспондента ИАК. С.Г. Строганов принял иное решение: не увольнять директора, а дать ему отпуск с годовым содержанием 928 руб. На время отпуска исполняющим обязанности директора был назначен В.Г. Тизенгаузен, и в том же году Керченский музей переехал из дома Померанцева на съемную квартиру в доме Кулисича (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 7. Л. 1–5, 7–8, 14).

Новым директором музея в конце концов стал не П.И. Хицунов, а статский советник Степан Иванович Веребрюсов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 30. Л. 1–2). Еще в конце 1877 г. он сообщил С.Г. Строганову о пошатнувшемся здоровье А.Е. Люценко и о его желании уйти в отставку, намекая на свою кандидатуру на замещение освободившегося места. 9 января 1878 г. ему было предложено подать соответствующее прошение в ИАК, которое было написано 30 января. С.И. Веребрюсов, купеческого происхождения, бывший инспектор Таганрогской гимназии, родом из Феодосии,



ВЕРЕБРЮСОВ Степан Иванович (1819 [?] — 7.03.1884) — статский советник, из купеческих детей, окончил курс Харьковского университета в звании кандидата. Служил в канцелярии новороссийского генерал-губернатора. В 1842 г. определен учителем русской словесности в Екатеринославскую губернию. В 1858 г. переведен инспектором в Таганрогскую комиссию по 1865 г. Директор Феодосийского музея древностей, в 1878–1884 гг. — директор Керченского музея.

Источник: РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 30; РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 8.

(Ил.: Марти 1926)

где он владел 600 десятинами земли, был председателем Феодосийского уездного училищного совета и директором Феодосийского музея древностей, который с 1851 г. состоял в ведении Императорского Одесского общества истории и древностей. Один из резонов к занятию новой должности С.И. Веребрюсов видел в том, что должностные члены общества, как и директор музея, окладов не получали, тогда как должность директора Керченского музея состояла «в известном классе, иначе являлась штатной» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 30. Л. 4). При этом он просил о назначении на должность с сохранением пенсии положенного по штату жалования 600 руб., но с выдачей «столовых денег» 328 руб. в год. Официально С.И. Веребрюсов был назначен на эту должность 1 апреля 1878 г., и все же вместо пенсии ему было назначено жалование (Там же. Л. 17). Судя по всему, новый директор не торопился прибыть в Керчь, где А.Е. Люценко тяготился создавшимся положением, уже прочитав о своей отставке в прессе, хотя новое назначение так еще и не было официально произведено.

Только 12 мая С.И. Веребрюсов принял музей и уже 22 февраля 1883 г. был представлен к получению чина действительного статского советника.

Однако в ночь с 6 на 7 марта 1884 г. С.И. Веребрюсов скончался, и в должности директора с 8 марта был утвержден Ф.И. Гросс, который принял музей 14 марта (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 11). На сей раз тоже не обошлось без интриги. На следующий день после кончины директора, 8 марта, статский советник Илья Степанович Бескровный, член-корреспондент ООИД, бывший (до 1864 г.) заведующий Феодосийским музеем древностей, который в то время уже заведовал гробницей при Мелек-Чесменском кургане, просил керчь-еникальского градоначальника контр-адмирала Николая Карловича Вейса исходатайствовать ему освободившуюся должность. 14 марта градоначальник изложил председателю ИАК А.А. Васильчикову эту просьбу, присовокупив, что ему «ни мало неизвестно», насколько И.С. Бескровный может исполнять эту должность, но то, что тот постоянно избирается в почетные

мировые судьи, говорит о многом. 26 марта И.С. Бескровный сам пишет в Петербург, однако Ф.И. Гросс еще в своем рапорте от 13 марта выражает беспокойство совершающейся интригой (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 11. Л. 3, 11 — 11 об., 14 — 14 об.). Параллельно развивалась еще одна интрига: 28 марта титулярный советник Василий Христофорович Кондараки из Ялты тоже просит назначить его на должность директора Керченского музея, ссылаясь при этом на свои связи с ООИД (Там же. Л. 16 — 16 об.). История деятельности ИАК на юге Российской империи всегда была в значительной степени связана с личностным фактором...

Еще одним подразделением ИАК была «Римская комиссия археологических разысканий», о деятельности которой сохранились весьма немногочисленные свидетельства. Существует мнение, что ее создание связано с тем, что в 1846 г. русское правительство приобрело участок земли на Палатинском холме в Риме. На следующий год итальянский археолог Анджело Весковали (1826–1895) начал производить здесь раскопки, и Римская комиссия должна была наблюдать за этими изысканиями (Охрана памятников 1978: 334, примеч. 16). Однако, официально созданная еще в середине 1840-х гг., она практически начала действовать лишь с назначением 10 декабря 1850 г. князя Григория Петровича Волконского на должность «заведующего комиссией» и «попечителя над находящимися в Риме пенсионерами Академии художеств». В его служебные обязанности входило оказание содействия и руководство этими художниками. Помощником заведующего тогда же был назначен Степан Александрович Гедеонов (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 49–51), который позднее, с 4 апреля 1861 г., стал руководителем комиссии. С 27 мая 1853 г. к комиссии был причислен князь Александр Христофорович Ливен. Секретарем при попечителе — заведующем комиссии состоял с 1 января 1858 г. титулярный советник П.И. Лерх (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 25. Л. 11–15; Сборник 1866: 151).

Однако, когда в 1863 г. С.А. Гедеонов был назначен первым директором Императорского Эрмитажа, Римская археологическая комиссия «тихо умерла», поскольку ее функции взял на себя сам «Императорский Музеум». В 1869–1870-е гг. С.А. Гедеонов, чередуясь с Л.Э. Стефани, бывшим в это время членом-корреспондентом ИАК (об этом см. ниже), исполнял обязанности председателя Комиссии во время отпусков и отъездов С.Г. Строганова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1874 г. Д. 7. Л. 3, 7).

Необходимо упомянуть еще об одном направлении деятельности Комиссии, порученном ей изначально, и о связанных с ним личностях, но, однако, до конца столетия так и не ставшем одним из ее приоритетов. Почти с самого начала существования Комиссии ей была поручена миссия, которая в силу ряда причин, в том числе правовых и организационных, практически не могла быть ею исполнена. 20 декабря 1859 г. последовало «особое Высочайшее повеление» № 5823, возлагающее на Комиссию обязанность «отыскивания и возобновления древней стенной иконной живописи в старинных православных церквах» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 53. Л. 7 об.). Следствием этого повеления стало причисление к Комиссии членов Императорской академии художеств Федора Григорьевича Солнцева

ГЕДЕОНОВ Степан Александрович (1.06.1816 — 15.09.1878) — гофмейстер, тайный советник, историк, археолог-искусствовед, театральный деятель. Из старинного смоленского шляхетского рода. В 1832 г. поступил на службу в московскую Дворцовую контору. В 1835 г. окончил Санкт-Петербургский университет, историко-филологический факультет, и был определен секретарем при президенте Академии наук. С 1849 г. — чиновник по особым поручениям при Министерстве народного образования. В 1850 г. назначен помощником заведующего, а в 1861 г. заведующим Римской археологической комиссией. В 1863 г. назначен директором Эрмитажа. Приобрел для музея ряд шедевров мирового искусства. Автор каталога древней скульптуры. В 1867–1875 гг. одновременно руководил Императорскими театрами. В 1874 г. временно назначен заведующим делами ИАК. Был удостоен Уваровской премии за труд «Варяги и Русь». Почетный член Императорской академии наук (1863). Действительный член Общества любителей российской словесности (1863), МАО (1864), Общества истории и древностей (1875).

Осн. соч.: Варяги и Русь. СПб., 1876; Галерея древней скульптуры. СПб., 1866.

Лит. о нем: Русский биографический словарь. Т. Гааг-Гербель. СПб., 1914; Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: биобиблиографический справочник. СПб., 2004. С. 49–51.

(Ил.: Сотрудники... 2004: 49)

и Ивана Петровича Вольского. Судя по имеющимся документам, это повеление было инспирировано самим Ф.Г. Солнцевым, который летом 1859 г. осматривал памятники древнерусской архитектуры во Владимире и в декабре докладывал императору об их печальном состоянии.

Граф Строганов расценивал подобную миссию как совершенно чуждую вверенной ему Комиссии и всячески пытался сложить ее с себя. Во всяком случае, вплоть до 1880-х гг. Комиссия практически не занималась проблемами охраны памятников церковной старины. Вместе с тем необходимо отметить, что уже с 1860-х гг. Комиссия была вовлечена в процесс охраны и ремонта памятников гражданского и военного зодчества в Туле, Гдове, Каменце-Подольском, Ревеле, которые тогда активно приводились в порядок или же подвергались угрозе разборки и разрушения (подробнее см. главу XIII).

В результате повеления «причисленные к Комиссии» академики Ф.Г. Солнцев и И.П. Вольский исправно получали денежное вознаграждение: первый от Кабинета — 857 руб. 14 коп., второй из Казначейства — 500 руб. год.

СОЛНЦЕВ Федор Григорьевич (14.04.1801 — 3.03.1892) — художник, археолог. Родился в крестьянской семье в Ярославской губернии. Окончил Императорскую Академию художеств. Под руководством А.Н. Оленина изучал русские древности. В 1830 г. был командирован по России для срисовывания старинных предметов, утвари, одежд, оружия. Часть этих рисунков вошла в издания «Памятники московской древности» (1842–1845) и «Древности Российского государства» (1849–1853). В 1836 г. получил звание академика за картину «Свидание князя Святослава с Иоанном Цимисхием». С 1841 г. работал по заказу Святейшего Синода. Участвовал в реставрации Софийского собора в Киеве, открыл там древнюю живопись и мозаику, сделал рисунки и прориси с древних изображений. В 1876 г. удостоен звания профессора. Действительный член МАО с 1875 г. В декабре 1859 г. был причислен к ИАК для «отыскивания и возобновления древней стенной иконной живописи в старинных православных церквах».

Осн. соч.: Русские святые — предстатели перед Богом за царя и Святую Русь. СПб. 1880; Святой благоверный князь Александр Невский. СПб., 1884; Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. 1876. Т. 15. Январь. С. 109–128; февраль. С. 311–323; март. С. 617–644; май. С. 147–160; июнь. С. 263–302; Рязанские древности или известие о старинных и богатых великокняжеских или царских убранствах, найденных в 1822 году близ с. Старая Рязань. СПб., 1834 (в соавторстве с А.Н. Олениным); Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. Рис. Ф.Г. Солнцева. СПб., 1854.

Лит. о нем: *Собко Н. П.* Ф. Г. Солнцев и его художественно-археологическая деятельность // Вестник изящных искусств. 1883. Т. 1. Вып. 3. С. 471–481; *Верховец Я.Д.* Федор Григорьевич Солнцев — художник-археолог. СПб., 1899; *Маслов К.И.* Академик Ф.Г. Солнцев. Художник-археолог, реставратор // Искусство христианского мира. 1999. №3. С. 209–219; *Евтушенко М. М.* Академик живописи Ф.Г. Солнцев (1801-1892). М., 2017.

(Ил.: Портрет И.П. Пожалостина (ГЭ. № ЭРГ-15747))

И если И.П. Вольский еще участвовал в деятельности ИАК, сопровождая В.Г. Тизенгаузена в его ученых путешествиях по южным губерниям России, то Ф.Г. Солнцев, похоже, расценил получаемые деньги как заслуженный пенсион. Пожалуй, единственный раз, когда его участие в делах ИАК оказалось зафиксировано в архивном деле, был связан с его миссией по копированию надгробных надписей в музее Университета св. Владимира в Киеве. 15 мая 1867 г. С.Г. Строганов, узнав, что по поручению РАО Ф.Г. Солнцев отправляется на лето в Киев, попросил того сфотографировать или сделать «бумажные

ВОЛЬСКИЙ Иван Петрович (1817 — 9.09.1868) — титулярный советник, получил воспитание в Академии художеств, в 1839 г. выпущен в звании художника, ученик М.Н. Воробьева. В 1840 г. причислен к Оружейной палате. В 1844 г. послан в Московскую губернию для снятия копий с росписей в Ново-Иерусалимском и Саввино-Сторожевском монастырях. Причислен к ИАК с 1859 по 1868 г. Преподавал рисование в Мариинском институте (1867). Кисти Вольского принадлежат акварели с изображением парадных интерьеров дворцов, хранящиеся в коллекции Эрмитажа.

Источник: РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 29. Л. 7–10; РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 11.

СТЕФАНИ Лудольф Эдуардович (17.03.1816 — 30.05.1887) — археолог и филолог, академик. В 1841 г. окончил Лейпцигский университет со степенью доктора филологии. В 1842–1843 гг. посетил Афины, Смирну, Константинополь, Северную Грецию, Рим. С 1846 г. профессор археологии на кафедре классической филологии Дерптского университета. По поручению Академии наук издавал труды академика Е. Е. Келера. В 1850 г. был избран членом Императорской Академии наук и переселился в Петербург. В 1852 г. назначен директором Нумизматического и Египетского музеев при Академии наук. В 1851–1887 гг. был хранителем греческих и римских древностей при I Отделении Эрмитажа. С 1860 г. член-корреспондент ИАК, с 1859 по 1883 г. принимал непосредственное участие в написании и издании отчетов ИАК. В 1886 г. получил звание почетного члена ИАК. Состоял членом многих ученых обществ.

Осн. соч.: Der Kampfzwischen Teseus und Minotauros. Leipzig, 1842; Titulorum graecorum. T. I–V. Dörpt, 1848–1850; Reise durch einige Gegenden des nördlichen Griechenlandes. Leipzig, 1843; Antiquités du Bosphore Cimmerien. Saint-Pétersbourg, 1854; Apollon Boëdromios. Saint-Pétersbourg, 1860; Die Vasen-Sammlung der Kaiserlichen Ermitage. Saint-Pétersbourg, 1869; Die Silbervase von Nikopol. Saint-Pétersbourg, 1873.

Лит. о нем: Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2004. С. 139–141; *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX века). СПб., 2002.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-С. Д. 26. Л. 1)

оттиски» с хранившихся там надгробий, а также выяснить их происхождение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 13. Л. 1–3).

В 1868 г. вместо И.П. Вольского, скончавшегося 9 сентября, к ИАК был причислен академик живописи барон Михаил Петрович Клодт фон

Юргенсбург (РО. Ф. 1. Оп. 1-1868 г. Д. 27. Л. 4, 5, 8; РО. Ф. 1. Оп. 1-1872 г. Д. 38. Л. 3 — 3 об.). Он был уверен, что И.П. Вольский был «художником» Комиссии, и 13 сентября просил определить его в ИАК именно на эту должность. Однако такое «причисление» носило весьма непродолжительный характер: по семейным обстоятельствам барон попросил уволить его с мая 1873 г.

Кадровый вопрос всегда был одним из самых острых в деятельности ИАК. С 1872 г. сведения о составе Комиссии стали регулярно публиковаться в адрес-календаре Министерства императорского двора, который издавался Департаментом герольдии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1872 г. Д. 38). Согласно пунктам 4, 21 и 23 Положения об ИАК, она могла иметь почетных членов и членов-корреспондентов, содействующих в достижении Комиссией ее целей и даже имеющих право быть представленными к наградам за важные открытия и оказанные большие услуги. Привлечение членов-корреспондентов в ИАК могло бы решить некоторые проблемы ее научной активности и восполнить недостатки сотрудников, однако только один раз С.Г. Строганов прибегнул к такой возможности: 2 марта 1860 г. хранитель Эрмитажа академик Лудольф Эдуардович Стефани был избран в члены-корреспонденты (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 7. Л. 3). Труды Л.Э. Стефани по обработке и публикации материалов из раскопок Комиссии были щедро вознаграждены. В 1876 г. председатель Археологической комиссии ходатайствовал об установлении академику на 12 лет «ежегодной аренды» по 1200 руб. В итоге рассмотрения этого дела в вышестоящих инстанциях аренда была заменена выплатой из средств Государственного казначейства, для чего потребовался специальный указ императора. Вплоть до 1886 г. новых избраний не производилось. Таким образом, Л.Э. Стефани в течение долгих лет был практически единственным «внештатным сотрудником» Комиссии.

ИАК привлекала также к своей деятельности лиц, не связанных с ней организационно. В апреле 1864 г. заслуженный профессор Филипп Карлович Брун (1804–1880) из Ришельевского лицея в Одессе, по его собственной инициативе, был командирован Комиссией в Бессарабский и Новороссийский края для сравнения современных географических условий с информацией из произведений античных авторов о Геродотовой Скифии. На таковые «проверку и сличение» ему было выдано 600 руб. В октябре 1865 г. он представил в Комиссию «Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях» как введение к готовившемуся изданию о скифских древностях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 13. Л. 1–10; ср.: Брун 1872).

VI

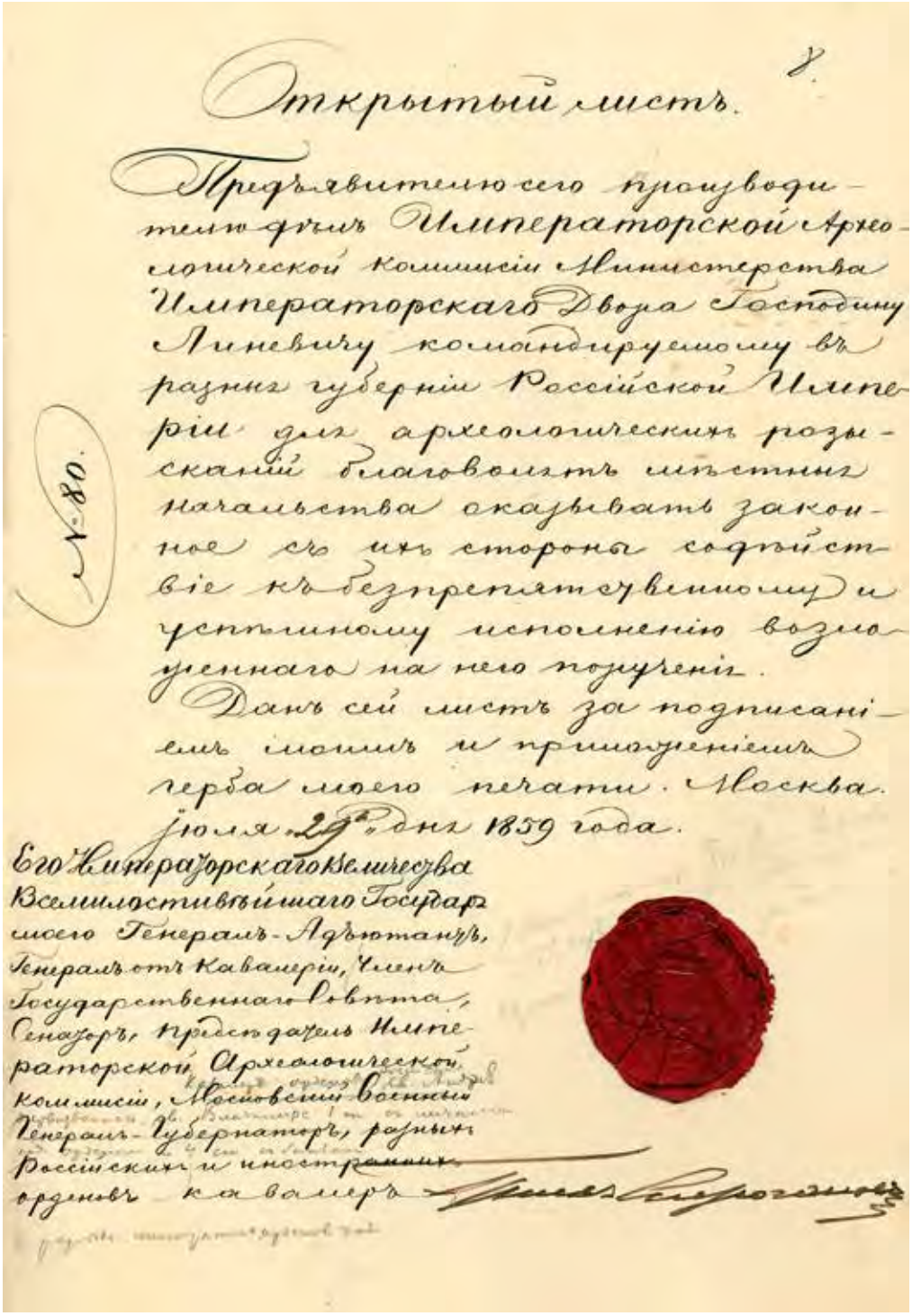
Одной из первых задач ИАК стало создание административного делопроизводства, связанного с проведением археологических исследований на территории Российской империи и согласованного с существующим правовым пространством. Необходимо было найти форму документа, обеспечивающего контроль государства над раскопками и находками на казенных и общественных землях. Открытый лист — документ, который сегодня является одним

из главных регуляторов деятельности археологического сообщества и дает право на проведение археологических исследований — изначально присутствовал в деятельности ИАК. Годом начала выдачи Открытых листов, подтверждающих право их владельцев на производство археологических исследований, надлежит считать 1859, поскольку в 1889 г., как будет показано ниже, такая практика получила лишь окончательную кодификацию в имперском законодательстве и в силу этого — беспрекословное признание со стороны членов археологического сообщества (ср.: Сорокина 2008: 28, 29, 37, 38).

Само явление пришло в науку из бюрократической процедуры и до определенного времени обозначало лишь пропуск (laissez passer) как разрешение на свободный проезд по определенной территории по служебной надобности, содержащее обращение к местным властям о содействии в исполнении возложенной на чиновника миссии. Существовало и другое значение: Открытый лист позволял физическому лицу беспрепятственное следование через государственную границу и предоставлял право на свободный и беспошлинный провоз находящегося при нем багажа через таможню той страны, властями которой он выдан. В таком виде Открытый лист до сих пор сохраняется в дипломатическом обиходе. Академик А. Н. Крылов в своих воспоминаниях красочно описывает, как он в 1913 г. получал Открытые листы «на 15 мест вещей» и командировочный паспорт в Министерстве иностранных дел для испытания новых судовых устройств в северной Атлантике. Пять рублей, вовремя данные курьеру и делопроизводителю, избавили его от хождения по замкнутому кругу от начальника канцелярии к руководителям департаментов (Крылов 2003: 195).

В России Открытые листы выдавались конкретными ведомствами, командировавшими своих чиновников и служащих для исполнения соответствующих миссий на территории империи и за ее пределами. Один из первых листов от имени ИАК был выдан 29 июня 1859 г. делопроизводителю ИАК А. С. Линевичу для поездки в ряд южных губерний Астраханской области с целью определения перспективности продолжения раскопок на Царевском городище и выработки стратегии исследований кубанских памятников (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 17. Л. 8). Этот лист, как и последующие, был выдан С. Г. Строгановым и содержал следующую фразу: «Предъявителю сего... командируемому в разные губернии Российской империи для археологических разысканий, благоволят местные начальства оказывать законное с их стороны содействие к беспрепятственному и успешному исполнению возложенного на него поручения. Дан сей лист за подписанием моим и приложением герба моего печати» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 22. Л. 3).

Однако подобные документы до определенного времени могли дублироваться на местах. Одновременно с этим документом А. С. Линевич пользовался в поездке «Открытыми предписаниями» Астраханского губернатора от 21 августа и «исправляющего должность наказного атамана» Войска Донского от 28 августа, а также «Открытым листом» Екатеринославского губернатора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 17. Л. 9, 10, 11) и даже «Открытым приказом» главного атамана Войска Донского (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 22. Л. 4).



8.

Открытый листъ.

Предъявителю сего производителю дѣлъ Императорской Археологической Коммиссіи Министерства Императорскаго Двора Господину Линевичу командированному въ разныя губерніи Россійской Имперіи для археологическихъ розысканій благоволять мѣстныя начальства оказывать законное съ ихъ сторона содѣйствіе къ безпрепятственному и успѣшному исполненію возложеннаго на него порученія.

Данъ сей листъ за подписаніемъ моимъ и приложеніемъ герба моего печати. Москва. Іюля 29 дня 1859 года.

№ 80.

Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего Генералъ-Адъютантъ, Генералъ отъ Кавалеріи, Членъ Государственнаго Совѣта, Сенаторъ, Предсѣдатель Императорской Археологической Коммиссіи, Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, разныхъ Россійскихъ и иностранныхъ орденовъ кавалеръ — Дмитрий Дорогобужъ

Изначальная форма Открытого листа (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 17. Л. 8)

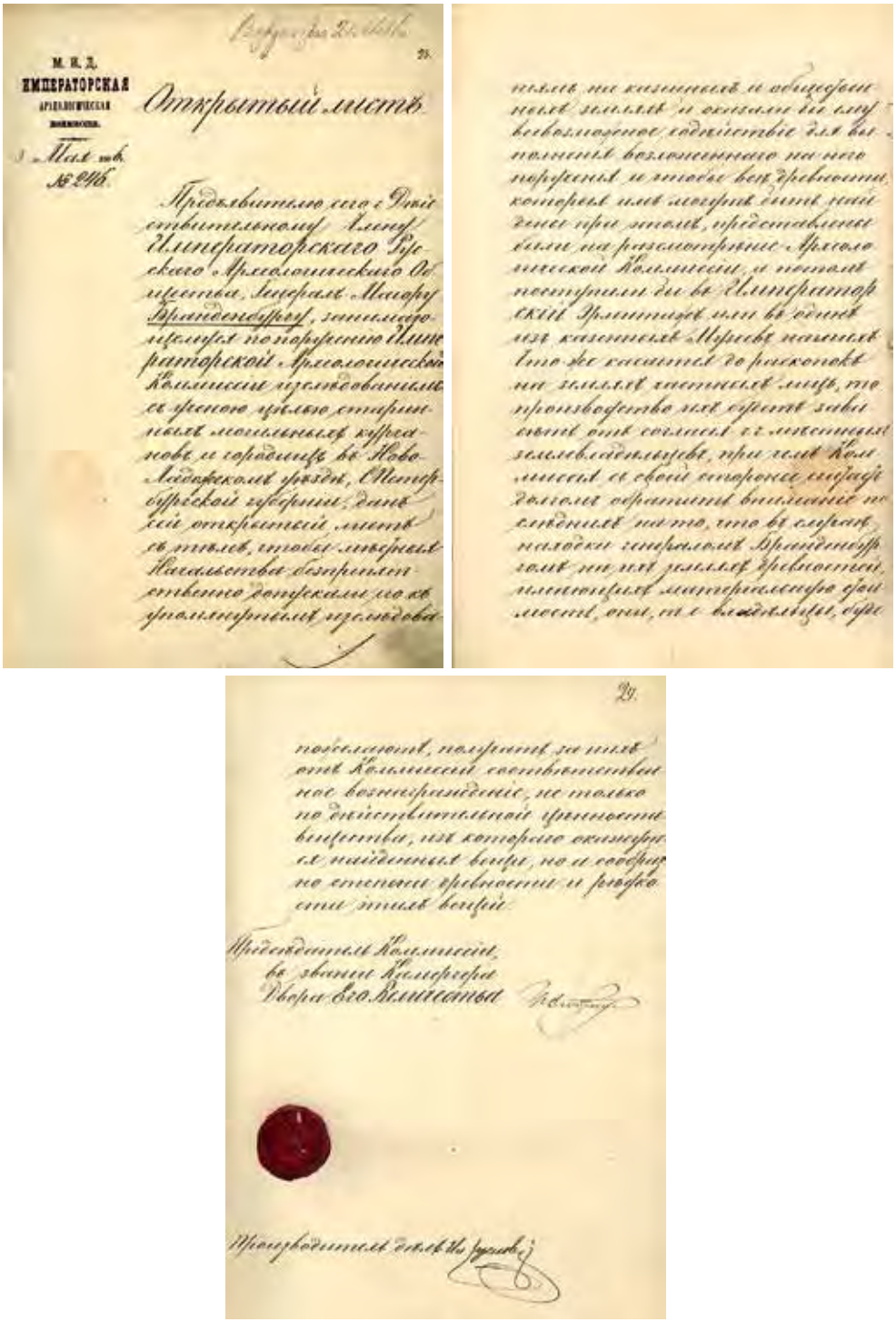
Все документы подтверждали полномочия археолога перед лицом местного начальства и обязывали оказывать ему всяческое содействие. Появление подобных документов было результатом личного обращения председателя ИАК к губернаторской власти (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 6. Л. 14). Однако они сравнимы с современной практикой регистрации Открытого листа в органах местной власти и охраны памятников.

Текст Открытых листов варьировался в зависимости от исполняемой миссии. Так, Я.М. Лазаревскому, отправлявшемуся на Белое озеро, был выдан лист на «археологическое исследование древних насыпей» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 15. Л. 38) и подорожная грамота, а самый первый лист на «архитектурно-археологические исследования» был выписан 31 мая 1860 г. А.С. Линевичу для осмотра древних церквей г. Владимира в преддверии их возможной реставрации (Там же. Д. 9. Л. 29).

10 июня 1888 г. Открытый лист был выдан И.И. Толстому, который собирался посетить с «инспекторской целью» раскопки на Старорязанском городище, на «осмотр и исследование всех остатков древности». Интересно, что это один из немногих документов Комиссии, где право такого осмотра и исследования распространялось на «казенные, церковные и общественные земли», что, как будет показано ниже, отражало определенный этап в борьбе ИАК за свои полномочия по охране и исследованию российской старины (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 45. Л. 9). Листы могли выдаваться «на раскопки развалин древней церкви», как это было сделано 27 апреля 1887 г. для Н.Е. Бранденбурга и его работ в Старой Ладоге, «на изучение мест древних сражений» или на «осмотр древней фресковой живописи в связи с возможным изданием». Такой лист на посещение Преображенского собора Мирожского монастыря во Пскове 17 марта 1893 г. получил В.В. Суслов (Там же. Д. 63б. Л. 9).

В апреле 1865 г., в связи с административными реформами в империи, ИАК была вынуждена запрашивать бланки Открытых листов в Министерстве внутренних дел: в департаменте исполнительной полиции и в департаменте общих дел — с обязательством сообщать, кому эти листы были выданы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 14. Л. 2, 4, 6). Однако известия о таком порядке выдачи листов относятся лишь к одному году. В 1891 г. в связи с введением единой формы Открытых листов 1889 г. была заведена книга их выдачи.

Мнение о том, что Открытый лист был своего рода «подорожной» и давал право беспрепятственно пользоваться в дороге государственными лошадьми, оказывается несостоятельным. Подорожные запрашивались отдельно в управлении военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга. Их использование было регламентировано и подлежало строгой отчетности перед выдавшей их организацией: ИАК сообщало генерал-губернатору кто и для каких целей воспользовался выданными документами. Так, в феврале 1860 г. ИАК запросила пять подорожных, в мае того же года — еще пять (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 3. Л. 1–4). С 1867 г. подорожные выдавало Распорядительное отделение Канцелярии Санкт-Петербургского губернатора, а с 1869 г. существовала особая форма «Отчета о приходе и расходе подорожных бланков по казенной надобности» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 14. Л. 26–27).



М. Н. Д.
ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОМИССІЯ.
№ 296.

29.

Открытый листъ.

Предъявителю сего Дѣйствительному Члену Императорскаго Россійскаго Археологическаго Общества, Генералъ-Майору Бранденбургу, занимающемуся по порученію Императорской Археологической Коммиссіи изслѣдованіемъ древняго города старинныхъ могильниковъ хутора Ново-Ладожскомъ уѣзда, С.Петербургской губерніи, даетъ сей открытый листъ въ томъ, чтобы мѣстныя Начальства безпрепятственно допускали его къ упомянутымъ изслѣдованіямъ на кладбищахъ и общественныхъ земляхъ и оказали ему всевозможное содѣйствіе для выполненія возложеннаго на него порученія и чтобы всѣ древности, которыя имъ могутъ быть найдены при этомъ, представлены были на разсмотрѣніе Археологической Коммиссіи, и поступили бы въ Императорскій Эрмитажъ или въ одинъ изъ музеевъ. Мѣстныя же власти въ то же время до раскопокъ на земляхъ частныхъ лицъ, то производство имъ строго запретить отъ согласія съ мѣстными землевладѣльцами, при чемъ Коммиссія съ своей стороны имѣетъ честь обратить вниманіе на то, что въ случаѣ находки генераломъ Бранденбургомъ на этихъ земляхъ древностей, принадлежащихъ Императорскому Музею, они, по выдѣленіи, будутъ

29.

поступать, получитъ за этимъ отъ Коммиссіи соотвѣтственное вознагражденіе, не только по дѣйствительной цѣнности вещества, изъ котораго окажутся найденныя вещи, но и сообразно степени древности и редкости этихъ вещей.

Предсѣдатель Коммиссіи,
въ званіи Камергера
Двора Его Величества

Производитель дѣлъ Ив. Дурдинъ

Открытый лист Н.Е. Бранденбурга 3 мая 1886 г. на исследование в Старой Ладоге (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 17. Л. 23–24)

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

Подорожный бланк Я.М. Лазаревскому для поездки на Белоозеро (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 15. Л. 37)

Примечательно, что Открытые листы изначально выдавались лишь сотрудникам ИАК или лицам, которых ИАК отправляла на места с официальной миссией. Так, в 1867 г., коломенскому участковому мировому судье А.П. Кикину, запросившему разрешение на исследования курганов в Коломенском уезде «на землях частных и государственных крестьян», ИАК просто ответила, что с ее стороны «не встречается препятствий к дозволению» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 32. Л. 1 — 3 об.; ср.: ЦИАМ. Ф. 16. Д. 3338).

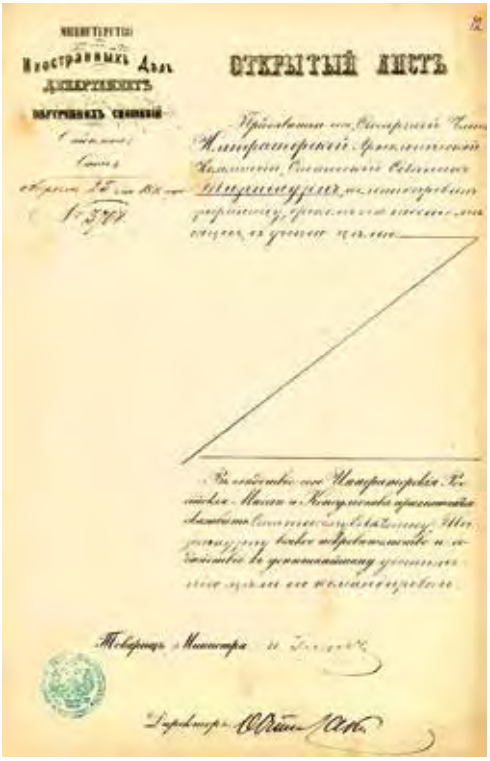
П.А. Шишкину, который в 1869 г. выразил желание исследовать курганы в Псковской губернии на земле крестьян государственных имуществ, 25 февраля было выдано «свидетельство» «в том, [что] Императорская археологическая комиссия на основании Высочайше утвержденного 2 февраля 1859 года устава ее разрешает ему производить под личным его наблюдением и за его собственный счет на казенной земле <...> в течение летнего времени текущего 1869 года» раскопки. На будущий год свидетельство было возобновлено (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 5. Л. 2 — 2 об.). В июне 1871 г. был выдан Открытый лист купеческому сыну Сергею Бочарникову на исследование за свой счет городищ и курганов без указания формы собственности на землю (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 15. Л. 6). Похоже, процедура выдачи разрешений на раскопки к началу 1870-х гг. начала стандартизироваться, однако, похоже, что такой документ, как Открытый лист, распространялся лишь на подведомственные Комиссии казенные земли.

Для зарубежных миссий существовал иной официальный набор документов. В 1880 г. В.Г. Тизенгаузену,

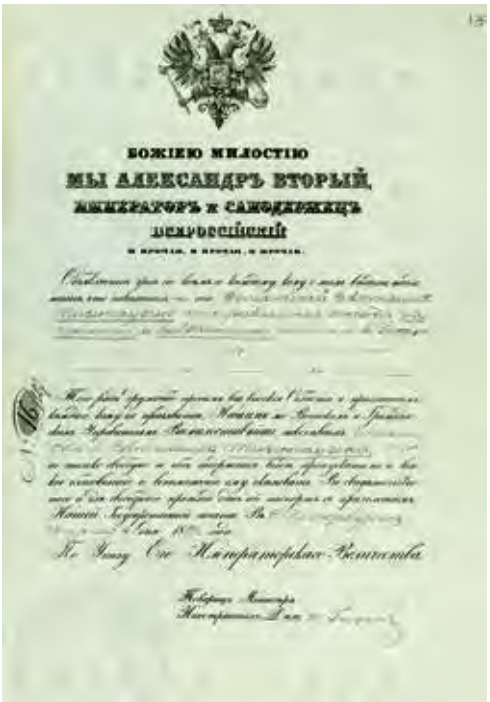
Открытый лист С. Бочарникова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 15. Л. 6 — 6 об.)

который был командирован в Европу, по запросу С.Г. Строганова Министерство иностранных дел выдало Открытый лист и паспорт на поездку за границу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 5. Л. 12, 13–13а). П.И. Лерх для поездки в Швецию в 1874 г. получил подорожную грамоту.

Не меньше сложностей в деятельность ИАК вносила и финансовая отчетность. 26 декабря 1863 г. при Министерстве двора была открыта «единая касса» и введены новые кассовые ведомости, в частности «требовательная ведомость содержания» чиновником и служащим и форма «счета в употреблении аванса». ИАК в своей деятельности руководствовалась «Правилами бухгалтерского счетоводства в распорядительных управлениях»



Открытый лист В. Г. Тизенгаузена на поездку за границу в 1880 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 5. Л. 12)



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ

Von Gottes Gnaden
WIR ALEXANDER DER ZWEITE,
Kaiser und Selbstherrscher aller Reussen

Par la Grâce de Dieu
NOUS ALEXANDRE II,
Empereur et Souverain de toutes les Russies

L.S.

L.S.

Заграничный паспорт В.Г. Тизенгаузена (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 5. Л. 13–13а)

МИНИСТЕРСТВО ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРА
ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОММИССІЯ
СЧЕТЪ

Бланк счета в употреблении аванса Императорской археологической комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 45. Л. 46–47)

и «Правилом о поступлении государственных доходов и производстве государственных расходов».

В 1866 г. вышли новые временные правила по проверке материальной отчетности (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 1. Л. 1–2, 142 — 150 об.). В соответствии с подобными правилами Комиссия должна была представлять «Отчет о приходах, расходах и остатке сумм, припасов и материалов по ИАК и Керченскому музею» в виде огромных «простыней». Так, отчет за 1863 г. не был доставлен вовремя, и контроль Министерства двора должен был напомнить об этом председателю ИАК в феврале 1864 г. Сегодня может показаться странным как то, что С. Г. Строганов объяснял причины остатка «некомплектом чинов Комиссии», так и то, что, при общем расходе за 1863 г. в 22 430 руб. и 20 с четвертью коп., остаток суммы на расходы и оборудование в размере 73 руб. 99 коп. обратно в кассы министерства не изымался, а продолжал оставаться в распоряжении председателя (Там же. Д. 2. Л. 8–9).

Таковы были первые сотрудники и первые заботы созданной в 1859 г. Императорской археологической комиссии. Стоит задаться вопросом: насколько ее создание изменило ситуацию с изучением и собиранием древностей Российской империи, стало важным рубежом в этом процессе? Можно сформулировать вопрос иначе: в какой мере создание ИАК оказалось действительно судьбоносным событием, кардинально поменявшим организационную структуру, функции и возможности главного государственного органа «археологических разысканий»?

Нам уже известно, что еще в 1852 г. министру двора и уделов стали подчиняться все археологические исследования в России, которые год спустя были сосредоточены в Кабинете его императорского величества, для чего существовал особый штат «археологических чиновников», собирательно названных «комиссией разыскания древностей». Однако было бы неосторожно согласиться с мнением, что именно эта «комиссия», пусть с другим персональным составом, была преобразована в 1859 г. в Императорскую археологическую комиссию. Согласно этому мнению, указ императора не создавал нового подразделения министерства, а повышал формальный статус уже существовавшего и законодательно утвержденного ведомства, ранее подчинявшегося Кабинету его императорского величества, а теперь становившегося отдельным подразделением министерства с подчинением непосредственно его главе. Таким образом, 1859 г. оказывается лишь условной датой основания ИАК (ср.: Смирнов 2014: 621–622).

Однако знакомство с планами С. Г. Строганова и обстоятельствами учреждения Комиссии позволяет уточнить эти наблюдения. В действительности происшедшие в 1859 г. события создали совершенно новый орган, пусть и основанный на опыте государственной организации археологических исследований 1852–1858 гг. Это было инновационное подразделение государственной структуры, которое обладало высокой степенью автономности. Ему были присущи новые возможности и полномочия.

Эта организация обладала возможностью самостоятельно ставить перед собой научные задачи, носившие в целом системный характер и потенциально обладавшие широкой географической и культурно-хронологической

направленностью. Благородные, но весьма далекие от продуманной программы и системы исследовательские порывы археологических чиновников начала 1850-х гг., весьма непостоянных в своих интересах, сменились целенаправленной работой по изучению региональных древностей, основанной на серьезных финансовых возможностях и государственной поддержке. Изучение дальнейшей истории ИАК способно укрепить этот вывод.

VII

В первый же год своего существования Комиссия провела раскопки на юге России: в Керчи, на Таманском полуострове и «в стране гирров» в поисках погребений царей скифов-сколотов, описанных Геродотом (Миронов 1900: 240). Помимо степей Нижнего Поднепровья на долгие годы основным районом раскопок Археологической комиссии стала территория, некогда входившая в Боспорское царство, — Керченский и Таманский полуострова. Этому можно предложить ряд объяснений. Нам уже известно, что сам С.Г. Строганов, воспитанный на традициях античного искусства, полагал главной целью Археологической комиссии поиск его ярких произведений. Однако мнение С.А. Жебелева по поводу полевой деятельности Археологической комиссии в первую четверть века ее существования представляется слишком категоричным: «Пополнение Эрмитажа стояло, несомненно, на первом плане деятельности Комиссии. Так как наибольшую и наиболее богатую поживу в получении вещественных памятников могли обещать места погребений как греческих колонистов, так и скифских царей и вельмож, то раскопки сосредотачивались, преимущественно, на расследовании некрополей» (Жебелев 1923: 112). Как мы увидим в дальнейшем, не только греческие колонисты и скифские цари интересовали Комиссию в это время.

В отношении качества археологических изысканий ИАК стоит отметить, что сотрудники Комиссии проводили свои полевые работы в то время, когда существовали несколько другие, отличные от современных, представления о целях и задачах исследований. Можно вспомнить и критическое отношение к деятельности членов ИАК, высказанное М.И. Ростовцевым (кстати, бывшим ее сверхштатным членом), который писал по поводу исследования керченских памятников, что присылаемые из Петербурга археологи действовали как «хорошие чиновники, уделяя основное внимание поиску предметов из драгоценных металлов в ущерб их антуражу», т. е. археологическому контексту. Он указывал на отсутствие системы в исследованиях и неудовлетворительное состояние полевой отчетности, связанное с недостаточным уровнем фиксации найденных артефактов на планах и картах (Ростовцев 1914a: 3–4). Этим объясняется и преимущественное внимание к погребальным памятникам, где, конечно, шансов найти что-нибудь эффектное было намного больше, чем в слоях поселений. Раскопки, не увенчавшиеся подобными открытиями, расценивались как неудачные, и, например, щепетильный барон В.Г. Тизенгаузен нередко сетовал по поводу впустую потраченных казенных денег (Тихонов 2007b: 237).

Стоит вспомнить и характеристику полевых работ ИАК, которую дал М.И. Артамонов еще в 1932 г.: «Выполняя поручения Комиссии по раскопкам курганов и древних городищ, И.Е. Забелин воспринял тот опыт полевой археологической работы, который выработался к его времени, и был, в сущности, совершенно неподготовлен к самостоятельной оценке тех памятников, которые ему предстояло исследовать. Специалист по московской старине, он совершенно не знал античного искусства, с предметами которого ему приходилось в работах на юге постоянно сталкиваться. Незнание же скифских памятников было общим. Естественно, что роль Забелина свелась к добыванию вещей. Обработка же полученных материалов производилась ученым хранителем Эрмитажа и членом-корреспондентом ИАК Л.Э. Стефани. Ясно, что такой разрыв между полевой и кабинетной работой не мог привести выработке самостоятельного и вполне сознательного отношения И.Е. Забелина к задачам полевого исследования. Поэтому и приемы его раскопок не отличаются от принятых в его время и, с нашей точки зрения, представляются в высшей степени неудовлетворительными. Экономя время и деньги и имея целью отыскать поскорее главное богатое погребение, громадные скифские курганы раскапывались траншеями, оставляя значительную часть их вовсе не исследованными. Когда убеждались в бедности содержимого, в сомнительности желаемых результатов, бросали начатый курган и переходили к новому... В погоне за вещами почти не обращали внимания на устройство кургана и самих могил, на расположение вещей. Чертежи если и делались, то приблизительные, иногда по памяти. Дневник, как правило, не велся. Все, не представляющее интереса для Музея, выбрасывалось. Так, например, костные остатки и керамика оставлялись без внимания» (цит. по: Алексеев 2004: 42; ср.: Тихонов 2009c: 42).

Однако было бы явной натяжкой утверждать, что археологические исследования членов Комиссии сводились к «добыче вещей». Сам М.И. Артамонов в итоге приходил к выводу, что как ни плохи раскопки И.Е. Забелина, все же они во многих отношениях лучше произведенных в ту же эпоху другими археологами. С точки зрения сегодняшнего развития археологической науки можно утверждать, что И.Е. Забелин добросовестно проводил раскопки Чертомлыка на достаточном для своего времени уровне, отмечая на чертеже ряд конструктивных особенностей насыпи; понимал практически не осуществимую в то время желательность полного сноса курганной насыпи, сделал важную догадку о возможности датировки памятника по найденным в нем греческим амфорным клеймам (Алексеев 2003: 41–45).

К сожалению, полевые работы В.Г. Тизенгаузена отличались весьма низким уровнем фиксации, поскольку в его отчетах редко встречались чертежи, рисунки, размеры могильных ям, зарисовки расположения вещей в погребениях (Тихонов 2007b: 237–238). О главной цели раскопок — поиске ярких, эффектных вещей — свидетельствуют и воспоминания о работах А.Е. Люценко: «Иногда А.Е. показывался из могильника весь сияющий и преобразившийся, тогда мы уже знали, что ни скифы, ни генуэзцы не успели побывать в кургане раньше нас» (Лазенкова 2003: 26). Впрочем, И.В. Тункина приводит сведения о том,

что отчеты А.Е. Люценко отличались подробностью и обстоятельностью и были снабжены многочисленными рисунками и планами, что не исключало последующих упреков М.И. Ростовцева о небрежном отношении директора Керченского музея к уже открытым памятникам (Тункина 2002а: 304).

У читателя может сложиться впечатление, что члены Археологической комиссии в это время полагали свои функции законченными после завершения раскопок и доставления находок в Петербург и практически не занимались научной обработкой добытого материала, за исключением подготовки небольших текстов о самих раскопках к ежегодно публикуемому «Отчету». Такое разделение «полевой» и «кабинетной» работы до некоторой степени преодолевалось в Санкт-Петербурге: «объяснением», т. е. обработкой и публикацией почти всего добытого на юге России материала занимался академик Л.Э. Стефани, с 1851 г. являвшийся хранителем Отделения классических древностей Императорского Эрмитажа.

До 1881 г. публикуемый ежегодно «Отчет археологической комиссии», который во многом готовился самим Л.Э. Стефани, состоял из двух частей: в первой давалась информация о проводимых Комиссией раскопках — «систематические разыскания», а во второй, не уступающей, а чаще и превосходящей первую по объему, — описание кладов и поступлений — «случайные находки», выполненные Л.Э. Стефани. Е.Е. Люценко (брат директора Керченского музея А.Е. Люценко) иронизировал по его поводу в своей «Археологической оде»:

Он учредил свой главный штаб
В археологическом отчете
И, пичкая из года в год
Отчет тот длинными статьями,
Бранится на казенный счет
С берлинскими профессорами,
Сбивая им киченья рог.
Он туп при всей своей гордыне,
Понеже изучить не мог
Язык российский и поныне.
(Маркевич 1910: 76–77)

Насколько подобная ирония имела под собой основания — судить трудно. Несомненная эрудиция Л.Э. Стефани далеко простиралась за описания конкретных найденных вещей, сопровождая находки пространными наблюдениями об античном искусстве и его сюжетах (ОИАК за 1880 г. 1880: 6–219).

Поскольку в 1862 г. истекал трехлетний опытный срок деятельности ИАК, утвержденный в феврале 1859 г., С.Г. Строганов 17 января ходатайствовал перед министром двора о продолжении работы Комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 1. Л. 16 — 16 об.). 7 февраля 1862 г. Александр II подписал указ «О продолжении существования Императорской археологической комиссии и Керченского музея древностей», который гласил, что «поскольку в положении и штатах не встретилось в течение данного времени никаких существенных затруднений... оставить оба учреждения на будущее время на прежнем основании» (Смолин 1917: 143).

Оценивая деятельность Императорской археологической комиссии, С.А. Жебелев писал: «...Комиссия по традиции вела регулярные исследования лишь на юге России...; исследования же в остальных пунктах территории России, как бы важны ни были их результаты, носили бессистемный характер... Упрекать за это Археологическую комиссию, однако же, вряд ли было бы справедливо. Создавшееся

положение вещей оправдывалось естественными причинами: для исследования классических и “скифских” древностей существовала уже довольно прочная научная база, при исследовании же всякого рода иных древностей такой базы не было, и приходилось лишь нащупывать почву» (Жебелев 1923: 111).

Однако в историографии существует и иное мнение. Говоря о деятельности ИАК, М.И. Ростовцев писал: «Создание Археологической комиссии в 1859 г. обеспечило делу добывания, публикования и изучения материала необходимую последовательность и преемственность. Не довольствуясь продолжением раскопок в некрополях Пантикапея и соседних городов крымского побережья Керченского пролива и развитием раскопок на Тамани, Археологическая комиссия последовательно расширяла круг своей деятельности, включив в него прежде всего курганные погребения степного Приднепровья, затем курганные погребения и городища Среднего Приднепровья, наконец, курганные некрополи Кубани и Придонья. Во всех этих местах курганные раскопки велись систематически, из года в год, и давали ежегодно богатый научный материал... Важно отметить еще, что Археологическая комиссия пыталась связать расследование Северного Причерноморья с изучением Кавказа, Закавказья и Туркестана с одной стороны, и изучением праистории Средней России, Приволжья, Прикамья и Приуралья [с другой]» (цит. по: Тункина 1993: 25).

Естественно, что диспропорция между вниманием Комиссии к скифским и античным памятникам и к прочим древностям очевидна. Однако утверждение, что ИАК не занималась изучением и собиранием древностей других регионов России, представляется в принципе неверным. Помимо исследования памятников Восточного Крыма и Тамани уже в «эпоху Строганова» в деятельности Комиссии можно наблюдать тенденции к расширению сферы научных интересов, географии своих исследований и налаживанию учета и контроля за археологическими исследованиями, проводимыми на частный счет на частных землях. Прежде всего, это справедливо для сибирских древностей и средневековых памятников Восточной Европы. Уже в 1864 г. в поле зрение Комиссии попал Ананьинский могильник, а в 1865 г. — Большой Катандинский курган с уникальными по сохранности предметами искусства, одежды и утвари древних алтайских племен. Исследования В.В. Радлова в Сибири, выполненные им по поручению ИАК еще при С.Г. Строганове, были опубликованы лишь позднее, в «эпоху Бобринского» (Радлов 1888; 1891: 41–80; 1894: 81–132; 1902). В «эпоху Строганова» в Средней Азии на р. Сырдарье начал свои работы Н.Н. Пантусов (Пантусов 1887), а в 1867 г. поездку в Туркестанский край для обследования развалин древнего Джаникента в устье Сырдарьи совершил будущий делопроизводитель Комиссии П.И. Лерх (ОИАК за 1867 г. 1868: XXII–XXXII; Лерх 1868f). Это объяснялось «успехами военных действий... в Средней Азии» (ОИАК за 1868 г. 1870: XXI). Отметим и уже упоминавшееся «восточное направление», связанное с золотоордынскими древностями, как и интерес некоторых членов Комиссии к первобытным, в том числе и «курганным», древностям (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 15).

Помимо накопления информационной базы в отношении определенных эпох, культур и территорий, изучение

отношений ИАК с краеведами на местах способно пролить свет на становление общественных представлений историко-археологического характера. Уже в 1859 г. штабс-капитан Ефим Шумаков сообщал в ИАК о своей коллекции окаменелостей из Курской губернии и прислал их опись, связывая их с окрестными курганами и городищами (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 24. Л. 9 — 12 об.), а К.Д. Невярдовский из г. Тельши Ковенской губернии писал о виденных им здесь каменных курганах, которые, по его мнению, являлись славянскими могилами и изучение которых могло иметь важное «политическое значение» (Там же. Л. 19 — 20 об.).

В связи с предстоящим празднованием 1000-летия России в 1862 г. Комиссия поддержала инициативу по обследованию памятников «эпохи призвания варягов» на Белом озере (ОИАК за 1860 г. 1862: XII; РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 15. Л. 1), а в 1863 г. — раскопки курганов и монастырища во Владимирской губернии (ОИАК за 1863 г. 1864: XVI–XVIII). Позднее в Комиссию стала поступать информация и об археологических раскопках и разведках славяно-русских памятников. Характерно, что в основном она касалась южно- и западнороссийских губерний, что было связано с уровнем общественного самосознания местной интеллигенции (подробнее см. главу XI).

Курьезный случай, который свидетельствует, на наш взгляд, и о недостаточной степени готовности ИАК быть информационным центром российской археологии, и о плохом понимании обществом разницы между Археологической комиссией и археологическими обществами, произошел с Алексеем Гатцуком. В 1863 г. он раскопал несколько курганов в окрестностях Москвы и отправил отчет о «частных археологических разысканиях» в ИАК для опубликования, сообщив при этом, что вещи и черепа из раскопанных курганов хранятся у него и будут впоследствии переданы в Румянцевский музей в Москве. 4 декабря С.Г. Строганов и В.Г. Тизенгаузен благодарят адресанта за интересные результаты раскопок, но указывают на невозможность опубликования их от имени Комиссии, ибо Комиссия «издает отчеты лишь о своих собственных изысканиях». Председатель ИАК предложил передать отчет в РАО для опубликования в «Известиях» общества, и тут же выяснилось, что А. Гатцук, по его собственным словам, совершил «грубую ошибку»: он предполагал, что отправил отчет именно в то общество, которое издает «Известия». В результате отчет был передан в РАО редактору его издания В.В. Стасову (РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 21. Л. 1, 3).

Не менее курьезный случай произошел и с киевлянами. В октябре 1866 г. граф Строганов, узнав из газеты «Киевлянин» о раскопках курганов в Васильковском уезде и продаже найденных вещей неким Д. Х., пишет Александру Павловичу Безаку (1800–1868), генерал-губернатору Юго-Западного края, командующему войсками Киевского военного округа и соученику А.С. Пушкина по Царскосельскому лицею, дабы уточнить владельческий статус земель и в случае, если эти земли окажутся казенными, выяснить, имел ли раскопщик соответствующие разрешения. Если закон был нарушен, то вещи должны быть отобраны и доставлены в ИАК. Очевидно, к этому времени сложилась определенная практика: отслеживая в газетах сведения о раскопках, Комиссия не вмешивалась в раскопки на частных землях, но строго следила

за нарушением своего права на казенные земли.

Генерал-губернатор переправил это письмо Киевскому губернскому правлению, где, в ходе дознания, проведенного уездным исправником, выяснилось, что Д. Х. — это мещанин Хмелевский, который собирал «подъемный материал» на поле в с. Дулицком на землях графа Браницкого, но без дозволения местного начальства. В результате «монеты и древности в двух тюках» были сначала доставлены в губернское правление, а затем отправлены в... «Императорскую московскую археологическую комиссию», почему в 1868 г. и попали в МАО (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 26. Л. 1 —1 об., 5–6, 7).

Стоит обратить внимание на попытки расширить географию исследований Комиссии в Северном Причерноморье. Прежде всего, речь идет об интересе, проявленном С.Г. Строгановым к раскопкам 1860–1861 гг. на территории Херсонесского городища, которые предшествовали постройке собора св. князя Владимира. Несмотря на готовность председателя получить подробную информацию о раскопках и даже выделить определенное финансирование, переписка с настоятелем монастыря игуменом Евгением (Отмарштейном), начавшаяся по инициативе министра двора, закончилась безрезультатно (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 4–5; РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 33. Л. 1–6; Шаманаев, Мусин 2009). Известно также, что в 1872 г. Д.М. Струков, совершавший ученые путешествия по Крыму и даже проводивший здесь раскопки, в 1868 и 1871 гг. предложил Министерству императорского двора издать свои рисунки (73 листа) и описания Инкермана, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале, Феодосии, Судака и других памятников, испрашивая на издание 6000 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1872 г. Д. 35. Л. 3–30). Его письмо было переправлено министром в ИАК, и в январе 1873 г. С.Г. Строганов предложил обратиться с подобным предложением в одно из ученых обществ, однако посчитал возможным выдать художнику вознаграждение из казны. Ольвия также неизменно привлекала внимание руководства ИАК, уже начиная с середины 1860-х гг. (подробнее см. главу IV), чем сказывалось преемство деятельности Комиссии в научных мероприятиях.

Накопление археологических знаний в Комиссии происходило и в области «иудейских древностей» и истории еврейской диаспоры в Северном Причерноморье. Так, А.Е. Люценко обнаружил и зафиксировал 60 целых и фрагментированных надгробных плит с изображением семисвечников (Люценко 1876: 577–580; табл. III–VI). Впоследствии И.Е. Забелиным и В.Г. Тизенгаузеном были обнаружены еще 60 аналогичных надгробий, в частности у городища Фанагория в районе станицы Сенная (Хвольсон 1884). Находки были перевезены в Петербург, в Строгановский дворец, однако их нынешнее местонахождение неизвестно, за исключением плиты, переданной в Азиатский музей Императорской академии наук и потом в Эрмитаж (Носоновский 2002: 161). Изучение иудейских древностей продолжалось и позднее (Шкорпил 1914a: 92–114; ср.: КБН 1965: 417, 425, 428, 443), а архив Комиссии до сих пор хранит исключительную информацию о надгробиях такого типа, которая сегодня оказалась востребованной (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 39. Л. 77; РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 140. Л. 124; Кашаев, Кашовская 2006a: 312; 2006b: 55–60; 2004: 14–15; 2009: 55–77).

МИНИСТЕРСТВО ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРА.
ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОММИССІЯ.

Императорская Археологическая Коммиссія, препровождая при семъ [illegible] имѣетъ честь покорнѣйше просить о полученіи оныхъ, не оставить Коммиссію увѣдомленіемъ.

Товарищъ Предсѣдателя Коммиссіи [illegible]
Дѣлопроизводитель [illegible]

МИНИСТЕРСТВО ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРА.
ЭРМИТАЖЪ.
ПЕТРОГРАДЪ.

Вх. № 1889
№ 230

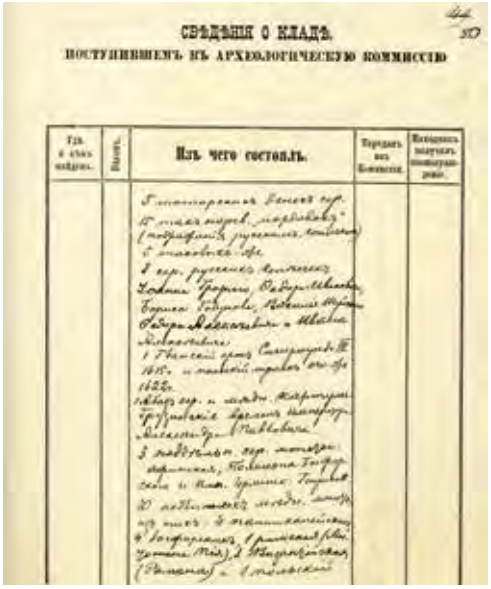
Въ Императорскую Археологическую Комиссію.

7 ноября 1914 г.
№ 257

ИМПЕРАТОРСКІЙ Эрмитажъ имѣетъ честь увѣдомить ИМПЕРАТОРСКУЮ Археологическую Комиссію что, препровожденныя при отношеніи Комиссіи отъ 7 ноября 1914 года за № 2283, для коллекціи Эрмитажа, большая мѣлетская ваза съ обломками отъ нея же и 2 терракотовыя статуэтки, а также обломокъ такой же статуэтки и фигурка копчика изъ египетскаго фаянса, найденныя на Вереевкѣ въ 1913 г. — въ Эрмитажъ получены.

Директоръ
2-ой Оберъ-Церемоніймейстеръ [illegible]
Дѣлопроизводитель [illegible]

Бланк передачи археологических предметов из ИАК в Эрмитаж и ответ Эрмитажа Археологической комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 256. Л. 4, 6)



СВѢДѢНІЯ О КЛАДѢ,
ПОСТУПИВШЕМЪ ВЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКУЮ КОММИССІЮ

Гдѣ и какъ найденъ.	Вѣсъ.	Изъ чего состоялъ.	Передано въ Коммиссію.	Кѣмъ получено.
		[illegible]		

Бланк поступления клада в Императорскую археологическую комиссию (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 4. Л. 50)

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОММИССІЯ.

Въ ИМПЕРАТОРСКІЙ Эрмитажъ.

Новгородскій Губернскій Статистическій Комитетъ доставилъ въ ИМПЕРАТОРСКУЮ Археологическую Коммиссію кладъ старинныхъ русскихъ серебряныхъ монетъ, вѣсомъ 41 зол., найденный въ оградѣ Успенской церкви гор. Старой Руссы.

Препровождая при семъ означенныя монеты, въ ИМПЕРАТОРСКІЙ Эрмитажъ, ИМПЕРАТОРСКАЯ Археологическая Коммиссія имѣетъ честь просить, по отобраніи изъ нихъ тѣхъ монетъ, которыя будутъ признаны нужными для Эрмитажной коллекціи, остальныя возвратить въ Коммиссію, а на упраздненіе экземпляры уплатить соотвѣтствующую стоимости изъ сумму, переведенную посредствомъ кредитъ Коммиссіи по § 2 ст. 2 смѣты 1905 года.

За Предсѣдателя Коммиссіи, Чинъ Коммиссіи [illegible]
Скрѣпилъ: За Дѣлопроизводителя [illegible]
Вѣрно:

Бланк препровождения монетного клада из ИАК в Эрмитаж (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 103. Л. 2)

Еще одним из основных направлений деятельности Комиссии стала работа с поступавшими в Петербург кладами и определение их дальнейшей судьбы. В основном клады были представлены русскими монетами XVII–XVIII вв. В соответствии с их нумизматической и археологической ценностью они поступали либо в музеи, либо на Монетный двор на переплавку. Уже в 1859 г. в Комиссию поступило 10 кладов из Полтавской, Витебской, Могилевской, Архангельской, Екатеринославской, Астраханской и Новгородской губерний (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 4, 4а, 9, 13, 14, 15, 17, 20, 23), в 1860 г. ИАК было заведено 39 дел, так или иначе связанных с монетными кладами, в 1873 г. ИАК приняла 11 кладов, а в 1885 г. — 50. В среднем в начальный период деятельности ИАК не менее 30 % дел были так или иначе связаны с этой категорией древностей. Для их фиксации существовала специальная книга, имеющая заглавие «Клады, присылаемые в Императорскую археологическую комиссию» и охватывающая значительный период: с 23 октября 1873 г. по 22 июля 1882 г., что можно связать с появлением в Комиссии своего производителя дел П.И. Лерха. С 1875 г. в книге велась более тщательная фиксация присылаемых находок, которую, очевидно, осуществлял журналист Комиссии И.А. Суслов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 36. Л. 7 об.).

Первым исследователем «ежегодно присылаемых в большом количестве монетных кладов» был Юлий Богданович Иверсен (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 68–69, где, к сожалению, ничего не сообщается о его деятельности в ИАК), который безвозмездно рассматривал и определял их содержание и нумизматическое

М. Н. Д.
ИМПЕРАТОРСКАЯ

Форма ответа Императорской археологической комиссии об отсутствии нумизматической ценности монетного клада (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 12. Л. 3)

значение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 7. Л. 4 об.). Монеты и клады, представлявшие научную ценность, после определения и описания поступали в Императорский Эрмитаж, составив впоследствии значительную часть его коллекции. Монеты, не имеющие вовсе нумизматического интереса («нумизматического характера») и не содержащие драгоценных металлов, возвращались владельцу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1877 г. Д. 15. Л. 2, 3, 5, 7).

Серебросодержащие клады из Археологической комиссии поступали в Особую канцелярию по кредитной части Министерства финансов и далее на Санкт-Петербургский монетный двор

ИВЕРСЕН Готлиб (Юлий Богданович) (5.04.1823 — 13.04.1900) — исследователь нумизматики и русских медалей. Учился в Дерптском университете с 1842 по 1846 г. С 1851 по 1855 г. работал преподавателем древних языков в Англиканской и Реформатской церковных школах в Санкт-Петербурге. С 1855 по 1880 г. преподавал греческий и латинский языки в St. Petri-Schule. С 1859 г. занимался разбором монетных кладов, присланных в ИАК. В 1877 г. зачислен в Эрмитаж сверх штата. В 1879 г. назначен помощником хранителя, а с 1884 г. — хранитель Отделения монет и медалей. За свои исследования был удостоен серебряной (1873) и золотой медалей (1884) ИРАО. В 1886 г. получил звание члена-корреспондента ИАК. Член РАО, МАО, ООИД и др.

Осн. соч.: Медали на деяния Петра Великого. СПб., 1872; Словарь медальеров и других лиц, имена которых встречаются на русских медалях. СПб., 1874; Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1877–1896. Т. 1–3; Медали, выбитые в царствование императора Александра II. СПб., 1880.

Лит. о нем: Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2004. С. 68–69; *Спасский И.Г.* Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики. 1764–1964 // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8. С. 123–234.

(Ил.: Портрет К.К. Кастелли. Ок. 1878 г. (ГЭ. № ЭРГ-28817))

в переплавку. Стоимость драгоценного металла, определяемая на основе «Расчета о серебре, полученном по сплавке древних серебряных монет», переправлялась в Комиссию. Так, 14 мая 1878 г. Монетный двор переслал в ИАК 60 руб. 75 коп. чеком и 68 руб. 25 коп. разменной монетой, которые причитались за 4 клада. Из этих денег выплачивалось вознаграждение находчикам, которое представляло собой сумму «металлической ценности» самого клада и 30% этой стоимости в целях поощрения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1877 г. Д. 15. Л. 9–12).

С начала 1880-х гг. передача кладов из ИАК на Монетный двор происходила уже через департамент Государственного казначейства. В то же время в делопроизводстве Комиссии появился ряд специальных типографских бланков, разработчиком которых мог быть И.А. Суслов. Это были бланки ответа об отсутствии нумизматической ценности монетного клада, передаче клада в Департамент для переплавки на Монетном дворе и последующем возвращении денег в Комиссию, а также сообщение находчику клада о вознаграждении за находку (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 12. Л. 3, 12).

К моменту прихода в Комиссию графа И.И. Толстого, занявшегося в свою очередь разбором кладов, такая

практика уже вызывала существенные нарекания со стороны общественности. К тому же объем поступающих в ИАК кладов продолжал оставаться не соизмеримым с научными возможностями по их обработке. Именно этим и была вызвана докладная записка И.И. Толстого в ИАК от 8 июня 1886 г., посвященная доставляемым в Комиссию монетным сокровищам (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 36. Л. 1 — 2 об.).

И.И. Толстой, после разбора нескольких кладов, задавался вопросом: насколько полно используется содержащаяся в них историческая и нумизматическая информация? Так, описывая один из кладов, состоящий из 7500 монет, он отметил среди ценных лишь несколько десятков, указав, что остальные не имеют археологической ценности. При этом он указал на субъективность собственной оценки, имеющей «лишь относительную цену»: «на основании одного моего приговора относительно научного значения монет клада они будут уничтожены». К тому же он не мог быть специалистом в различных областях нумизматики одновременно. Кроме того, изучение кладов требует усидчивой работы, дабы не навлечь обвинений в поспешности: так, на клад в 7500 монет нужно было потратить 120 часов.

При этом он охарактеризовал весь комплекс информации, получаемой при разборе кладов: выделение наиболее крупных монетных серий, их количественная оценка, типология. Любой клад был способен предоставить информацию двоякого рода: о новых разновидностях монет (собственно нумизматическую), входящих в состав клада, и по истории денежного обращения, включавшую в себя выводы историко-этнографического характера, связанные с топографией, составом и временем сокрытия клада.

Возражение графа вызывала и дальнейшая судьба кладов, которая преследовала две цели: выплату вознаграждения находчику и передачу клада в компетентные руки. Переплавка кладов на Монетном дворе расценивалась специалистами как «уничтожение нумизматических сокровищ», и отказ от нее позволил бы избежать обвинений в вандализме, которые неоднократно выслушивал сам И.И. Толстой.

Он предлагал следующий алгоритм. Тотчас по доставлении клада в ИАК находчику высылается минимальное вознаграждение. После систематизации и описания клада в самой Комиссии и осуществления Эрмитажем приоритетного права отбора монет для своей коллекции традиционно устраивалась публичная выставка. Целью такой выставки являлось как можно широкое обозрение клада наибольшим числом специалистов для оценки оставшихся монет и их распределения по российским музеям. Это позволило бы по-настоящему оценить клад, что доставило бы находчику более справедливое вознаграждение, а обзор специалистов избавил бы ИАК от промахов при нумизматической оценке сокровища. Единственное возражение против такого «бригадного подхода» связано с тем, что клад как единый комплекс оказался бы раздроблен. Необходимо отметить, что И.И. Толстой не отказывался от обозрения кладов, но считал себя ограниченным специалистом в некоторых областях нумизматики.

Впрочем, записка так и не привела к серьезному изменению отношения к кладам, а сам И.И. Толстой продолжал подписывать заключения, обрекавшие клады на раздробление

и частичное уничтожение (см., напр.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 6. Л. 3 — 3 об.). К тому же после передачи клада из ИАК в коллекцию Эрмитажа он прекращал свое существование как цельный нумизматический и археологический памятник. Составлявшие его монеты разделялись между коллекциями, основанными на региональном принципе в соответствии со страной выпуска. Восстановить изначальный состав клада в большинстве случаев не представляется возможным (см.: Минасян 1977). Полные описи монет кладов в соответствии с их составом сохранились в архиве ИАК, однако здесь фиксировались лишь номиналы и даты чекана, тогда как какие-либо индивидуальные признаки не указывались. Все это не позволяет надеяться на создание надежного алгоритма идентификации монет конкретных сокровищ в существующих коллекциях.

Не менее сложной была работа по осмыслению вещевых кладов, представленных ювелирными изделиями. По сути дела, именно сбор информации о кладах домонгольского периода в ИАК, контроль за их поступлением в Эрмитаж и первые аналитические публикации найденных сокровищ заложили основы современной науки о прикладном искусстве Древней Руси. Одной из первых публикаций явился труд библиотекаря Императорской публичной библиотеки В.В. Стасова по изданию и описанию клада 1865 г. из Владимира. Впоследствии комплексное исследование доставленных в Эрмитаж через ИАК кладов древнерусского времени было поручено младшему члену Комиссии Н.П. Кондакову распоряжением министра двора от 3 мая 1885 г., о чем в Комиссию сообщил главный контролер министерства Н.С. Петров (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 59. Л. 64 — 64 об.). Однако это предприятие было по неизвестным причинам приостановлено в августе и получило новый импульс лишь в декабре, в связи с инициативой А.В. Прахова продолжить издание «Древностей Российского государства» (см. подробнее ниже).

Серьезными проблемами являлись не только охранение случайно открытых кладов от расхищения и их научное описание, но и вопрос собственности на них и выплаты соответственного вознаграждения. В 1880 г. в Киеве на Большой Житомирской улице крестьянином Трофимом Поповым был найден клад древнерусских украшений и серебряных денежных гривен «киевского типа». По оценке С.Г. Строганова, он включал в себя убранство великокняжеского облачения X–XI вв. и из всех собственно русских кладов являлся одним из самых интересных и примечательных. Граф предполагал выплатить находчику 2000 руб. Однако уже 25 января 1881 г. киевский губернатор оповещал ИАК о попытке киевского городского головы получить клад в ведение Киевского городского общественного управления, так как по смыслу 120-й ст. Городового положения все улицы составляют городскую собственность, и, следовательно, в силу 430-й ст. Свода гражданских законов клад принадлежит владельцу земли (ср.: Городовое положение... 1871; Свод законов... 1832). В результате вопрос об адресате денежного вознаграждения должен был решиться на основе судебного разбирательства. 12 февраля в ответном письме С.Г. Строганов писал, что по смыслу закона Т. Попов имеет право на половину суммы вознаграждения, и предложил Правлению отказаться в пользу находчика и от второй тысячи,

«Смоленская гривна» — древнерусский амулет-«змеевик»
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 38. Л. 2)

однако 7 апреля правление 24 голосами против трех отклонило это предложение. В конце концов Т. Попову была выдана 1000 руб., а вторая осталась дожидаться свой участи в казначействе до решения вопроса о праве города на эти деньги (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 12. Л. 54–56, 64–67).

31 июля 1882 г. Киевский окружной суд присудил городу вторую половину вознаграждения, что вызвало продолжительную переписку между тогдашним председателем ИАК графом А. А. Васильчиковым и министром внутренних дел графом Д. А. Толстым. А. А. Васильчиков приводит целый ряд законодательных актов: 430-я ст. 1-й части 10-го т. Свода гражданских законов, где указывается, что клад как сокрытое в земле сокровище принадлежит владельцу земли, за исключением Черниговской и Полтавской губерний, где половина клада принадлежит находчику; 3-й пункт приложения к 539-й статье, согласно которому стоимость древностей, найденных в местностях, подведомственных становым правлениям, выдается находчику клада; ст. 414 ч. 1 т. 10. Свода законов, где говорится, что городские земли являются общественными и посему подлежат контролю ИАК. В то же время, уточняя ситуацию на будущее в связи с грядущим пересмотром Устава гражданских законов, он спрашивает министра: признает ли тот за городами право собственности на исторические древности государственного характера? В ответ на это министр выражает полное согласие с решением окружного суда, поскольку на основе городового положения 1870 г. земли городов составляют именно городскую, а не казенную собственность. При этом

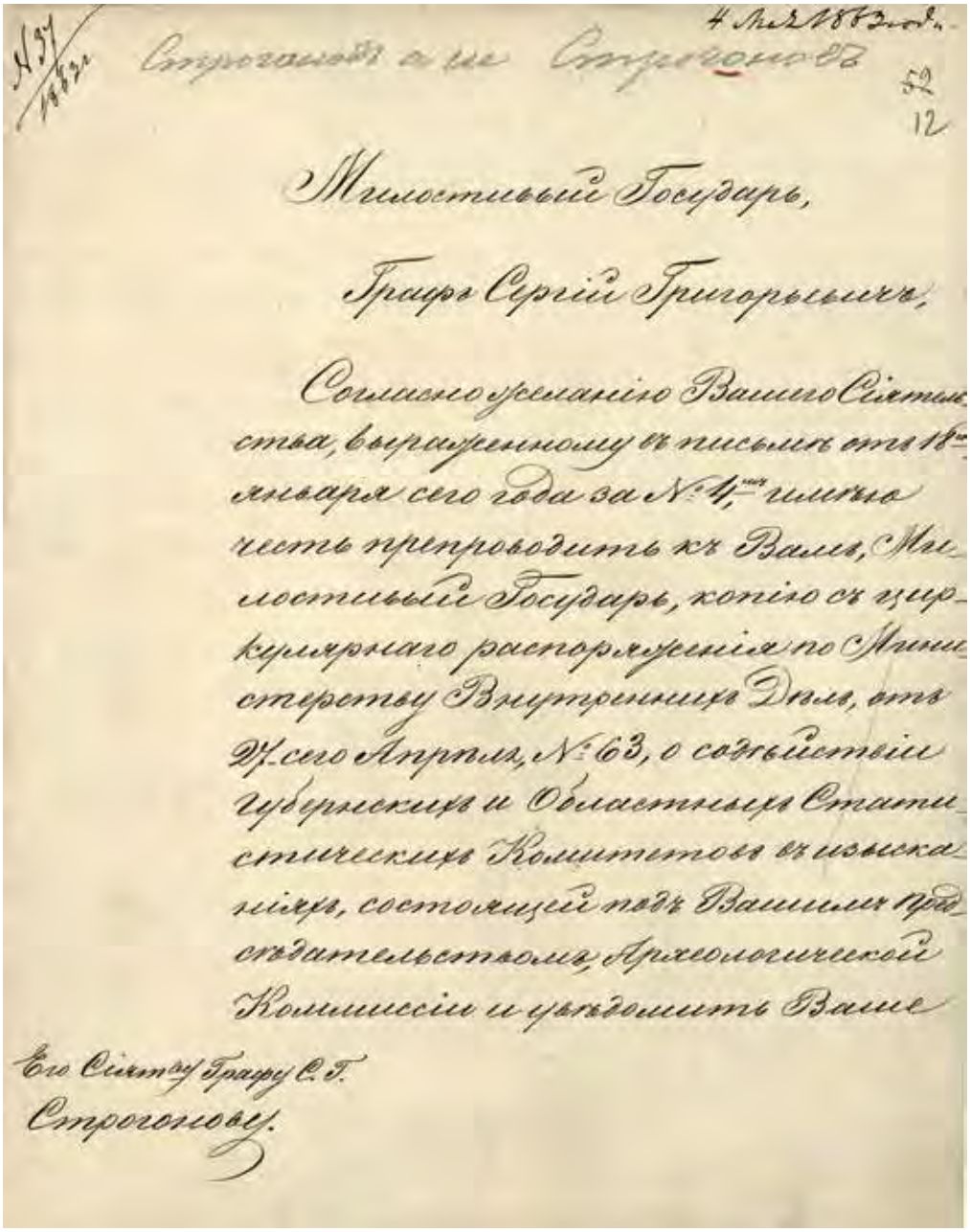
он указывает, что 539-я статья Свода гражданских законов говорит лишь о предметах, найденных на поверхности, тогда как все найденное в недрах несомненно принадлежит владельцу земли, на что рука В.Г. Тизенгаузена делает на письме карандашную помету: «обратите внимание на ст. 424, ч. I, т. X» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 12. Л. 71, 79 — 84 об.).

Комиссии приходилось отстаивать права культуры не только перед лицом городского самоуправления, но и перед чиновниками и простыми гражданами.

Весьма анекдотичный случай, непосредственно связанный со спорами о праве владения археологическими находками, в которых пришлось участвовать ИАК, произошел в 1886–1887 гг., когда крестьянин Капитон Филиппов на казенной земле в д. Ковшич Зверовической волости Краснинского уезда Смоленской губернии нашел знаменитую «смоленскую гривну» (Толстой 1888: 382. № 13; Николаева, Чернецов 1991: 59, 98. № 14, табл. V: 2. ГЭ № 2032/1) — золотой «змеевик» с образом Божией Матери Одигитрия весом 12 золотников и 60 долей, или около 54 граммов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 38. Л. 2).

Узнав о находке, ИАК вознамерилась приобрести ее за 65 руб. через Смоленский статистический комитет, однако к этому времени крестьянин уже успел продать ее уездному казначею Петру Юницкому за 69 руб. Одновременно выяснилось, что иконка приобреталась служащими местного казначейства в складчину для поднесения в дар своему непосредственному начальнику — управляющему Смоленской казенной палатой Владимиру Тилену и была передана на хранение губернскому казначею Джунковскому, ближайший родственник которого, как выяснилось, также служил по этому ведомству в Краснинском уезде.

26 сентября 1886 г. А.А. Бобринской обращается к губернатору В.И. Сосновскому с просьбой выслать змеевик в Петербург, выделив 69 руб. в качестве компенсации. Однако ушлые чиновники уже направили губернатору записку с просьбой передать это дело на Высочайшее рассмотрение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 38. Л. 11–12), о чем губернатор известил графа. В записке говорилось, что если государю императору будет угодно, то они «как дети» готовы отдать эту икону безвозмездно, однако здесь же сквозит надежда, что государь повелит возвратить ее им. Утверждая, что у них есть сведения, будто эта «святая икона на золотой медали не составляет собой археологической редкости», бухгалтеры писали: «Много есть святынь, хранящихся в семействах, и мы не можем думать, чтобы Археологическая комиссия ради археологии могла их вытребовать и за них вознаграждать, а посему мы хотим эту святую икону оставить в нашем служебном семействе». 10 декабря 1886 г. А.А. Бобринской был вынужден «конфиденциально» писать губернатору «о неосновательности и надуманности такого заявления» и предложил негласно «возвратить это прошение» адресантам и объяснить им, что дело идет о незаконно приобретенной гривне, вопреки существующей процедуре представления находок на Высочайшее воззрение. В любом случае Комиссия не посягает на «семейные святыни господ чиновников». В ответном письме 21 января 1887 г. разумный губернатор подтвердил свое полное согласие с предложением председателя ИАК, и конфликт был улажен (Там же. Л. 10, 15 — 15 об.).



4 мая 1862 г.

№ 37/1862 г.

Строганов а не Строгонов

52
12

Милостивый Государь,

Графъ Сергій Григорьевичъ,

Согласно усмотрѣнію Вашего Сіятельства, выраженному въ письмѣ отъ 18-го января сего года за № 4, имѣю честь препроводить къ Вамъ, Милостивый Государь, копію съ циркулярнаго распоряженія по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 27-го Апрѣля, № 63, о содѣйствіи губернскихъ и Областныхъ Статистическихъ Комитетовъ къ изысканіямъ, состоящей подъ Вашимъ предсѣдательствомъ, Археологической Коммиссіи и увѣдомить Вас.

Его Сіятельству Графу С. Г.
Строганову.

Автограф председателя Императорской археологической комиссии С.Г. Строганова о правописании собственной фамилии: «Строганов, а не Строгонов» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 27. Л. 12)

Кроме работы с кладами и случайными находками проводилась работа и с кладоискателями. Так, в марте 1865 г. в РАО обратился отставной надворный советник П. П. Дорнштруб из Переяславля Полтавской губернии, отец которого был некогда управляющим в имении генерал-лейтенанта Голенищева-Кутузова в Кидомле Бежецкого уезда Тверской губернии. Согласно местной легенде, во время войны 1812 г. на железных цепях под мост через местную речку было опущено 40 засмоленных дубовых бочек с драгоценностями, после чего сама река вместе с мостом была засыпана землею и «сровнена с общей местностью». Доказательством этому является то, что во время пахоты на этом месте попадаются разные вещи. Естественно, этот клад предлагалось найти. В ответе на это обращение В. Г. Тизенгаузен писал, что «отыскание подобных сказочных кладов не входит в круг занятий» ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 24. Л. 6 — 7 об., 8 — 8 об.).

Показательно, что российские власти весьма плохо представляли разницу между археологическими исследованиями и кладоискательством. Когда в сентябре 1866 г. коллежский регистратор из Владимира Егоров обратился в МВД за разрешением отыскивать ему клады в Петушках Владимирской губернии, то местный губернатор В. Н. Струков, «принимая во внимание важность могущих быть открытий», ходатайствовал перед ИАК о таковом разрешении. Естественно, С. Г. Строганов отписал отказ, мотивируя это тем, что поиск предпринимается не в научных целях, а в корыстных видах (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 27. Л. 4–5). Однако когда мировой судья А. П. Кикин запросил МВД о предоставлении ему права «разрывать курганы» в Коломенском уезде, с тем, чтобы вещи были переданы в Московский этнографический музей, чиновники внутренних дел восприняли это как еще одну попытку кладоискательства (РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 32. Л. 3).

Председатель ИАК использовал подобные запросы как повод к обращению в МВД о запрете кладоискательства вообще. Осенью 1866 г. С. Г. Строганов обратился к министру с предложением: предписать начальникам губерний, согласно ст. 430 т. 10 ч. 1 Свода гражданских законов и ст. 40 и 181 Устава строительного, «ни под каким видом не допускать кладоискательства и неизбежного от того разрушения памятников древности». Такой циркуляр на имя губернаторов за подписью статс-секретаря МВД П. А. Валуева был разослан 4 ноября 1866 г. и впоследствии возобновлялся 4 ноября 1882 г. (№ 26), 31 мая 1884 г. (№ 11) и 27 ноября 1886 г. (№ 251) (ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 27. Л. 7). В нем говорилось: «По сведениям, дошедшим до Императорской археологической комиссии, оказывается, что некоторые лица, получая от местных начальств дозволения отыскивать клады, под этим предлогом раскапывают курганы и городища и таким образом портят и уничтожают достойные внимания памятники древности. Вследствие сего председатель упомянутой Комиссии, генерал-адъютант граф Строгонов (*sic!*) просит меня сообщить губернаторам, чтобы они, согласно статье 430 т. 10 ч. 1 Свода гражданских законов и статей 40 и 181 Устава строительного, ни под каким видом не допускали кладоискательства и неизбежного от того разрушения памятников древности.

Имею честь уведомить о вышеизложенном Ваше превосходительство для руководства, присовокупляя, что

на основании статьи 1311 т. 1 ч. 2 Свода законов по продолжению 1863 г. сведения о древних зданиях и вообще о находимых древностях должны быть доставляемы в Министерство внутренних дел, по Департаменту общих дел» (Сборник циркуляров и инструкций... 1873: 432; ср.: Охрана памятников 1978: 85). Впрочем, циркуляр требовал сведения о находимых древностях доставлять не в Археологическую комиссию, а в МВД. Кроме МВД вопрос о производстве археологических изысканий частными лицами интересовал и Министерство двора, от имени которого 24 января 1875 г. в ИАК был сделан запрос о том, какие правила для ограничения подобной деятельности здесь установлены, по поводу чего была составлена докладная записка (РО. Ф. 1. Оп. 1-1875 г. Д. 10. Л. 2, 3). Следующий этап борьбы с кладоискательством приходится уже на «эпоху Бобринского».

С.Г. Строганов приложил немало усилий, дабы информация о Комиссии и ее деятельности распространялась как можно шире. Так, отчет о деятельности ИАК за первый год работы Комиссии был отправлен не только в Керченский музей и Императорскую академию наук, но 24 мая 1861 г. 23 экземпляра были соответственно отправлены секретарю Академии наук в Стокгольме, в Академии наук в Уппсале, Копенгагене, Лондоне, Эдинбурге и Дублине, в Философское общество в Кембридже, в Бодлеанскую библиотеку в Оксфорде, в Академии Берлина, Мюнхена, Геттингена, Лейпцига, Вены, Амстердама, Брюсселя, Парижа, Дижона, Лиона, Турина, в Институт археологической корреспонденции в Риме, в Папскую академию археологии и в Академию Геркуланума в Неаполе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 18). По просьбе председателя Комиссии в адрес-календаре Императорской академии наук за 1864 г. были опубликованы извлечения из Положения об ИАК, а также список ее членов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 10. Л. 1).

VIII

Несмотря на изначально ограниченные возможности Комиссии и на определенную специфику понимания председателем ИАК функций археологической науки, С.Г. Строганов предпринял целый ряд мер как для выполнения зафиксированных в уставе обязанностей Комиссии, так и для создания единого «административно-общественного фронта» по защите памятников отечественной старины. Первыми контрагентами ИАК стали Управление путей сообщений и губернские статистические комитеты.

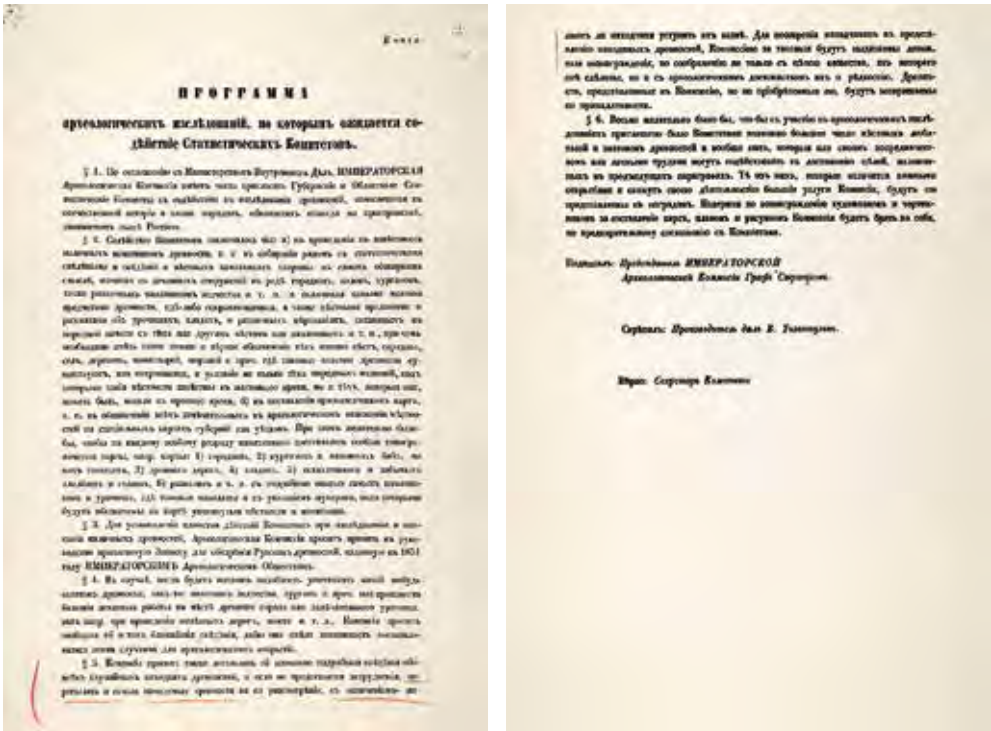
19 ноября 1862 г. С.Г. Строганов отправляет письма Петру Петровичу Мельникову в Главное управление путей сообщений и публичных зданий и Эдуарду Ивановичу Тотлебену в Инженерный департамент (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 26. Л. 1–2, 3 — 3 об.). Указывая, что на основании пунктов 7 и 8 Положения ИАК обязана следить за производимыми в империи земляными работами, он просит сделать необходимые распоряжения о доставлении в ИАК сведений о направлении проводимых дорог, производстве работ и сделанных находках. Дабы стимулировать находчиков, упоминалось, что им на основании 11-го и 12-го пунктов Положения об ИАК будет выдаваться

денежное вознаграждение. При этом предлагалось принимать в расчет не только стоимость вещи, но и ее археологические достоинства и редкость. С.Г. Строганов также писал, что с его стороны будут приняты все меры, чтобы действия Комиссии не замедляли строительных работ. Соответствующие ведомственные предписания последовали в том же ноябре 1862 г. Однако сам С.Г. Строганов понимал необходимость контакта между ИАК и сотрудниками инженерных ведомств на местах. 6 апреля 1866 г. он обращается в Управление путей сообщений и просит разрешить непосредственные сношения с дистанционными офицерами, распоряжающимися производством работ. После получения необходимого разрешения и соответствующего списка офицерам Московско-Курской дороги 11 мая было отправлено 21 письмо, отпечатанное типографским способом (Там же. Л. 8, 10 — 10 об., 11–12).

Председатель ИАК объективно оценивал возможности своего ведомства по надзору за подобными работами и не стремился его монополизировать. Он сознательно привлекал для этих целей местные ученые общества. Так, в марте 1863 г., во время строительства дороги Одесса — Парканы, он вступил в переговоры с секретарем Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевичем, в результате чего была достигнута договоренность о том, что именно это общество будет наблюдать за прокладкой путей (Там же. Л. 6). Вместе с тем он отстаивал приоритетное положение Комиссии в деле собирания информации о найденных кладах. Так, 1 июня 1866 г. он писал киевскому генерал-губернатору А.П. Безаку о необходимости пересылать находки не в университет св. Владимира в Киеве, а непосредственно в ИАК, особенно те из них, которые были найдены в процессе работ по строительству железных дорог (Там же. Л. 15).

Отсутствие устоявшейся процедуры в этой области ощущалось весьма сильно. Так, 7 февраля 1867 г. председатель ИАК обратился в Департамент общих дел МВД о повсеместном нарушении в связи со строительными работами норм приложения к ст. № 39 (прим. 2) ч. 1 т. X. Свода гражданских законов «о доставлении кладов местному начальству и отсылке их по принадлежности», т.е. в ИАК (Там же. Л. 18 — 18 об.). Призыв к сотрудничеству между строителями и Комиссией был сразу же напечатан в «Северной почте» по поручению МВД, однако само министерство не преминуло взять с ИАК деньги за такое объявление. Призыв был услышан на местах. В марте 1867 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор П.Е. Коцебу обязал командиров рабочих бригад объявлять начальству обо всех сделанных находках. Приглашение к сотрудничеству было продублировано в 1868 г., а 21 января 1869 г. ИАК вновь подтвердила свое намерение непосредственно входить в контакт со строителями и правительственными инспекторами на местах.

С 1871 г. интенсивность контактов ИАК с железнодорожным ведомством несколько снижается, чтобы обрести второе дыхание в середине 1880-х гг. Однако стоит отметить, что за 10 лет активной прокладки дорог деятельность Комиссии так или иначе охватила все крупные мероприятия того времени: Харьковско-Азовскую, Ряжско-Моршанскую, Лозовско-Севастопольскую, Кременчугско-Харьковскую, Московско-Смоленскую, Курско-Харьковскую,



ПРОГРАММА

археологическихъ изслѣдованій, на которыхъ ожидается содѣйствіе Статистическихъ Комитетовъ.

«Программа археологических исследований, по которым ожидается содействие статистических комитетов» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 27. Л. 14 — 14 об.)

Орловско-Грязинскую, Рыбинско-Бологовскую, Тирасполь-Кишиневскую, Петербургско-Гельсингфорсскую, Киево-Балтскую, Балтийскую, Ярославско-Сергиевскую, Тамбовско-Кирсановскую, Елецко-Орловскую и другие дороги. Активное строительство транспортных путей в России уничтожило такой характерный документ раннего периода деятельности ИАК, как «подорожные».

Другим научным партнером ИАК в деле изучения отечественных древностей и собирания информации о них стали губернские и областные статистические комитеты, созданные еще 20 декабря 1834 г. согласно «Положению о создании губернских и областных статистических комитетов» и «Правилам для статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел и статистических комитетов в губерниях» и реорганизованные 26 декабря 1860 г. на основе нового «Положения о губернских и областных статистических комитетах» (ПСЗРИ. Т. 9. 1834: 280–283, № 7684; Т. 35. Отд. 2. 1862: 504–511, № 36453; см. на эту тему: Комарова 1987; Смирнов 2011b).

Отправной точкой стал уже памятный нам ноябрь 1862 г. Очевидно, к этому времени ИАК сумела организовать свою деятельность в области изучения причерноморских древностей и их предоставление на «Высочайшее воззрение», что освободило дополнительные возможности для выполнения иных, предписанных Положением, функций. Так, в частности, в Керчи в 1865 г. Археологическая комиссия

провела первые работы по «музеефикации» археологических объектов, на ее средства был расчищен от наносов и обвалов склеп Царского кургана в Керчи; сам склеп и дромос частично отреставрированы и укреплены; при кургане построено караульное помещение для сторожа. В 1871 г. аналогичные меры были предприняты для спасения Мелек-Чесменского кургана.

Отношения со статистическими комитетами развивались следующим образом. 29 ноября 1862 г. С.Г. Строганов обращается в Центральный статистический комитет МВД (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 27. Л. 1–2). Подчеркивая «незначительность» состава ИАК, члены которой главным образом заняты «производством археологических раскопок и описанием открываемых вещей», и «крайнее равнодушие общества к археологическим исследованиям и памятникам... древности», он пишет, что «собирание обстоятельных и правильных сведений» о старине «становится чрезвычайно затруднительным и почти невозможным без содействия других правительственных учреждений». Статистические комитеты по кругу своих обязанностей и территориальному расположению, по мнению председателя, могли бы внести существенный вклад в это дело.

Действительно, согласно «Положению о губернских и областных статистических комитетах», утвержденных 26 декабря 1860 г., в их задачи входило не только «собирание точных статистических сведений о количестве и качестве земель, народонаселении и производительных силах» (п. 2), но и «забота о составлении, по мере возможностей... подробных описаний губерний и областей, равно как и частей оных, также городов и особенно почему-либо замечательных в губернии или области местностей в отношении... историческом... и издании трудов своих в свет» (п. 3) (ПСЗРИ. Т. 35. Отд. 2. 1862: 504–511, № 36453; Отд. 3. 1862: 601).

На первом этапе предполагалось собирание материалов для археологической статистики и составление археологических карт — «нанесение на карты пунктов, замечательных в археологических отношениях», второй этап предполагал привлечение к исследованию памятников лиц, знакомых с местными древностями, и осуществление контроля за состоянием старины. Характерно, что, судя по сохранившимся в архиве ИАК карандашным заметкам В.Г. Тизенгаузена на полях «Положения о статистических комитетах», руководство Комиссии предполагало возможность командирования членов этих комитетов для осмотра памятников и материальной поддержки создаваемых ими экспедиций, что соответствовало пунктам 14 и 15 упомянутого Положения.

Главной задачей становилось «обратить внимание общества на памятники нашей старины» и со временем, как в других государствах, образовать местные археологические комиссии. Последнее замечание представляется нам указанием на определенную связь с практикой подобных учреждений во Франции 1820–1850-х гг., которая в деятельности ИАК так и не нашла окончательного воплощения. В заключение С.Г. Строганов спрашивал, «не встретится ли со стороны Центрального статистического комитета» каких-либо препятствий к такому сотрудничеству. Уже 12 декабря 1862 г. товарищ министра А.Г. Тройницкий отвечал, что здесь «не только не может встретиться каких-либо затруднений, но что МВД с особенной готовностью употребит зависящие

от него меры к осуществлению предположений Комиссии». При этом он предложил Комиссии установить единство действий и сообщить Центральному статистическому комитету программу предполагаемых изысканий для рассылки в губернии от имени министерства (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 27. Л. 7–8). 18 января 1863 г. ИАК препроводила в министерство 200 экземпляров «Программы археологических исследований, по которым ожидается содействие статистических комитетов» (Там же. Л. 9–10, 14 — 14 об.). 27 апреля 1863 г. циркуляр за подписью А.Г. Тройницкого был разослан в губернии. Повторяя преамбулу письма С.Г. Строганова, министерство «признавало полезным, чтобы губернские и областные статистические комитеты приняли участие в собирании сведений об отечественных древностях, разумеется, в такой мере, чтобы труды эти не отвлекали комитеты от главных служебных занятий». На места была отправлена не только программа, но и «Записка для обозрения русских древностей» И.П. Сахарова.

Сама программа из 6 пунктов делала упор на уездных сотрудниках комитетов, которые должны были доставлять сведения в ИАК. Она предполагала «приведение в известность наличных памятников древности», под чем понимались статистические сведения о памятниках старины в самом обширном смысле: от городищ вплоть до местных преданий, — а также составление карт по каждому разряду памятников на основе уже известной записки 1851 г. Четвертый пункт гласил, что «в случае, когда будет настоять надобность уничтожить какой-нибудь остаток древности... как, например, при проведении железных дорог, шоссе... Комиссия просит сообщать ей о том ближайшие сведения, дабы она имела возможность воспользоваться этим для археологических открытий». Предполагалось, что статистические комитеты будут привлекать к своей деятельности местных любителей и знатоков старины, собирать сведения о случайных находках, а также активно сотрудничать с художниками и чертежниками, которым предполагалась выплата вознаграждения за «графическую фиксацию».

В течение лета 1863 г. Вологодский, Воронежский, Тверской, Ковенский и Костромской комитеты откликнулись на этот циркуляр непосредственно в ИАК просьбой о доставлении дополнительных экземпляров «Записки для обозрения русских древностей». Лишь Киевский комитет в письме упомянул, что в губернии существует Комиссия для разбора древних актов, в круг занятий которой входят и «археологические исследования», и посоветовал ИАК обратиться туда. 23 декабря 1863 г. С.Г. Строганов был вынужден непосредственно просить Киевский комитет о содействии ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 27. Л. 20 — 20 об.).

Отношения ИАК с самой киевской Временной комиссией для разбора древних актов складывались менее продуктивно. 23 декабря 1863 г. С.Г. Строганов обратился туда с предложением о совместном доследовании Екатеринославских курганов скифского времени после замечательных открытий, сделанных в 1855–1856 гг. Однако Временная комиссия не проявила к этому никакого интереса, предложив 5 марта вместо этого исследовать фрески церкви Спаса на Берестове, недавно открытые протоиереем П. Лебединцевым. В том же письме сообщалось, что она против открытия археографической комиссии в Вильно, поскольку,

при отсутствии «вполне способных к тому русских деятелей», ее организация повлечет за собой большие расходы. 30 апреля 1864 г. председатель ИАК просил прислать снимки фресок, которые, похоже, так и не были высланы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 22. Л. 5, 6).

Характерно, что при общем согласии содействовать ИАК практически все статистические комитеты переадресовали программу приходскому духовенству (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 27. Л. 17, 18) под видом вовлечения священнослужителей в деятельность по охране памятников отечественной старины. Так, Казанский комитет на заседании 16 августа 1863 г. постановил, что «действительные члены комитета, большей частью состоящие на службе, не могут принести существенно важной пользы в настоящем случае», и пригласил к занятиям археологией настоятелей монастырей, городских и сельских священников, вследствие чего было принято обращение к архиепископу Афанасию (Соколову), а также учителей. Одновременно комитет обратился в Казанский университет к профессорам П.П. Буличу, В.И. Григоровичу, Н.И. Ильминскому и Н.А. Толмачеву с просьбой «почтить участием статистический комитет в его археологических исследованиях» с принятием званий действительных членов комитета (Там же. Л. 26–27).

Подобным образом 11 сентября 1863 г. поступил Иркутский статистический комитет, который решил опубликовать циркуляр и программу в «Губернских ведомостях», а также просить епископа Парфения (Попова, на кафедре 1860–1873) «о поставлении в обязанность» благочинным и приходским священникам сотрудничества с комитетом в области археологии. Такое же обращение было принято к уездным исправникам и действительным членам в округах — доставить в Комитет сведения, нет ли на местах памятников, замечательных в археологическом отношении. 5 августа 1863 г. Смоленский комитет также возложил ответственность за сбор археологической информации на уездных исправников, становых приставов и духовное ведомство (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 8. Л. 16). 21 марта 1864 г. к своему правящему архиерею обратился и Архангельский комитет (Там же. Л. 1 — 2 об.).

В мае 1866 г. ИАК вновь разослала письмо во все статистические комитеты, упомянув о предшествующем циркуляре МВД от 27 апреля 1863 г. по поводу участия комитетов в собирании сведений о местных древностях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 8. Л. 1). В письме сообщалось, что двухлетнее сотрудничество уже успело принести некоторую пользу, в результате чего в Археологическую комиссию были доставлены сведения о местных древностях, а несколько случайных археологических находок были сохранены от истребления. Для закрепления сложившихся контактов ИАК разослала по губернским комитетам некоторые археологические издания: «Известия РАО», «Труды МАО», а также «Отчет» о деятельности Комиссии за 1864 г.

Определенный итог этому сотрудничеству подвел В.Г. Тизенгаузен в своей «Записке» о деятельности Археологической комиссии от 7 мая 1886 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 73. Л. 1 — 2 об.): «Комиссия пыталась привлечь к ее деятельности основные провинциальные научные силы — членов статистических комитетов. Но это была слабая поддержка, и от научного комитета ожидать нечего, даже если бы он

оплачивался из казны». К этому мнению восходит и отзыв 1898 г. нового председателя Комиссии А.А. Бобринского о том, что привлечение к делу охраны памятников статистических комитетов «не оправдало тех надежд, которые Археологическая комиссия возлагала на них» (Охрана памятников 1978: 146). В марте того же года он представил министру внутренних дел проект создания отделений по составлению Свода памятников старины и их охране при губернских статистических комитетах (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 362–365; Охрана памятников 1978: 145–150; Лапшин 2002: 83), но эта попытка также не увенчалась успехом. В целом нужно признать, что с 1866 г. отношения ИАК с комитетами практически прекратились, несмотря на то, что в предшествующее время в Петербург были присланы некоторые местные древности, краеведческие описания и местные издания историко-археологического характера, а также губернские памятные книжки.

Так, Калужский комитет переслал в ИАК рукопись о монетах удельных князей на территории Калужской земли и опубликованные описания нескольких монастырей: Боровского, Тихоновского Козельского и Козельской Введенской пустыни, попросив, впрочем, возвратить книги по «миновании в них надобности» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 27. Л. 22). Курский комитет сообщал о находке клада 874 серебряных монет XVII в. при строительстве дома (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 8. Л. 3 — 3 об.), а Витебский переслал в ИАК каменный молоток и бронзовые пряжки из курганов, в том числе и из «Рогнединского кургана» у истоков р. Дриссы, раскопанных на землях Блясинского сельского общества мировым посредником Полоцкого уезда А.Р. Гернгроссом и членом комитета В.О. Дуве.

В результате вещи были отправлены в Московский музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 5. Л. 2). Самостоятельный интерес представляет присланная из комитета области Войска Донского в 1868 г. записка его члена Х.И. Попова с описанием курганов и городищ в Усть-Медведицком и Хоперском округах (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 8. Л. 22–44).

Недавний анализ деятельности статистических комитетов в области археологии, произведенный А.С. Смирновым, не оставляет сомнений, что на практике она была интенсивнее, чем это отразилось в переписке с ИАК. Однако зачастую комитеты предпочитали иметь дело с МАО, которое активно входило с ними в сношения, или с местными музеями. От столичной Комиссии многие из них дистанцировались, неизменно подозревая, что доставленные сведения будут использованы ею как материал для собственных исследований, без упоминания их вклада (см.: Смирнов 2011b: 28–37).

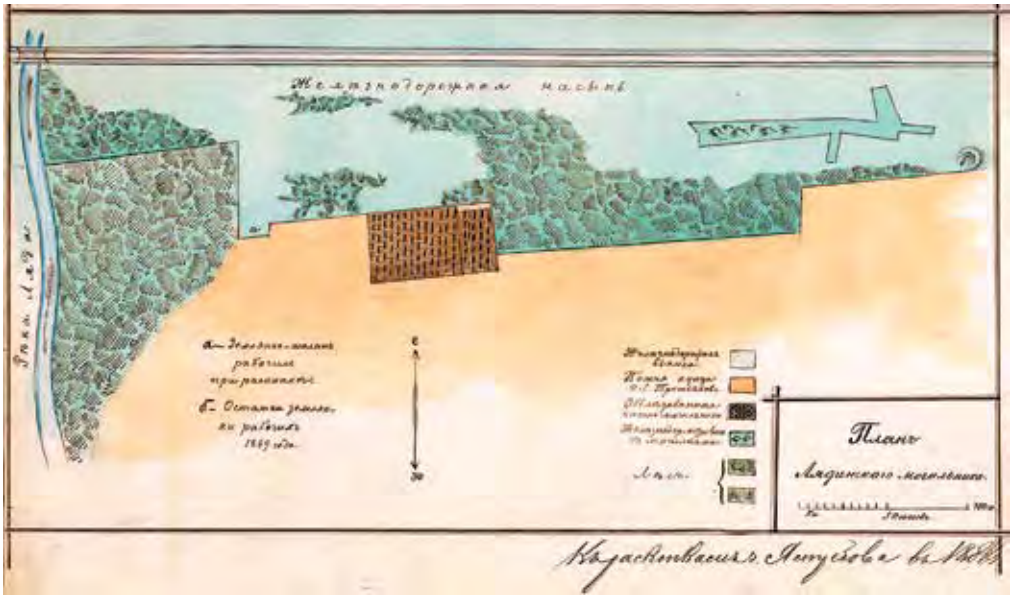
При поверхностном взгляде на деятельность ИАК в 1860–1870-е гг. может показаться, что ее сотрудничество со статистическими комитетами и строителями не принесло существенных результатов. Однако именно в это время складывалась система взаимоотношений ИАК с учеными коллективами на местах: Одесское общество в 1863 г. и Киевский статистический комитет в 1866 г. выполняли надзорные функции при прокладке железных дорог в соответствующих губерниях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 8. Л. 4 — 4 об.). Кроме того, вовремя замеченные членами ИАК газетные сообщения о находках археологических предметов при строительстве путей сообщения

позволяли не только спасти их для последующего музейного хранения, но превратить впоследствии найденные комплексы в эталонные памятники при изучении археологии Восточной Европы. Просмотр газет на предмет сообщений о находках кладов, случайных вещей и несанкционированных раскопках и последующие меры стали одной из важных форм деятельности ИАК по сохранению культурного наследия.

Так, в ноябре 1867 г. ИАК «случайно узнала», что при устройстве Орловско-Витебской железной дороги были найдены серебряные древние предметы и куфические монеты, о чем был сделан запрос в МВД. В ответ, однако, было сообщено, что на территории Поречского уезда в Смоленской губернии при проведении соответствующих работ действительно были обнаружены глиняные горшки, черепа (очевидно, строительством был затронут курганный могильник), а также «шведские и ливонские монеты», которые заведующий дистанцией инженер-поручик Рипас передал в Смоленск (РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 14. Л. 1, 2). Впрочем, ни о серебряных изделиях, ни о куфических монетах не сообщалось, в силу чего непонятно, шла ли речь об одной и той же находке.

Равным образом, обратив внимание на газетную информацию об обнаружении при строительстве Тамбовско-Саратовской железной дороги близ Кирсанова древних предметов, в июне 1869 г. С.Г. Строганов оправляет запрос инспектору А.И. Бедряге (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 20. Л. 5). В результате выяснилось, что в процессе земляных работ было найдено не менее 5 погребений, план которых и наиболее репрезентативные бронзовые серебряные и железные вещи (оружие, стремена, удила, украшения) инспектор переслал в ИАК (Там же. Л. 6–8, 9, 17–25). В 1884 г. вещи были частично переданы в Российский исторический музей. Однако позднее, уже в «эпоху Бобринского», из 15-го выпуска «Известий Тамбовской архивной комиссии» за 1887 г. Комиссии стало известно, что часть вещей из этого комплекса член Архивной комиссии В. Вышеславцев пожертвовал в местный музей. Это вновь пробудило интерес к найденным древностям. В декабре 1887 г. ИАК обращается к владельцам земли Сазоновым и их арендатору купцу Третьякову в связи с необходимостью доследования участка, на что было получено согласие безо всяких предварительных условий и «без возмещения убытков» (Там же. Л. 38–39). В феврале 1888 г. появляется памятная записка Н.Е. Бранденбурга «Тамбовский могильник и его археологическое значение» (Там же. Л. 40 — 59 об.), а 20 июня Владимиру Николаевичу Ястребову, преподавателю Елизаветградского реального училища, был выдан Открытый лист на раскопки в этой местности, для чего было выделено 400 руб. (Там же. Л. 68). В результате предоставленного отчета (Там же. Л. 85–195) и более чем 20-летней истории увидела свет публикация материалов Лядинского могильника — классического памятника мордвы X–XI вв. на территории Древней Руси (Ястребов 1893).

Если отношения ИАК и ИРАО в Санкт-Петербурге складывались достаточно органично, то созданное А.С. Уваровым в 1864 г. Московское археологическое общество с самого начала рассматривало себя в качестве альтернативы ИАК. Как было показано выше, в основе такого противостояния лежал личностный конфликт



План Лядинского могильника, Тамбовская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 20. Л. 194)

А.С. Уварова со С.Г. Строгановым, который впоследствии дополнился соперничеством столиц и дискуссией научных школ. Археологическая комиссия отнеслась весьма прохладно к подготовке и проведению «Уваровских» съездов. 26 февраля 1866 г. МАО прислало приглашение к участию в предварительном комитете I Археологического съезда в Москве на адрес «Санкт-Петербургской императорской археологической комиссии», будто подчеркивая тем самым равенство своего положения с ней по региональному признаку (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 4. Л. 1 — 2 об.). 10 марта С.Г. Строганов отвечал в том духе, что Комиссия «вполне сочувствует предложенной обществом мысли о съезде и со своей стороны считает долгом принять живейшее участие в этом деле». В предварительный комитет съезда был назначен И.Е. Забелин. 27 апреля 1868 г. было получено разрешение на съезд от министра народного просвещения, в ведении которого находилось МАО. С.Г. Строганову было отправлено персональное приглашение, однако не как председателю ИАК, а как председателю ОИДР. Несмотря на то, что типографский формуляр содержал позицию для подписи самого А.С. Уварова, оно было подписано лишь секретарем общества К.К. Герцом. В результате на приглашении появилась эмоциональная резолюция Строганова: «Не намерен принимать участия ни в делах Комитета, ни съезда гг. археологов» (Там же. Л. 6 — 7 об.).

Многие положения предстоящего съезда вызвали его пометы в виде вопросительных знаков и язвительных замечаний. Вопросительные знаки появились у 1-го параграфа положения о съезде, где к числу «главных вопросов, которые будут подвергнуты обсуждению», были отнесены состояние русской археологии и ее развитие; сохранение и приведение в известность памятников как языческой, так и христианской древности в России;

точнейшее определение методов и приемов в исследовании памятников; составление подробной инструкции археологических изысканий; картирование и т. д. Напротив 2-го пункта о том, что «съезд будет продолжаться не более трех недель», приписано: «И одного часа много».

Особенное возмущение С.Г. Строганова вызвало, судя по пометам, намерение А.С. Уварова «допустить» «к участию в съезде» депутатов от всех ученых обществ, «предметы занятия которых соприкасаются с русской археологией, а также всех ученых, заявивших себя археологическими трудами или выразивших председателю съезда желание участвовать в занятиях оного и им к такому участию допущенных». Рядом с «допустить» С.Г. Строганов дописал альтернативное «пригласить» (Там же. Л. 6).

6 марта 1869 г. ИАК приняла решение не назначать со стороны Комиссии особого депутата, кроме В.Г. Тизенгаузена, который уже был членом предварительного комитета. На II Археологический съезд в Петербурге в 1871 г. также был отправлен В.Г. Тизенгаузен. Он же представлял ИАК и на V съезде 1881 г. в Тифлисе, хотя по болезни в заседаниях предварительного комитета и не участвовал (РО. Ф. 1. Оп. 1-1879 г. Д. 35. Л. 2, 3). Сам Строганов не участвовал ни в одном съезде, так же как и сменивший его в 1882 г. А.А. Васильчиков.

Археологическая комиссия не посылала официальных делегатов на IV (Казань, 1877 г.), XI (Киев, 1899 г.), XII (Харьков, 1902 г.) и XIII (Екатеринослав, 1905 г.) Археологические съезды, как и на XVI съезд (Псков, 1914 г.), который не состоялся из-за начавшейся Первой мировой войны (о съездах см.: Серых 2011; Szczerba 2013; ср.: Шаманаев 2017; о влиянии политической власти и контроле над работой съездов см.: Смирнов 2011а: 198–199).

Необходимо отметить, что не только проведение съездов, но и многие другие интересные инициативы, поступавшие в Комиссию, оставались без соответствующего внимания, несмотря на то, что потенциальные возможности ИАК, несомненно, расширились. Ее деятельность начинала становиться известной. Так, российский консул в г. Кандии (ныне Ираклион, Крит) Александр Евфимович Лаговской, через Азиатский департамент Министерства иностранных дел, информировал С.Г. Строганова о находке двух античных статуй у г. Аптера на южном берегу Судского залива близ г. Канеи (ныне Ханья) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1875 г. Д. 10. Л. 14–15).

Одно из самых интересных предложений пришло в ИАК в июле 1871 г. от известного византиниста и коллекционера А.Д. Мордтманна (A.D. Mordtmann, 1811–1879) через российское посольство в Стамбуле. Он предложил приобрести у него 600 византийских свинцовых печатей, в том числе и из Херсонеса, сопроводив их подробным указателем. 20 августа ИАК попросила его указать возможную стоимость коллекции и прислать ее каталог. Это и было сделано 14 октября 1871 г., причем все фотографии были переданы старшему хранителю монетного отделения Эрмитажа М.И. Броссе (1802–1880) (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 25–27).

Однако в ответном письме последний указал, что, несмотря на интерес коллекции, приобретена она быть не может «по неимению в настоящее время свободных сумм» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 28. Л. 3–4). Формирование коллекции моливдовулов

Храм св. Софии, обращенный в мечеть. София, Болгария. 1878 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 22. Л. 3)

Эрмитажа отодвинулось на несколько десятилетий. Стоит вспомнить и об отказе ИАК принять предложение французского археолога Жана Жака Мари де Моргана участвовать в изучении древностей Месопотамии под предлогом того, что «исследования эти в северной части Персии вряд ли могут дать особенно блестящие результаты» (см.: Смирнов 2014; ср.: РГВИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 143. Л. 1).

Это были не единственные предложения, поступившие Комиссии из-за рубежа. 15 июля 1878 г. военный губернатор болгарской Софии Петр Алабин выступил с идеей собственными силами, с привлечением лишь отчасти средств Комиссии, раскопать уникальный многослойный памятник позднеантичной и византийской эпохи — Софийский собор в Сердике-Софии, пользуясь русским временным военным присутствием в Болгарии. Ситуация упрощалась тем, что по предложению Алабина раскопкам должен был быть подвергнут лишь алтарь, апсида которого, при превращении храма в мечеть, была разобрана, а проем заложен.

Полукружие фундамента апсиды хорошо читалось на местности, и именно здесь и предполагалось сосредоточить исследования. Однако отвечавший за отсутствием председателя на вопрос академик Л.Э. Стефани указал, что все специалисты Археологической комиссии командированы на раскопки в Крым, и сама Комиссия не располагает дополнительными денежными средствами (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 22. Л. 1–2, 4).

Отметим, что впоследствии во время Первой мировой войны по занятии русскими войсками Трапезунда экспедицией Ф.И. Успенского в 1916–1917 гг. здесь были проведены архитектурно-археологические работы в трех храмах византийской эпохи (Басаргина

1991; Беляев 1998: 210–211; Старостин 2014; Цыпкина 2015; 2016a; 2016b; Захарова, Цыпкина 2016), впрочем, без участия Комиссии.

Архитектурно-археологические работы вообще первоначально не входили в число приоритетов ИАК, хотя и были ей поручены. Точно так же С.Г. Строганов не посчитал нужным поддержать инициативу президента Академии художеств князя Г.Г. Гагарина в 1860 г. о привлечении общественного внимания к бедственному состоянию Богоявленского собора в Костроме (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 5. Л. 1 — 20 об.) и постарался снять с Комиссии ответственность за реставрационные работы на памятниках владимиро-суздальского зодчества (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 9).

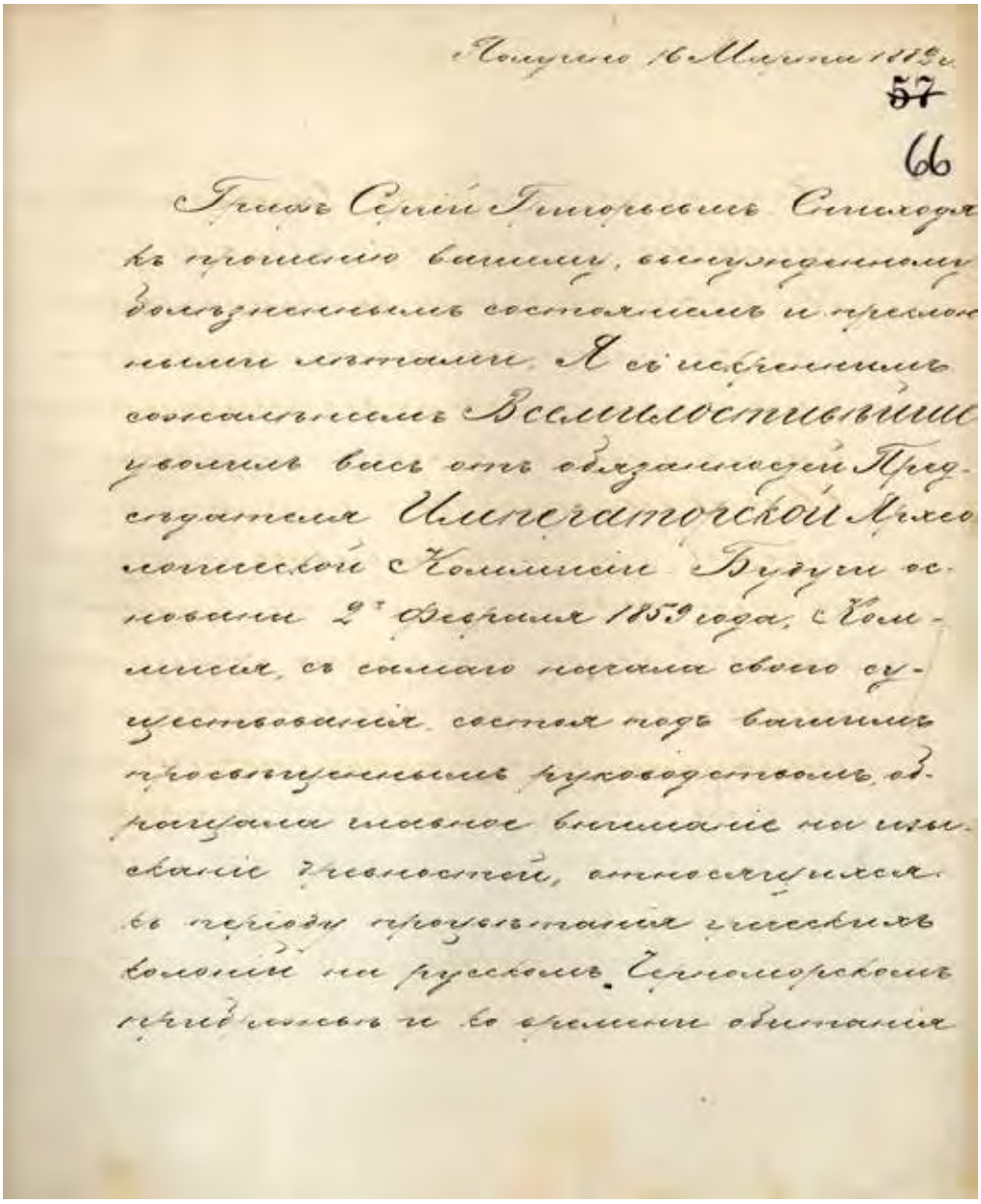
Не заинтересовало его и исследование собора на Протоке в Смоленске М.Н. Полесским-Щепило в 1867–1868 гг. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 7). Впрочем, в мае 1871 г. в ИАК узнали из газет об открытии в Феодосии древнего христианского храма и поручили барону Клодту фон Юргенсбургу, причисленному к Комиссии после И.П. Вольского, сделать его рисунки, о чем было направлено соответствующее письмо и в Феодосийский музей древностей.

Однако о судьбе этого предприятия нам ничего не известно (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 23). Похоже, что такая позиция председателя ИАК в деле охраны и изучения архитектурных памятников была учтена А.С. Уваровым, который добился от Св. Синода в 1879 г. запрета на самовольные переделки в древних храмах без предварительных консультаций духовенства с археологическими обществами, в перечень которых ИАК не входила (подробнее см. главу XIII). Такая ситуация могла стать общим фоном скорой отставки С.Г. Строганова.

IX

Председателю Археологической комиссии С.Г. Строганову еще в 1874 г. исполнилось 80 лет, и ему, занимавшему и другие важные государственные должности, было уже трудно уделять много внимания и отстаивать прерогативы Комиссии. С мая по декабрь 1877 г. С.Г. Строганов отсутствовал в Петербурге, поскольку с разрешения министра отбыл в отпуск на лечение в деревню, его обязанности исправлял С.А. Гедеонов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1877 г. Д. 11). К концу 1881 г. С.Г. Строганов в своих рапортах признает, что уменьшился штат Комиссии и сократилось количество проводимых ею раскопок. Как явствует из пояснительной записки 24 апреля 1882 г., составленной А.А. Васильчиковым на имя министра двора И.И. Воронцова-Дашкова, с конца 1870-х гг. С.Г. Строганов возвращал до 50 % бюджетных ассигнований на деятельность Комиссии в ведомство контроля Министерства императорского двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 5 об. — 6). Такой неоправданный отказ от активизации деятельности Комиссии требует своего объяснения, что не может быть связано лишь с болезнью 87-летнего С.Г. Строганова и нездоровьем В.Г. Тизенгаузена, а объясняется и сложным положением самой Комиссии.

Как человек, обладающий трезвым государственным умом, председатель ИАК, видимо, хорошо понимал



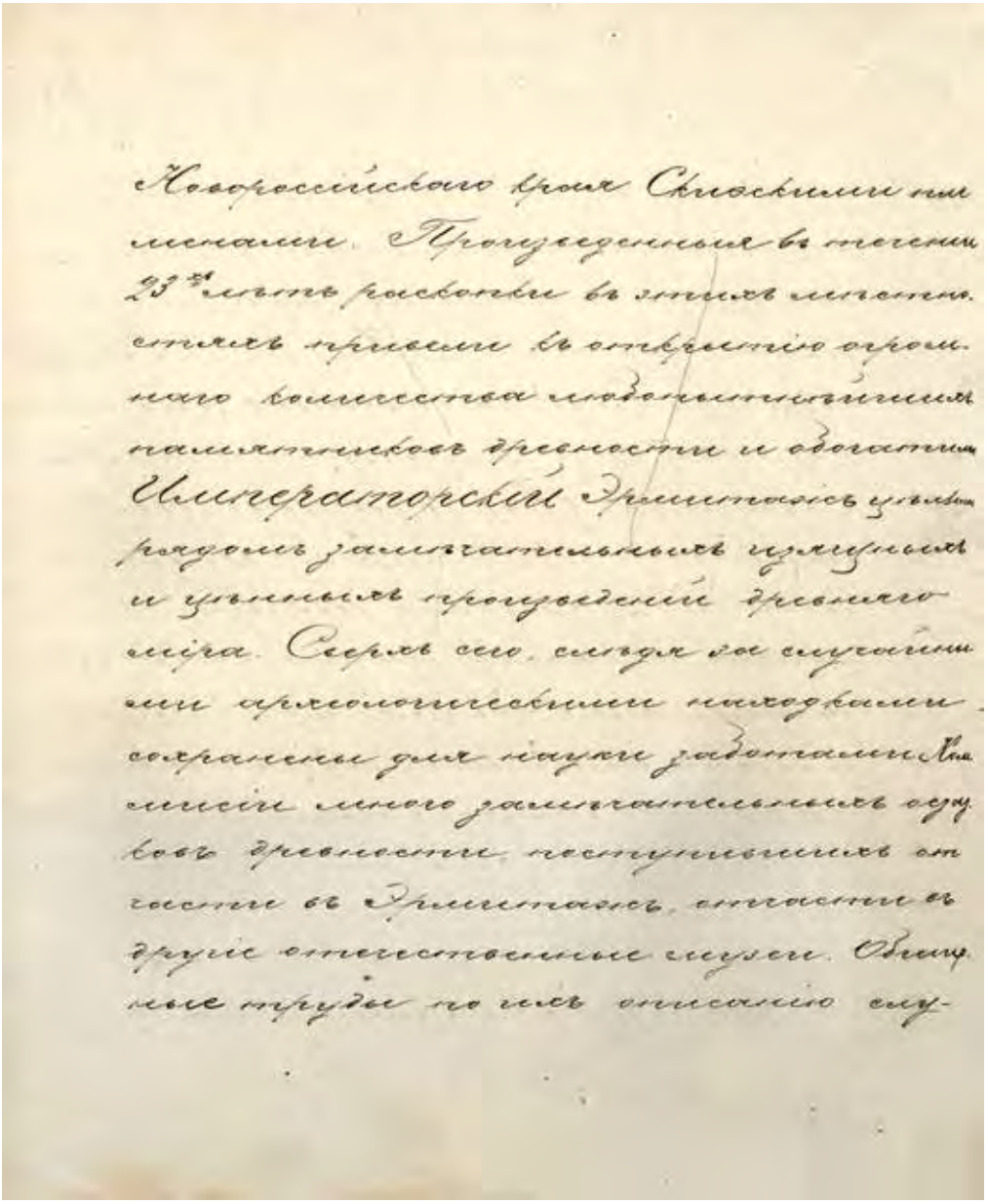
Получено 16 Марта 1882 г.

~~57~~

66

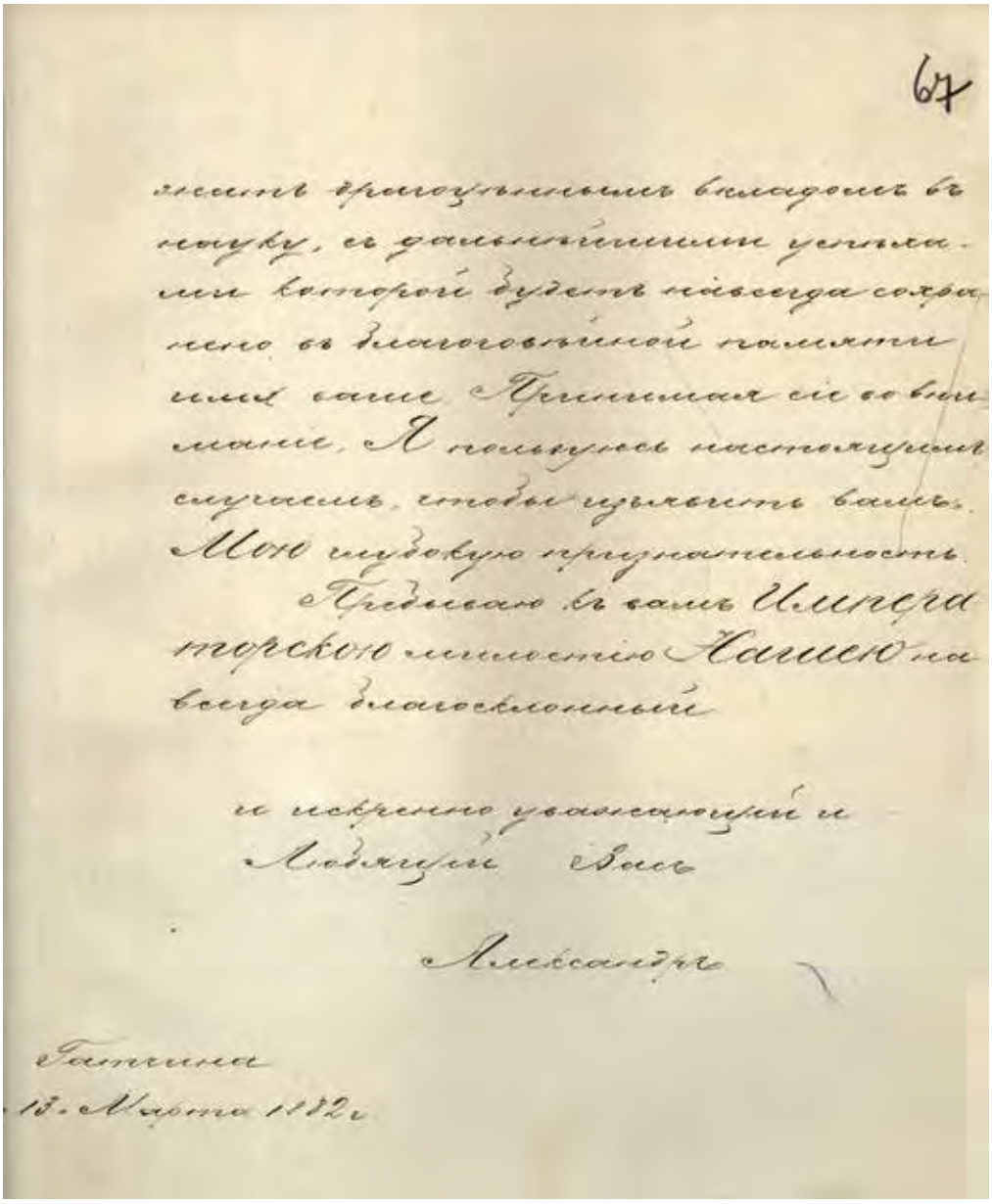
Графъ Сергій Григорьевичъ. Отвѣчая
на прошеніе вашего, вынужденнаго
болѣзненнымъ состояніемъ и преклон-
ными лѣтами, я съ искреннимъ
сожалѣніемъ Всемилостивѣйше
уволяю васъ отъ обязанностей Пред-
сѣдателя Императорской Архео-
логической Коммиссіи. Будучи ос-
нованъ 2-го Февраля 1859 года, Ком-
миссія, съ самаго начала своего су-
ществованія, состоя подъ вашимъ
просвѣщеннымъ руководствомъ, об-
ращала полное вниманіе на изы-
сканіе древностей, относящихся
къ періоду процвѣтанія греческихъ
колоній на русскомъ Черноморскомъ
побережьи и въ краяхъ обитанія

Копия письма Александра III в связи с отставкой С.Г. Строганова, 13 марта 1882 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24. Л. 66)



Новороссійскаго края Своими пи
сками. Произведенныя въ теченіи
23 лѣтъ раскопки въ этихъ мѣстно.
стяхъ привели къ открытію огром.
наго количества любопытнѣйшихъ
памятниковъ древности и обогатили
Императорскій Эрмитажъ цѣлымъ
рядомъ замѣчательныхъ изящныхъ
и цѣнныхъ произведеній древняго
міра. Сверхъ сего, судя по случайнымъ
археологическимъ находкамъ,
сохраненнымъ для науки заботами Ком.
иссіи много замѣчательныхъ осуд.
ковъ древности поступившихъ отъ
гостей въ Эрмитажъ, отчасти въ
другіе отечественные музеи. Обширные
труды по изъ описанію слу-

Копия письма Александра III в связи с отставкой С.Г. Строганова, 13 марта 1882 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24. Л. 66 об.)



67

лишь драгоцѣнным вкладомъ въ
науку, съ дальнѣйшими успѣха-
ми которой будетъ навсегда сохра-
нено въ благодѣтельной памяти
имя Ваше. Принимая сіе во вни-
маніе, Я пользуюсь настоящимъ
случаемъ, чтобы выразить вамъ
Мою глубокую признательность.

Пребываю въ Вашемъ Импера-
торскомъ милостивомъ Нашемъ на
всегда благосклонный

и искренно уважающій и
любящій Васъ

Александръ

Гатчина
13. Марта 1882 г.

Копия письма Александра III в связи с отставкой С.Г. Строганова, 13 марта 1882 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24. Л. 67)

ВАСИЛЬЧИКОВ Александр Алексеевич (30.9.1832 — 11.5.1890) — гофмейстер, дипломат, историк искусства, коллекционер. Окончил Московский университет (1855), служил в дипломатических миссиях в Риме и Карлсруэ.

Дружил с П. Виардо и И.С. Тургеневым. С 1879 по 1888 г. — директор Императорского Эрмитажа, при нем музей пополнился многочисленными коллекциями произведений древнего и нового искусства, была введена новая структура с разделением на пять частей, привлечены многие новые сотрудники.

Изучал русскую иконографию, а также генеалогию и историю рода Разумовских. В 1882–1886 гг. был председателем ИАК.

Осн. соч.: О портретах Петра Великого. М., 1872; Словарь русских портретов. М., 1875; Семейство Разумовских. СПб., 1880–1887.

Лит. о нем: Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917. Биобиблиографический справочник. СПб. 2004. С. 34–36.

(Ил.: Всемирная иллюстрация. 1881. Т. 26. №651. С. 13. Портрет П.Ф. Бореля)

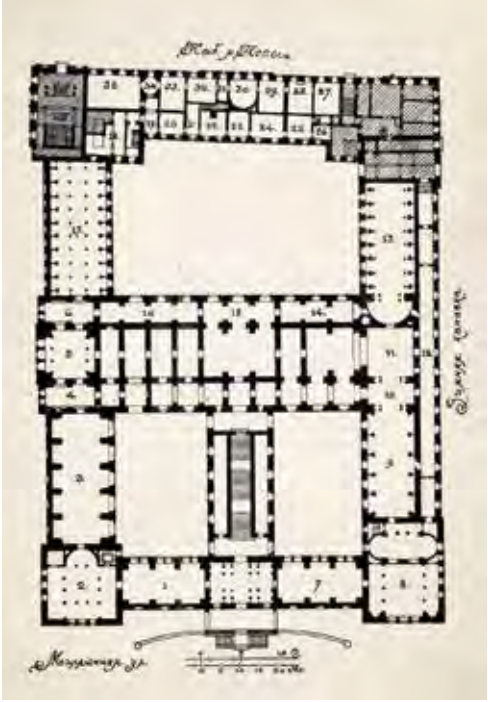
ситуацию и сам подыскивал себе замену. В феврале 1881 г. он подает первое прошение о своей отставке, мотивируя ее «болезненным состоянием и летами», что не позволяет ему более заниматься делами. При этом он предлагает передать дела, в соответствии с хорошо отработанной практикой предшествующего времени, директору Императорского Эрмитажа А.А. Васильчикову. В архиве сохранилось два варианта прошения — окончательный вариант датирован 31 декабря 1881 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 13. Л. 1, 2). В первом случае С.Г. Строганов лишь просит на время сохранить личный состав Комиссии, в частности В.Г. Тизенгаузена и И.А. Суслова, во втором — рекомендует поступить именно так, дабы сохранить «многолетние ученые предания и опытность» (Васильева 2000: 177–187). Очевидно, он в некоторой степени опасался за судьбу Комиссии, предвидя, что со сменой руководства сменится и личный состав ИАК.

Это было время определенного подведения итогов деятельности Комиссии «строгановского периода». Весьма вероятно, что именно В.Г. Тизенгаузеном от имени С.Г. Строганова были составлены записки от 14 января 1880 г. и 31 декабря 1882 г. министру двора с краткой характеристикой деятельности ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 1. Л. 22, 24 — 25 об.). Именно здесь говорилось, что до сих пор ИАК «обращала главное внимание на изыскание древностей, относящихся к периоду процветания греческих колоний на нашем Черноморском побережье». Из числа исследованных памятников упоминались Керчь, Чертомлык в Екатеринославской губернии, Большая Близница и Семибратние курганы на Кубани и Артюховский курган близ станицы Сенной.

За 23 года работы ИАК издала 19 томов отчетов и два выпуска «Древностей Геродотовой Скифии». Другой важной обязанностью Комиссии было наблюдение за случайными археологическими находками. Ежегодно ИАК получала 17 764 руб. из Казначейства, на издание отчетов 6000 руб. и 3700 руб. из Кабинета его императорского величества, всего 27 464 руб. В последние годы, вследствие сокращения личного состава Комиссии (очевидно, имелся в виду уход из ИАК старшего члена И.Е. Забелина в 1876 г. и кончина младшего члена И. Деля в 1879 г.) и уменьшения объема раскопок, в среднем ИАК использовала 22 500 руб., при этом на содержание личного состава всего 4800 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 13. Л. 3 — 4 об.).

Год в истории России, последовавший за событиями 1 марта 1881 г., выдался сложным. Именно этим, а также болезнью самого С.Г. Строганова, и должен объясняться временной разрыв между первым и вторым прошениями. Указ императора Александра III об увольнении С.Г. Строганова последовал только 7 марта 1882 г., в котором говорилось лишь о «расстроенном здоровье» председателя ИАК.

13 марта датировано личное письмо императора графу с благодарностями за службу России, и тем же числом датировано назначение А.А. Васильчикова председателем Комиссии с оставлением его в должности директора Эрмитажа (Там же. Л. 5, 6–7, 8). Известно, что А.А. Васильчиков был родственником С.Г. Строганова. Существуют документы, свидетельствующие об обсуждении ими «преемства власти» в ИАК. Еще в начале января 1882 г. А.А. Васильчиков собственноручно заготовил рапорт о вступлении в должность, однако болезнь С.Г. Строганова заставила отложить его



План Нового Эрмитажа: помещения Императорской археологической комиссии после переезда 1882 г. располагались на углу Зимней канавки и Миллионной улицы (по: Макаренко 1916)

до личного общения с графом, которое состоялось не позднее 16 января (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 53. Л. 18–21).

Подобное совмещение должностей в системе Министерства императорского двора было нередким, так, например, предшественник А.А. Васильчикова на посту директора Эрмитажа — С.А. Гедеонов — в 1867–1875 гг. одновременно руководил Императорскими театрами, а сменивший А.А. Васильчикова в 1888 г. на посту директора Эрмитажа И.А. Всеволожский также исполнял эту должность.

Александр Алексеевич Васильчиков (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 34–36) был сыном сенатора Алексея Васильевича Васильчикова

ГРИММ Александр Иванович (1819 — 2.01.1884) — нумизмат, хранитель Императорского Эрмитажа. В 1842 г. окончил Дерптский университет и поступил переводчиком в Министерство иностранных дел. С 1860 г. служил хранителем западноевропейских монет и медалей в Эрмитаже. В рукописи сохранились его сочинения: «Древние монеты: греческие и римские», «План каталога греческих и римских монет Императорского Эрмитажа». С 1876 г. заведовал собственными его императорского величества библиотеками и арсеналами. Член-корреспондент РАО.

Осн. соч.: О сочинении академика И. Горностаева под заглавием «История искусства и костюма у народов древнего мира» // Тридцать первое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. 25 мая 1862 года. СПб., 1862. С. 91–101; Реферат о Петербургской нумизматической коллекции и в особенности о находящихся в ней Боспорских монетах // Труды II Археологического съезда в Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. 30–31.

Лит. о нем: Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2004. С. 55–56; *Спасский И.Г.* Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики. 1764–1964 // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8. С. 123–234.

(Ил.: Портрет К.К. Кастелли (ГЭ. № ЭРГ-28815))

(княжеского титула эта ветвь рода Васильчиковых не имела). В 1855 г. он закончил юридический факультет Московского университета и более 10 лет служил при российских дипломатических миссиях в Риме и Карлсруэ, а в 1866 г. был назначен церемониймейстером двора, в служебные функции которого входила организация различных придворных церемоний и соблюдение сложных правил придворного этикета, которым в период царствования Александра II уделялось очень большое внимание (Шепелев 1999: 405).

Наряду со служебными обязанностями он занимался коллекционированием, преимущественно гравюр и портретов, весьма успешно изучал русскую иконографию, издав в 1870-е гг. книги «О портретах Петра Великого» и «Словарь русских портретов», а в 1880-е гг. генеалогию рода Разумовских. За свои труды он был избран членом Русского археологического общества и Одесского общества истории и древностей, членом-корреспондентом Московского археологического общества. В 1879 г. А.А. Васильчиков получил более высокий придворный чин гофмейстера (III класс по Табели о рангах) и был назначен директором Императорского Эрмитажа.

Являясь, скорее, искусствоведом и историком, серьезного опыта по части археологии Васильчиков не имел, но выбор Строганова, вероятно, определялся его высоким положением при дворе и тесными связями Комиссии и Эрмитажа. Сразу же следует заметить, что в определенном смысле надежды Строганова оправдались, и новый председатель Археологической комиссии активно включился в борьбу за ее права и привилегии.

Естественно, что назначение директора Эрмитажа председателем Археологической комиссии не могло не сказаться на еще большем упрочении связей Комиссии с Эрмитажем. Именно с этого времени Комиссия переезжает из тесных помещений Строгановского дворца в здание Эрмитажа. 21 июня 1882 г. А. А. Васильчиков подает рапорт министру императорского двора графу И. И. Воронцову-Дашкову, в котором просит выделить 800 руб. на переезд Комиссии, обустройство новых помещений и заказ мебели для нее.

20 июля министерство предложило председателю ИАК составить проект предполагаемого переезда. Относительно конкретного места размещения Комиссии рапорт содержит следующие сведения: «Канцелярия Комиссии будет помещаться вверху Эрмитажа, в одном из отделений недоступного для публики, так называемого фарфорового павильона, а архив ее в отведенном по моему приказанию отделении картинной кладовой, внизу здания, под галереей скульптуры» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 13. Л. 16). По всей вероятности, под «фарфоровым павильоном» подразумевались помещения третьего этажа здания Нового Эрмитажа на углу Зимней канавки и Миллионной улицы. Об этом, в частности, косвенно свидетельствуют сведения о том, что в 1881 г. А. А. Васильчиков намеревался разместить экспозицию фарфора в конце Рафаэлевой галереи на углу Миллионной и Зимней канавки (Казакевич 2005: 11), а «Галереей скульптуры» на плане, приложенном к путеводителю Ф. А. Жиля (Жиль 1861), именовался зал XI в центральной части здания, позднее он назывался «шестой залой скульптуры», что отражено на плане, приложенном к путеводителю Н. Е. Макаренко (Макаренко 1916). Работы по подготовке переезда начались в середине сентября, и к 14 октября 1882 г. он в основном завершился, однако 27 декабря А. А. Васильчиков просил министерство выделить дополнительные средства на обустройство Комиссии в новых помещениях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 13. Л. 14, 15, 19, 21–22, 28).

За время руководства Эрмитажем А. А. Васильчикова значительно пополнились собрания древностей музея. Помимо материалов из раскопок, организуемых Археологической комиссией, туда поступили великолепные частные собрания антиков князей Ф. А. и М. А. Голицыных, А. Д. Блудова, И. И. Константинова, Е. Р. Запорожского, Е. М. Кирьякова и, конечно же, коллекция танагрских терракот П. А. Сабурова (Неверов 1990: 176). При А. А. Васильчикове была принята новая структура музея с разделением на пять отделений, из которых первое было посвящено классической археологии. Васильчиков привлек для работы в музее египтолога В. С. Голенищева, младшего члена Археологической комиссии Н. П. Кондакова, антиковеда Г. Е. Кизерицкого. Обращаясь в ноябре 1879 г. к министру народного просвещения Д. А. Толстому, в ведомстве которого служил Г. Е. Кизерицкий, с просьбой

о переводе его в Эрмитаж в качестве помощника престарелого Л.Э. Стефани, А.А. Васильчиков особо отмечал, что «помощник этот должен быть, с одной стороны, научно подготовлен, а с другой — должен всецело посвятить себя как Эрмитажу, так и Археологической комиссии, неустанно пополняющей коллекции наши» (Половцов 1904: 11). Продолжая практику, введенную еще С.Г. Строгановым, А.А. Васильчиков, отправляясь в отпуск, передавал заведование Археологической комиссией хранителю медалей и монет Эрмитажа Александру Ивановичу Гримму (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 55–56). Все это свидетельствует, что А.А. Васильчиков рассматривал Археологическую комиссию если не как часть подведомственного ему Эрмитажа, то по крайней мере как учреждение, теснейшим образом с ним связанное.

Некоторые современные авторы излишне категорично утверждают, что деятельность А.А. Васильчикова в Археологической комиссии была менее плодотворна, чем в Эрмитаже, и административное значение Комиссии упало после смерти графа С.Г. Строганова (Комарова 2007). Другие вообще не числят его среди председателей (Хартанович 2006: 113). Совершенно иную оценку деятельности А.А. Васильчикова по руководству Императорской археологической комиссией способно дать серьезное обращение к материалам ее архива.

В действительности А.А. Васильчиков активно участвовал в делах Комиссии. Летом 1882 г. он намеревался посетить Керчь, Анапу, Таманский полуостров для ознакомления на месте с археологическими раскопками, проводимыми там Комиссией и Керченским музеем. Однако из-за несвоевременно отпущенных средств на эту командировку она не состоялась. В 1883 г. Васильчикову пришлось рассматривать запрос Генриха Шлимана о разрешении ему раскопок на Черноморском побережье Кавказа. Председатель Археологической комиссии (отмечая, что средств и сил ее недостаточно для организации раскопок в этом регионе) сочувственно отнесся к просьбе именитого археолога-любителя и поддержал его ходатайство перед министром императорского двора. Само письмо Г. Шлимана не сохранилось, но 18 января 1883 г. А.А. Васильчиков сообщил министру двора о том, что Г. Шлиман обратился к нему с просьбою дозволить производить археологические раскопки в Закавказье по Черноморскому побережью за свой счет с предоставлением всех находок в Эрмитаж, «однако причины политического и гражданского свойства не позволяют ему вернуться в Россию без Высочайшего разрешения и всемилостивейшего помилования». Характеризуя раскопки, проведенные Г. Шлиманом в Гиссарлыке (1871–1873, 1878–1879, 1882), в Микенах (1874–1876), на Итаке (1878) и в Орхоменосе (1881), он говорит об их «блистательных результатах» (ср.: Клейн 2011а: 389–411). По мнению председателя Комиссии, для Эрмитажа и ИАК, при относительной ограниченности средств последней, согласие на эти исследования «весьма выгодно» и «не следовало бы отклонять прибыльное... предложение». Ответ министра в деле не сохранился, впрочем, известно, что Г. Шлиман в Колхиде не копал, ибо в 1884–1885 гг. он работал в Тиринфе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 2. Л. 2–3).

Относительно сложностей его приезда в Россию известно, что их причиной мог быть его скандальный развод

с женой Екатериной Лыжиной, проживавшей с детьми в Петербурге. Покинув Россию после 1864 г., Г. Шлиман разводился через суд в США и венчался вторым церковным браком с Софией Вимпос, племянницей архиепископа Греческого и всея Эллады, имея официально не расторгнутым первый брак (Клейн 1998: 9, 14). Собственно, утверждение, что Г. Шлиман не сможет въехать в Россию без «Высочайшего на то соизволения и великодушного помилования», находится не в «ответе» министра двора И.И. Воронцова-Дашкова на предложение А.А. Васильчикова, который в деле не сохранился, а в записке самого председателя ИАК, предупреждающего министра о существующих проблемах и трудностях (ср.: Клейн 1998: 13). Очевидно, это и имел в виду А.А. Васильчиков, когда говорил о причинах «гражданского свойства», не позволяющих ему вернуться в Россию. Остается непонятным, совпадало ли в данном случае «гражданское» и «политическое».

При обращении к деятельности ИАК в первой половине 1880-х гг. заметно, что после ухода С.Г. Строганова в работе Комиссии наступает заметный спад. Об этом напрямую писал в небольшой записке о А.А. Васильчикове Я.И. Смирнов, хорошо осведомленный через Н.П. Кондакова о положении дел в Комиссии: «Менее плодотворна была деятельность его в Императорской археологической комиссии, не выпустившей за время его председательства ни одного тома отчетов, столь аккуратно выходивших ранее, и значительно потерявшей свое административное значение со смертью графа Строганова и научный авторитет со смертью Л. Стефани» (РО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 355. Л. 2). Действительно, во время председательства А.А. Васильчикова ежегодные издания отчетов ИАК прекратились: суммарное издание отчетов за 1882–1888 гг. состоялось лишь в 1891 г. Сложно сказать, чем это было вызвано, поскольку в 1883 г. А.А. Васильчиков обращался с рапортом к министру двора с просьбой об издании отчета за 1882 г., к которому был приложен и сам рукописный текст отчета на русском и французском языках. В ответ последовало и разрешение министра на это издание с сообщением о выделении 6000 руб., предусмотренных в ежегодном бюджете Комиссии на эти цели. Но следующий документ в этом деле датируется только январем 1887 г. и подписан уже новым председателем Комиссии А.А. Бобринским (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 24). Возможно, это было связано с тем, что престарелый Л.Э. Стефани не смог подготовить свою часть с описанием ранее найденных предметов, которая, как выше уже упоминалось, составляла большую по объему часть отчета.

Однако именно в «эпоху Васильчикова» вызревают необходимые предпосылки к развитию нового этапа в деятельности Комиссии, возникает понимание необходимости обобщения и издания не только классических и скифских древностей, но и славяно-русских («русско-византийских» в терминологии ИАК), складываются информационные и политические предпосылки публикации сибирских древностей и древностей Западного края. Именно в это время формируются основные направления и главные принципы деятельности ИАК на ближайшие 30 лет.

Среди заслуг А.А. Васильчикова стоит особо отметить его борьбу за сохранение Комиссии как единого государственного учреждения и ее полномочий в деле изучения, описания,

издания памятников отечественной старины и сбережения от посягательств самого различного рода, подчас неожиданных и курьезных. Известно, что еще в 1869 г. МАО выступило с проектом Положения об охране памятников древности, игнорирующим сам факт существования Археологической комиссии.

После одобрения на I Археологическом съезде проект с некоторыми незначительными изменениями, принятыми комиссией из членов МАО и РАО, был утвержден на II Археологическом съезде в 1871 г. в Санкт-Петербурге по случаю 25-летнего юбилея Русского археологического общества (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69а. Л. 1 — 2 об.). Территорию России предполагалось разделить на 5 археологических округов: Петербургский, Московский, Киевский, Казанский и Одесский. Составление описи древностей доверялось местным археологическим обществам, которые избирали в каждую губернию «блюстителя». Московское археологическое общество, в связи с тем, что «блюстителям» предстояли большие расходы на осмотр памятников, предложило дать им статус государственных служащих МВД (Охрана памятников 1978: 86–91). Окончательный список памятников, подлежащих охране, планировалось рассмотреть в заседаниях Особой комиссии, созванной из представителей обществ, Академий наук и художеств, университетов, Министерства внутренних дел, высших учреждений духовных ведомств. Комиссия должна была распределить древности на две категории по степени их исторического значения и соответствующих мер по их сохранению (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69а. Л. 2).

После II Археологического съезда граф А. С. Уваров обратился к министру народного просвещения Д. А. Толстому с предложением поддержать законопроект об охране памятников. Министерство по этому поводу направило запросы в ведущие научные учреждения России, пытаясь выявить их мнение. В заключении «по проекту наиболее действенных мер для охранения отечественных памятников» Академии художеств от 14 февраля 1874 г., подписанном великим князем Владимиром Александровичем, утверждалось, что неудача предшествующих мер связана с тем, что они возлагались на лиц, «которые очень мало, а иногда и вовсе не были подготовлены к занятиям такого рода».

Автор заключения указывал на недостаточность ассигнований, выступал против дублирования функций ИАК и предлагал рассмотреть проект в специальной комиссии, на «которую возложить пересмотр всех уставов Археологических императорских и частных обществ, с тем, чтобы изыскать путь к соединению их деятельности в одном общем месте с одним Уставом и с одною кассою» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1874 г. Д. 21б. Л. 1–2).

В том же духе был выдержан отзыв Академии наук, составленный 15 ноября 1875 г. Конференцией академии в лице Л. Э. Стефани, А. А. Шифера и А. А. Куника, которые, поддерживая цели проекта, обратили особое внимание на отсутствие в нем упоминания об Императорской археологической комиссии и указали на недопустимость замалчивания ее деятельности, «тогда как эта деятельность, блестящая по результатам, уже давно признана по всей Европе достойной подражания», «заслужила полное доверие внутри государства у любителей древности и у правительственных учреждений

и служит посредником между любителями древностей, открывателями археологических предметов и проч.». Академики указывали на «необходимость обсуждения» мер по охране старины в многосторонней комиссии, где «особо почетное место должно принадлежать председателю ИАК, на которой в настоящее время лежат заботы о сохранении памятников древности» (Там же, Л. 3–4). К этому можно добавить, что в 1881 г. список заграничных ученых учреждений, которым ИАК посылала свои издания, насчитывал 104 названия, и в него входили практически все крупнейшие европейские академии, археологические общества, университеты, библиотеки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1881 г. Д. 6. Л. 17 — 18 об.).

В итоге 26 мая 1876 г. по докладу министра народного просвещения Д.А. Толстого императору Александру II при Министерстве народного просвещения под председательством товарища министра народного просвещения князя Александра Борисовича Лобанова-Ростовского была создана «Комиссия для обсуждения мер к охранению памятников древности». Ее деятельность, значимая сама по себе, оказала свое влияние и на проект нового Положения об ИАК при А.А. Васильчикове (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 52. Л. 4 об., 5; см. ниже). Депутатом от Археологической комиссии стал ее делопроизводитель П.И. Лерх. Через год, в апреле 1877 г., «комиссией Лобанова-Ростовского» был подготовлен «Проект правил о сохранении исторических памятников» (Охрана памятников 1978: 101–106), который хотя и был подписан П.И. Лерхом, но опять-таки игнорировал существование ИАК. В предполагаемом Санкт-Петербургском археологическом округе среди ученых учреждений назывались университет, Русское археологическое общество и Санкт-Петербургское общество архитекторов (Там же: 108). Полномочия предлагаемого органа практически полностью перекрывали основные направления деятельности Комиссии. Проект бюджета нового государственного учреждения охраны памятников «Императорской комиссии о сохранении исторических памятников» предусматривал ежегодно 36 900 руб., что было значительно больше бюджета Археологической комиссии. Одновременно, 20 апреля 1877 г., А.Б. Лобанов-Ростовский направил в Министерство народного просвещения отношение с обзором мер по охранению памятников в Европе и в России.

Сотрудникам Комиссии так или иначе пришлось включиться и в полемику по поводу разработанного «комиссией Лобанова-Ростовского» проекта. В своих рапортах они доказывали нецелесообразность создания нового бюрократического органа, особо отмечая, что «обе Российские Академии долгом сочли указать графу Толстому, что в России, у самого подножия престола, существует уже учреждение, призванное охранять и разыскивать остатки древности и которому по праву должна принадлежать полнейшая опека над отечественными памятниками. Учреждение это Императорская археологическая комиссия» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 52. Л. 5). Проект нового Положения о Комиссии, разработанный под руководством А.А. Васильчикова, тоже явился своеобразным ответом на попытку узурпации прав ИАК. Здесь он указывал на нецелесообразность создания нового органа: «Сумма, требуемая Министерством народного просвещения из Государственного

Здание Исторического музея в Москве (ФО. Отп. О.517-35)

казначейства на содержание новой Комиссии, решила участь всего дела. Министр финансов отношением... от 30 июля 1877 г. ... сообщил: "что при настоящих обстоятельствах он не может изъявить согласия на производство из сумм Государственного казначейства нового расхода, и потому полагал учреждение новой Комиссии отложить до более благоприятных времен"». А.А. Васильчиков считал, что вместо 36 900 руб., требуемых для новой комиссии, ИАК могла бы удовольствоваться лишь небольшим дополнением в 6000 руб. к уже имеющемуся бюджету. Увеличение бюрократического аппарата также вряд ли способствовало бы успеху дела: известно, «что без департаментов, без лишних чиновников и штатов Пруссия, Австрия, Франция, Италия умеют... обогащать свои художественные собрания, развивать эстетические потребности в народных массах, сохранять свои исторические памятники...» (Там же. Л. 3 об., 8 об.). После ясно выраженного мнения министра финансов вопрос о создании новой комиссии отпал сам собой (Охрана памятников 1978: 110).

Однако попытки ограничить влияние Археологической комиссии не прекратились. В 1884 г. Министерство народного просвещения выступило с новым проектом наделения Исторического музея в Москве всеми полномочиями по контролю за раскопками и охране памятников древности. Этот проект был разработан Московским археологическим обществом под руководством А.С. Уварова, который добился в 1872 г. учреждения, а в 1883 г. открытия в специально построенном здании на Красной площади Императорского Российского исторического музея. Еще в 1875 г. в ИАК поступило предложение о включении ее члена в конкурсную комиссию для проекта здания «Музея имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича», в название которого на печатном бланке А.С. Уваров собственноручно вписывает слово «исторического». В конкурсную комиссию от ИАК был направлен И.Е. Забелин, который, впрочем, уже с мая 1874 г. входил в состав Ученой комиссии, учрежденной при Управлении музеем (РО. Ф. 1. Оп. 1-1875 г. Д. 10. Л. 8–11).

Но строительство, начатое в 1872 г. и к 1878 г. оказавшееся в кризисной ситуации, так и не завершилось, и 29 мая 1881 г. было принято решение о его окончании и о переименовании музея в «Императорский». В декабре 1882 г. поступило предложение пересмотреть устав нового музея, для чего при Министерстве народного просвещения была создана комиссия, в которую входили А.Ф. Бычков, В.В. Майков, Е.Е. Замысловский, В.Г. Васильевский, И.В. Помяловский и А.В. Прахов. Уже при первых

обсуждениях А. А. Бунге отметил, что на музей возлагаются те же обязанности, что и на ИАК, и что его устав должен быть согласован с Высочайшим повелением 1859 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 53. Л. 43 — 44 об.).

Однако в результате за основу «нового» проекта устава в 1884 г. все-таки были взяты «старые» Положения 1877 г., поскольку предлагалось разделить всю территорию Российской империи на 17 археологических округов, в которых действовали бы местные комиссии, подчиненные музею. Реализация такого проекта требовала бы 130 850 руб. в год, что было в два раза больше, чем отпускалось на содержание Публичной библиотеки в Петербурге и Румянцевского музея в Москве вместе взятых. 31 октября 1884 г. министром народного просвещения Иваном Давидовичем Деляновым (1818–1897) устав и штаты нового «музея», которые еще в конце 1882 г. были рассмотрены Министерством финансов, были направлены непосредственно в Министерство двора.

Здесь, в частности, предполагалось, что, согласно параграфу 17, «местные археологические комиссии» будут сами решать вопросы создания экспедиций и выдавать разрешения на производство археологических исследований. Параграф 26 предусматривал образование пресловутых «археологических округов» для исследования «древних памятников на местах их нахождения». Согласно параграфу 28, для заведования округами создавались местные комиссии в составе председателя и двух членов из представителей местных археологических обществ, известных успехами в археологии. Все они должны были утверждаться председателем музея (параграф 29). Из числа местных

Иван Давидович Делянов (1818–1897), министр народного просвещения (СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-Д. Д. 21. Л. 1)

жителей должны были избираться «блюстители» древностей (параграф 33) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 53. Л. 3 — 10 об.). В дискуссиях, развернувшихся вокруг проекта, даже ставился вопрос о возможном слиянии Исторического музея с Комиссией, которая должна бы была пополнять его фонды.

Естественно, что подобные предложения вызвали резкие возражения со стороны ИАК. В. Г. Тизенгаузен дважды, 9 ноября и 12 ноября 1884 г., писал, что осуществление проекта «потребует упразднение самой Археологической комиссии», а учреждение округов будет самообманом, поскольку в провинциях не найдется достаточного числа квалифицированных специалистов для

местных комиссий (Там же. Л. 14–15). Он также замечал, что если государю императору благоугодно будет признать нужным продолжение действия ИАК, «славного учреждения императора Николая I», которая 50 лет всюду отыскивает памятники старины (по сути дела, В.Г. Тизенгаузен ведет отсчет деятельности Комиссии с 1835 г., включая в ее историю и исследования «чиновников по археологической части», трудившихся в МВД и при Кабинете его императорского величества!) и заслужила одобрение всех компетентных лиц в России и за границей, то проект московского музея должен быть пересмотрен. В заключение автор полагал передать дело о разрешении вопроса об охранении древностей «первенствующему ученому сословию в России», т.е. Академии наук, благорасположение которой к ИАК было хорошо известно. А.А. Васильчиков в своей записке дополнительно отмечал, что подобных столь широких полномочий не имеет ни один музей в мире, и они далеко выходят за рамки основного предназначения музеев. ИАК рекомендовала министру двора ходатайствовать о непредоставлении музею права ведения археологических исследований («бездумное повальное разрытие курганов», которые оказывались бы в результате «не раскопаны, а уничтожены для науки») и открытия памятников древности («насильственное собирание памятников»). При этом предлагалось вообще принять особое правило о разрешении археологическим обществам производить раскопки лишь при соглашении с ИАК. В отношении самого проекта предусматривалось исключение ряда пунктов и соответственное сокращение бюджета (Там же. Л. 25–31).

В письме министра императорского двора И.И. Воронцова-Дашкова министру народного просвещения И.Д. Делянову в феврале 1885 г. уже содержалось встречное предложение: «Было бы желательно, чтобы особым постановлением состоялось правило, которым бы разрешалось как Музею, так и Археологическим обществам производить археологические исследования древностей не иначе, как при соглашении с Императорской археологической комиссией, которая в таком случае и являлась бы прямою охранительницей памятников при таковых исследованиях» (Там же. Л. 32 — 33 об.). В результате министр народного просвещения 26 декабря 1885 г. посчитал нужным передать окончательное решение по этому вопросу на усмотрение Государственного совета.

Государственный совет, в соединенных заседаниях Департаментов государственной экономии и законов, прислушавшись к мнению Эрмитажа и Археологической комиссии, 8 мая 1886 г. отклонил проект наделения Исторического музея такими широкими полномочиями. В решении говорилось, что Департаменты «не могли не остановиться прежде всего на том обстоятельстве, что разыскание древних памятников, принятие мер к их охранению, а равно и наблюдение за раскопками составляет задачу специального учрежденного для сей цели правительственного установления, а именно ИАК, которой предоставлены определенные в сем отношении права». Совет посчитал, что «включение в программу деятельности Исторического музея тех широких задач, которые указаны в проекте его устава, едва ли может быть признано целесообразным и необходимым», а «одновременное существование ИАК

и управления музея, т. е. двух независимых друг от друга учреждений с теми же правами и обязанностями, могло бы привести к такой двойственности мероприятий и распоряжений в деле исследования и охранения древних памятников, которая создала бы весьма серьезные затруднения и для местных властей, и для тех учреждений и лиц, в ведении коих состоят означенные памятники». К тому же Совет посчитал, что научная оценка памятников в музее будет затруднена «по неимению в Москве тех ученых сил, которыми располагают в Петербурге Императорская Академия наук и Факультет восточных языков», оказывающие постоянное содействие ИАК. Впрочем, предложение А.С. Уварова учредить при музее Высшие курсы археологических и исторических наук для подготовки новых молодых кадров также не получило поддержки (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 321. Л. 108).

Одновременно отмечалось, что желательный успех в деле охраны памятников старины до сих пор так и не был достигнут, что «объясняется, с одной стороны, трудностью и сложностью самого дела, которое мало подвигается даже в наиболее просвещенных европейских государствах, а с другой стороны, неблагоприятной обстановкой, при которой приходится действовать у нас археологическим учреждениям». Неблагоприятная обстановка была связана со «сравнительной неразвитостью массы населения», «слабым сочувствием к археологии», отсутствием общественной поддержки и шаткостью материального положения ученых учреждений. Исправить положение могли лишь время и просвещение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 53. Л. 64–67).

На фоне постоянных попыток лишить Археологическую комиссию части ее полномочий, усилия А.А. Васильчикова, направленные на реформу Комиссии, представляются чрезвычайно важными. Быть может в создаваемых им, пусть и не реализованных, проектах и состояла главная заслуга его председательства.

А.А. Васильчиков как минимум трижды обращался с проектом реформы ИАК к министру императорского двора (20 октября 1882 г., 22 декабря 1882 г., 26 ноября 1883 г.), в котором помимо существенного расширения полномочий Комиссии просил об увеличении штатов Комиссии до двух старших и четырех младших членов и удвоении жалования ее сотрудников, а также о том, чтобы сверхштатные суммы, отпускаемые в предшествующие годы (они доходили до 27 664 руб.), были включены в ежегодный бюджет Комиссии, который мог бы возрасти до 43 000 руб., из которых 20 000 руб. выделялись бы на раскопки против прежних 10 000 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 1–11, 50–65). Сложно ответить на вопрос об авторстве записок, были ли они составлены самим председателем или многоопытным бароном В.Г. Тизенгаузеном. Известно, что в начале 1880-х гг. именно В.Г. Тизенгаузен ведет обширную переписку Комиссии с корреспондентами на местах и нередко заменяет часто отсутствующего А.А. Васильчикова (Тихонов 2007b: 241).

Не менее значимы были и его непрестанные усилия не только по увеличению штата ИАК, но и по приданию ей нового статуса, для чего и был выработан проект нового Положения об ИАК, включающий передачу ей функций охранения древностей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 31–39). Характерен разительный аргумент в пользу организации в России службы охраны

памятников. Говоря о том, что такая практика существует во всех европейских государствах, А.А. Васильчиков пишет: «Даже в Турции есть нечто подобное». Знакомство с материалами архива Комиссии позволяет предположить, что человеком, являвшимся автором и исполнителем многих идей, знаменующих собой «эпоху Васильчикова», был не кто иной, как старший член ИАК В.Г. Тизенгаузен. Он обладал как длительным опытом работы в этом учреждении Министерства двора, так и непосредственными возможностями в период 1882–1886 гг. разрабатывать тактику и стратегию деятельности Комиссии, которую и проводил в жизнь А.А. Васильчиков, более занятый делами Эрмитажа. Таким образом, именно В.Г. Тизенгаузеном вместе с А.А. Васильчиковым была начата борьба за новые штаты и новые полномочия Комиссии.

В связи с реформой министерства (отметим, что Комиссия по реорганизации Министерства императорского двора была создана только 21 июля 1882 г.) еще 27 июня 1882 г. граф предоставил соображения по поводу нового состава ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 1, 4–18). 20 октября им было сделано новое представление с пояснительной запиской (Там же. Л. 20 — 30 об.). Директор Эрмитажа не мог обойти особой роли Министерства двора, которое de facto являлось «министерством изящных искусств» (Ministére des Beaux Arts), аналогов которому нигде в Европе не существовало (что было верно лишь отчасти, ибо во Франции в эпоху Второй империи таковое как раз существовало). Но именно такая функция министерства позволила ему предложить системный взгляд на место и роль ИАК в деятельности самого ведомства и в жизни страны.

В связи с этим А.А. Васильчиков предлагал расширить функции ИАК и закрепить это законодательно в Положении о ней. Основные меры сводились к следующему: верховное наблюдение за сохранением всех памятников старины со стороны Комиссии, вне зависимости от форм собственности, их каталогизация, графическая фиксация, активное вовлечение в работу Комиссии почетных членов и членов-корреспондентов, контроль за «распоряжением памятниками церковной старины», числящимися по духовному ведомству, исключительное право ИАК на выдачу разрешений на раскопки. Как мы увидим, все эти принципы воплотились в деятельности ИАК «эпохи Бобринского».

В результате А.А. Васильчиков предложил проект нового Положения о Комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 31–39), в котором «разыскание предметов древности» — основная функция ИАК с 1859 г. — отчасти отодвигалось на задний план. При этом в Положении активно использовались нормы, выработанные группой чиновников под председательством товарища министра народного просвещения А.Б. Лобанова-Ростовского для так и не созданной «Императорской комиссии о сохранении исторических памятников» (об этой комиссии см. выше).

Так, первая часть параграфа 1 «положения Васильчикова», заимствованная из параграфа 2 «правил Лобанова-Ростовского», гласила, что ИАК вменяется в обязанность «главное наблюдение за сохранением от разрушений и несоответствующих изменений и исправлений всех памятников в России, имеющих историческое, художественное или археологическое значение и составляющих правительственную,

церковную или общественную собственность». При этом в понятие «памятники» входили «курганы, могилы, городища, валы и другие древние земляные сооружения, древние каменные и деревянные здания, развалины древних замков, стен крепостей, башен, старинные храмы, колокольни, звонницы, монастырские стены, башни и здания, часовни, каменные и другие изваяния, иконы, фрески, надписи, древняя церковная и домашняя утварь, монеты — все остатки старины, заслуживающие сохранения по их историческому, художественному или археологическому значению», что также было заимствовано из «правил Лобанова-Ростовского».

Только вторая часть касалась разыскания предметов древности. Третья часть дополнительно включала в себя «составление подробных списков» и собирание сведений о памятниках, что было заимствовано из пункта 10 «правил Лобанова-Ростовского». В примечании подчеркивалась не только важность, но и трудоемкость такого мероприятия: Франция лишь после 52-летней деятельности добилась в каталогизации существенных успехов (Там же. Л. 32).

Третий параграф исключал давно упраздненную Римскую археологическую комиссию из ведения ИАК. Согласно 4-му параграфу, почетные члены и члены-корреспонденты Комиссии теперь уже не просто «содействовали достижению целей» ИАК вообще, но и «охранению памятников древности» в особенности. Для этого Комиссия снабжает их необходимыми на этот счет инструкциями и указаниями. Параграф 6 не просто предоставлял Комиссии право «следить» за делающимися в государстве открытиями, но «обязывал» ее это делать.

Вводился параграф 7, гласивший, что «для обсуждения важнейших вопросов, относящихся до сохранения исторических памятников, Комиссии предоставляется, кроме представителей тех ведомств, в ведении которых находится памятник, сохранение которого подлежит рассмотрению, приглашать еще на совещание представителей тех археологических, исторических и других ученых и художественных обществ, которые изъявят согласие принять участие в трудах Комиссии по охранению памятников, равно и тех ученых специалистов, содействие которых будет признано Комиссией полезным и необходимым».

Параграф 8 был заимствован из 25-го параграфа «правил Лобанова-Ростовского»: «Духовному ведомству, равно всем прочим правительственным и общественным учреждениям вменяется в обязанность прежде какого-либо отчуждения предметов, имеющих историческое значение, или работе по исправлению и переделке памятников, входить в сношение с ИАК и без ведома и разрешения ее не приступать ни к каким изменениям и подновлениям памятника».

Параграф 9 соответствовал пункту Ж параграфа 10 «правил Лобанова-Ростовского»: «В случаях, не терпящих отлагательства, Археологической комиссии предоставляется право требовать от подлежащего ведомства немедленной приостановки как работ по сломке или перестройке зданий, так и распоряжения по отчуждению и переделке предметов, признанных Комиссией достойными сохранения». Принципиально важным был параграф 10, определявший порядок финансирования Комиссии и реставрационных работ: «На отпуск сумм, которые

могут понадобиться на поддержание или рациональное исправление того или другого памятника, одобренное Археологической комиссией и требующее особенного ассигнования, то ведомство, которому принадлежит памятник, надлежащий поддержанию и исправлению, обязано каждый раз испрашивать Высочайшее разрешение. Оно обязано вслед за тем приводить в исполнение работы по программе, утвержденной Археологической комиссией, причем последняя имеет право для наблюдения за правильностью работ назначить от себя при работах представителя». Параграф 11, бывший 7-м в «Положении» 1859 г., касался графической фиксации памятников, однако слова о «надобности уничтожить остаток древности» были заменены на «полную невозможность сохранить от уничтожения». Совершенно новым был параграф 12: «Без разрешения Археологической комиссии никому не дозволяется проводить раскопки на землях казенных и общественных», поскольку рядом было приписано «и церковных» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 35).

13-й параграф соответствовал 8-му пункту старых правил и касался наблюдения за земляными работами, 14-й соответствовал 9-му, однако уточнялось, что Комиссия не просто входит в «предварительные сношения и соглашения» с правительственными местами и лицами, но «требует» содействия тех, от кого зависит охрана памятников, 15-й повторял 10-й и касался поощрения находчикам древних вещей, 16-й соответствовал 11-му (представление замечательнейших находок на воззрение государя императора), 17-й — 12-му (возвращение не приобретенных древностей по принадлежности), 18-й — 13-му (судьба вещей, не получивших Высочайшего назначения), 19-й — 14-му (предоставлении отчета на Высочайшее благоусмотрение), 20-й — 15-му (печатание отчетов), 21-й — 16-му (предоставление доклада через министра двора, а не непосредственно). Внутреннее устройство Комиссии практически не менялось (пункты 17–27 старого Положения), однако 25-й (бывший 20-й) содержал добавления, касающиеся обязанности всех членов Археологической комиссии заботиться об охранении исторических памятников, а 26-й (бывший 21-й) предлагал ввести понятие «провинциальный член-сотрудник».

27-й пункт был новым: на почетных членов и членов-корреспондентов возлагалось составление каталога памятников в местности проживания, наблюдение за их состоянием и доставление в Комиссию сведений о всех тех памятниках, которым угрожала опасность, а также контроль за точным исполнением на местах мер, предложенных Комиссией. 29-й параграф предполагал, что награды почетным членам и членам-корреспондентам ИАК полагаются не только за важные открытия и за особенные услуги, но и за рвение в деле охраны памятников. Всего в проекте нового Положения было 33 параграфа.

Ответа на этот проект не последовало, и 26 ноября 1883 г. А. А. Васильчиков вновь пишет министру, повторяя рапорт и подчеркивая заслуги Комиссии в деле открытия древностей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 50–58, 69), демонстрируя при этом, впрочем, достаточно наивные представления о культурном слое: благодаря трудам Археологической комиссии «верхний слой земли» и отчасти даже «материк» истощены, а новые клады находятся на еще большей глубине (Там же. Л. 62).

Этим А.А. Васильчиков и мотивирует необходимость введения новых штатов и окладов ИАК, которые он предложил в следующем виде. В ИАК должно быть 2 старших члена с денежным содержанием 3500 руб., 4 младших члена — 2300 руб., делопроизводитель — 2000 руб., журналист — 900 руб., канцелярский чиновник — 600 руб., сторож — 360 руб. При этом на расходные материалы планировалось выделить 400 руб., на приобретение книг — 200 руб., на издание отчетов — 6000 руб., на исследование и путевые расходы — 25 000 руб. Для Керченского музея предполагалось следующее: директор должен был получать 2500 руб., помощник директора — 750 руб., старший надсмотрщик — 350 руб., младший надсмотрщик — 300 руб., писец — 180 руб., сторож музея — 225 руб., сторож кургана — 150 руб. Временные расходы на художника составляли 700 руб. На расходные материалы планировалось выделить 200 руб., наем помещений для музея и их отопление — 800 руб. Общий бюджет ИАК и Музея составлял бы 58 115 руб., причем остаток суммы должен был находиться в распоряжении председателя (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71. Л. 12–13). Однако борьба за новый штат пришлась уже на «эпоху Бобринского».

На активность А.А. Васильчикова могло повлиять еще одно событие, практически не известное в истории охраны памятников на территории империи. 19 февраля 1883 г., с согласия земских чинов Финляндии, состоялось Высочайшее постановление об охране памятников на территории княжества (Сборник постановлений Великого княжества Финляндского. № 16. 1883; см. также: Immonen, Taavitsainen 2011). 2-й пункт говорил о создании «Археологической комиссии из сведущих лиц, назначаемой Хозяйственным департаментом Финляндского сената, для заведования памятниками древности в крае». В ее функции входило составление каталога памятников, а также принятие решений об изменении или сносе недвижимых памятников древности. Пункт 4 вообще предоставлял Археологической комиссии право делать все распоряжения об исправлении, фиксации или исследовании «посредством раскопки или же иным образом» недвижимых остатков древности с условием, чтобы об этом было предварительно объявлено владельцу или содержателю земли и с последующей выдачей вознаграждения в случае причинения ему через подобные исследования убытка или издержек. Постановление предполагало и рекультивацию объекта: по окончании изысканий остаток древности должен быть, по мере возможности, восстановлен в своем прежнем наружном виде. Если иное, не связанное с комиссией лицо, пожелает исследовать с научной целью какой-либо известный древний памятник, то оно обязано просить на то разрешения Археологической комиссии, которая принимает окончательное решение.

Пункт 5 гласил, что в случае открытия памятника при строительных работах его чертеж и описание должны быть доставлены в Археологическую комиссию. 7-й пункт вводил ответственность за повреждение древности: всякий, кто разрушит, повредит, переместит или снесет памятник, должен был уплатить штраф в размере от 10 до 200 марок. В случае если виновник знал или должен был знать об исторической ценности разрушенного, то он был обязан восстановить памятник, а если он

отказывался совершить это, то восстановление осуществлялось государством за его счет. Церкви также были подчинены ведению Археологической комиссии: их нельзя перестраивать без ее разрешения и продавать храмовые предметы. Постановление, которое должно было быть объявлено в церквах, вступало в силу с 1 июля 1883 г.

Высочайшим объявлением от 19 июня 1884 г. для заведования памятниками древности Финляндии была учреждена Археологическая комиссия из 7 членов со статс-археологом во главе, которые избирались на три года от ученых обществ: Финского общества наук, Александровского университета, Финского литературного общества, Финского общества древностей и Финского исторического общества. Статс-археолог назначался императором, инструкция для его деятельности составлялась Сенатом (Сборник постановлений Великого княжества Финляндского. № 12. 1884: 5–7).

Бюджет комиссии составлял 15 500 марок, при этом статс-археолог получал 7500, сторож — 200, на канцелярские расходы выделялось 400, на разного рода вознаграждения — 1400, на научные исследования и фотофиксацию — 6000. В 1892 г. согласно петиции Сената для исследования и хранения научной коллекции были дополнительно кооптированы 2 интенданта и 1 консерватор «со степенью кандидата философии по историко-филологическому отделению».

17 августа 1893 г. надзору комиссии были подчинены коллекции Александровского университета в Гельсингфорсе. Представляется весьма вероятным, что на форму, в которую было облечено первое ведомство охраны памятников Финляндии, повлияло существование ИАК, тогда как некоторые положения проекта А. А. Васильчикова, в частности подчинение духовного ведомства контролю комиссии, оказались созвучны и современны постановлению 1883 г. Таким образом, проекты второго председателя Комиссии вполне могут рассматриваться как стимул к ее дальнейшему развитию.

X

Это развитие не обещало быть легким. Московское археологическое общество и его руководители были не единственными, кто намеревался подменить Комиссию новым учреждением или посягнуть на часть ее полномочий. С их попытками конкурировали и вполне частные инициативы. Противостояние им пришлось на смену двух эпох в истории ИАК — «эпохи Васильчикова» и «эпохи Бобринского».

2 декабря 1885 г. Адриан Викторович Прахов написал министру двора И. И. Воронцову-Дашкову о необходимости продолжения издания «Древностей Российского государства» (Снегирев 1849–1853), в письме выражалась надежда, что министр будет «возобновителем» и «вторым основателем» этого издания (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 59. Л. 4 — 7 об.).

После краткого обзора издания автор записки указывает, что при Александре II вышли тома, посвященные древним знаменам и фрескам и архитектуре Софийского собора в Киеве, однако впоследствии издание прекратилось из-за распыления материалов и средств и из-за одновременного возникновения нескольких археологических обществ.

ПРАХОВ Адриан Викторович (4.03.1846 — 1.05.1916) — историк искусства, востоковед, археолог, художник. Член МАО с 1874 г. Член Общества ревнителей русского и исторического просвещения. В 1867 г. окончил Санкт-Петербургский университет по историко-филологическому факультету. Был хранителем Музея изящных искусств и древностей при Петербургском университете. Работал в музеях Германии, Франции, Англии и Италии, исследуя преимущественно памятники античного искусства. В 1873 г. защитил диссертацию «Исследования по истории греческого искусства», получив степень магистра. С 1873 г. доцент, затем профессор Петербургского университета по кафедре теории и истории искусств. В 1879 г. по защите диссертации «Зодчество Древнего Египта» получил степень доктора. В 1887 г. А.В. Прахову было поручено руководство внутренней отделкой строящегося Владимирского собора в Киеве, в течение десяти лет занимал кафедру истории искусств в Киевском университете. В 1875–1878 гг. редактировал иллюстрированный журнал «Пчела». С 1875 по 1887 г. преподавал историю и теорию изящных искусств в Императорской академии художеств. Изучал историю древнерусского искусства и обследовал древнерусские храмы и соборы в Киеве и памятники Волыни. Ему принадлежит открытие фресок Кирилловской церкви XII в. в Киеве.

Осн. соч.: Критические исследования по истории греческого искусства. Описание древних памятников из Ксанфа в Ликии. СПб., 1872; Критические наблюдения над памятниками древнего искусства. Зодчество древнего Египта. СПб., 1879; Киевское искусство X, XI и XII веков: Каталог выставки копий с памятников искусства в Киеве X, XI и XII веков, исполненных А.В. Праховым. СПб., 1883; Открытие фресок Киево-Кирилловской церкви XII века. СПб., 1883; Археологическая поездка профессора А.В. Прахова по Волыни летом 1886 года. СПб., 1887.

Лит. о нем: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1896. Т. 2. С. 123; А.В. Прахов. Некролог // Зодчий. 1916. №20. С. 195–196; *Коростовцев М. А., Ходжаш С.И.* Адриан Викторович Прахов (1846–1916) // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1960. Вып. 3. С. 111–118; *Жарков Є.І.* Перша єгипетська подорож Адріана Прахова 1881–1882 рр.: реконструкція-ітінерарій у світлі записок, листів та спогадів // Просемінарій: Медієвістика, історія Церкви, науки та культури. Київ, 2008. Вип. 7. С. 501–550; *Сторчай О.* Адріан Прахов: мистецтвознавча та викладацька діяльність в Україні (1880–1890-ті рр.) // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини: Зб. наук. праць. Київ, 2007. Вип. 4. С. 329—362; *Жарков Є.І.* Мистецька діяльність Адріана Прахова у сприйнятті та оцінках Степана Яремича // Київська старовина. 2011. №3 (349). С. 95–100; *Ковпаненко Н.Г.* Архітектурно-мистецька спадщина Наддніпрянської України у вітчизняних історичних дослідженнях (кінець XIX — початок XX ст.). Київ, 2013.

(Ил.: портрет И.Е. Репина, 1886 г., ГРМ)

Начиная с этого времени ИАК, следя за находками кладов, собрала их в значительном количестве. А.В. Прахов упоминает Рязанский клад 1822 г., Владимирский клад 1865 г., Орловский клад 1878 г., Киевский клад 1881 г., Черниговский клад 1883 г., Полтавский клад 1885 г. и Киевский клад 1885 г. В связи с этим он предложил издать весь комплекс памятников в одном томе по образцу изданных ранее «Древностей Босфора Киммерийского».

В то же время он обращал внимание министра, что наука древнерусского искусства за последнее время обогатились открытием образцов монументальной стенной живописи XII в. (церковь Спаса на Нередице, 1885 г.; Кирилловская церковь и Михайловский монастырь в Киеве, 1880–1885 гг.), что доказывает, что это было время самостоятельного русского творчества, а не копирования у греков. Все эти памятники он предлагает издать в двух томах, намереваясь предоставить для подготовки книг имеющийся у него коллектив «рисовальщиков», и пишет, что «был бы счастлив», если бы ему «суждено было приложить свои силы» к этому изданию.

В ответе на запрос министра А.А. Васильчиков почти дословно повторил текст записки А.В. Прахова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 59. Л. 8 — 9 об.). Этому есть объяснение, поскольку И.А. Суслов на копии ответа приписал, что записка приготовлена «рукою проф. Прахова» (Там же. Л. 8). А.А. Васильчиков лишь несколько переставил акценты, предлагая первым томом издать древнерусское зодчество и стенопись, причем первый выпуск должен был быть посвящен Киеву, второй Нередицкому храму (тираж 1000 экземпляров, стоимость 19 000 руб.), а вторым томом — клады. В том же письме он предлагал привлечь в число членов ИАК самого А.В. Прахова, а его вознаграждение предоставить на усмотрение министра.

Похоже, А.А. Васильчиков сочувствовал праховской идее, если привлек его к составлению ответа министерству. Это тем более парадоксально, что весной того же года исследование кладов и подготовка соответствующей публикации были поручены распоряжением министра 3 мая 1885 г. члену ИАК Н.П. Кондакову. Очевидно, в связи с возникшей перепиской, порожденной предложением А.В. Прахова, А.А. Васильчиков 3 декабря 1885 г. просит Н.П. Кондакова сообщить, что именно у него готово к планируемому изданию. Сам же А.В. Прахов, уже находившийся в это время в конфликте с Академией художеств и проживавший то в Москве (Малая Дмитровка), то в Киеве (Алексеевская улица), рассматривал, очевидно, это издание как возможность остаться в Петербурге. 12 января 1886 г. государь «соизволил сосредоточить издание древностей» в ИАК и поручить это дело А.В. Прахову. Одновременно сам Н.П. Кондаков 16 января пишет в Комиссию рапорт о том, что, несмотря на «частное извещение» В.Г. Тизенгаузена от 19 августа 1885 г., предложившего ему, по неизвестным причинам, приостановить работы над древнерусскими кладами, он все-таки не прекратил своих трудов по изучению кладов. Исследователь был готов издать этот труд в каком бы то ни было «археологическом сборнике», и теперь, получив «словесное распоряжение», намеревался продолжить работу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885. Д. 59. Л. 12–13).

Вдохновленный достигнутым успехом А.В. Прахов 25 февраля 1886 г. пишет новый рапорт в министерство,

в котором содержится критика ИАК и утверждение о неспособности Комиссии к издательской деятельности. По его мнению, ИАК преследует лишь задачу добычи и приобретения вещей и игнорирует собственно русскую историю: «Комиссия с такой последовательностью сосредоточила свою задачу на изыскании классических и скифских древностей, что, когда Забелин в конце 60-х годов предложил заняться раскопками в русских городах, возникновение которых относится до XI века, с целью выяснить вопрос о расселении славянских племен», его предложение было отклонено «как не входящее в задачу деятельности Комиссии». В целом Комиссия представлялась ему учреждением, которое «доставляет для обнародования известную часть археологического материала наряду со многими другими археологическими учреждениями и лицами», и памятником ее деятельности является лишь «длинный ряд отчетов». В связи с этим интересы Комиссии лишь частично пересекаются с задачами исследования «Древностей Государства Российского». Для восполнения существующего разрыва А.В. Прахов не только предлагает существенно переориентировать деятельность ИАК, но и создать для издательских целей «специальную организацию» (Там же. Л. 14–20).

В связи с этим он разработал проект Устава «Императорской редакции для издания “Древностей государства Российского”», которая должна быть учреждена «при Императорской археологической комиссии, однако находиться под начальством министра», из 19 параграфов, а также проект штата редакции, куда бы вошли редактор, ученый секретарь, действительный член, делопроизводитель и канцелярский чиновник. Бюджет редакции предусматривал 9500 руб. на оклады и 28 000 руб. на издательскую деятельность (Там же. Л. 20 об. — 25). Претенциозный проект остался без ответа, Н.П. Кондаков продолжил свою работу над изданием «русско-византийских древностей», завершившимся публикацией в 1896 г. его труда «Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода» (Кондаков 1896), а новый председатель Комиссии в мае 1886 г. предложил А.В. Прахову «взять на себя труд» лишь по описанию Киевского клада 1885 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 59. Л. 26–28). Поскольку это не соответствовало амбициям последнего, то на этом его попытки потеснить ИАК в культурном пространстве России на время приостановились. К тому же в том же году А.В. Прахов вступил в конфликт с ИАК из-за самовольных раскопок Мстиславова Успенского храма XII в. и урочища Федоровщина во Владимире-Волынском (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 65а).

А.В. Прахов вернулся к своему проекту в 1887 г. 21 ноября в заседании ИАК он публично изложил свой план продолжения издания «Древностей», подчеркивая, что Высочайшее повеление, поручившее это издание Комиссии под руководством самого А.В. Прахова, было сообщено А.А. Васильчикову еще 12 января 1886 г. Сведения об этом содержатся в рапорте от 30 ноября 1887 г. члена ИАК И.И. Толстого, который присутствовал на заседании. Оппоненты А.В. Прахова отмечали, что некоторые стороны предполагаемого мероприятия «несомненно должны нанести вред казенному интересу» и «научному достоинству труда», которым занимается ИАК. Прежде всего, речь шла о нереальном объеме издания, расходы

на которое не поддаются определению. Сам план издания произволен и вызывает возражение.

Результатом его осуществления видится напрасная трата казенных денег и подрыв доверия к «правительственному учреждению» со «славным прошлым» — ИАК. В данном случае было необходимо прояснить смысл «повеления» и указать, на ком конкретно лежит ответственность за публикацию, поскольку обилие действующих лиц распыляет эту ответственность. В итоге констатируется, что «Комиссия могла бы в этом деле играть лишь пассивную роль исполнительницы единомышленных решений» А.В. Прахова, «неся на себе, однако, всю ответственность как денежную, так и по исполнению издания». Также было непонятно, как разрешать возможные пререкания между Комиссией, «г. руководителем» и авторами. Вставал и вопрос о «замещении проф. Прахова в случае его смерти или отказа от руководства делом». И.И. Толстой предлагал единственный, по его мнению, возможный выход: доложить министру о недоразумениях и в конце концов поручить дело издания либо самому А.В. Прахову, либо Комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 59. Л. 96–100).

В результате в декабре 1887 — январе 1888 г. было принято решение, что издание с абстрактным названием «Сборник русско-византийских древностей» будет поручено ИАК (Там же. Л. 105). Очевидно, кроме собственно тома «Кладов», изданного Н.П. Кондаковым, материалы, собранные для этого проекта, отчасти нашли свое применение в дальнейшем в совместном издании И.И. Толстого и Н.П. Кондакова, которое завершилось уже после их ухода из самой Комиссии (Толстой, Кондаков 1889–1899), а сам Кондаков до конца жизни трудился над вторым томом исследования, подготовил для него рисунки, фотографии и иллюстративные таблицы (оригиналы, пробные оттиски и подготовленные к печати 50 таблиц в кол. 500 экз. хранятся в СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 2. Д. 17, частично опубликованы в: Гущин 1936), а саму рукопись вывез с собой в эмиграцию (Тункина 1995b: 102, 106, 108; 2004: 760–761).

Дальнейшую борьбу за превращение Археологической комиссии в центральный государственный орган археологии и охраны памятников старины пришлось вести уже следующему председателю А.А. Бобринскому, которому пришлось столкнуться с гораздо более курьезным предложением. Оно поступило министру императорского двора от коллекционера древностей Т.В. Кибальчича. Он был представлен министру еще в начале февраля 1886 г. и 22 февраля подал на его имя записку, которая явно задевала ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 10а. Л. 2–5). Здесь утверждалось, что из-за развития кладоискательства «русские древности на юге России не обеспечены в своем сохранении»: «случайные археологические находки, делаемые в разных местах, попадают в руки жидов, затем в руки агентов западноевропейских музеев».

В этой связи он задается вопросом: в какой мере члены ИАК могли бы противостоять иностранным исследователям? Естественно, было бы разумно послать сотрудников ИАК туда, где действует «вражеская агентура», однако этому препятствуют сложности с самой Комиссией. Она до сих пор не определила планы своих действий и те отделы русской археологии, которые подлежат

ее ведению; не зафиксирован правовой статус находок, провинциальных научных учреждений и самой ИАК. При этом Комиссия «не всегда с должным вниманием и снисходительностью относилась к трудам тех лиц и учреждений, которые посвятили себя русской археологии». Поэтому агентура «противодействия» должна состоять из частных лиц, независимых от ИАК. В своей записке Т.В. Кибальчич выражает сомнение в полезности ИАК вообще и предлагает ее полную реорганизацию.

В ведение Комиссии должны входить «древности государства Российского и доисторические древности, находящиеся в пределах России». Новая Комиссия должна состоять из новых лиц, и автор записки изъявлял готовность быть одним из таковых. Впоследствии Т.В. Кибальчич «одумался» и решил сотрудничать с ИАК в ее тогдашнем виде: 15 мая 1887 г., «желая быть полезным», он обратился в ИАК в надежде стать ее корреспондентом и продать ей свою археологическую коллекцию. В вежливом ответе А.А. Бобринской старательно обошел тему занятия адресатом конкретной должности, подчеркивая, что Комиссия обращалась и обращается ко всем с просьбой содействовать ей в охране древностей, однако указал, что на приобретение собрания у нее нет денег (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 4. Л. 78 — 79 об.).

10 марта 1886 г. А.А. Бобринской в ответ на запрос министра признает установленные факты продажи древностей за границу: «Сбыт русских древностей за пределы империи достиг в последнее время обширных размеров». Он указал на Кавказ, где «русские археологи и любители старины» занимаются раскопками «по заданию» извне и печатают свои научные сообщения в иностранных археологических изданиях. При этом уже в рапорте А.А. Васильчикову от 23 декабря 1885 г. сообщалось, что это происходит при содействии некоторых русских правительственных учреждений (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 10а. Л. 8 об.).

Однако в этот момент реорганизация ИАК представлялась новому председателю излишней, поскольку ее законодательно закрепленные полномочия, как он считал, были вполне достаточны. Тогда он полагал, что никаких изменений законоположений не требуется. А.А. Бобринской указывал, что в качестве сотрудников на местах закон позволяет Комиссии иметь своих членов-корреспондентов, и сама Комиссия имеет возможность привлекать в свою среду лиц, могущих быть ей полезными. Если ИАК начнет тесные сношения с археологическими обществами и будет следить за исследованиями, то это нейтрализует деятельность иностранцев. По сути дела, А.А. Бобринской предлагал создание «сетевой организации» в рамках существующего положения с привлечением местных археологов. В качестве дополнительных мер он рекомендовал запретить Высочайшим повелением вывоз древностей за рубеж, в чем был поддержан князем А.М. Дондуковым-Корсаковым (1820–1893), главноначальствующим на Кавказе. Также было сделано предложение подчинить ИАК археологический отдел Кавказского музея в Тифлисе и создать здесь особое археологическое учреждение, напрямую связанное с Комиссией.

Не исключено, что февральские записки 1886 г., созданные А.В. Праховым и Т.В. Кибальчичем, как раз рассчитывали на определенную сумятицу в министерстве в связи с назначением 1 февраля нового председателя вместо

А.А. Васильчикова, «эпоха» которого должна быть оценена как время небывалой активности Археологической комиссии по сохранению своего статуса и выработки новых направлений и методов собственной деятельности.

XI

Именно с «эпохой Бобринского» и был связан заметный подъем деятельности ИАК, который произошел во второй половине 1880-х гг. Это отмечали практически все современные исследователи ее истории (Пескарева, Рябинин 1984: 302; Васильева 2000: 180–181; Длужневская 2006a: 112; 2006b: 273; Тихонов 2003b: 103–107; 2006: 368; Мусин 2006: 49; Медведева 2007a-c). Если в плане создания системы регламентации археологической деятельности и государственного контроля и учета в области полевой археологии в период 1860–1880-х гг. ИАК еще только предпринимала шаги, ориентированные на привлечение внимания к проблемам сохранения археологического наследия со стороны различных государственных ведомств, то начиная со второй половины 1880-х гг. происходит становление самой системы (Сорокина 2008: 36). Граф Алексей Александрович Бобринской, возглавивший Археологическую комиссию с 1 февраля 1886 г., в отличие от двух предшественников на этом посту имел опыт археологических раскопок, которые проводил начиная с конца 1870-х гг. в Киевской губернии на территории собственного огромного имения Смела. В 1882 г. А.А. Бобринской был избран действительным членом Русского археологического общества, неоднократно выступал на его заседаниях с докладами о раскопках. До 1917 г. его фамилия всегда приводилась только в таком написании. Впоследствии в историографии распространилась форма «Бобринский». В настоящем издании она приводится в изначальном варианте.

В апреле 1884 г. Русское археологическое общество избрало А.А. Бобринского представителем на VI Археологический съезд, состоявшийся в Одессе, где он прочитал доклад о своих раскопках. В 1885 г. он был избран действительным членом Одесского общества истории и древностей и Общества любителей древней письменности, а в Русском археологическом обществе — управляющим Отделением славяно-русской археологии. Последнюю должность он занимал до 1894 г. К моменту назначения на пост председателя Археологической комиссии А.А. Бобринской был уже достаточно известным археологом.

Свою более чем тридцатилетнюю деятельность по руководству Комиссией ему приходилось сочетать с разнообразными общественными и государственными должностями. В разные годы он являлся губернским предводителем санкт-петербургского дворянства, сенатором, членом Государственного совета, депутатом Государственной думы, председателем Санкт-Петербургской городской думы, вице-президентом Академии художеств, товарищем министра внутренних дел, министром земледелия, председателем Совета Русско-английского банка.

Этот самый краткий и неполный перечень его постов и должностей показывает, какое высокое положение А.А. Бобринской занимал в обществе

БОБРИНСКОЙ Алексей Александрович (19.05.1852 — 2.09.1927) — граф, общественный и политический деятель, археолог. Получил домашнее образование под руководством В.Я. Стоюнина, учился в частном пансионе в г. Вэвэ, Швейцария, в 1870–1872 гг. на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Сенатор (с 1896 г.), обер-гофмейстер (1916), член Государственного Совета (1912), председатель ИАК (1886–1918), вице-президент Академии художеств (декабрь 1889 — декабрь 1890), товарищ министра внутренних дел (март–июнь 1916), министр земледелия (июль–ноябрь 1916), депутат III Государственной думы (1907), председатель Совета объединенного дворянства (1906–1912), с 1919 г. в эмиграции. Внес большой вклад в создание системы государствененого контроля за археологическими раскопками и охраной памятников старины, провел раскопки более 500 курганов.

Осн. соч.: Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1887–1901. Т. 1–3; Херсонес Таврический: исторический очерк. СПб., 1905; Филарет Никитич. Историческая драма в 5-ти действиях. СПб., 1913.

Лит. о нем: *Бобринский А.А.* Граф Алексей Александрович Бобринской (1852–1927). Сын об отце / подгот. к публ., предисл. и примеч. И.Л. Тихонова // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2003. Вып. 4. С. 479–532; *Тихонов И.Л.* 1) Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринской // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию А.А. Формозова. СПб., 2003. С. 95–117; 2) Предводитель дворянства, сенатор, депутат, министр, археолог, граф А.А. Бобринской // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб., 2002. Т. 1. С. 72–88; *Клейн Л.С.* Археолог царского рода: А.А. Бобринский // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 372–389.

(Фото: 1890-е гг. (ФО. Отп. О.614-2))

и чиновничьей бюрократии Российской империи конца XIX — начала XX в. (Тихонов 2002; 2003b). Приход в Комиссию энергичного тридцатитрехлетнего графа Бобринского, человека, близкого царской семье, не мог не сказаться на упрочении ее положения. Это осознавали и современники, так, старший член Комиссии В.Г. Тизенгаузен в апреле 1886 г. писал Д.Я. Самоквасову: «С новым председателем Комиссии, повидимому, дела ее будут поведены несколько энергичнее, чем при его предшественнике» (Археология... 2007: 362).

Действительно, по воспоминаниям В.Г. Дружинина, новый председатель был человеком со связями в высших сферах, пользовался своей близостью

к министру двора И. И. Воронцову-Дашкову и успешно вел дело ИАК, добывая экстренные суммы в несколько тысяч рублей для покупки выдающихся кладов и предметов древности, предлагавшихся к продаже. Он почти ежедневно посещал ИАК, председательствовал на ее заседаниях, с членами Комиссии вел себя очень любезно, но авторитета как археолог не имел, несмотря на имевшийся опыт археологических раскопок (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 168, 172).

Впрочем, некоторые считали, что если А. А. Бобринской решал вопросы существования Комиссии на высшем государственном уровне, то фактическим руководителем ее повседневной жизни в 1890-е гг. был В. Г. Тизенгаузен. Он бывал на службе каждый день, вел себя по-товарищески, не играл роли старшего, часто шутил, но никогда не переходил границы, редактировал отчеты, хотя по традиции признавал лишь скифские и греческие древности, предметов же каменного века не признавал (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 173, 177).

Стоит, однако, отметить, что Комиссия обязана в это время своему расцвету не только личным заслугам А. А. Бобринского. Налицо общее изменение социально-политической ситуации в России, формирование новых общественных подходов к функции археологической науки, рост интереса российского общества к истории и культурному наследию (см.: Смирнов 2014). Всем этим, несомненно, и воспользовался новый председатель.

Прежде всего, А. А. Бобринскому пришлось включиться во все более накаляющуюся борьбу вокруг прав Археологической комиссии на выдачу разрешений на раскопки, а по сути дела — борьбу за превращение ИАК, бывшей в глазах общественности «придворной конторой по добыванию древностей для Эрмитажа», в центральное учреждение российской археологии. Ему пришлось принять эстафету «эпохи Васильчикова» в борьбе против фактического упразднения ИАК, что предусматривалось разными «прожектами». Одним из свидетельств этой борьбы является, очевидно, составленная 7 мая 1886 г. по просьбе нового председателя информационная записка В. Г. Тизенгаузена о деятельности Археологической комиссии, которая включала 9 пунктов (здесь и далее цит. по: РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 73. Л. 1 — 2 об.).

В записке говорилось, что деятельность ИАК никогда не ограничивалась археологическими разысканиями, но включала в себя охрану и наблюдение за состоянием монументальных памятников. МВД неоднократно обращалось в Комиссию по вопросам поддержания и сохранения старинных построек. Согласие на слом давалось лишь в случае, если памятник находился в руинированном состоянии, если он или его боковые компартименты не представляли научного интереса, или же если казна отказывала в выделении средств на его поддержание. В случае слома памятника каждый раз проводилась его графическая фиксация. Также Комиссия организовала на свои средства охрану Царского кургана в Керчи, наняв сторожа и построив караульное помещение, и принимала определенное участие в возобновлении древнего Успенского собора во Владимире и спасении замка князей Острожских на Волыни.

ИАК неоднократно обращалась к общественности и местным властям с призывами к спасению открываемых

древностей и установила вознаграждение за находку кладов из собственных средств. Найденные древности передавались в музеи: Эрмитаж, Исторический и Румянцевский музеи в Москве, а также в нижегородский, саратовский, псковский и другие музеи.

Ведя контроль над археологическими разысканиями в России, ИАК не всегда «имела возможности противодействовать... бесшабашному и какому-то ожесточенному раскапыванию, прикрываемому некоторыми археологическими обществами». Обвинение ИАК в погоне за одними лишь драгоценными по металлу древностями свидетельствует о полном незнакомстве обвинителей ни с деятельностью Комиссии, ни даже с изданиями ее. Если внимание Комиссии и было приковано к памятникам юга России, то лишь потому, что тамошние курганы, вследствие ценности находимых предметов, были более всего подвержены тайным раскопкам. Таким образом, говоря современным языком, ИАК практиковала «превентивные археологические исследования», направленные на защиту памятников от грабителей. При этом выделялись средства и на исследования иных памятников: на работы Я.М. Лазаревского на Белом озере, В.В. Радлова в Сибири, П.И. Лерха в Вологодской, Олонецкой и Вятской губерниях, Д.Я. Самоквасова на Днепре, Н.Н. Пантусова на Сырдарье, П.И. Хицунова на Дону, Н.И. Веселовского в Туркестанском крае. Так, несмотря на явные приоритеты ИАК, связанные с добыванием и изучением памятников античной культуры, к 1886 г. были сформированы зачатки основных направлений будущей деятельности Комиссии «эпохи Бобринского» — Северо-Западная Россия с ее славяно-русскими и финно-угорскими древностями, Сибирь, Средняя Азия...

В целях «приведения в известность вещественных памятников древности в России» ИАК уже на I Археологическом съезде предложила издавать сборник археологической библиографии, но, к сожалению, ни одно из археологических обществ не отозвалось на это предложение. Более того, вместо поддержки со стороны ученых обществ, получающих казенные субсидии, ИАК сталкивалась с их противодействием, ибо производимые ими раскопки совершались на казенных и общественных землях без ее разрешения. К тому же некоторые общества перекупали случайные находки и клады, которые по закону должны были поступить в казну. Комиссия пыталась привлечь к своей деятельности и основные провинциальные научные силы — членов статистических комитетов, хотя это и была весьма слабая поддержка.

Упоминая проект по наделению Российского Исторического музея полномочиями и средствами, В.Г. Тизенгаузен справедливо отмечал, что при таких средствах ИАК могла бы сама гораздо шире развернуть свою деятельность. В связи с эти он задавался вопросом: для чего стоит уничтожать старое, хорошо поставленное дело и передавать его в другие, неподготовленные руки? В заключение отмечалось, что во всех европейских государствах центральная археологическая комиссия всегда находится в главной столице, где сосредоточиваются основные силы и средства (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 73. Л. 1 — 2 об.). Аргументы этой записки, активно использовавшиеся новым председателем в своей деятельности, надолго положили предел наступлению на права ИАК.

Как человек, учившийся на юридическом факультете Петербургского университета, А.А. Бобринской не мог

не понимать, что, прежде всего, нужно было создать юридическую базу для дальнейшего упрочения роли Комиссии в России. Такая база предполагала подтверждение и уточнение прав и прерогатив ИАК. Борьба с кладоискательством и несанкционированными вторжениями в археологические памятники под видом научных изысканий с самого начала стала одним из приоритетов деятельности нового председателя. Первый этап пришелся на осень 1886 г. 12 сентября из газет ИАК стало известно о раскопках А.В. Прахова в Мстиславовом Успенском храме во Владимире-Волынском, и А.А. Бобринской высказал свою озабоченность как министру внутренних дел, так и обер-прокурору Святейшего Синода. В письме говорилось, что по закону Комиссия должна следить за всеми осуществляемыми в России раскопками на государственных и общественных землях, но без сочувствия местной администрации сама ИАК оказывается здесь бессильна. В письме на имя К.П. Победоносцева председатель Комиссии просил «не отказать в просвещенном содействии, дабы высшие духовные лица не давали дозволения на производство раскопок на церковных землях, хотя бы и с научной целью (“Вестник Европы” сообщал, что раскопки на Волыни производились с разрешения местного епископа. — *Авт.*), без особого разрешения ИАК». Дополнительно сообщалось, что «Комиссия никогда не преминет принять все зависящие от нее меры к производству изысканий и раскопок в таких местах, которые будут указаны духовенством, но Комиссия не может не обратить внимания на крайнюю опасность предоставления права раскопок на церковных землях таким лицам, которые не снабжены на это надлежащим уполномочием» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 50. Л. 1 — 5 об.). Уже 26 ноября 1886 г. появляется циркуляр №25 Министерства внутренних дел гражданским губернаторам «О безусловном воспрещении всякого рода раскопок, кладоискательства и о мерах к сохранению памятников древности», где говорилось о «воспрещении кому бы то ни было предпринимать какие-либо археологические раскопки на казенных, церковных или общественных землях без специального разрешения на то Императорской археологической комиссии» (см. выше; см. также: Охрана памятников 1978: 118). Здесь говорилось о «неизбежности требований закона и пользе археологии», а также делались ссылки на приложение к статье 539 части 1 тома 10 Свода гражданских законов и 6-й пункт приложения к статье 2318 части 2 тома 1 Свода законов Российской империи, касающейся учреждения министерства.

5 ноября ответил и К.П. Победоносцев. Он заметил, что волынский епископ никаких разрешений на раскопки не давал, поскольку речь шла лишь реставрации храма, которая производилась официально созданной губернатором комиссией, а раскопки, предпринятые профессором А.В. Праховым рядом с городом, действительно проводились без разрешения. При этом он присовокуплял, что поскольку 5 июля 1884 г. он уже циркулярно предписал епархиальным архиереям входить в сношения с Комиссией по делам реставрации древних храмов, то в данном случае он не считает нужным издавать новое распоряжение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 50. Л. 9 — 10 об.).

Однако еще ранее, 26 сентября 1886 г., председатель ИАК разослал

правящим архиереям Российской церкви письмо «о содействии духовных властей в противодействии кладоискательству на церковных землях» и о «сохранении отечественных древностей от уничтожения» (Там же. Л. 21–23). В понятие клада он сознательно включил не только собственно монеты и драгоценные предметы, но и случайные археологические находки: железные, медные и каменные орудия. При этом он напоминал, что находчикам из числа крестьян предполагается выдавать денежное вознаграждение от ИАК. Основная сложность состояла в том, что до сих пор это происходило через местных полицейских чиновников, с которыми сами крестьяне зачастую не желали иметь дела. Далее А. А. Бобринской писал: «Борясь с уничтожением древности, ИАК пришла к заключению, что единственным орудием, посредством которого можно было бы несколько противодействовать злу, является содействие в этом деле духовенства, которое тесно общается с крестьянством». Председатель Комиссии был убежден, что «сельские священники не откажут ИАК в посредничестве между ею и крестьянами в деле сохранения памятников старины», и приходское духовенство могло бы взять на себя отправку вещей в Петербург и получение наградных денег.

Некоторые епископы непосредственно откликнулись на обращение председателя: Волынская епархия в лице епископа Палладия (Ганкевича, 1885–1889) согласилась с идеей доставки предметов в ИАК через приходских священников, епископ Туркестанский и Ташкентский Александр (Кульчитский, 1878–1883) просто проинформировал подведомственное ему духовенство, а епископ Рязанский и Зарайский Феоктист (Попов) объявил приходскому духовенству о просьбе Комиссии через благочинных и обязал их сообщать епархиальному начальству о всех кладах и предметах древности, найденных на церковной земле (Там же. Л. 24 — 25 об.). Подобное послание 1 декабря 1886 г. было отправлено А. А. Бобринским и епископату Римско-католической церкви на территории России (Там же. Л. 36), отклики представителей которого в ИАК были гораздо пространнее.

Второй этап можно датировать 21 января 1887 г. В этот день А. А. Бобринской направляет письмо, подписанное всеми членами ИАК, министру двора графу И. И. Воронцову-Дашкову и президенту Императорской академии художеств — великому князю Владимиру Александровичу. В письме обрисовывалось нынешнее положение дел в области археологических раскопок, мода на которые охватила дилетантов в провинции, и учета открываемых древностей. В конце письма предлагались конкретные меры, воплощенные в «трех пунктах», об исполнении которых следовало бы ходатайствовать перед государем: наделить Комиссию исключительным правом разрешения на производство раскопок, предоставить ей совместно с Академией художеств право на реставрацию монументальных памятников древности, а также ужесточить контроль за поступлением в музеи вновь найденных предметов, обязав их сообщать в Комиссию о всех новых приобретениях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 6 — 9 об.; ср.: Охрана памятников 1978: 121).

Со своей стороны ученые общества, и прежде всего МАО, использовали начальствующее над ними Министерство народного просвещения для

УВАРОВА Прасковья Сергеевна (09.04.1840 — 30.06.1924) — графиня, археолог, коллекционер. Супруга А.С. Уварова, брак состоялся в 1859 г. Урожденная Щербатова. Прообраз Кити Щербацкой в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Ученица Ф.И. Буслаева. Почетный член Академии наук (1894), Дерптского, Харьковского, Казанского, Московского университетов и Петербургского археологического института. Принимала деятельное участие в создании МАО, с 1885 г., после кончины графа А.С. Уварова — постоянный президент Общества; занималась подготовкой археологических съездов, редактировала «Труды» Общества.

Во время ее президентства были созданы Славянская и Восточная (в Тифлисе) комиссии. С 1890 г. возглавляла Комиссию МАО по сохранению древних памятников. П.С. Уварова проводила самостоятельные археологические раскопки, совершила девять путешествий на Кавказ; опубликовала более 170 работ; участвовала в разработке законодательства по охране культурного наследия, в том числе мер, запрещавших вывоз из страны исторических памятников и произведений искусства. Систематизировала коллекцию А.С. Уварова («Порецкий музеум»), составила ее описание в 1910-х гг., большая часть коллекции и архива хранятся в Историческом музее. После октября 1917 г. покинула Россию и скончалась в Югославии.

Осн. соч.: Кавказ. Путевые заметки. М., 1887–1904, Т. 1–3; Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Труды ГИМ. М., 2005.

Лит. о ней: *Соболевский А.И.* П.С. Уварова. 1840—1924. Некролог // Известия Российской академии наук. VI серия. 1925. Т. 19. №6–8. С. 141–144; *Полякова М. А., Фролов А.И.* Ревнители московских древностей: Алексей Сергеевич Уваров. 1825—1884. Прасковья Сергеевна Уварова. 1840—1924 // Краеведы Москвы. (Историки и знатоки Москвы). Кн. 2 / сост. Л.В. Иванов, С.О. Шмидт. М., 1995. С. 48—64; *Стрижова Н.Б.* Архив А. С. и П.С. Уваровых в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып. 2. С. 85–103.

(Фото: ФО. Отп. Q 697-7)

гарантии собственной независимости от ИАК в области сохранения памятников старины. 8 марта 1887 г. И.Д. Делянов отправил в Комитет министров записку «По вопросу о мерах к охранению памятников старины от истребления, порчи и самовольных переделок», очевидно, инспирированную П.С. Уваровой (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 10–26). Поводом для ее составления стало искажение фресок в церкви Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, что в Дьякове под Москвой, засвидетельствованное еще в 1882 г. В итоге в записке звучало ходатайство о Высочайшем

повелении о «неуклонном соблюдении ст. 206 и 209 т. 12 ч. 1 Устава строительного, по продолжению 1876 г., воспрещающих без Высочайшего разрешения приступать к каким-либо обновлениям в древних церквах и во всех подобных памятниках и предписать всем правительственным местам и лицам... сохранять внешний и внутренний вид и не допускать переделок без разрешения высшего начальства», а также предложение создать «Императорскую комиссию» по охране древностей, предложенную уже известным нам «проектом Лобанова-Ростовского».

27 ноября 1887 г. Археологическая комиссия в лице своего председателя А.А. Бобринского обратилась с письмом к министру народного просвещения И.Д. Делянову о сотрудничестве с учеными обществами и установлении большего порядка в деле изучения и собирания древностей, ибо «правительство смотрит на отечественные древности как на государственное достояние» (здесь и далее цит. по: РО. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 28–33). А.А. Бобринской просил министра довести до сведения ученых обществ, как подведомственных министерству учреждений, правила проведения раскопок на казенных общественных и церковных землях, ссылаясь на существующие законодательные акты, прежде всего на Положение об ИАК 1859 г. В письме также содержался протест против приобретения обществами случайных находок и кладов и осуждалась «развившаяся в последние годы страсть к разрытию курганов». Здесь же отводились обвинения в том, что Комиссия якобы пытается подчинить деятельность обществ своему контролю. В письме говорилось, что выполнение соответствующих узаконений в России и деятельность самой ИАК «затруднена действиями некоторых наших частных ученых обществ (археологических, архивных, географических, антропологических, этнографических и др.), из которых иные, несмотря на то, что существуют только на счет правительственных субсидий, не считают, однако, нужным содействовать правительству в упорядочении означенного дела, а напротив того, прямо нарушают вышеприведенные узаконения, отчасти скупая древности для своих коллекций, помимо Археологической комиссии, отчасти производя раскопки на казенных и общественных землях» без предварительного соглашения с ней. При этом зачастую раскопки поручаются лицам неподготовленным. Отсутствует и продуманный план изучения древностей.

В связи с этим А.А. Бобринской просил министра «в видах установления необходимого порядка в деле изучения, собирания и охранения государственных древностей подтвердить подведомственным обществам необходимость соблюдения узаконений». Проводимые ими научные раскопки будут приветствоваться при соблюдении двух условий: при предоставлении ИАК отчета о научной стороне произведенных раскопок с приложением необходимых чертежей и планов и при доставке всех найденных при раскопках вещей и их описи для представления замечательнейших из них на воззрения государя и для Высочайшего указания об их дальнейшей судьбе. При этом результаты раскопок могут быть опубликованы в любом издании по выбору самих обществ. ИАК предоставляла всем заинтересованным сторонам право пользования хранящимися у нее архивными материалами и археологическими предметами, которые находятся в помещении Комиссии в научном порядке и всегда доступны

для ознакомления. Таким образом, предложения А. А. Бобринского продолжали традиции первого председателя ИАК С.Г. Строганова, который предполагал создание общероссийского археологического архива уже в своем проекте «Главной археологической комиссии» 1857–1858 гг. Известно, что 22 февраля 1888 г. Комиссия вновь обращалась в Министерства народного просвещения и внутренних дел со своими предложениями по наведению порядка в деле археологических раскопок и охраны древностей, ссылаясь на опыт Пруссии и Баварии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 42–43; Имп[ераторская] археологическая комиссия... 8, 9, 10), однако именно письмо от 27 ноября послужило отправной точкой нового конфликта МАО с Комиссией и травли последней в российской прессе, организованной «частными учеными обществами» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 28–33).

Министр народного просвещения передал отношение Археологической комиссии на рассмотрение археологических обществ. 24 июня 1888 г. была окончательно составлена записка, выработанная в Особом совещании при министерстве по вопросу, возбужденному ИАК и рассмотренному в ученых обществах. Ее текст был подписан А.Ф. Бычковым и И.В. Помяловским. Здесь говорилось, что массовый грабеж курганов, зафиксированный в России, заставляет отнестись с сочувствием к предложению ИАК, наделив ее соответствующими прерогативами, однако в Положении 1859 г. на этот счет не содержится никаких четких указаний. Сама же Комиссия предполагает расширительное толкование пункта 6 Положения, где говорится, что ей «предоставляется следить за всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности». Именно такое толкование правовых норм и составляет спорность предложения Комиссии. В целом, при данном положении вещей, ИАК не сможет помочь общему делу и своим вмешательством лишь затруднит ученую деятельность обществ. Однако представляется безусловно необходимым действительно установить единый порядок в деле изучения и собирания отечественных древностей при содействии правительства и решить вопрос относительно пользы образования правительственного центра, в настоящее время не существующего, который мог установить научные и практические связи для успешного ведения общего дела. При этом было бы желательно установить взаимные права и обязанности, как это уже было отчасти сделано между ИАК и РАО. Пока же такого центра нет, и нельзя не признать затруднительным для Министерства народного просвещения предписать ученым обществам исполнять требования Комиссии. Впрочем, еще в 1876 г., во время работы «комиссии Лобанова-Ростовского», было признано правильным изменить положение об ИАК в сторону расширения ее прав. Ныне же представляется полезным возбудить вопрос об установлении для государственной пользы необходимого порядка в деле нахождения, собирания, охранения и исследования и с Высочайшего разрешения разработать в среде ИАК при участии представителей ученых обществ по общему соглашению проект изменений и дополнений в ныне действующее законодательство (Там же. Л. 46 — 51 об.; Имп[ераторская] археологическая комиссия... 15).

Этому предшествовали отзывы самих археологических обществ, зачастую гораздо более жесткие. 19 марта

1888 г. появился отзыв РАО, выдержанный в спокойных и конструктивных тонах, тем более что он был подписан уже упоминавшимся А.Ф. Бычковым и членом ИАК, секретарем общества И.И. Толстым. Общество было готово признать в ИАК тот правительственный орган, который может установить связь не формальную, а ученую с частными обществами на основе взаимных прав и обязанностей, впрочем, при условии, что само Положение об ИАК будет пересмотрено в сторону расширения и уточнения ее прав. Однако авторы ссылались при этом на пункт 4 своего Устава, который предоставлял обществу право самостоятельно производить раскопки. В целом же РАО было готово сообщать ИАК о начале исследований, нести ответственность за лиц, которым оно исходатайствует Открытые листы, и предоставлять в ИАК отчет, опись предметов древности и полевые дневники при сохранении за обществом приоритета в изучении находок и свободном пользовании архивом Комиссии в научных целях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 54 — 58 об.; РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71. Л. 74–79; Имп[ераторская] археологическая комиссия... 13).

Однако появилось и анонимное «Особое мнение некоторых из членов ИРАО», где ИАК инкриминировалось огульное обвинение ученых обществ в беззаконной деятельности и необоснованные домогательства на руководство российской археологией, ради которых обществам, стоящим по объему сил намного выше самой Комиссии, не стоило жертвовать «Высочайше дарованным правом» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71. Л. 16–24; РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 59 — 69 об.). Одним из авторов анонимного «мнения» определенно был Н.Е. Бранденбург, что подтверждается архивными документами (РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 181. Л. 2–5; Маковская 2001: 14; Клейн 2014а: 360–371). Он был тесно связан с МАО, в силу чего высказанные здесь мысли были близки соответствующему документу П.С. Уваровой, хотя стоит отметить, что именно в это время он получал финансовую поддержку от ИАК для проведения своих археологических исследований.

Московское археологическое общество 2 марта 1888 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 70 — 81 об.) и поддержавшее его Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете 4 мая 1888 г. (Там же. Л. 82 — 85 об.; стоит отметить, что обсуждение этого вопроса в этом обществе было инициировано именно МАО) ответили, что, по их мнению, пункты Положения об ИАК 1859 г. не дают ей никаких особых прав по контролю за деятельностью обществ, претензии Комиссии совершенно безосновательны и являются посягательством на научную деятельность обществ, будучи способны вообще устранить их из археологической практики. П.С. Уварова и секретарь В.К. Трутовский прибегли к демагогии риторических вопросов, подчеркивающих собственную значимость, а также указали, что в Положении об ИАК учреждения, состоящие в ее ведении, прямо поименованы — это Керченский музей и давно не существовавшая к тому времени Римская археологическая комиссия, а другие общества в зависимости от нее не состоят. Они упомянули и якобы имевший место отказ ИАК от соглашения с обществами на Археологическом съезде в Ярославле и тут же выдвинули министру длинный лист предложений

и требований финансового и организационного характера по обеспечению собственной деятельности.

Эта полемика выплеснулась и на страницы газет, которые в 1887–1888 гг. поместили целую серию статей по этому вопросу, причем «Новое время», как правило, озвучивало позицию Археологической комиссии, а «Русские ведомости» и «Московские ведомости» отстаивали взгляды Московского археологического общества. «Московское время» 17 сентября 1888 г. писало, что ИАК, сама индифферентно относящаяся к историческим отечественным памятникам, «запретила самостоятельные раскопки» другим обществам. В этой газетной «дискуссии» приняли непосредственное участие кроме журналистов и анонимных авторов также и сотрудники Археологической комиссии — барон В.Г. Тизенгаузен и граф И.И. Толстой (Имп[ераторская] археологическая комиссия... 16–37).

Ситуация сознательно нагнеталась, и ее разрешение могло ожидаться только новым «Высочайшим повелением». Сегодня можно утверждать, что в подготовке закона от 11 марта 1889 г., подтвердившего для ИАК «исключительное право производства и разрешения раскопок» на любых землях, не являющихся частными, значительная роль принадлежала статс-секретарю, управляющему Кабинетом его императорского величества Николаю Степановичу Петрову. 31 октября 1888 г., исполняя должность председателя Комиссии, В.Г. Тизенгаузен обращается к нему с письмом, в котором, ввиду обвинений, бросаемых ИАК со стороны обществ, он призывает положить конец нынешнему «двусмысленному положению». При этом он упоминает о докладе, который он, вместе с И.И. Толстым, сделал Н.С. Петрову в конце июня — начале июля 1888 г. («лето», «месяца четыре тому назад»), подчеркивая внимание статс-секретаря к этому делу. Из текста письма выясняется, что уже тогда статс-секретарю был предложен проект записки, которую предполагалось подать министру двора. В.Г. Тизенгаузен ходатайствовал о продвижении этой записки и предлагал новую встречу для обсуждения деталей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 88–89).

Несколько позднее была написана еще одна докладная записка Н.С. Петрову, более подробно раскрывающая истоки нынешней ситуации и предлагающая пути ее разрешения. В качестве точки отсчета здесь упоминается 21 января 1887 г., когда члены ИАК обратились к министру двора «мерах, соответствующих современным потребностям вверенного Комиссии дела», т.е. контролю над археологическими изысканиями (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71. Л. 69–73). Текст не датирован, но упоминание мнения Особого совещания Министерства народного просвещения от 24 июня 1888 г. и текстуальная близость к записке на имя министра двора И.И. Воронцова-Дашкова от 17 ноября 1888 г. (Там же. Л. 68–73; Медведева 2007а: 69) очевидно позволяют датировать ее первой половиной — серединой ноября 1888 г.

Записка министру признавала знаменательным, что в процессе газетной полемики, несмотря на неприличный во многих случаях тон статей, никто из авторов не посмел отрицать необходимость регулирования дела сохранения и исследования древностей и что некоторые даже упрекали Комиссию в бездействии в тех случаях, на которые власть ее, по действующему положению, не распространяется. Конкуренция

между обществами, субсидируемыми правительством, в деле приобретения кладов способствовала «росту цен» и наносила прямой убыток казне. Напрямую ссылаясь на предложенный в 1882 г. «проект Васильчикова», что подчеркивает преемство в деятельности председателей ИАК, и отвергая подозрение в пренебрежении мнением частных ученых обществ, А.А. Бобринской ходатайствовал перед министром «испросить Высочайшего утверждения Государя Императора» на закрепление трех пунктов, касающихся производства раскопок, реставрации и представления находок на Высочайшее воззрение, которые и составили основу будущего повеления 11 марта 1889 г.

Тем временем инициированный А.А. Бобринским циркуляр МВД от 27 ноября 1886 г., практически запрещавший любые раскопки без разрешения Комиссии, начал действовать. Так, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Казанском университете обратилось в Министерство народного просвещения, дабы то ходатайствовало перед ИАК о получении для него такого разрешения. 9 декабря 1888 г. председатель ИАК извещает И.Д. Делянова о том, что подобные раскопки только приветствуются, и намеревается самостоятельно уведомлять начальников губерний о предстоящих исследованиях ученых обществ (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 99–100). Одновременно он ищет возможности опереться на исторический прецедент и 3 февраля 1889 г. направляет в МВД запрос о высылке документов о подчинении всех археологических раскопок «начальству графа Перовского» от 30 августа 1852 г., а также циркуляры начальникам губерний, предписывающие последним входить с представлениями по всем спорным вопросам, касающимся древностей, именно к министру уделов (Там же. Л. 101).

Очевидно, решение императора утвердить предложенные И.И. Воронцовым-Дашковым и А.А. Бобринским правила состоялось много раньше его опубликования, а именно в январе 1889 г. 6 февраля председатель ИАК ходатайствует перед министром двора об официальном утверждении «трех дополнительных пунктов и об обнародовании их для всеобщего сведения», поскольку об этом Высочайшем повелении ИАК пока еще не сообщено (Там же. Л. 103). К тому же А.А. Бобринскому стало известно, что И.Д. Делянов публично сообщил о намерении разослать циркуляр археологическим обществам об урегулировании вопроса о раскопках на казенных землях. 14 февраля председатель ИАК отправляет Н.С. Петрову частное письмо, где спрашивает адресата, не признает ли тот возможным уведомить министра народного просвещения «о сущности состоявшегося по настоящему вопросу Высочайшего повеления», о котором Н.С. Петров сообщил А.А. Бобринскому «на словах еще в прошлом месяце», «для правильного направления дела и во избежание несогласия между Министерством народного просвещения и Министерством императорского двора» (Там же. Л. 104 — 104 об.).

Результатом вышеизложенной комбинации и явилось Высочайшее повеление 11 марта 1889 г. «О предоставлении исключительного права...», определившее правовой статус ИАК до конца ее существования и создавшее соответствующую научную и юридическую практику (ПСЗРИ. Т. 9. 1889: 95, №5841). Стоит сравнить текст нового постановления с «тремя дополнительными

«Три пункта» записки от 21 января 1887 г. президенту ИАХ и министру двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 8 — 9 об.)	«Три пункта» записки от 17 ноября 1888 г. министру и управляющему кабинетом Министерства двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 94 об. — 95; РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71, 72 об. — 73)	Высочайшее повеление, предложенное Правительствующему Сенату министром юстиции, № 352 от 11 марта 1889 г.
1. Право производства и разрешения раскопок принадлежит исключительно Императорской археологической комиссии, и помимо предварительного с нею соглашения, никакое общество и частное лицо не вправе предпринимать раскопок на казенных, общественных, городских и церковных землях.	1. Императорской археологической комиссии предоставляется исключительное право производства раскопок и их разрешения на казенных, общественных и церковных землях в империи, а посему все лица и учреждения, желающие производить раскопки на этих землях, входят с Комиссией в предварительное соглашение.	1. Исключительное право производства и разрешения с археологической целью раскопок в империи на землях казенных, принадлежащих разным установлениям и общественных — предоставить Императорской археологической комиссии. Все учреждения и лица, предполагающие производить подобные раскопки, обязаны, независимо от сношения с начальством, в ведении которых состоят упомянутые земли, входить в предварительное соглашение с Императорской археологической комиссией. Открываемые при раскопках ценные и особо важные в научном отношении предметы должны быть присылаемы на Высочайшее воззрение.
2. Дело сохранения и возобновления монументальных памятников древности в России вручается Императорской археологической комиссии совместно с Императорской академией художеств и без разрешения и руководства этих правительственных учреждений никакая реставрация не может быть производима.	2. Реставрация монументальных памятников древности не может быть производима без предварительного соглашения с Императорской археологической комиссией совместно с Императорской академией художеств.	2. Реставрацию монументальных памятников древности производить по предварительному соглашению с Императорской археологической комиссией и по сношению ее с Императорской академией художеств.
3. Все как существующие, так и возникающие городские и общественные музеи обязываются по требованию Комиссии доставлять ей сведения о всех поступающих в эти собрания предметах.	3. В случае открытия ценных или особо важных в научном отношении предметов таковые присылаются в Императорскую археологическую комиссию для представления их на Высочайшее Государя Императора воззрение.	

пунктами», которые были сформулированы А. А. Бобринским 21 января 1887 г. и 17 ноября 1888 г. (см. сравнительную таблицу на с. 192).

Интересно отметить, как «три дополнительных пункта» эволюционировали на протяжении 1887–1889 гг. и приобретали более лаконичные, законченные и юридически грамотные формулировки. Именно «пункты 1888 г. » стали основой постановления 11 марта: они вошли в его текст с некоторыми изменениями и стилистической правкой, при этом 1-й и 3-й пункты были объединены. Самая главная поправка касалась владельческого статуса земель, исследования на которых контролировала ИАК. Если в проекте упоминались «казенные, общественные и церковные земли», что восходило к «проекту Васильчикова» 1882 г., то в самом постановлении перечислялись «земли казенные, принадлежащие разным установлениям и общественные». При кажущейся расплывчатости формулировки она могла обнимать собой земли церковные и городские. Таким образом, не затрагивая демонстративно интересы духовного ведомства, повеление 11 марта, при грамотном правовом подходе, не сужало, а существенно расширяло сферу деятельности Комиссии. По оценке современников, «указом 1889 г. в руки Императорской археологической комиссии передавалось руководящее начало в области археологических исследований на русской почве, а также и заботы об охране памятников старины в смысле осмотрительной реставрации этих памятников» (Смолин 1917: 144).

Вместе с тем неопределенность некоторых правовых положений Высочайшего повеления 1889 г. не замедлила отразиться на деятельности Комиссии. Так, в запросе земского отдела МВД от 31 мая 1896 г., в ответ на отношение ИАК от 13 сентября 1894 г., где была истребована информация о том, как выполняется «указ 1889 г.», спрашивалось: разумел ли этот указ под «общественными землями» земли «крестьянских сельских обществ», так как согласно действующему праву последние существовали двух типов. К первому типу принадлежали усадебные земли в потомственном семейном пользовании на неполном праве личной собственности, а ко второму — мирские усадебные земли в распоряжении общества (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 69. Л. 226–227). Примерно в то же время, 16 ноября 1894 г., председатель Комиссии спрашивал Кабинет его императорского величества, являются ли крестьянские усадьбы частной собственностью или общественной, на что последовал ответ в том духе, что если «усадебные земли в собственности общества» можно отнести к общественным землям, то усадьбы в введении товарищества или конкретного лица таковыми уже не являются (Там же. Л. 275, 280 — 283 об.).

Эта проблема была прояснена много позднее. 4 февраля 1909 г. на заседании Государственной думы прозвучало предложение А. А. Бобринского о необходимости сделать следующее дополнение к пункту 11 III отдела указа от 9 ноября 1906 г., касающегося устроения крестьянской жизни: «Курганы, городища и другие памятники старины, впредь до издания особых по сему предмету узаконений, остаются собственностью обществ. Раскопка их производится с соблюдением правил, установленных Высочайшим повелением 11 марта 1889 г. Это касается только недр земли и нисколько не мешает собственникам

эксплуатировать наружную поверхность курганов для своих нужд». В развитие этого предложения 14 июня 1910 г. был принят закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском владении», 21-я статья 1-й главы которого гласила: «Раскопки курганов, городищ и других памятников старины, находящихся в укрепленных в личную собственность участках, производятся с соблюдением правил, установленных пунктом I Высочайшего повеления 11 марта 1889 г.» (Тютрюмов 1911: 686).

XII

Сразу же после обнародования Высочайшего повеления, 16 марта А.А. Бобринской предложил созвать с 17 по 24 апреля 1889 г. совещание из представителей 13 ученых обществ для доведения до их сведения нового указа и для совместного обсуждения главнейших вопросов по упорядочению дел открытия и сохранения памятников древности в России (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 107 — 107 об.).

Повестка дня состояла из 15 пунктов: форма соглашения общества и ИАК относительно раскопок, район деятельности каждого из обществ, возможность проведения обществом раскопок в своем районе без мотивированного запроса в ИАК, ответственность общества за лицо, ведущее исследования, форма Открытых листов, форма отчета в архив Комиссии, процедура отбора вещей на Высочайшее воззрение, расходы на изготовление рисунков и фотографий, формирование архива Комиссии и право его использования, возможность предоставления обществами информации о раскопках на частных землях и о случайных находках, вопрос об авторском праве на пользование научной собственностью, отраженной в отчетах, меры против незаконных раскопок, возможность контроля со стороны обществ за состоянием памятников на определенных территориях, возможность для ИАК иметь на местах своих агентов, возможность командирования представителей ИАК на раскопки обществ и приглашение членов обществ на раскопки Комиссии, а также «какого рода реставрация» могла рассматриваться ИАК совместно с Академией художеств, а какая подлежала ведению общества (Там же. Л. 110 — 111 об.).

П.С. Уварова тогда же, 23 марта, обратилась к министру двора, сетуя на то, что к идее совещания «нельзя не отнестись с сочувствием», однако срок для него выбран «не вполне удобный»: осталось мало времени на подготовку к собранию, у многих делегатов в этот момент могут быть экзамены в университетах, отсутствует программа совещания. В силу этого его созыв «едва ли может принести пользу делу». В заключение она выражала надежду, что министр не откажется перенести время встречи. Но уже 13 апреля П.С. Уварова была избрана делегатом МАО для поездки в Петербург (Там же. Л. 120–122).

Совещание было справедливо названо некоторыми участниками «археологической конференцией». Первое заседание открылось в Петербурге в помещении ИАК под председательством ее главы графа А.А. Бобринского 18 апреля 1889 г. Две другие сессии состоялись 19 и 22 апреля (Протоколы соглашения 1889). Секретарем был член Комиссии граф И.И. Толстой.

На совещании присутствовали — от Императорской академии художеств П.Ф. Исаев, от Археологического института И.Е. Андреевский, от Эстонского ученого общества К.Е. Думберг, от Общества истории и древностей Прибалтийских губерний, поименованного «Рижским историческим обществом», Ю.Б. Иверсен, от Общества любителей духовного просвещения И.В. Помяловский, от Русского археологического общества В.Р. Розен, от Московского археологического общества П.С. Уварова, от Общества истории и древностей российских Ю.Д. Филимонов, от ИАК — М.П. Боткин, Н.П. Кондаков и В.Г. Тизенгаузен.

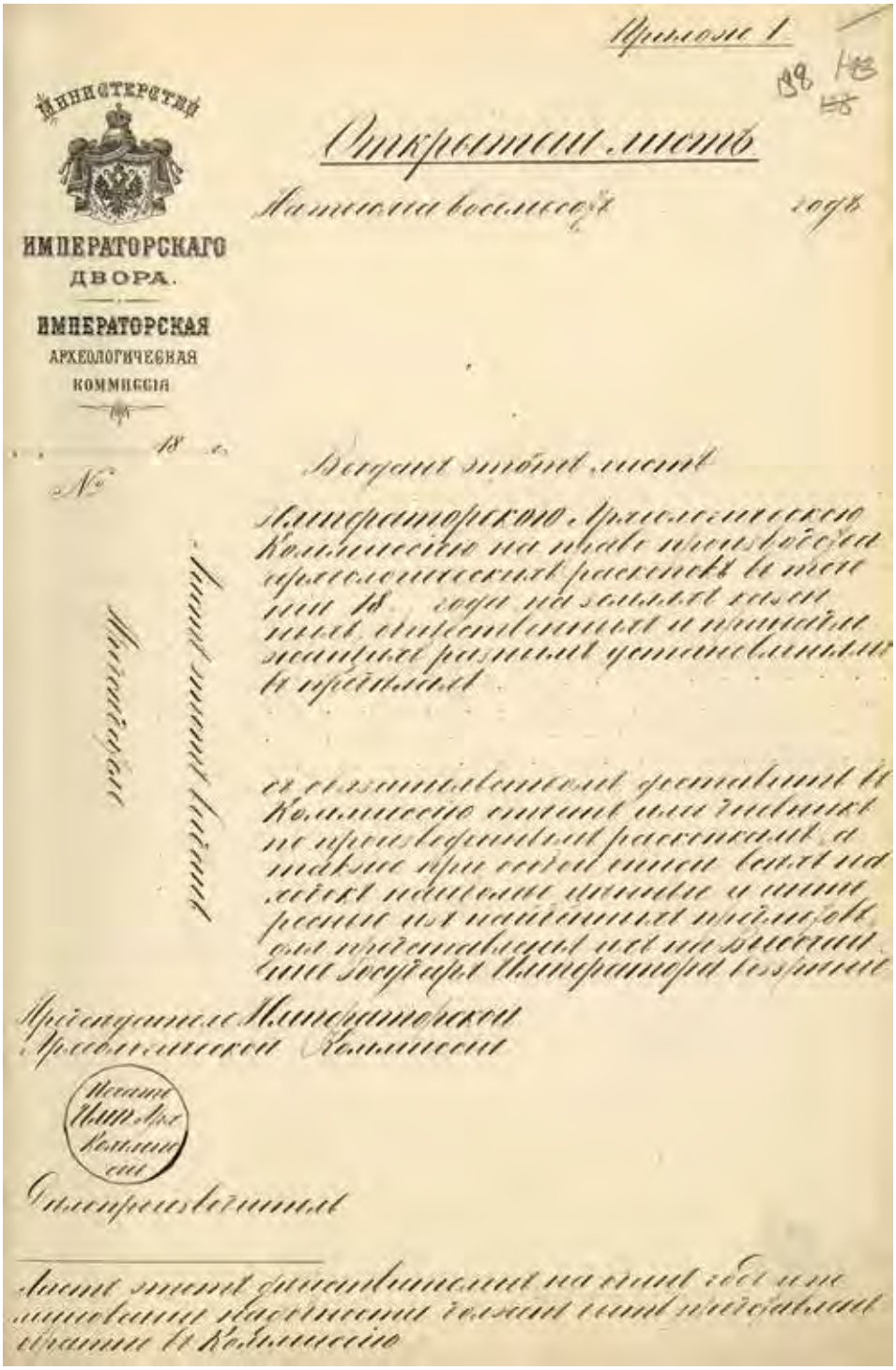
Чуть позднее к ним присоединился представитель Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете Н.Л. Гондатти. Из числа приглашенных лишь Одесское общество истории и древностей, киевское Общество Нестора Летописца и Русское географическое общество не сочли нужным прислать на совещание своих делегатов.

Уже в первый день разгорелся спор между И.Е. Андреевским и П.Ф. Исаевым о правовом содержании указа от 11 марта. В отличие от представителя института, представитель Академии справедливо считал, что в данном случае имело место не просто «Высочайшее повеление», не уничтожающее прав и преимуществ других лиц и учреждений, основанных на предшествующих актах, а повеление, изданное в административном порядке, которое заменяет собою все прежние распоряжения (Протоколы соглашения 1889: 4).

Следующим серьезным вопросом были форма Открытых листов, к тому времени уже прочно ассоциировавшихся с разрешением на проведение археологических раскопок, и способ их выдачи. Интересно, что И.И. Толстой предлагал сохранить за ИАК лишь «верховную санкцию» на выдачу этих документов, предлагая обществам просто выдавать листы от имени Комиссии. Он предполагал рассылать каждый год в эти организации некоторое количество чистых бланков этих разрешительных документов, которые должны были быть заполняемы на месте в соответствии с потребностями обществ при условии предоставления ИАК научного отчета и найденных при раскопках вещей. Это предложение было поддержано П.С. Уваровой, которая указывала на возможные случаи «безотлагательной надобности» в производстве раскопок: обращение в Петербург за разрешением могло, по ее мнению, существенно осложнить дело. Им резонно возражал И.В. Помяловский, который считал, что подобный отказ ИАК от своих законных прав нежелателен и что за каждым листом общества должны обращаться в Комиссию, предоставляя соответствующую мотивацию.

После утверждения формы листов 19 апреля за норму было принято обращение обществ в Комиссию за потребным количеством разрешений. Впрочем, дальнейшая практика показала, что общества могли поступать двояко: ходатайствовать перед ИАК о получении определенного количества разрешений или обращаться с мотивированными запросами в каждом отдельном случае. Конкретные исследователи могли обращаться в Комиссию за Открытыми листами и в обход обществ.

Во время дискуссии ее участниками был поднят вопрос, каким образом возможно избежать злоупотреблений



Приложе 1

138 143 158

Министерство Императорскаго Двора. Императорская Археологическая Коммиссія

Открытый листъ

Мая тысяча восемьсотъ 18 года

18 г.

№

Выданъ этотъ листъ Императорскою Археологическою Коммиссіею на право производства археологическихъ раскопокъ въ теченіи 18 года на земляхъ казенныхъ, общественныхъ и помѣщичьихъ земляхъ разнымъ установленнымъ въ отдѣльномъ

Открытый листъ

Министерство

съ обязательствомъ представить въ Коммиссію отчетъ или дневникъ по произведеннымъ раскопкамъ, а также при всѣхъ отчетахъ вести на себѣ полезные чертежи и описаніе изъ найденныхъ предметовъ, для предоставленія въ музеумъ сего государя Императора Александра III

Предсѣдатель Императорской Археологической Коммиссіи

Исполн. Инв. дѣлъ Коммиссіи

Опредѣлено

Листъ этотъ дѣйствителенъ на одинъ годъ и не лишовшимъ обязанности долженъ быть представленъ обратно въ Коммиссію

Проект Открытого листа 1889 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 138)

Один из первых Открытых листов по новой форме 1889 г., выданный в нетипографском исполнении (РО. Ф. 1. Оп. 1.-1886 г. Д. 45. Л. 56 — 56 об.)

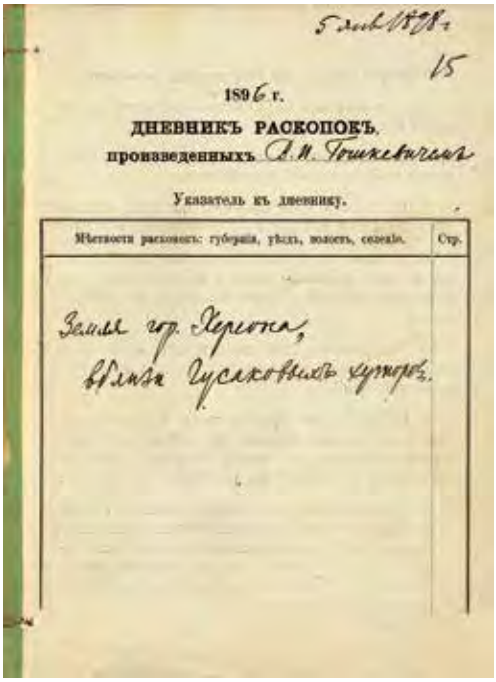
с выдачей подобных разрешений в случае, если общество отказывало в листе конкретному лицу, а лицо, обратившись непосредственно в ИАК, рассчитывало на его получение.

Получив Открытый лист от ИАК, исследователи должны были представлять в Комиссию краткий фактический отчет и опись находок. Комиссия в ряде случаев гарантировала изготовление рисунков и фото за свой счет. Общества соглашались нести нравственную ответственность за лицо, которому они испрашивали Открытый лист.

В связи с формированием при ИАК археологического архива доступ к его материалам был признан свободным, однако был введен пятилетний срок «авторского права», связанный с приоритетом в изучении и публикации результатов полевых исследований (Протоколы соглашения 1889: 11).

Краткие справки архивного характера, касающиеся исследований, выдавались ИАК безвозмездно. Было рекомендовано передавать антропологические материалы в соответствующее общество при Московском университете.

Общества единогласно высказались против ограничения их исследований и деятельности конкретными географическими зонами, однако признали такой принцип разумным в отношении охраны памятников древности. Было предложено ввести понятия «общей»



5 янв 1898 г.

15

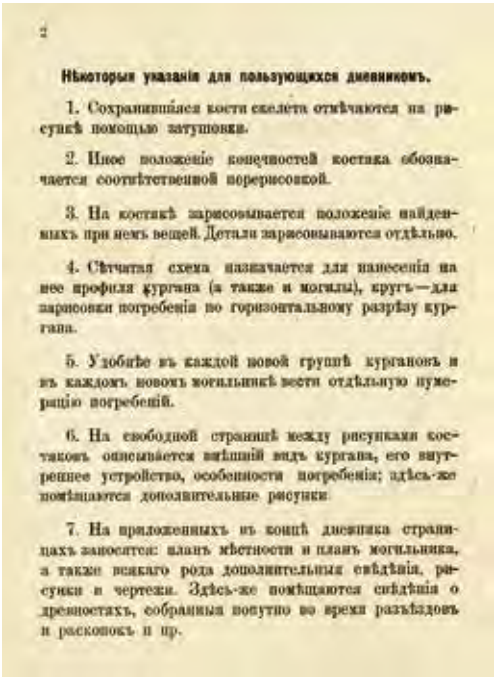
189 6 г.

ДНЕВНИКЪ РАСКОПОКЪ,

произведенныхъ Д. Н. Тонкевичемъ

Указатель къ дневнику.

Мѣстности раскопокъ: губернія, уѣздъ, волость, селеніе.	Стр.
Земли гр. Черныша, вблизи Гуслеховыхъ хуторъ.	



2

Нѣкоторыя указанія для пользующихся дневникомъ.

1. Сохранившіяся кости скелета отмѣчаются на рисункѣ помощью затушовки.

2. Иное положеніе конечностей костяка обозначается соотвѣтственной перерисовкой.

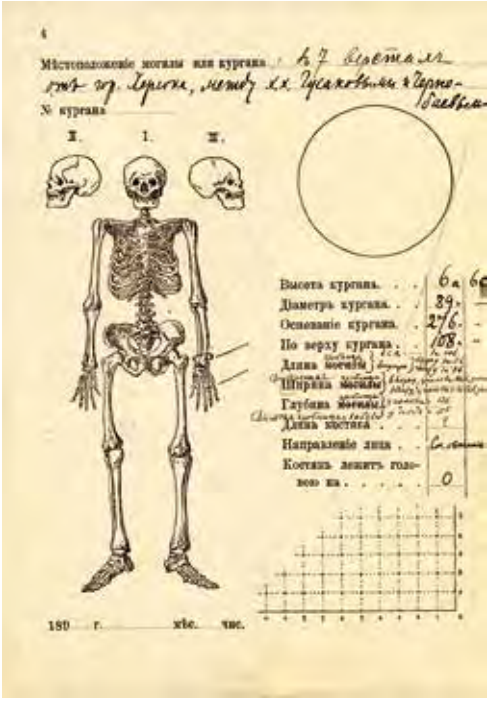
3. На костякѣ зарисовывается положеніе найденныхъ при немъ вещей. Детали зарисовываются отдѣльно.

4. Сѣтчатая схема назначается для нанесенія на нее профиля кургана (а также и могилы), кругъ—для зарисовки погребенія по горизонтальному разрѣзу кургана.

5. Удобнѣе въ каждой новой группѣ кургановъ и въ каждомъ новомъ могильникѣ вести отдѣльную нумерацію погребеній.

6. На свободной страницѣ между рисунками костяковъ описывается внѣшній видъ кургана, его внутреннее устройство, особенности погребенія; здѣсь-же помѣщаются дополнительные рисунки.

7. На приложенныхъ въ концѣ дневника страницахъ заносятся: планъ мѣстности и планъ могильника, а также всякаго рода дополнительныя свѣдѣнія, рисунки и чертежи. Здѣсь-же помѣщаются свѣдѣнія о древностяхъ, собранныя попутно во время разъѣздовъ и раскопокъ и пр.



4

Мѣстоположеніе могилы или кургана: въ 7 верстахъ отъ гр. Черныша, между хх. Гуслеховымъ и Черно-Вавевымъ

№ кургана

Высота кургана . . . 6а 6б

Діаметръ кургана . . 89.

Основаніе кургана . . 276.

По верху кургана . . 108.

Длина могилы

Ширина могилы

Глубина могилы

Длина костяка . . . 1

Направленіе лица . . Сверхъ

Костякъ лежитъ головою на 0

189 г. хѣс. чис.

Форма дневника раскопок некрополя (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 62. Л. 15, 15 об., 17 об.)

Форма описи предметов древности из раскопок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 35. Л. 29)

Форма извещения губернатору о выдаче Открытого листа (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 59. Л. 3)

Бланк официального письма, воспрещающего проводить раскопки с целью кладоискательства на основании циркуляра Министерства внутренних дел от 27 ноября 1886 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 26. Л. 7)

Бланк официального письма, воспрещающего производить раскопки лицу неподготовленному и не преследующему научные цели (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 26. Л. 32)

МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.
ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССІЯ

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Удостоверение на бланке с печатью Императорской археологической комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24. Л. 212)

и «частной» реставрации, которые были связаны, судя по контексту, с масштабом вторжения в памятник: большими ремонтными работами ведала ИАК, тогда как починку отдельных элементов здания могли контролировать местные общества. 22 апреля стороны пришли к мнению, что до соглашения между ИАК и ИАХ вопросы о реставрации передаются на рассмотрение этих двух учреждений. Также было решено ходатайствовать перед Правительством об ограничении вывоза отечественных древностей за границу.

Характерно активное и заинтересованное участие прибалтийских ученых организаций в обсуждении. 22 апреля К.Е. Думберг огласил предложения профессора Юрьевского университета Г. Лешке, переведенные им с немецкого. Профессор полагал, что отсылка археологических предметов в столицу технически неисполнима, а в научном отношении нежелательна, поскольку им может быть нанесен урон при перевозке. Он предлагал взять в качестве примера Италию, где существовали археологические округа, что соответствовало проекту «комиссии Лобанова-Ростовского» 1877 г., согласно которому ИАК могла бы исполнять роль центральной комиссии. Хранение предметов древности должно было осуществляться именно в округах, что помогало бы изучению местной истории. При этом не исключалось образование центрального государственного археологического музея.

Сама же ИАК должна заняться подготовкой квалифицированных хранителей археологических коллекций и взять на себя функцию публикации отчетов обо всех исследованиях на территории страны (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 149–167). Стоит отметить отсутствие на встрече представителей Археологической комиссии для заведования памятниками древности в Финляндии. Очевидно, это было связано с особым статусом Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, которое отличалось от юридического положения Прибалтийского края, хотя восприятие опыта и правовых норм этого учреждения вполне могло бы обогатить отечественную археологическую практику.

И само повеление 11 марта, и состоявшееся обсуждение серьезно повлияли на унификацию делопроизводства Комиссии. Помимо стандартной формы Открытого листа и сопровождающего его письма местному губернатору в обиходе Комиссии появляются

типовые описи поступающих в Комиссию кладов и археологических коллекций, передаточные ведомости, а также формы отказа в выдаче разрешения на раскопки в связи с непрофессионализмом просителя или откровенно кладоискательскими целями.

Для археологических исследований погребений печатаются полевые дневники и выпускаются соответствующие инструкции для производства раскопок и разведок (Спицын 1895; 1908; 1910). При этом активно использовался предшествующий полевой опыт, и не только самой Комиссии. Известно, что А. А. Спицын при составлении своих инструкций консультировался с Д. Я. Самоквасовым. Так, 22 сентября 1894 г. он просит его прислать схемы раскопок низких и больших курганов частыми неширокими открытыми минами, поскольку ИАК «занята составлением инструкции для производства раскопок». Д. Я. Самоквасов уже в 1891 г. был сверхштатным членом ИАК, и вряд ли в этом обращении стоит видеть какое-либо лукавство (Археология... 2007: 338–339, 344).

Появлению таких инструкций предшествовала интенсивная работа членов Комиссии по выработке правил разрешения производства раскопок. В архиве ИАК сохранились черновые записки по этому поводу Н. И. Веселовского (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 200. Л. 1–2), В. Г. Дружинина (Там же. Л. 3 — 3 об.) и А. А. Спицына (Там же. Л. 4–11). В целом работа свелась к кодификации существовавшей тогда практики. А. А. Спицын предложил положение из 12 пунктов. Согласно тексту, в заявлении на получение разрешения на раскопки должны быть предоставлены следующие сведения: местность исследования, его цели, средства и учреждение, берущее на себя ответственность за раскопки, а также соображения, в чем могло бы состоять содействие ИАК предпринимаемым археологическим исследованиям. В положении назначался крайний срок сдачи отчетов — декабрь текущего года. Археологические предметы, добытые частными обществами и публичными музеями, должны были быть доступны исследователям. Предполагалось, что ученые архивные комиссии будут получать Открытые листы на общих основаниях.

Особое обсуждение вызвал вопрос о доставлении археологических коллекций в ИАК и о последующей передаче их в музеи. Н. И. Веселовский предполагал, что громоздкие предметы или же вещи, не имеющие «археологического значения», должны сразу передаваться в провинциальный музей, а в ИАК могут доставляться лишь фотографии. В. Г. Дружинин предполагал, что лица, которые производят раскопки за свой счет, могут указывать музей, куда ИАК следует передать предметы. Все члены ИАК были согласны в том, что для получения Открытого листа в первый раз соискатель должен предоставить сведения о своей научной деятельности, печатные работы, а также рекомендации опытных археологов.

28 апреля 1889 г. было отпечатано 200 протоколов только что состоявшегося совещания для рассылки заинтересованным лицам и учреждениям. Соглашение имело вид открытого договора, к которому могли присоединиться любые общества (ОИАК за 1889 г. 1892). Несколько позже 756 бланков новой формы Открытого листа на право производства археологических работ было отправлено

всем начальникам губерний с просьбой «сделать распоряжение о рассылке их для сведения гг. уездным исправникам с тем, чтобы лица, не имеющие этих листов, не были допускаемы к археологическим раскопкам на землях казенных, принадлежащих разным установлениям и общественных» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 183 об.).

Характерно, что МАО тут же нарушило достигнутые договоренности. Уже 20 мая П.С. Уварова обратилась к могилевскому губернатору с просьбой содействовать Е.Р. Романову в проведении археологических раскопок на территории вверенной ему губернии. 21 мая дисциплинированный губернатор, которому были известны как циркуляр от 27 ноября 1886 г. о запрещении раскопок без согласования с Комиссией, так и состоявшееся Высочайшее повеление 11 марта, запрашивал Комиссию, как ему надлежит поступить в данном случае. Естественно, выяснилось, что по состоянию на 9 июня МАО за Открытыми листами в ИАК не обращалось (Там же. Л. 181–182).

15 декабря 1889 г. в ИАК прошло своеобразное «музейное совещание» с временно заведующим Императорским Эрмитажем Сергеем Никитичем Трубецким (1829–1899) (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 151–152) и хранителем Исторического музея Алексеем Васильевичем Орешниковым (1855–1933). Здесь была предпринята попытка согласовать принципы распределения археологических находок между двумя главными имперскими музеями (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 205–209). Соглашение предусматривало приоритет Эрмитажа в получении предметов, имеющих художественное значение, в том числе памятников отечественной древности, важных для истории искусства. Из числа предметов, поступающих в Эрмитаж, совершенно исключались предметы «каменного периода».

При обсуждении судьбы одинаковых или похожих предметов оба музея должны были предоставить веские обоснования для их получения. Эрмитажу также отводился месячный срок на выбор монетных кладов для своих коллекций, с чем впоследствии совершенно не согласился Исторический музей. Во избежание конкуренции в приобретении коллекций и «набивания» цены со стороны продавца предполагалось, что определение стоимости вещей поручается ИАК.

Право на издание находок в течение пяти лет сохранялось за исследователем, и если кто-либо желал опубликовать вещи ранее этого срока, он должен был обращаться в Комиссию. На совещании прозвучало предложение об увеличении средств ИАК, выделяемых на приобретение кладов и археологических находок.

Однако 28 февраля 1891 г. в Комиссию было отправлено письмо И.Е. Забелина, выступавшего против «разбазаривания» курганных коллекций, претендовавшего на приоритетное право в получении Историческим музеем предметов русской старины и выступавшего против некоторых эрмитажных привилегий (Там же. Л. 235 — 240 об.).

В результате в связи с позицией Исторического музея соглашение никогда не было утверждено, а единая общероссийская «фондово-закупочная комиссия», говоря языком современной музейной практики, так и не была создана (Там же. Л. 243 — 243 об.).

XIII

Определенные изменения происходили и в деле реставрации памятников монументального зодчества. 31 октября 1890 г. министром двора графом И.И. Воронцовым-Дашковым были утверждены «Правила о порядке рассмотрения Археологической комиссией и Академией художеств ходатайств о восстановлении древних монументальных памятников», которые всю работу по сбору заявок, рассмотрению проектов реставрации и ремонтов памятников архитектуры возлагали на Комиссию, оставив представителям Академии художеств только права экспертов. Похоже, что такое «разделение труда» стало возможным потому, что председатель Комиссии граф А.А. Бобринской одновременно с 10 декабря 1889 г. по 20 декабря 1890 г. являлся вице-президентом Академии художеств. Рапорт об утверждении «порядка рассмотрения реставрационных дел в виде служебной инструкции в связи с постановлением 1 марта 1889 г.» А.А. Бобринской подает в министерство еще 30 октября.

Правила включали в себя всего 6 пунктов:

«1. Каждый раз, когда в Археологическую комиссию поступит ходатайство о восстановлении древнего монументального памятника или о капитальном ремонте его, сопряженном с изменением внешних и внутренних частей его, Комиссия прежде всего озабочивается представлением ей со стороны ведомства, вносящего такое предложение, тщательно выработанного проекта реставрации и капитального ремонта с необходимыми при этом рисунками и соображениями.

2. По получении проекта Археологическая комиссия обращается в Совет Императорской академии художеств с просьбою командировать от себя специалистов для обсуждения проекта совместно с Археологической комиссией и с делегатом того ведомства, которое ходатайствует о реставрации.

3. По усмотрению Археологической комиссии в заседания, в которых будет обсуждаться проект, могут быть приглашаемы и другие компетентные лица.

4. По окончательном рассмотрении и утверждении проекта реставрации он препровождается к выполнению в надлежащее ведомство, которое уже и принимает на себя составление сметы, приискание денежных средств и обязанность следить за точным выполнением работ согласно утвержденному проекту.

5. Для осмотра произведенных работ может быть командировано особое специальное лицо со стороны Археологической комиссии или Императорской академии художеств.

6. Все чертежи и рисунки по выполненной реставрации сдаются в архив Археологической комиссии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 170–173).

Появлению этих правил до определенной степени способствовали организационные проблемы реставрации Спасского собора Мирожского монастыря во Пскове и Преображенского собора в Переславле, начавшиеся еще в 1886 г. и выявившие необходимость четкой процедуры рассмотрения реставрационных вопросов и распределения полномочий и ответственности среди участников дела (подробнее см. главу XIII).

В дальнейшем можно отметить неоднократные попытки оспорить заведенный порядок обсуждения

10

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССІЯ.

9 Ноября 1898.
№ 1772

Въ ИМПЕРАТОРСКУЮ Академію Художествъ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ Археологическая Коммиссія, назначивъ особое засѣданіе въ Понедѣльникъ, 16 Ноября, въ 2 часа дня, для разсмотрѣнія представленныхъ ей проектовъ по реставраціи древнихъ церквей въ городахъ: Ярославлѣ, Новгородѣ, Гдовѣ и Кенугзеферѣ занесенъ въ г. Ѳеодосіи, имѣетъ честь покорнѣйше просить ИМПЕРАТОРСКУЮ Академію Художествъ назначить съ своей стороны делегатовъ для участія въ упомянутомъ засѣданіи.

Подписалъ: Предсѣдатель Коммиссіи, Гофмейстеръ Двора **ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА** *Графъ* ***А. Бобринской.***

Скрѣпилъ Дѣлопроизводитель ***Ил. Сусловъ.***

Вѣрно: Дѣлопроизводитель Ил. Суслов

№ 255/1898

Бланк обращения Императорской археологической комиссии в Императорскую академию художеств (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 102. Л. 10)

реставрационных проектов. Так, в рапорте А.А. Бобринского в Министерство двора от 22 ноября 1894 г. было отмечено, что, несмотря на уже утвержденные правила рассмотрения дел по реставрации, Собрание Академии художеств вознамерилось изменить «означенный прочно установившийся и вполне рациональный порядок» со ссылкой на свой временный устав 1893 г., расширивший права Собрания, и пожелало «принять реставрационное дело в свое собственное ведение». Собрание Академии посчитало, что установленный порядок не учитывает мнения всех ее членов, что приводит к ущемлению академических прав. В частности, было предложено составить особую Комиссию из числа членов собрания Академии, куда члены ИАК будут приглашаться с правом голоса (Там же. Л. 224 — 225 об.). Впрочем, академическая инициатива не получила развития.

Организация порядка и процедуры рассмотрения дел о ремонте и реставрации древних памятников монументального зодчества была новой обязанностью для ИАК и отнимала много времени и сил председателя Комиссии. С учетом борьбы за научный контроль и соблюдение законодательства об археологических исследованиях это была настоящая «война на два фронта». Одной из главных проблем было отсутствие в ИАК собственного специалиста-архитектора, должность которого не была предусмотрена ее штатным расписанием. «Высочайшее повеление» 11 марта 1889 г. лишь на несколько лет опередило кончину Ф.Г. Солнцева в 1892 г., который в течение 30 лет исправно получал жалование по линии Кабинета его императорского величества, совершенно не участвуя в деятельности ИАК. В начале 1893 г. граф А.А. Бобринской обращается в министерство, ходатайствуя о передаче денежного содержания Ф.Г. Солнцева иному специалисту, который бы отвечал в Комиссии за реставрационную деятельность. Однако содержание Ф.Г. Солнцева из сумм Кабинета носило персональный и исключительный характер, вследствие чего оно и не могло быть передано другому лицу. 29 мая 1893 г. председатель Комиссии просит назначить нового члена ИАК — архитектора, но 9 июня ему было сообщено, что министр не признал возможным причислять к Комиссии особого специалиста по рассмотрению проектов реставрации (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 81).

10 марта 1894 г. Бобринской вновь обращается с рапортом в Министерство двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 203–207). Указывая на увеличение обязанностей Комиссии после 11 марта 1889 г., особенно в такой новой для нее области, как реставрация, он отмечает недостаточность ее нынешнего кадрового состава. Далее он описывает сложившуюся к тому времени ситуацию. В силу нового закона Комиссия превратилась в «центральное учреждение, в руках которого сосредоточилось наблюдение за сохранением отечественных древностей и обязанность добывать их для наших государственных и общественных музеев». Это способствовало превращению Комиссии в административный и научный центр, где бы можно было получить информацию обо всех древностях, что в свою очередь потребовало обогащения библиотеки и архива рисунков, карт и фотографий. Вменение в обязанности ИАК вопросов реставрации было подтверждено и новым временным уставом Императорской академии художеств 1893 г.

11 апреля 1893 г. вторично состоялось выражение Высочайшей воли в виде резолюции императора Александра III, сообщенной ИАК министром двора.

Однако, по мнению А. А. Бобринского, члены Комиссии, подавленные количеством бумаг, оказались не в силах не то что исполнять научную миссию, но даже выполнять требуемое правилами Контроля министерства ведение материальной отчетности. По этому поводу председатель предлагал следующие меры: не вводить в штат ИАК двух новых членов, поскольку в это время планировалось сокращение штатов учреждений Министерства двора, а лишь прикомандировать их к Комиссии с правами государственной службы и окладом 1200 руб. в год для текущих ученых работ, но в связи с увеличением организационных обязанностей Комиссии учредить должность ученого секретаря для текущей переписки научного характера, а на долю делопроизводителя оставить лишь административно-хозяйственные вопросы. При этом предполагалось увеличить сумму на наем писцов. Для решения реставрационных вопросов А. А. Бобринской предлагал прикомандировать к ИАК члена Академии художеств без дополнительных ассигнований, поскольку предложение о прикомандировании к Комиссии особого архитектора для заключений по проектам с назначением ему бывшего оклада Ф. Г. Солнцева было в свое время отклонено. Осуществление этих проектов могло оказаться реальным с финансовой точки зрения, ибо с утверждением 21 апреля 1894 г. нового положения о Совете при Министерстве императорского двора стало возможным выплачивать разного рода пособия по этому ведомству. Этот рапорт был оставлен министром без ответа.

Изначально предусмотренная коллегиальность обсуждения реставраций находила свое выражение в процедуре «временных» комиссий по рассмотрению проектов отдельных храмов, Высочайше порученных ИАК и Академии художеств. Так, 18 апреля 1888 г. была создана межведомственная «Комиссия по реставрации Георгиевского собора в городе Юрьеве-Польском, Спасского собора в Мирожском монастыре в городе Пскове и двух часовен близ города Переславля-Залесского». Несмотря на то что инициатива ее создания принадлежала именно А. А. Бобринскому, начиная с 1889 г. дело реставрации этих памятников окончательно перешло к Академии художеств, что зачастую ставило ИАК в сложное положение в ее отношениях с местными властями и общественностью (подробнее см. главу XIII).

Однако уже к середине 1890-х гг. практика «временных комиссий» полностью исчерпала себя, продемонстрировав свою несостоятельность. Необходимо было создать более стабильный орган для обсуждения проектов. Начиная с 1894 г. в Археологической комиссии на специальных заседаниях началось «рассмотрение ходатайств о восстановлении, ремонте, сохранении и упразднении древних церквей». Состав реставрационных заседаний не ограничивался приглашенными специалистами: архитекторами и инженерами, на всех заседаниях непременно присутствовали археологи — члены ИАК. В первые годы работы реставрационных заседаний в протоколах Комиссии чаще всего в составе участников собраний фигурируют имена А. А. Бобринского, В. Г. Тизенгаузена, Н. И. Веселовского, В. Г. Дружинина (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 71).

В 1894 г. в Комиссию поступило 12 проектов (ОИАК за 1894 г. 1896: 51–76). Первыми, кто обратился в ИАК с просьбой согласовать реставрацию храма, были черниговский архиерей, пожелавший произвести ремонт своей домовой церкви, и причт Преображенского собора в Переславле (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 68; РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 73). Если первый случай был продиктован исполнительностью местной консистории, то второй, впрочем, был вызван затянувшимся конфликтом местного духовенства с МАО.

В 1895 г. таких проектов было уже 15, в 1896 г. — 17 (ОИАК за 1896 г. 1898: 144–145), в 1897 г. было 24 ходатайства (ОИАК за 1897 г. 1900: 85–86). С этого времени их число стабилизировалось, но в 1903 г. резко подскочило до 39 (ОИАК за 1903 г. 1906: 181–183). В 1905 г. ИАК рассматривала уже 48 проектов (ОИАК за 1905 г. 1908). Если в 1898 г. дела ИАК, связанные с вопросами церковной старины, занимали чуть более 4%, то в 1916 г. это количество поднялось до 30% (подробнее см. главу XIII). Основные категории дел, приходящих в ИАК, касались создания нового иконостаса, разборки ветхого храма, присылки архитекторов для составления сметы и проекта на ремонт церкви. Корреспонденция приходила в основном на бланках духовных консисторий, в редких случаях в Комиссию обращался церковный причт, еще реже — при необходимости ускорить дело — сам епархиальный архиерей.

Изначально академиком архитектуры, которому в конце 1880 — начале 1890-х гг. ИАК охотно поручала от своего имени вести дела по реставрации древних памятников, был Владимир Васильевич Суслов (Суслова 1959: 191–219; Лисовский 1971; Суслова, Славина 1978; Суслова 1993: 208–215; Бонитенко 2000: 146–163). В 1892 г. он был избран делегатом от Императорской археологической комиссии на первый Съезд русских зодчих (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 71. Л. 123 об.), который состоялся 9–16 декабря 1892 г., где предложил «примкнуть к задачам Парижского конгресса по охранению древних памятников искусства; чтобы реставрация древних русских памятников зодчества предоставлялась, с разрешения известных археологических обществ, архитекторам; составить краткую историю русского искусства с последующим включением такого курса в образовательную программу учебных заведений» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 181. Л. 8 об.).

Впрочем, сотрудничество ИАК с В.В. Сусловым не было ни долгим, ни продуктивным, что связано с его неоднозначной ролью в исследовании и реставрации Спасского собора Мирожского монастыря во Пскове (1889–1890), собора в Переславле-Залесском (1892–1893) и Софийского собора в Новгороде (1893–1900). Известно, что после завершения X Археологического съезда в Риге в 1896 г. Совет съезда через МАО направил в ИАК ряд предложений (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 199. Л. 10 — 10 об.). В частности, Комиссии предлагалось принять меры «против варварства» при реставрации Новгородского Софийского собора. Поводом для этого стало прозвучавшее на съезде сообщение В.В. Суслова о том, что «важные памятники древности частью пострадали, частью совершенно уничтожены».

27 января 1897 г. на имя графини П.С. Уваровой последовал ответ А.А. Бобринского, где граф писал: «Что касается до некоторых “важных”

СУСЛОВ Владимир Васильевич (13.07.1857–31.08.1921) — архитектор-реставратор, археолог, исследователь и пропагандист древней русской архитектуры, один из инициаторов охраны памятников истории и культуры в России. Родился в Москве в семье иконописца. В 1878 г. окончил курс в Московском училище живописи, ваяния и зодчества с малой серебряной медалью и поступил в Академию художеств. В 1883 г. был выпущен со званием классного художника 1 ст. По поручению Академии художеств исследовал памятники древнерусской архитектуры. Посетил побережье Белого моря, Мурманский берег, Северную Двину, Онегу, Сухону и другие более населенные места Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний, а также Швецию. Изучая памятники каменного зодчества, ежегодно предпринимал поездки по России и за границу: в Германию, Францию и Италию. В 1886 г. удостоен звания академика. Занимался сбором древних церковных предметов, внес вклад в церковную археологию. Собранный обширный материал о древнерусской архитектуре, состоящий из чертежей и рисунков, ежегодно представлялся на Академических выставках, на заседаниях разных ученых и технических обществ. В 1889–1891 гг. реставрировал Преображенский собор (XII в.) и часовню Иоанна Грозного в Переславле-Залесском и собор Мирожского монастыря во Пскове, в 1893–1900 гг. — новгородский Софийский собор. В конце 1880-х — начале 1890-х гг. сотрудничал с ИАК по вопросам реставрации архитектурных памятников.

Осн. соч.: Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1888; Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры. СПб., 1888; Очерки по истории древнерусского зодчества. СПб., 1889; Памятники древнего русского зодчества. СПб., 1895–1901. Вып. 1–7; Биографические воспоминания (ОР РНБ. Ф. 1199. Ед. хр. № 2).

Лит. о нем: Суслова А. В., Славина Т.А. Владимир Суслов. Л., 1978; *Лисовский В.Г.* Владимир Васильевич Суслов (каталог выставки). Л., 1971; *Вехов Н.В.* Архитектор Владимир Суслов // Архитектура и строительство Москвы. 2010. № 1 (549). С. 46–51.

(Ил.: Вздорнов 1989: 29)

памятников древности в Новгородском Софийском соборе, которые, по мнению Рижского археологического съезда, пострадали и уничтожены, то Археологическая комиссия полагала бы желательным выяснить, какие именно важные памятники имелись в виду.

Если же дело касается некоторых, выцарапанных на стене надписей, покрытых штукатуркой при работах академика Суслова, то этот вопрос

КИТНЕР Иероним Севастианович (1839–1929) — архитектор, образование получил в Санкт-Петербургском строительном училище. Представлял рационалистическое направление в русской архитектуре второй половины XIX в., использовал выразительные возможности «ковровой» кирпичной кладки. Автор ряда выдающихся зданий с применением металлических конструкций в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Участвовал в создании дворца великого князя Владимира Александровича на Дворцовой набережной. Автор проектов зданий ряда учебных заведений, в том числе Института гражданских инженеров. Академик архитектуры (1868). С того же года преподаватель Института гражданских инженеров. С января 1895 г. — член-корреспондент ИАК. Звание получил за сотрудничество при рассмотрении проектов реставрации древних зданий. В 1909–1917 гг. — председатель Петербургского общества архитекторов. Скончался в Германии, в Лейпциге.

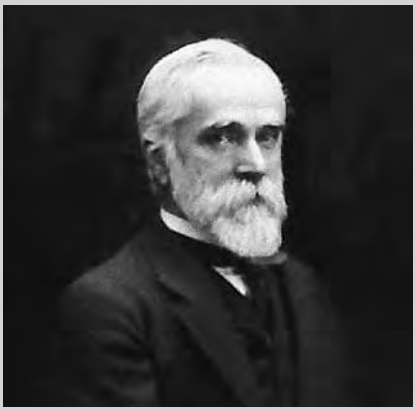
Лит. о нем: *Барановский Г.В.* Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища). 1842–1892. СПб., 1893. С. 149–153; *Китнер Ю.И.* Архитектор И.С. Китнер // Архитектурное наследство. 1976. Вып. 25. С. 154–175; *Китнер Ю.И., Николаева Т.И.* Иероним Китнер. СПб., 2000; *Николаева Т.И.* Виктор Шретер. Иероним Китнер. СПб., 2007.

может вполне выясниться лишь при ближайшей обработке найденных надписей, труд, который взял на себя доцент С. Петербургского университета И.А. Шляпкин.

Тогда выяснится также, должна ли Комиссия сожалеть о том, что лица, которым она доверила дело, не оправдали ее доверия» (Там же. Л. 12). Впрочем, как будет показано ниже, не все члены Комиссии были согласны с такой оценкой его работы.

Как следует из воспоминаний В.В. Суслова, он надеялся впоследствии стать штатным архитектором Комиссии (Бонитенко 2000: 153). Однако упоминавшиеся проблемы привели к тому, что при формировании нового штата ИАК в 1902 г. Комиссия сделала ставку на привлечение к своим работам более молодого поколения исследователей и назначила на это место архитектора П.П. Покрышкина (об этом ниже). Видимо, В.В. Суслов был глубоко обижен этим обстоятельством, и с 1902 г. период его активного сотрудничества с ИАК практически завершился.

Все это время А.А. Бобринской постоянно искал возможности усилить «реставрационный потенциал» Комиссии. Так, в рапорте от 17 апреля 1898 г. на имя министра двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 236 — 236 об.), в связи с созданием при Кабинете его императорского величества особого



КОТОВ Григорий Иванович (23.07.1859 — 10.03.1942) — архитектор, реставратор. Образование получил в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и в Академии художеств. Академик архитектуры (1887). Профессор Академии художеств, директор Петербургского училища технического рисования барона Штиглица. С января 1895 г. — член-корреспондент ИАК, с сентября 1918 г. — член Совета РГАК. Член-корреспондент МАО с 1902 г. Главные работы: русская церковь в Вене, реставрация собора во Владимире-Волынском, военно-морской павильон на Нижегородской выставке, здание Московской городской думы (совместно с М.Т. Преображенским). Член Ученого комитета по техническому и профессиональному образованию при Министерстве народного просвещения, ряда других комитетов и комиссий, в том числе комиссии по исследованию Новгородского Софийского собора. Реставрировал церковь Спаса на Берестове.

Осн. соч.: Бахчисарайский дворец // Зодчий. 1896. Вып. 1. С. 1–5; Очертание арок во Владимиро-Суздальском зодчестве XII века // Сообщения ГАИМК. 1929. Т. 2. С. 450–474.

Лит. о нем: ИМАО в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). М., 1915. Т. 2. С. 12.

(Фото: СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 203. Нег. 4505, фрагмент)

Техническо-строительного комитета, председатель ИАК предлагал вменить в обязанность его членам помощь Комиссии в обсуждении проектов реставрации и капитального ремонта памятников и об осмотре памятников на месте. Он обещал, что о заседаниях по обсуждениям проектов члены комитета будут оповещаться заблаговременно. Похоже, что это начинание также не получило развития.

Здесь же А.А. Бобринской отмечал, что в свое время министерство ограничилось назначением в распоряжение Комиссии 500 руб. на командировки частных лиц по вопросам реставрации. Поскольку ходатайство о назначении еще одного штатного члена ИАК не было поддержано, то с разрешения министра к этому времени в члены-корреспонденты Комиссии были назначены член Техническо-строительного комитета МВД профессор Института гражданских инженеров Иероним Севастианович Китнер и член совета Академии художеств Григорий Иванович Котов, а также в качестве сверхштатного члена — директор Института гражданских инженеров Николай Владимирович Султанов с безвозмездным исполнением обязанностей (Памяти Н.В. Султанова, 1909: 1–4; Савельев 2003a: 194–212; 2003b: 37).

Последний, впрочем, уже с середины 1880-х гг., параллельно с В.В. Сусловым, по поручению Комиссии участвовал в натурных осмотрах памятников и составлении и экспертизе проектов реставрации, в частности дворца царевича Димитрия в Угличе, Мирожского собора во Пскове, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и др. В 1899 г. Н.В. Султанов представлял интересы ИАК на III Съезде русских зодчих (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 199. Л. 5). В своем

СУЛТАНОВ Николай Владимирович (9.02.1850 — 15.09.1908) — архитектор, историк архитектуры, реставратор. В 1873 г. окончил Строительное училище со званием гражданского инженера. Служил в Техническо-строительном комитете МВД (с 1903 г. его председатель). С 1873 г. одновременно преподавал историю архитектуры в Институте гражданских инженеров (с 1896 г. профессор этого института, а с 1895 по 1903 г. его директор) и Технологическом институте, историю искусств — в Петербургском археологическом институте. Академик архитектуры (1905), почетный член Археологического института (1882), действительный член (1893) и член совета Академии художеств. С 1897 г. сверхштатный член ИАК. Автор трудов по истории русского зодчества, архитектуры Древнего мира, теории архитектурных форм. Много ездил по древним русским городам, изучал и реставрировал памятники русского зодчества (Москва и Подмосковье, Нижний Новгород, Владимир, Углич, Ростов Великий). Главное творение — придворный Петропавловский собор в Петергофе. Умер и похоронен в Висбадене (Германия).

Осн. соч.: История архитектуры. Курс лекций с атласами чертежей: в 2 т. СПб., 1879; Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях. СПб., 1881; Изразцы в древнерусском искусстве. СПб., 1885; Памятники зодчества у народов древнего и нового мира. СПб., 1895; История архитектурных форм. СПб., 1902.

Лит. о нем: *Красовский М.* Памяти Николая Владимировича Султанова // Зодчий. 1908. №37. С. 343–346; *Шереметев С.* Николай Владимирович Султанов. М., 1908; *Нащокина М.В.* Николай Султанов (1850–1980) // Краеведческие записки: Исследования и материалы. 1993. Вып. 1. С. 119–127; *Савельев Ю.Р.* 1) Петербургский и московский зодчий Н.В. Султанов // Петербургские чтения–97. СПб., 1997. С. 327–331; 2) Николай Султанов (Архитекторы Санкт-Петербурга). СПб., 2003.

(Ил.: Известия ИАК. Вып. 31. 1909: 1)

выступлении он обратил внимание на несовершенство законодательства по охране памятников старины и призвал к его пересмотру. Н.В. Султанов один из первых понял значимость систематизации и обобщения научного материала, который накапливался в процессе обсуждения вопросов ремонта и восстановления архитектурных памятников на реставрационных заседаниях ИАК, по его инициативе в значительной степени началось издание печатных протоколов заседаний в специальной серии «Известий» Императорской археологической комиссии.

Только с утверждением новых штатов Археологической комиссии 6 декабря 1902 г. стало возможным привлечение к ее работе на постоянной основе специалиста-архитектора. Им стал сверхштатный лектор по начертательной геометрии при Высшем

ПОКРЫШКИН Петр Петрович (22.07.1870 — 18.02.1922) — архитектор, историк древнерусского зодчества и живописи, реставратор, активный деятель охраны памятников. Выпускник Академии художеств (1895), позднее — ее преподаватель, академик архитектуры. Член ИАК (1902), зав. отделом монументального зодчества РГАК (1918–1919). Заведующий Археологическим подотделом Совета коллегии по делам музеев в Петрограде (1918). Член РАИМК (1919–1921). В 1919 г. вступил в резкий конфликт с московскими искусствоведами школы И.Э. Грабаря, стремившимися в ходе реставрации выявить в первую очередь древнейшие формы памятников искусства Древней Руси, пренебрегая позднейшими наслоениями. По его предложению в Петрограде создана лаборатория по разработке новых, щадящих методов реставрации иконописи. В самой РАИМК широкие планы П.П. Покрышкина не получили поддержки. В результате обозначился конфликт с коллегами, не сочувствовавшими его стремлению сделать Археологический подотдел Коллегии по делам музеев самостоятельным органом, ответственным за охрану и реставрацию памятников. В июле 1920 г. получил отпуск по болезни. В январе 1921 г. прислал письменный отказ от звания члена РАИМК. Принял священный сан и в феврале 1922 г. скончался в сане протоиерея Тихонова монастыря г. Лукоянова Нижегородской губернии, заразившись при посещении больных в сыпнотифозных бараках.

Осн. соч.: Краткие советы для производства точных обмеров в древних зданиях // Известия ИАК. 1905. Вып. 16. С. 120–123; Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903–1904 гг. СПб., 1906; Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства // Известия ИАК. 1915. Вып. 57. С. 178–190.

Лит. о нем: *Сычев Н.П.* Некролог П.П. Покрышкина // РО НА ИИМК РАН. Ф. 21. Д. 1616; *Медникова Е.Ю.* Деятельность академика архитектуры П.П. Покрышкина в Императорской археологической комиссии (по материалам рукописного архива ИИМК РАН) // АВ. 1995. №4. С. 302–311; *Медведева М.В.* Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников (по материалам архивов ИИМК РАН) // АВ. 2004. №11. С. 379–387; *Дегтева О.В.* Протоиерей Петр Покрышкин // Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и его исторические корни на Нижегородской земле. Нижний Новгород, 2011. С. 147–161; *Платонова Н.И.* Архитектор-археолог П.П. Покрышкин: страницы биографии // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 422–436; *Платонова Н.И.* Последние годы П.П. Покрышкина // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб., 2017. С. 445–451.

(Фото: ФО. Отп. О.1638-24)

художественном училище Петр Петрович Покрышкин. Очевидно, между ним и А.А. Бобринским имели место ранее состоявшиеся договоренности: в связи с утверждением новых штатов ИАК напоминала П.П. Покрышкину, что ему следует до 16 декабря 1902 г. подать рапорт о зачислении на службу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 271. Л. 2).

Действительно, начиная с 1895 г. П.П. Покрышкин принимал участие в экспедициях, организованных Императорской археологической комиссией и другими учреждениями, и проводил самостоятельные обследования архитектурных памятников в различных городах Российской империи и за рубежом. В 1895–1896 гг. и в 1898–1900 гг. он участвовал в работах специальной историко-архитектурной экспедиции под руководством Н.И. Веселовского, занимавшейся обследованием, архитектурными обмерами и фотофиксацией мечетей и мавзолеев в Средней Азии.

Со второй половины 1900-х гг. к осмотру, исследованиям и реставрации памятников церковного зодчества, по инициативе П.П. Покрышкина, Комиссия стала привлекать Константина Константиновича Романова, избранного в 1910 г. членом-корреспондентом ИАК (Медведева 2005: 291–301). Еще ранее, 1 октября 1909 г., в связи с архитектурными раскопками на усадьбе Десятинной церкви в Киеве и предстоящими реставрационными работами в Ипатьевском монастыре в Костроме на должность канцелярского чиновника XII класса в ИАК был назначен архитектор художник Дмитрий Васильевич Милеев (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 203). В то же время сложилась процедура «больших» и «малых» реставрационных заседаний. Первые предусматривали расширенный состав присутствовавших за счет представителей Академии художеств, Синода, МВД и соответствующих ведомств. Однако такие встречи были возможны только во внеканикулярное время, и поэтому до трети реставрационных вопросов рассматривалось на «малых заседаниях», где были преимущественно представлены лишь члены ИАК.

Одной из главных проблем ИАК в области контроля над реставрацией и ремонтом памятников древнего зодчества было выстраивание правильных отношений со Святейшим Синодом, епархиальными архиереями и духовными консисториями. Для А.А. Бобринского охрана памятников церковной старины и взаимоотношения с «ведомством православного исповедания» с самого начала стали приоритетом в его деятельности по спасению российской культуры.

Впоследствии один из его сыновей вспоминал: «Часто отец ездил в другие места России, где были старинные храмы и монастыри. Приходилось иметь дело с духовенством, разные епископы и архиереи иногда не допускали археологов в ризницы своих церквей и противились реставрации икон и самих зданий, в каком бы плохом виде ни находились эти здания. Мой отец нашел выход из затруднений этого порядка, испрашивая благословения епископа на создание при его епархии “архивных комиссий”, причем сам епископ становился покровителем и почетным председателем. Таких “ученых архивных комиссий” мой отец создавал много в разных городах. Ученой архивной комиссии было трудно отказать в просмотре старинных Евангелий и других древностей, находившихся в ведении данного епископа...» (Бобринский 2003: 491). Воспоминания, написанные

РОМАНОВ Константин Константинович (28.09.1882 — 26.01.1942) — архитектор, историк древнерусского зодчества, археолог, реставратор. Основные архитектурно-археологические работы посвящены изучению Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и памятниками Псковской земли. Выпускник Академии художеств (1909), слушатель Петербургского археологического института (1904–1905). Член-корреспондент ИАК с декабря 1910 г. Действительный член РАО (1910). Профессор и декан (1918–1921) Петроградского археологического института. С 1910 г. участвует в работе Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. В 1911–1921 гг. хранитель этнографического отдела Русского музея. В 1911–1918 гг. преподавал в училище Штиглица, был его директором (1917–1918). В 1918–1919 гг. член Коллегии по делам музеев при Наркомпросе, один из организаторов преобразования РГАК в РАИМК. Член РАИМК/ГАИМК, активный деятель охраны памятников. В середине 1930-х гг. отошел от научной работы, читал лекции в ряде вузов Ленинграда — по основам проектирования, по истории архитектуры и т. п. Умер в блокаду.

Осн. соч.: Остатки каменных стен XVII в. в Тихвинском Богородицко-Успенском монастыре Новгородской губернии // Известия ИАК. 1909. Вып. 32. С. 141–162; Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском (краткий отчет о разведке) // Известия ИАК. 1910. Вып. 36. С. 70–93; Мелетово как источник истории Псковской земли // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. №9–10. С. 143–215; Развалины храма римского типа в Баш-Гарни // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 100. С. 635–654.

Лит. о нем: *Савельев Ю.Р.* Историк архитектуры К.К. Романов // Краеведческие записки. Исследования и материалы. СПб., 1997. Вып. 5. С. 193–201; *Кузьменко М.А.* К.К. Романов об охране памятников г. Пскова и о состоянии Псковского музея в 1934 г. // Псковские хроники. История края в документах и исследованиях. Псков, 2002. Вып. 2. С. 141–143; *Медведева М.В.* Деятельность архитектора К.К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества по документам из собрания научного архива ИИМК РАН // АВ. 2005. №12. С. 291–301.

(Ил.: Вздорнов 2006: 28)

не ранее конца 1950-х гг., явно смешивают архивные комиссии и церковно-археологические общества. Стоит отметить, что к созданию как тех, так и других председатель Комиссии непосредственного отношения не имел. Однако строки воспоминаний хорошо описывают непростую ситуацию взаимоотношений церкви и культуры в конце XIX в., которая мало чем отличается от ситуации начала XXI в.

Определение Синода 10 октября — 16 ноября 1890 г. лишь подтверждало

МИЛЕЕВ Дмитрий Васильевич (22.08.1878 — 19.07.1914) родился в имении «Хвостиха» Симбирской губернии. В 1898 г. поступил в высшее Художественное училище на архитектурное отделение. Еще учеником был командирован Академией художеств на север для изучения, обмеров и осмотра памятников древнего церковного зодчества. В 1906 г. окончил курс архитектурного отделения, поступил в Петербургский археологический институт. По окончании института в 1908 г. получил от ИАК поручение произвести археологические раскопки в Киеве в сотрудничестве с Б.В. Фармаковским. Выработал метод вертикальных сечений слоя, предварительного изучения насыпей, графической фиксации, обмеров и фотографирования каждого слоя земли, что стало в дальнейшем нормой полевой методики. По результатам раскопок был сделан блестящий доклад в Императорском обществе архитекторов-художников. Следующими работами были реставрация Троицкого собора в Ипатьевском монастыре в Костроме, деревянной церкви в Челмужах Олонецкой губернии, здания Костромского Дворянского собрания в стиле empire. Преподавал в школе Общества поощрения художеств и на Высших женских курсах архитектурных знаний Е.Ф. Богаевой. Его деятельность была связана и с архитектурной фотографией: он оставил около 6000 негативов большого размера — результаты его поездок по России и цикла его работ.

Осн. соч.: Древние полы в Киевском соборе Святой Софии. СПб., 1911; Вновь открытая церковь XI в. в Киеве и положение исследований в связи с новыми застройками города // Труды IV съезда русских зодчих. СПб., 1911. С. 117–121.

Лит. о нем.: *Ёлшин Д. Д., Мелюх Е. А., Ходаковский Е.В.* Дмитрий Васильевич Милеев (1878–1914): Архитектурная археология и реставрация в России в начале XX века. СПб., 2015.

(Ил.: Известия ИАК. Вып. 57. 1915: 1)

Указ № 2236 от 20 декабря 1878 г. / 9 января 1879 г. о необходимости санкции Синода и согласия одного из археологических обществ на реставрацию памятников старины.

Прошло более года со времени повеления 11 марта 1889 г., но о нем ни словом не упоминается в синодальном определении. Это представляется тем более странным, что еще в «эпоху Васильчикова» циркуляр обер-прокурора Синода 5/26 июля 1884 г. за № 3192 предписывал епархиальным преосвященным входить в сношения с ИАК по вопросам реставрации памятников старины.

4 ноября 1893 г. граф А.А. Бобринской был вынужден писать в Синод, дабы тот издал распоряжение по духовному ведомству об исполнении этого Высочайшего повеления и об обязательности обращении в ИАК. Синод оправдывал свою медлительность тем, что ему, в отличие от Сената, это повеление так и не было доложено.

Наконец в 1897 г. Синод все же был вынужден напомнить духовному ведомству распоряжение обер-прокурора о представлении в ИАК проектов реставрации храмов, что надлежало делать до конца января наступавшего года. Но уже 20 января 1898 г. А. А. Бобринской пишет в Министерство двора рапорт о постоянном нарушении императорского указа от 11 марта 1889 г. духовным ведомством, особенно в Москве. При этом граф упоминает имевшее место изъятие из ведения Императорской комиссии проектов по реставрации Мирожского монастыря во Пскове и Софийского собора в Новгороде самим обер-прокурором Константином Победоносцевым в 1895 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 233) (подробнее см. главу XIII).

Начинаются бюрократическая чехарда и юридическая неразбериха. Принятый в 1900 г. Строительный устав оказывается исполненным внутренних противоречий. Если статья 78 предписывала проводить реставрацию «монументальных памятников древности» по предварительному соглашению с ИАК и Академией художеств в полном соответствии с указом 11 марта 1889 г., то статья 95, касающаяся поновления древних памятников, основывалась на синодальном распоряжении 1879 г. и предполагала лишь участие археологических обществ. 2 декабря 1901 г. издается новое распоряжение обер-прокурора о точном исполнении повеления 11 марта 1889 г. и Определения Синода. При этом отмечалось, что некоторые консистории, вопреки распоряжению, продолжают согласовывать свои действия с археологическими обществами, что, как это ни парадоксально, соответствовало новому строительному уставу.

20 февраля 1896 г. А. А. Бобринской циркулярно разослал письмо епископату Православной церкви, где спрашивал, не найдут ли те возможным оказать зависящее от них «содействие к присылке в Императорскую археологическую комиссию уже изданных описаний церквей и монастырей епархии, а равным образом к доставлению в Комиссию подобных изданий и статей местных епархиальных ведомостей на будущее время по появлению их в свет». Эту присылку изданий он мотивировал необходимостью иметь исторические справки при рассмотрении проектов реставрации церквей. В результате библиотека ИАК пополнилась рядом брошюр, а архив — несколькими неизданными историческими справками о российских храмах, хотя в нескольких случаях епархиальные преосвященные отправили в Петербург не сами издания, а лишь ссылки на них (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 27. Л. 1–3).

Дополнительная сложность в построении внятных правовых норм церковной реставрации была связана с деятельностью МАО. На основании статьи 4 своего Высочайше утвержденного Устава 1864 г. общество имело право профессионального осмотра церквей, что дополнительно подтверждалось синодальным указом 1879 г. (см.: РО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 110). Оспаривая полномочия ИАК, МАО 3 мая 1894 г. ходатайствовало перед Синодом о подтверждении прежнего порядка ремонта древних храмов.

Еще в 1879 г. в рамках общества была создана «Комиссия для осмотра древних церквей». В 1882–1883 гг. она стала именоваться «Комиссией по сохранению древних памятников», в нее входили К. Быковский, И. Забелин, А. Мартынов, Н. Никитин, А. Попов,

В. Румянцев и др. 23 апреля 1890 г. для этой Комиссии были утверждены специальные правила.

Уже их первый пункт грубо противоречил законным полномочиям ИАК, предоставляя МАО право рассматривать проекты о пристройках, перестройках, возобновлении и разборке памятников архитектуры на предмет предупреждения возможного ущерба произведениям, имеющим археологическое значение.

Здесь не было ни слова о региональном характере деятельности москвичей, о чем А.А. Бобринской договаривался с обществами, в том числе и с МАО, еще в апреле 1889 г. С 1891 г. протоколы Комиссии по сохранению древних памятников стали публиковаться в виде отдельного тома «Древностей» — официального издания МАО.

Комиссия действительно вела работу огромного масштаба, о которой ИАК со своим ограниченным штатом и финансовыми возможностями не приходилось и мечтать. В 1909 г. на Комиссии рассматривалось 323 дела, посвященных вопросам архитектурных работ, в 1911 г. — 331, в 1912 г. — 477, в 1913 г. — 325, в 1914 г. — 360.

25 ноября 1898 г. А.А. Бобринской подает рапорт министру двора по поводу вмешательства МАО в реставрацию собора Василия Блаженного в Москве. При этом граф свидетельствует, что нисколько не желает устранения общества от обсуждения и подготовки реставрационных проектов и что общественное содействие весьма желательно и полезно, однако при обязательном соблюдении закона (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 233 — 234 об., 237–238). В результате в дополнение к указу 1889 г. император, как сообщил министр, «соизволил повелеть» «сломку, капитальный ремонт и реставрацию монументальных памятников древности производить по предварительном соглашении с Императорской археологической комиссией и по сношению ее с Императорской академией художеств». Постановления Комиссии по этим вопросам имеют обязательную силу. Новое уточнение существенно расширяло права ИАК (Там же. Л. 235).

На укрепление позиций ИАК графиня П.С. Уварова вновь отреагировала письмом к императору от 14 декабря 1901 г., содержащим просьбу даровать МАО особые полномочия по реставрации памятников церковной старины, «по крайней мере» в районе Московского учебного округа, поскольку эти вопросы требуют «ближайшего надзора и быстрого рассмотрения дел». 4 января 1902 г. государь ответил обществу через Синод. Суть ответа сводилась к тому, что повеление 11 марта остается в силе, но не служит к ограничению деятельности общества, так как на местах консистории могут запрашивать мнение и отзывы МАО, а в исключительных случаях на заседания ИАК приглашаются и члены общества. Графиня П.С. Уварова поняла ответ государя по-своему и вновь написала в Синод письмо с просьбой разослать циркуляр о том, что синодальное распоряжение от 2 декабря 1901 г. о правах ИАК не служит к уничтожению силы Указа 1879 г. о правах МАО (Древности 1904: 174).

В феврале 1905 г. последовало очередное распоряжение обер-прокурора о соблюдении указа 11 марта, причиной чему стали безграмотные ремонты в Кирилловском монастыре и в церкви свв. Козьмы и Дамиана во Пскове (здесь и далее см. материалы и переписку в: РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50;

см. также: Мусин 2010: 51–92). Однако 30 октября 1908 г. Московская консистория вновь предписала благочинным производить ремонт древних храмов только с согласия МАО. Борьба московской общественности с петербургской государственностью была неравной. 24 июня 1908 г. МАО обратилось в ИАК с предложением содействия в решении вопросов о ремонте и реставрации. Граф А. А. Бобринской ответил 2 декабря в достаточно уклончивой манере. Комиссия «не преминет просить предварительного заключения» МАО в тех случаях, когда сочтет специалистов общества более компетентными.

24 января 1908 г. ИАК разослала в епархии новый циркуляр по вопросам реставрации памятников старины. Этот шаг был связан, как следует полагать, с инициированным Синодом обсуждением проекта преобразования Комиссии по разбору и описанию Синодального архива в Архивно-археологическую комиссию, состоявшимся 6 марта 1908 г. Проект предполагал, что сама Комиссия и церковно-археологические общества на местах, подконтрольные епископату, будут самоуправно решать вопросы «охранения, описания и реставрирования памятников старины, находящихся в ведении Св. Синода, в чем бы эти памятники ни заключались» (пункт 2.1), вне контроля со стороны ИАК и археологических обществ. Это обеспокоило МАО, и П. С. Уварова в апреле 1908 г. написала озабоченное письмо в ИАК.

В ответном письме 13 апреля А. А. Бобринской успокоил графиню тем, что право ведомственного надзора за реставрацией из проекта Устава уже изъято. Действительно, в правилах Комиссии, утвержденных Синодом в мае 1909 г., ее археологический отдел (пункты 9 и 12) решал частные вопросы, связанные с «охранением, описанием и поддержанием» предметов старины, находящихся в духовном ведомстве, а также способствовал изысканию мер и средств к распространению интереса к старине.

Правила Архивно-археологической комиссии при Святейшем Синоде и Положение о Церковно-археологических комитетах на местах были приняты 25 апреля — 5 мая 1909 г. Синодом, однако так и не были отправлены на Высочайшее утверждение и, соответственно, никогда не были введены в действие, а сама центральная комиссия так и не была создана.

В результате был издан синодальный Указ 30 ноября 1909 г. по Определению Синода от 28 сентября — 2 ноября 1909 г. за № 7788, вновь запрещающий перестраивать и реставрировать древние церкви без согласования с Археологической комиссией (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 347 — 347 об.). До 1915 г. эти нормы в целом продолжали исполняться, пока Святейший Синод, воспользовавшись общим кризисом Российского государства и общества, вызванным Первой мировой войной, не приступил к их ревизии.

XIV

Описанные выше меры положили начало формированию единой централизованной системы археологических исследований, реставрационных работ и охраны памятников в Российской империи, где ключевые позиции принадлежали ИАК, стремившейся координировать такого рода деятельность

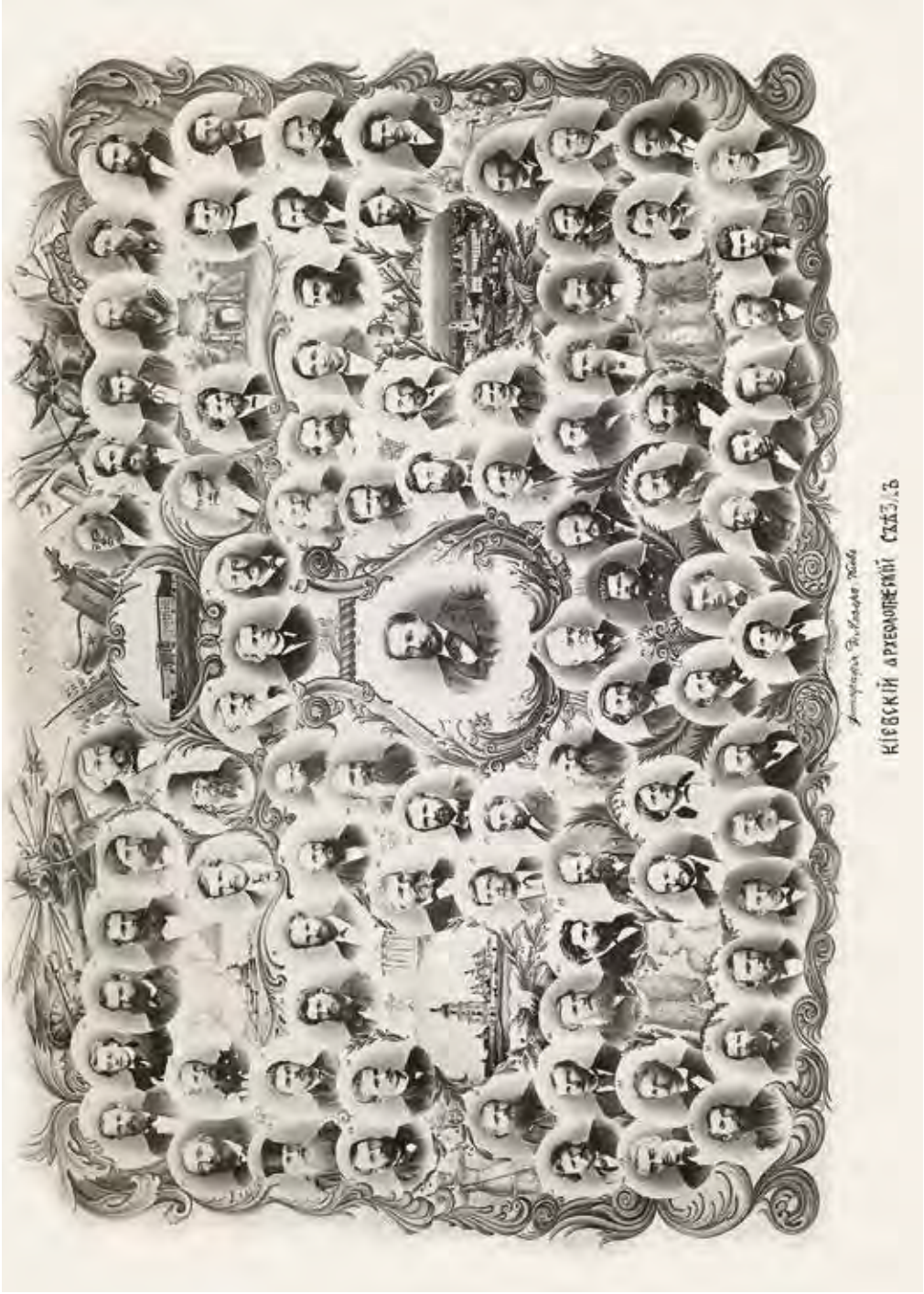
и прилагавшей усилия для создания единой процедуры. К сожалению, не все крупные деятели отечественной археологии того времени понимали своевременность и необходимость подобных мер. Здесь сказывались личностные и ведомственные амбиции, конкуренция между различными организациями в борьбе за лидерство. Так графиня П.С. Уварова, возглавившая после смерти мужа Московское археологическое общество, на страницах своих мемуаров представляла дело следующим образом: «Петербург заволновался, всполошился и стал хлопотать, чтобы дело сохранения было распространено и на Археологическую комиссию, чего Петербург и достиг... общерусский интерес уступил петербургским проискам и притязаниям» (Уварова 2005: 194–195).

Несмотря на ясный смысл повеления 1889 г., МАО, постоянно получая субсидии как непосредственно от государя, так и от правительства, спекулируя этим фактом, продолжало вести археологические исследования, игнорируя Комиссию. 8 января 1894 г. А.А. Бобринской был вынужден писать министру двора и ходатайствовать о подтверждении необходимости обращения в Комиссию. 25 августа министр предписал Кабинету его императорского величества, что тот должен напоминать обществам при получении субсидий, что исследования все равно могут проводиться только по разрешению ИАК. Впрочем, 16 февраля 1895 г. председатель ИАК вновь жалуется в Канцелярию министерства на МАО, игнорирующее права ИАК под предлогом производства раскопок за счет «Высочайше дарованных средств» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 286 — 286 об.).

Отношение к Съездам со стороны Комиссии в «эпоху Бобринского» практически не изменилось, хотя, похоже, в начале своего председательства А.А. Бобринской рассчитывал установить рабочие отношения с этим научным форумом. 24 апреля 1887 г. ИАК намеревалась отправить депутатами на VII Археологический съезд — первый в «эпоху Бобринского» — самого председателя Комиссии, Н.П. Кондакова и И.И. Толстого.

Такая представительная компания собиралась посетить детище МАО впервые, ибо еще в 1885 г. А.А. Васильчиков предполагал обойтись лишь одним Н.П. Кондаковым (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 61. Л. 7, 8). На открытие VIII Съезда в Москве в январе 1890 г. А.А. Бобринской также отправился лично (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 66. Л. 3).

После посещения XI Археологического съезда в 1899 г. в Киеве он оставил следующие записи: «Впечатления, вынесенные мною из съезда, были самые неудовлетворительные. Научное отношение к делу было вытеснено дилетантизмом, популярничанием, дешевым блеском поверхностных знаний, что, впрочем, и неудивительно, если принять во внимание состав съезда. Членом съезда имеет право быть всякое лицо, уплатившее 4 руб. за билет. В результате — на несколько сот членов съезда можно было насчитать не более двух десятков археологов — все остальные случайные любители и любительницы. Понятно, что от подобных собраний нельзя ожидать серьезных постановлений. Отношение же к делу председательницы съезда, графини Прасковьи Сергеевны Уваровой, сводилось в большинстве случаев к вопросам личного свойства. На первом плане



Участники XI Археологического съезда в Киеве, 1898 г. (СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 2. Д. 5. Л. 1)

личное самолюбие, желание, чтобы все разрешалось председательствуемым ею Московским археологическим обществом, и нетерпимость к какому бы то ни было иному археологическому учреждению. К Археологической же комиссии графиня Уварова относится прямо враждебно, протестуя против ее прав и законов, установленных к упорядочиванию дела раскопок и реставраций» (РО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 47. Л. 8). Далее А. А. Бобринской обрисовывал ситуацию, когда в вопросах о сохранении и реставрации памятников зодчества в противовес друг другу действуют три силы: Археологическая комиссия, Духовное ведомство, Московское археологическое общество.

7 октября 1899 г. МВД запросило заключение ИАК по вопросу об открытии XII Археологического съезда в Харькове. 9 ноября А. А. Бобринской высказывает свое мнение по поводу регламента работы подобных мероприятий. Он предлагает сократить количество лиц, принимающих участие в постановлениях Съезда, поскольку это право предоставляется всем, кто заплатил 4 руб. вступительного взноса. В итоге постановления и ходатайства съездов превращаются в изъявление пожеланий случайно съехавшихся лиц, большинство из которых слабо знакомо с археологией. По его мнению, правом голоса на съездах должны обладать лишь члены научных учреждений, следует усилить влияние Министерства народного просвещения и его представителей на ход работы съездов, а также ограничить сроки их проведения и принципиально сократить предлагаемую программу вопросов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 221. Л. 1–3). Необходимо отметить, что ИАК старалась как можно более полно отражать на страницах своих изданий весь ход подготовки и проведения Археологических съездов (Харьковская губерния 1902: 66–67; [Заседание...] 1903: 22–23; Перечень 1903: 97–98).

Впоследствии в связи с укреплением позиций ИАК в культурной и научной жизни мнение П. С. Уваровой по поводу приглашения представителей Комиссии к участию в Археологических съездах серьезно изменилось. Так, в связи с началом подготовки XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 г. 23 января 1908 г. МАО не просто приглашает членов Комиссии к участию в предварительном комитете, но напрямую просит помочь ИАК в организации этого мероприятия, в частности, путем проведения археологических исследований (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 36. Л. 1), однако, согласно резолюции А. А. Бобринского, Комиссия не имела в это время возможности предпринять крупные раскопки в Северной России. 20 марта со стороны МАО возникает альтернативное предложение: провести съезд в Севастополе, так как многие члены общества настаивают на его проведении именно там с целью ознакомиться с результатами исследований Херсонеса. Однако, по мнению графини, «это может состояться только при условии содействия ИАК» (Там же). Несмотря на полное согласие и сочувствие этой идее со стороны А. А. Бобринского, съезд был все же назначен в Новгороде.

П. С. Уварова и МАО были не одиноки в своих претензиях к ИАК. 27 апреля 1891 г. А. А. Бобринской был вынужден писать попечителю Виленского учебного округа о том, что инспектор Витебской дирекции народных училищ Евдоким Романович Романов (1855–1922), член МАО, выступая 6 января 1891 г.

на заседании предварительного съезда в Вильно, заявил, что в западные губернии приезжают заграничные ученые и дилетанты для производства раскопок, что не вызывает противодействия ИАК, а также о том, что закон 1889 г. «превратился в средство для стеснения деятельности людей... науки, поставив их под контроль урядников и волостных писарей». Вкратце излагая историю археологических исследований Северо-Западного края и контроль над ними со стороны ИАК, А. А. Бобринской упомянул выдачу Комиссией Открытых листов самому Е. Р. Романову на исследования Люцина и Могилева, Э. А. Вольтеру, В. З. Завитневичу и Н. П. Авенариусу на исследования в Гродненской, Виленской и Минской губерниях, а также генералу Иохеру и помещику Шукевичу на раскопки курганов в Витебской губернии. В заключение он выражал недоумение, высказывал ли Е. Р. Романов свое личное мнение, или он был уполномочен на это учебным округом. С самого Е. Р. Романова попечителем учебного округа были потребованы объяснения, где именно происходят «безобразия по археологической части», на что тот не смог ответить ничего вразумительного, несмотря на предоставление 10 августа 1892 г. пространной объяснительной записки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 207. Л. 3 — 4 об., 37 — 41 об.).

Определенное непонимание содержания и значения Высочайшего повеления 1889 г. демонстрировало не только научное сообщество, но и российская бюрократия. В мае 1892 г. в газетах появилось сообщение о том, что член РАО Дмитрий Иванович Эварницкий (1850–1940) будет назначен туркестанским генералом-губернатором чиновником для особых поручений с заведованием археологическими раскопками. Уже 16 мая А. А. Бобринской предупреждает губернатора, что работы могут проводиться исключительно с разрешения ИАК при условии представления мотивированной программы исследования и научных отчетов. 23 июня он получает губернаторский ответ в том духе, что чиновнику пока поручено лишь изучение края в топографическом отношении, знакомство с местами обнаружения старины и обзор соответствующей литературы. Генерал, не совсем, очевидно, понимая, о чем идет речь, выразил согласие, чтобы его подчиненный занимался археологическими раскопками, в том числе «и по поручению ИАК», и попросил выдать Д. И. Эварницкому такое же разрешение, что 4 августа 1889 г. было выдано Евгению Федоровичу Калю (1861–1891) (Историография 1974; РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 255–257). В мае 1894 г. степной генерал-губернатор М. А. Таубе утвердил «Положение об Археологической комиссии при Западносибирском отделе Русского географического общества», наделив ее «правом на раскопки» безо всякого упоминания ИАК, по поводу чего председателю Комиссии пришлось вновь обращаться в МВД (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 270–272). 10 ноября 1894 г. по инициативе А. А. Бобринского российским губернаторам было циркулярно разослано подтверждение, что все случайные археологические и нумизматические находки должны доставляться в ИАК (Там же. Л. 277).

30 ноября 1895 г. А. А. Бобринской, обратившись к министру юстиции Н. В. Муравьеву, предложил ввести в Уложение о наказаниях статьи за самовольные раскопки, разрушение древних памятников в корыстных или

строительных целях и об ответственности руководства строительством железных и шоссейных дорог в случае, если оно осуществлялось без ведома Комиссии и вело к разрушению памятников древности.

Нарушение повеления 1889 г. на то время могло лишь наказываться мировыми судьями в соответствии с 29-й статьей Уложения в размере 15 руб. «за неисполнение законных распоряжений, требований или постановлений... властей». 550-я статья того же Уложения, которая могла применяться к лицам, производившим самовольные раскопки, сталкивалась со сложностью экспертной оценки казенного убытка. Предложение было передано в Особое совещание при Министерстве юстиции, о чем в Комиссию было сообщено только в январе 1897 г. (Там же. Л. 321 — 332 об., 344–345; РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 174. Л. 44–45).

10 апреля 1896 г. А. А. Бобринской предложил внести в инструкцию урядников две специальные статьи, направленные на привлечение низших полицейских чинов к надзору за производившимися на казенных землях работами и за найденными на них вещами. Статьи предусматривали обязанность урядников следить за тем, чтобы раскопки велись только при наличии разрешения Императорской археологической комиссии и чтобы случайно обнаруженные древности напрямую доставлялись в Комиссию в сохранном виде (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 337–338; РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 174. Л. 46 — 46 об.). В просьбе А. А. Бобринскому было отказано по причине того, что должности урядников были учреждены не во всех местностях Российской империи, в связи с чем Министерство внутренних дел посчитало, что «включение в инструкцию полицейским урядникам обязанности по охране предметов древности едва ли будет способствовать целям Археологической комиссии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 339 об.). Таким образом, инициатива Императорской археологической комиссии по реформированию существующего законодательства с внесением дополнительных статей, направленных на привлечение к охране древностей полицейских чинов и на ужесточение наказания за разграбление и уничтожение памятников старины, не нашла поддержки в структурах, от которых зависело их утверждение.

4 марта 1898 г. А. А. Бобринской вновь обращается к министру внутренних дел А. Д. Оболенскому с предложением образовать особую министерскую Комиссию по изучению и сохранению старины с функциями составления списка памятников или хотя бы соответствующие отделения при губернских статистических комитетах, поскольку это не повлечет за собой особых расходов (Там же. Л. 362–365). Напомним, что именно Департамент общих дел МВД, в соответствии с пунктом 10 ст. 372 т. 1 ч. 2 Свода законов, должен был собирать сведения о памятниках древности. Однако эта инициатива тоже не получила продолжения. После отклонения проекта А. А. Бобринского 1898 г. Министерство внутренних дел попыталось разрешить проблему составления перечня древностей, подлежащих охране, путем издания циркуляра от 6 сентября 1901 г. «губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам о представлении списков памятников старины» (Там же. Л. 435; Охрана памятников 1978: 153–154), находящихся на подведомственной им территории.

Циркуляр предписывал доставить в Министерство внутренних дел в течение полугода точный список памятников с приложением рисунков, чертежей, фотографий, подробного описания, исторической справки, оценки их состояния с указанием сумм, требующихся на их поддержание или восстановление. При этом в постановлении совершенно не указывалось, каким образом и кем должна быть организована процедура сбора этих сведений. Специалистов, способных осуществить заданную программу и дать всестороннюю научную оценку памятника, на местах было недостаточно. Требуемые сведения поступили в министерство только к 1905 г., однако они зачастую не соответствовали целям сохранения культурного наследия (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 436 — 437 об.; ср.: Охрана памятников 1978: 153–154, 338). Поэтому данное распоряжение также не принесло ощутимых результатов и не улучшило состояние дела охраны памятников.

24 февраля 1904 г. А.А. Бобринской обратил внимание МВД на крайне неудачную, по его мнению, реставрацию романского собора в Плоцке, и уже 30 апреля министерство разослало предложение Духовным установлениям иностранных исповеданий о необходимости соблюдения 2-го пункта повеления 1889 г., касающегося реставрации памятников монументального зодчества. Такие предложения были направлены Эчмиадзинскому армяно-григорианскому синоду, Римско-Католической духовной коллегии, Евангелическо-лютеранской генеральной консистории, Варшавской евангелическо-аугсбургской консистории, Варшавской евангелическо-реформатской консистории и Виленской евангелическо-реформатской коллегии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 462 — 464 об.; см. об этом: Musin 2017a).

ИАК пыталась урегулировать отношения и с зарубежными исследователями, рассчитывавшими проводить археологические раскопки на территории России. 29 января 1898 г. П.С. Уварова обратилась к наместнику на Кавказе великому князю Михаилу Николаевичу «с ходатайством о принятии административных мер к охранению древностей и научных богатств Кавказа» прежде всего от иностранных исследователей, проводящих раскопки на частных землях и вывозящих находки за границу. Письмо было переправлено в ИАК, и 19 февраля А.А. Бобринской отвечал наместнику, что вверенная ему Комиссия по мере сил пытается воспрепятствовать продаже отечественных древностей за границу, однако не имеет правовых оснований воспретить раскопки на частных землях и контролировать судьбу найденных здесь археологических предметов, заметив при этом, что само МАО зачастую не исполняет существующих законов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 356 — 359 об.).

В начале XX в. участились попытки реформирования законодательства в области охраны памятников. В 1902 г. Государственный совет признал «крайнюю недостаточность и отрывочный характер содержащихся в действующем Строительном уставе (1900 г.) постановлений, касающихся древних памятников и зданий» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 17). В 1903 г. при Технико-строительном комитете Министерства внутренних дел была образована особая Комиссия для рассмотрения проекта нового Строительного устава.

Предполагалось включить в него отдельную главу, посвященную правилам по «сохранению и исправлению древних зданий и общественных памятников». Так как Археологическая комиссия с 1889 г. регулировала вопросы реставрации и ремонта древних монументальных памятников и намеченные изменения в Строительном уставе напрямую касались ее деятельности в этой сфере, 14 марта 1903 г. Техническо-строительный комитет направил А. А. Бобринскому первоначальный проект с просьбой сделать свои замечания и принять участие в заседании по его обсуждению (Там же. Л. 1–2).

Основные положения проекта практически целиком повторяли статьи уже утвержденного в 1900 г. Устава, только в усовершенствованном виде. В нем фиксировались ответственность городских властей за сохранность древних зданий церковной и крепостной архитектуры и скульптурных памятников, обязательность предварительного соглашения о реставрации монументальных памятников с Императорской археологической комиссией и Академией художеств. Нововведение заключалось только в идее составления единого списка всех памятников старины, которое возлагалось на губернские строительные отделения, с последующим разделением их на две категории (общественного и общегосударственного значения) для обозначения степени их защиты.

Видимо, по причине незаконченности и отрывочности положений проекта участники особой Комиссии отклонили его принятие на заседании 20 марта 1903 г. Работа над Уставом продолжилась, и уже в конце апреля в Археологическую комиссию для составления письменного заключения поступил еще один проект (Там же. Л. 7–10). В нем был расширен список древних памятников, попадающих под действие новых правил. Существенным дополнением стали статьи, затрагивающие право частной собственности. Они предполагали возможность отчуждения памятника старины, находящегося на частной земле, в государственную собственность в случае признания его особого исторического или художественного значения. При любом планирующемся ремонте или изменении такого объекта требовалось получение согласия Археологической комиссии, обязательное предварительное исследование путем осмотра, фотографирования, снятия чертежей, составления подробного описания при участии специалиста, производство работ должно было сопровождаться наблюдением сотрудника ИАК. Во всех означенных случаях предусматривалась денежная компенсация владельцу. Проект также предлагал ввести наказание за «перемещение, снесение или разрушение памятников старины без надлежащего разрешения», вплоть до заключения виновного в тюрьму сроком от двух до четырех месяцев. Археологическая комиссия внесла небольшие поправки и в своем письменном заключении в целом одобрила проект новых правил «об охранении древних памятников и зданий» Строительного устава. Несомненно, законодательное утверждение проекта внесло бы значительные изменения в состояние дела охраны древностей в России, но оно так и не состоялось.

В декабре 1904 г., вновь по предложению Государственного совета, вызванному на сей раз безграмотной реставрацией храма в Муроме, была создана Особая комиссия при МВД по пересмотру действующих постановлений об охранении древних

памятников и зданий, которую возглавил член Совета МВД С.П. Суходольский. В ее состав вошли сотрудники Министерства внутренних дел, Министерства народного просвещения, Военного министерства, Министерства императорского двора. В Особую комиссию входили также председатель ИАК А.А. Бобринской и два ее члена Н.В. Покровский и Н.В. Султанов, и бывший член Комиссии Н.П. Кондаков от Академии художеств. Основные положения, выработанные комиссией в заседаниях 22 февраля, 7, 14 и 28 марта и 14 апреля 1905 г., сводились к следующему. Речь шла о памятниках и их археологическом значении, но не о памятниках археологии вообще. Ведению нового положения подлежали движимые и недвижимые памятники, вплоть до памятников письменности. Предполагалось, что будет составлен общий каталог памятников, которые должны быть разделены на две группы. Первые, наиболее значимые, подлежали особой заботе правительства. Сама охрана должна была осуществляться «центральным охранительным органом» и сетью местных учреждений, которые обладали бы наблюдательными и исполнительными функциями. Наблюдательные функции таких органов должны были распространяться на памятники, находящиеся в пользовании ведомств и учреждений, реставрация и ремонт которых должны были осуществляться на ведомственные средства. Исполнительная функция касалась памятников, которые не находились в ведомственном использовании. В данном случае охранительные органы имели обязанностью непосредственно производить ремонт приходящих в ветхость памятников старины за казенный счет. Само понятие «древности» было связано со 150-летним периодом жизни памятника.

Дополнительно Департамент общих дел МВД вновь предложил проект разделения империи на соответствующие округа во главе с местными археологическими обществами. Таких округов было 15: Санкт-Петербургский, Псковский, Виленский с входившими в него Ковенской и Гродненской губерниями, Прибалтийский (Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии), Московский, Казанский, Харьковский, Киевский, обнимавший также Минскую, Могилевскую, Волынскую и Подольскую губернии, Варшавский, включавший в себя губернии Привислинского края, Одесский, Кавказский, Оренбургский, Сибирский, Минусинский и Туркестанский. ИАК никак не упоминалась в числе ответственных учреждений. К числу неразрешенных вопросов были отнесены статус памятников, находящихся в частной собственности, степень вмешательства охранительных органов в их охрану, возможность отчуждения подобных памятников. Рассматривалась и роль архивных комиссий в охране местных древностей, а также возможность инвентаризации памятников раз в три года.

После всестороннего обсуждения Положений и сбора мнений всех компетентных организаций предполагалось создать специальную комиссию в составе Министерства императорского двора для «высшего наблюдения за сохранением памятников древности», которая должна была стать координирующим «охранительным» центром, доработать окончательный вариант Положений по охране древностей и представить его на утверждение в законодательные органы. На Комиссию возлагались бы утверждение и издание

свода памятников, подлежащих государственной охране; решение всех спорных вопросов; составление смет расходов и поиск финансового обеспечения охранительных мероприятий, осуществление контроля за деятельностью местных органов охраны памятников и разработка инструкций для них (ср.: Охрана памятников 1978: 163–164). Согласно проекту, она наделялась широким спектром прав.

Комиссия составлялась из представителей от министерств: императорского двора, военного, внутренних дел, народного просвещения, финансов; от Государственного контроля и Духовного ведомства. В ее состав также должны были обязательно войти главы основных научных организаций и государственных ведомств, в ведении которых находились памятники: вице-президенты Академии наук и Академии художеств, председатель Археологической комиссии, председатели Техническо-строительных комитетов при Святейшем Синоде и при Министерстве внутренних дел, директор Археологического института (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 18 — 19 об.). Таким образом, центральный орган охраны памятников объединил бы и компетентных ученых, наиболее близко знакомых с проблемами, и чиновников государственных ведомств, которые обладали исполнительной властью. Подобный союз мог бы вполне привести к успешному осуществлению выработанной программы мер по улучшению состояния дела сохранения национального наследия России. Но и этот проект не состоялся.

Особая комиссия МВД, чьи занятия были прерваны в июне 1905 г. болезнью С.П. Суходольского и общественной нестабильностью в России 1905–1907 гг., возобновила свою работу только 11 мая 1908 г. Председателем комиссии был назначен Н.В. Султанов, его заместителем — член Совета МВД И.Я. Гурлянд. Еще одной причиной промедления в ее работе стало «крайне медленное поступление от учреждений и обществ отзывов на труды комиссии» (Охрана памятников 1978: 181).

Археологическая комиссия тоже не спешила представить свое заключение. Запросы от Министерства внутренних дел поступали в течение 1905 г. и 1906 г. несколько раз. Сохранился проект ответа ИАК, составленный в 1906 г. В нем Комиссия уведомляла, что «реальная охрана памятников древности путем широкого развития специальных органов или же путем назначения огромного количества надсмотрщиков физически немыслима и, сверх того, разорительна для государства» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 30). Со своей стороны Комиссия считала, что для «действительной охраны памятников старины необходимо: 1) чтобы специальным государственным актом памятники древности были признаны собственностью государства, за исключением находящихся на частных землях, 2) чтобы право разрешения исследования памятников древности, соединенного с их порчей или уничтожением, предоставлено было органам правительства, 3) чтобы за нарушения права собственности на памятники древности и права на их исследование назначены были соответствующие наказания по мировому и уголовному уставам» (Там же. Л. 30, 30 об.). Но, видимо, этот документ так и не был отправлен в министерство.

Перед работой нового Совещания Н.В. Султанов летом 1908 г. был командирован министром внутренних дел

на XIV Археологический съезд, где он обратился к Ученому комитету Съезда с просьбой обсудить те меры, которые необходимо принять для сохранения памятников старины, чтобы представить их правительству в виде пожеланий Съезда. По возвращении Н.В. Султанов сделал доклад, в котором обозначил 13 главных положений, выработанных XIV Съездом (Там же. Л. 70).

Основные пункты вновь касались наиболее острых, но неразрешенных проблем в деле охраны памятников: вывоз за границу, формирование правовой системы с введением в законодательном порядке наказания за разрушение памятников старины, возможность их отчуждения правительством из частных рук, увеличение ассигнования ежегодных сумм на цели охраны, разделение государства на археологические округа. Каждый округ возглавлялся бы ученым археологическим или историческим обществом, на них возлагались регистрация памятников и попечение об их сохранении. Для руководства и координации всех действий предлагалось создать в Санкт-Петербурге междуведомственное правительственное учреждение с представителями министерств, Духовного ведомства и научных организаций (Материалы... 1911: 57–58).

В 1909 г. «комиссия Султанова» была преобразована в Межведомственную комиссию, уже под председательством самого И.Я. Гурлянда, возглавившего эту структуру после кончины Н.В. Султанова. В работе этой комиссии также принимали участие председатель ИАК и ее члены: Б.И. Ханенко, Н.В. Покровский, Н.И. Веселовский и бывший член Комиссии, в то время член Археографической комиссии В.Г. Дружинин (Охрана памятников 1978: 340–343). Министерство внутренних дел повторило свой запрос в научные учреждения, в том числе и в Археологическую комиссию, о предоставлении подробного разбора проекта, составленного в 1905 г. В ответ Комиссия уведомила министерство, что она не составила своего отзыва «вследствие невероятной легкомысленности проекта» и в силу того, что все ученые общества (в том числе Русское и Московское археологические общества) уже дали отрицательные отзывы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 57). И так как уже намечался созыв нового совещания для выработки законодательства по охране памятников, Археологическая комиссия не видела смысла в разборе проекта 1905 г. еще раз, а предлагала обсудить эти проблемы в предстоящих заседаниях на новом уровне.

В задачи новой Комиссии теперь входила «выработка основных положений нового закона об охранении не только древних памятников и зданий, но и вообще — об охранении памятников старины в самом широком смысле этого слова» (Там же. Л. 73), в список охраняемых объектов предполагалось внести и все памятники искусства, а также письменные документы. Заседания возобновились в январе 1909 г. Состав Комиссии был более представительный и расширенный, чем в предыдущий раз. Она включила как чиновников из различных министерств, так и компетентных специалистов из правительственных научных организаций (Охрана памятников 1978: 341–343).

Главными предметами обсуждения межведомственной комиссии стали «вопросы материального права охраны» и порядок «организации охраняющих учреждений». Наилучшим

способом для юридического обоснования к признанию предмета древним и поэтому требующим постановки его на государственную охрану Комиссия сочла повсеместную регистрацию памятников, которая подразумевала «изучение их на месте, классифицирование и занесение в особые реестры в точном порядке, имеющем значение юридического акта» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 105). Все памятники делились на две категории: находящиеся в использовании и распоряжении разных ведомств и учреждений и принадлежащие частным собственникам. Охрана первой группы регулировалась общеустановленными правилами. Во втором случае предусматривалось право правительства на преимущественную покупку древностей, найденных в частных владениях; ограничение вывоза их за границу; в исключительных ситуациях возможность отчуждения памятников выдающегося исторического, археологического или художественного значения в пользу государства. До окончания составления полного перечня памятников охране должны были подлежать все памятники, датирующиеся до 1725 г.

Организационную структуру учреждений, занимавшихся охраной памятников, по проекту предполагалось создать следующим образом. Для работы на местах использовать «существующие археологические силы», объединенные под руководством и наблюдением высшего охраняющего учреждения» в Санкт-Петербурге «в составе Министерства внутренних дел, с наименованием “Комитета по охране древностей”». В его состав должны были войти представители от различных министерств, обладающие исполнительной властью, и деятели культуры и науки. Комитет наделялся широкими правами, в том числе ему отдавались главные полномочия в регистрации памятников и в утверждении их списков, в координации действий местных организаций, в распределении государственного финансирования на реализацию охранных мероприятий и деятельность органов охраны древностей и многие другие (Охрана памятников 1978: 254–260). Согласно положениям проекта право разрешения всех дел по реставрации древних памятников также принадлежало Комитету. Таким образом, Археологическая комиссия при условии утверждения проекта потеряла бы часть своих функций.

Археологическая деятельность в России оставалась в компетенции Императорской археологической комиссии, причем ее полномочия были расширены, ей предоставлялось исключительное право производства раскопок не только на казенных и общественных, но и на частных землях по соглашению с владельцем (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 221 об.). В проект был введен пункт, согласно которому для проведения раскопок частными лицами на принадлежащих им землях требовалось получение обязательного разрешения от ИАК.

Ограничения права вывоза предметов древности за границу также фиксировались статьями проекта. Древности, находящиеся во владении частных лиц, могли «быть вывозимы за границу лишь после того, как со стороны Комитета по охране древностей последует удостоверение, что Правительство отказывается приобрести их» (Там же. Л. 270 об.).

В заседаниях межведомственной комиссии были также выработаны и внесены в проект положения о правовой ответственности виновных

в нарушении закона об охране памятников, которая выражалась в зависимости от нанесенного ущерба в значительных денежных штрафах либо в тюремном заключении. За наиболее тяжкие нарушения было определено наказание в виде лишения свободы на срок в 1 год и 4 месяца (Там же. Л. 105). Денежные средства, получаемые от наказаний в виде штрафов, должны были перечисляться на нужды центрального комитета охраны памятников. В совместном совещании с представителями Министерства финансов и Государственного контроля были определены суммы ежегодного финансирования деятельности по охране древностей в России как на проведение мероприятий по поддержанию сохранности памятников, так и на работы охранительных организаций.

29 октября 1911 г. министр внутренних дел А. А. Макаров внес проект «Положения об охране древностей», разработанный «комиссией Гурлянда», в Государственную думу для утверждения. В Думе для предварительного редактирования проекта образовалась комиссия под председательством Е. П. Ковалевского. В 1912 г. он послал в Археологическую комиссию как в компетентную в вопросах исследования и сохранения памятников старины организацию приглашение к участию в обсуждении законопроекта с просьбой высказать мнение на заседании организованной при Государственной Думе особой комиссии. В результате представителями ИАК были назначены А. А. Бобринской и Н. И. Веселовский (Там же. Л. 286–287).

В мае 1912 г. Е. П. Ковалевский представил редактированную версию законопроекта в Думе. В процессе рассмотрения в Думской комиссии он претерпел существенные изменения. Все правила, касающиеся частной собственности, подверглись обработке. Из положений были исключены как нецелесообразные постановления о преимущественной покупке правительством предметов древности, находящихся в частном владении, и о запрещении вывоза их за границу, отказано также было и в расширении полномочий Археологической комиссии на производство раскопок на частновладельческих землях и на контроль над ними. По вопросу о вывозе исторических памятников за границу думская комиссия внесла поправку, в которой говорилось об обязанности Комитета принять меры для охраны древностей и защиты их от вывоза из России, однако без нарушения чьих-либо прав. Поэтому исполнение этого требования становилось проблематичным. В целом в представленном проекте пожелания ученых практически не учитывались. Главным образом, он был направлен на создание единой централизованной государственной системы охраны памятников, однако сфера ее деятельности оставалась бы весьма ограниченной. В случае принятия законопроекта в таком варианте вновь утвержденная организационная структура не способна была регулировать состояние сохранности всех объектов старины в России, так как статьи, позволявшие контролировать вопросы охраны древностей, находящихся в частном владении, и проблемы их вывоза за границу, были изъяты (Там же. Л. 259–282).

Критика проекта прозвучала со стороны Академии художеств, Московского археологического общества, Общества архитекторов-художников и Общества защиты и сохранения в России памятников искусства

и старины, Императорской археологической комиссии (Охрана памятников 1978: 285–305). Мнение Императорской археологической комиссии по поводу законопроекта по охране памятников 1912 г. в редакции комиссии Государственной думы выразилось в отзыве П.П. Покрышкина, составленном осенью 1913 г. по просьбе А.А. Бобринского (Там же. Л. 123–135).

П.П. Покрышкин подробно рассмотрел положения проекта, особенно в пунктах, касающихся охраны архитектурных памятников, внес свои поправки и высказал соображения, каким образом возможно улучшить состояние дела охраны памятников монументального зодчества. Основной недостаток он видел в способе формирования и составе предполагавшегося руководящего органа охраны. П.П. Покрышкин считал неоправданной передачу всех реставрационных дел в ведение «учреждения, которое совершенно порывает связь с архитектурной археологией, ибо среди 12 его членов только один архитектор — представитель Императорской Академии художеств» (Там же. Л. 123). Он указал на то, что реставрационные заседания Археологической комиссии составлялись из наиболее компетентных лиц и достигли большого опыта в деле «решения судьбы памятников зодчества». Поэтому своими поправками он предложил ограничить функции Центрального комитета и оставить за реставрационными заседаниями ИАК роль непременного совещательного органа при рассмотрении всех вопросов, связанных с ремонтом архитектурных памятников.

П.П. Покрышкин указывал, что регистрация памятников древности потребует долгие годы из-за отсутствия нужного количества специалистов, а предполагаемая в проекте быстрая регистрация местными силами повлечет за собой составление «дилетантских списков», которые «послужат» причиной «уничтожения множества памятников древности» (Там же. Л. 123 об.). Он также предлагал предоставить реставрационным заседаниям ИАК право утверждения реестра древностей, подлежащих охране, при этом до окончания составления такого реестра охрана должна была распространяться на все здания, построенные до 1825 г. (в проекте до 1725 г.).

По его мнению, следовало увеличить суммы кредитов на ремонт и реставрацию памятников древности и усилить состав Центрального комитета еще пятью специалистами по архитектуре: три от Императорской археологической комиссии и два от Техническо-строительных комитетов при Святейшем Синоде и при МВД. В связи с тем, что он предусматривал предоставление широких полномочий в этой области реставрационным заседаниям Императорской археологической комиссии, в заключение рапорта он предложил проект преобразования их в специальный архитектурный отдел, где обозначил основные положения деятельности отдела, составил смету на его организацию, включил в состав ИАК еще пять архитекторов (Там же. Л. 129). Необходимость создания нового отдела он обосновал статистикой, красноречиво свидетельствующей об активной и плодотворной деятельности реставрационных заседаний ИАК в течение предыдущего десятилетия, и невозможностью справиться с огромным наплывом дел в прежнем составе (Там же. Л. 130–135).

Все научные и художественные организации, высказавшие свое мнение,

признали правительственный проект совершенно не жизненным и не соответствующим давно назревшей потребности в принятии серьезных и безотлагательных мер к ограждению от разрушений и порчи имеющихся в России памятников древности. По причине негативной реакции ученой общественности на проект Дума направила его на доработку. До 1917 г. было еще несколько попыток пересмотреть его положения.

В 1913 г. следующий вариант законопроекта по охране памятников был внесен на рассмотрение Думы (Охрана памятников 1978: 14). Он содержал ряд незначительных положительных изменений, но опять не решал проблемы с частной собственностью и вывозом древностей за границу. В конце 1913 г. А.А. Бобринской получил уведомление о предстоящем пленарном заседании Государственной думы по вопросу обсуждения законопроекта по охране древностей и о том, что его планируют пригласить в качестве представителя от Министерства императорского двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 292). Но начало Первой мировой войны приостановило рассмотрение проекта.

Обстоятельства военного времени значительно ухудшили состояние дела охраны отечественных древностей в России. Гибель исторических и художественных памятников в зоне боевых действий, участившиеся случаи расхищения и неконтролируемого вывоза национальных ценностей за границу требовали принятия срочных мер для их сохранения. В печати неоднократно появлялись сообщения о непрекращающейся продаже частным лицам старинных икон. В обществе складывалось мнение, что они скупались пленными и интернированными германцами и австрийцами и впоследствии вывозились за пределы России, на Северо-Западе через Финляндию и Архангельск (РО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–2). 18 февраля 1916 г. графиня П.С. Уварова написала по этому поводу министру внутренних дел. Одновременно подобную озабоченность высказал и ряд членов Государственного совета, которые обратили внимание министра на необходимость принятия полноценного закона об охране древностей. 19 апреля председатель Государственной думы М.В. Родзянко официально возвратил министру внутренних дел Б.В. Штюрмеру этот документ (Охрана памятников 1978: 309–319).

16 апреля 1916 г. директор Департамента общих дел МВД П.П. Стремоухов направил председателю ИАК А.А. Бобринскому отношение о необходимости создания совещания для переработки положения об охранении древностей (Там же: 315–318). Речь шла не только о разработке нового закона, но и об исполнении Положения об эвакуации культурных ценностей, о недопущении их контрабанды, о судьбе Остробрамской иконы Божией Матери и др. Отношение включало в себя предложение по составу и процедуре работы будущего совещания. 13 сентября 1916 г. министр внутренних дел А.А. Хвостов в своем докладе Николаю II сообщил о необходимости образования Особого совещания для пересмотра законопроекта об охране памятников древности. Во главе Совещания он предложил поставить лицо, «занимающее высокое служебное положение» и «пользующееся известностью в области археологии». В наибольшей степени этим критериям отвечал лишь председатель ИАК А.А. Бобринской, который в это время был не только сенатором, обер-гофмейстером

Высочайшего двора и членом Государственного Совета, но и министром земледелия. 15 сентября в Ставке император наложил резолюцию: «С», что означало «Согласен» (Там же: 325–327). В работе Совещания должны были принять участие представители правительственных учреждений и члены различных ученых, художественных и исторических обществ. Благодаря двум упомянутым критериям А. А. Бобринской обладал доверием с обеих сторон, что, возможно, ускорило бы принятие обоюдного решения по спорным вопросам.

К сожалению, изменившаяся политическая ситуация в России не позволила продолжить работу Совещания. Однако представляется очевидным, что логика исторического развития России впервые поставила ИАК во главе разработки всеобъемлющего закона об охране культурного наследия страны, что свидетельствовало о высоком авторитете, которым заручилась Комиссия за полвека своего существования.

XV

В организации повседневной деятельности ИАК А. А. Бобринской в полной мере воспользовался теми направлениями и связями, которые сложились еще в «эпоху Строганова». Прежде всего, это касалось контроля над обнаружением памятников древности во время прокладки и строительства железных дорог. Традиция этих мероприятий поддерживалась и при А. А. Васильчикове. 22 мая 1885 г. от имени ИАК офицерам, ответственным за строительство дороги от Самары на Уфу и Златоуст, были разосланы напоминания о том, что «во избежание утайки и уничтожения рабочими древностей» им необходимо объявить о вознаграждении за такие находки. Позднее, в октябре 1886 г. и в мае 1888 г., ИАК предприняла меры по контролю над работами на Керченско-Еникальском канале и при прорытии Перекопского перешейка, также на Джанкойско-Феодосийской железной дороге (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 26. Л. 91, 92, 95).

18 мая 1891 г., по инициативе ИАК, стас-секретарь и министр путей сообщения Адольф Яковлевич Гюббенет (1830–1901) издал приказ «учреждениям и должностным лицам Ведомства путей сообщения оказывать всевозможное содействие в деле разыскания и охранения памятников отечественной старины, для чего заблаговременно сообщать в Археологическую комиссию сведения о направлениях проводимых дорог и о производстве таких земляных работ, которые подают повод рассчитывать на открытие древностей... а также в контракты на подряды по земляным работам включать непременное условие о сохранении и доставлении в Археологическую комиссию всех остатков древности, которые могут быть найдены при таких работах» (Там же. Л. 108). В результате в Комиссию стали поступать карты прокладки новых путей, в частности из Общества Юго-Западной железной дороги. В марте 1893 г. в Комиссию поступили планы прокладки дороги от Челябинска до Иркутска. Как сообщал начальник работ по постройке Западно-Сибирской железной дороги, «при производстве земляных работ на вверенной мне дороге никаких археологических находок не оказалось» (Там же. Л. 113, 123, 125, 126).

115

Къ рапорту 28 мая № 334.

Золотая монета, найденная 14го марта с. г. при производствѣ выемки на Карантинной горкѣ въ гор. Феодосіи. —

Начальникъ работъ
Инженеръ Коллежскій Совѣтникъ

Золотая монета Боспорскаго царя Эвпатора и вдовы его Драсиклеи, чеканенная при Авгемѣ и Лукіѣ Вера 150 г. понтійской эры и 163 христіанской эры.
Этого года въ Мой. Эрм. имѣется девять экз.
Чл. Ар. Комиссіи

Монеты, найденные при строительстве порта на Карантинной горке в Феодосии, Боспорское царство, 163 г. н. э. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 26. Л. 115)

«Наконечник» из каменных «мар», разрушенных при строительстве Рязано-Уральской железной дороги (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 26. Л. 152)

Впрочем, в июне 1892 г. от председателя комиссии по устройству коммерческих портов в ИАК поступила монета Тиверия Юлия Евпатора 162 г. чеканки, найденная при работах в Феодосии (Там же. Л. 115).

В 1895–1897 гг. ИАК оказалась вовлечена в скандал, связанный с разрушением каменных «мар» — курганов при прокладке Рязанско-Уральской железной дороги в районе станицы Круглозерной. Строители XIX в., почти как их современные коллеги, утверждали 1 декабря 1895 г. от имени министерства, что «полоса отчуждения Покровско-Уральской железной дороги» не захватила ни одного кургана, хотя впоследствии выяснилось, что на 336-й версте рабочими были выкопаны «скелеты и наконечники», а также несколько бронзовых «поделок» (Там же. Л. 127 — 132 об., 138, 144 — 147 об.). В конце концов, бронзовый наконечник стрелы и бронзовая пряжка в 1897 г. все-таки были доставлены в ИАК и переданы в Российский исторический музей (Там же. Л. 151–153). В январе 1902 г., в связи со скандалом о расхищении вещей из курганов на линии Новосокольники — Витебск, Общество Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги утверждало, что никаких древних могил и ничего заслуживающего внимания, кроме монет Сигизмунда III, во время работ встречено не было (Там же. Л. 154 — 156 об.). Комиссия реагировала и на «сигналы с мест»: в мае 1912 г. Ставропольская архивная комиссия обратила внимание ИАК на разрушение Азовского городища при строительстве зданий Обществом Владикавказской железной дороги (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 26. Л. 161–163), а в апреле 1914 г., в связи с прокладкой подъездных путей к Педжикенту через Афрасиаб, ИАК обращалась к производителю работ с просьбой «содействия беспрепятственному допущению» ее представителей для производства археологических наблюдений (Там же. Л. 179–181).

«Новостроечные наблюдения» не ограничивались только железнодорожным строительством и контактами с офицерами-путейцами. Как и ранее, ИАК стремилась привлечь к надзору за строительными работами в исторических городах местную интеллигенцию. Так, 8 мая 1912 г. недавно образованному Киевскому обществу охраны памятников старины и искусства был выдан Открытый лист на «раскопки в Киеве и его окрестностях в случае открытия остатков старины при прокладке водопроводных и канализационных труб, постройки домов, устройстве трамвайного сообщения, электрического освещения, мостовых и т. п.» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 142. Л. 4). При строительстве епархиального дома на месте консистории в Новгородском кремле летом 1911 г. наблюдения были поручены членам Новгородского общества любителей древностей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 83. Л. 2, 11–14).

В «эпоху Бобринского» продолжалось и сотрудничество с губернской общественностью в лице статистических комитетов. Однако в деле сохранения и изучения отечественных древностей у ИАК появились новые контрагенты — губернские ученые архивные комиссии, созданные указом 13 апреля 1884 г. по предложению Н. В. Калачова (1819–1885), а также Археологические институты в Петербурге (1878) и в Москве (1907) (Покровский 1909а: 27–48). Появление в прессе материалов о плодотворной работе архивных комиссий, в частности, в № 140 «Правительственного вестника» за 1886 г., заставило ИАК обратиться к сотрудничеству с ними (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 43. Л. 1). В целях ознакомления с деятельностью комиссий на местах летом 1886 г. А. А. Бобринской рассылает серию писем в Кострому, Рязань, Тамбов и Тулу с почтительной просьбой доставить ему сведения об их археологической деятельности в виде присылки изданных трудов и отчетов (Там же. Л. 3, 5, 7, 8). Получение просимых сведений породило новые вопросы. 30 сентября 1887 г. ИАК обратилась в Рязанскую комиссию с просьбой о присылке рисунков и фотографий памятников, открытых в Касимове, о чем было упомянуто в трудах комиссии (Там же. Л. 30). Особенные отношения сложились у ИАК с Таврической архивной комиссией, об организации которой таврический губернатор В. П. Попов уведомил А. А. Бобринского лично 17 февраля 1887 г. (Там же. Л. 25). Это становится понятным, если учесть, что к тому времени основные научные интересы ИАК сосредоточивались в этом крае. 30 сентября 1887 г. председатель ИАК сам писал в Таврическую архивную комиссию, указывая, что вверенная ему организация считает своим долгом всячески содействовать ее деятельности (Там же. Л. 59–60). ИАК предоставила в распоряжение Симферопольского музея древности из Судака и Старого Крыма, а также передала ему в декабре того же года 80 дублетных предметов из подведомственного ей Керченского музея (Там же. Л. 46, 47, 48 — 49 об.). В то же время ИАК ходатайствовала перед П. С. Уваровой и Д. А. Хвольсоном, дабы те передали плиты с надписями, выпиленные на Мангупе и Чуфут-Кале, или хотя бы снимки с них в Симферопольский губернский музей древностей.

Развивались отношения ИАК и с Петербургским археологическим институтом, выступавшим «своеобразным куратором» архивных комиссий и готовившим для них ученые кадры. 12 июля 1886 г. А. А. Бобринской

адресовал в Археологический институт письмо о необходимости сотрудничества с ИАК и о доставлении ей сведений о деятельности архивных комиссий. Он мотивировал это тем, что ИАК «желала бы мало-помалу достигнуть между различными археологическими учреждениями и обществами в России того дружеского единства, без которого немыслимо правильное ведение дел» (Там же. Л. 10 — 11 об.). 17 декабря он вновь обращался в институт по поводу распоряжения Тамбовской архивной комиссии о передаче ей найденных в губернии предметов древности и их определении в местный музей, отмечая, что подобное противоречит Высочайше утвержденному положению об ИАК. В письме содержалась просьба передать губернским комиссиям соответствующие указания (Там же. Л. 12–13). В результате 11 января 1887 г. Археологический институт разослал в губернские архивные комиссии циркуляр № 1 о том, что со случайными находками надлежит поступать в соответствии с упомянутым положением, т. е. отправлять их в ИАК для последующего представления на Высочайшее воззрение (Там же. Л. 15–16).

Еще одним камнем преткновения в деле отношения с архивными комиссиями и Археологическим институтом был вопрос о древностях, принадлежавших частным лицам и выставляемых на торги. 16 июня 1886 г. Департамент общих дел МВД, по ходатайству директора Археологического института И.Е. Андреевского, разослал губернаторам циркуляр о том, что при продаже частного имущества вещи, имеющие археологическое значение, должны вноситься в описи и предоставляться на рассмотрение в архивные комиссии. Подобные описи должны были составляться судебными приставами, и, следовательно, председатели судебных мест сами должны были озаботиться описанием и оценкой предметов древности (Там же. Л. 2 — 2 об.). 25 января 1887 г. МВД отправило этот проект на экспертизу в ИАК, предлагая его дополнить. 4 марта от имени ИАК в Департамент общих дел был отправлен ответ, где говорилось, что, несмотря на благое намерение Археологического института, предложенная им мера вряд ли применима. Составление описей потребует финансовых расходов и повлечет за собой задержку и ограничение прав собственности лиц, заинтересованных в скорейшей и более выгодной продаже частных древностей. При этом отмечалась и неопределенность инструкций, предлагаемых И.Е. Андреевским, где речь шла об абстрактных вещах, которые могут «представлять интерес». К тому же первый пункт правил утверждал, что Археологический институт либо сам приобретает эти предметы, либо предлагает это сделать ИАК. В связи с этим А.А. Бобринской писал, что в круг деятельности Комиссии «входит разыскивание и приобретение не всяких древностей вообще, а только таких, которые открыты в почве России и относятся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространствах, занимаемых ныне Россией» (Там же. Л. 17–21, 23 — 24 об.).

Несмотря на отрицательное мнение ИАК по поводу институтской инициативы, 5 июля 1887 г. МВД вторично разослало губернаторам циркуляр о необходимости производить опись предметов древности, уходящих с торгов, хотя имя самой Комиссии здесь уже не фигурировало (Там же. Л. 67–68 об.). Это не избавило

ИАК от необходимости получать подобные описи и рассматривать их. Уже 19 ноября того же года Воронежский статистический комитет прислал в Петербург опись монетам и медалям умершего коллежского советника К. Попова (Там же. Л. 69 — 72 об.).

В отношениях с Археологическим институтом было важно определить и процедуру археологических исследований. В мае 1886 г. в газетах было заявлено о предстоящей поездке Н.В. Покровского и Д.И. Прозоровского со слушателями институтов на раскопки курганов в Лужский и Псковский уезды, а также для осмотра памятников в Новгороде и Пскове. А.А. Бобринской, прочитавший эту заметку, 12 мая порекомендовал экскурсии института отправиться в Ладогу, где в это время раскопки проводил Н.Е. Бранденбург, а сам Н.В. Покровский намеревался осматривать церкви и фрески. При этом он подчеркивал, что на основе Положения об ИАК Комиссия обязана следить за археологическими раскопками, и просил сообщить, где именно институт намерен проводить исследования. 20 мая директор института И.Е. Андреевский в ответ поблагодарил за приглашение посетить раскопки в Ладоге и указал, что собственные исследования предполагается производить на станции Белой: «если эти раскопки, предпринимаемые в педагогических видах, дадут удовлетворительные результаты, то о них в начале сентября текущего года будет сделано в институте сообщение, которое, может быть, гг. члены Археологической комиссии пожелают украсить своим присутствием» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 17. Л. 20). За этими словами скрывалось полное непонимание прав и полномочий ИАК — ситуация, которая могла быть разрешена лишь уже известным нам Высочайшим повелением 11 марта 1889 г. Все эти временные недоразумения, однако, не помешали сверхштатному члену ИАК Н.В. Покровскому в свое время возглавить Археологический институт в Петербурге.

В целом, несмотря на продуктивное сотрудничество ИАК и губернских комиссий, в Петербурге о них сложилось свое собственное мнение. Так, в связи с рассмотрением проекта архивной реформы в России Министерство императорского двора 25 июля 1903 г. прислало в Комиссию соответствующие материалы, попросив дать по ним заключение. В исторической справке сообщалось, что в настоящее время рассматриваются два варианта реформы: централизованная архивная система, предполагающая создание центрального органа архивного управления и архивов трех уровней, предложения по которой были сформулированы на Археологическом съезде 1899 г., в частности, П.С. Уваровой и Д.Я. Самоквасовым, и децентрализованная система, делающая упор на губернские ученые архивные комиссии. 23 ноября 1903 г. А.А. Бобринской отправил свои замечания на проект реформы, составленные на основе мнения Н.И. Веселовского. Отдавая в целом предпочтение губернским архивным комиссиям, он писал, что архивные комиссии должны действительно стать архивными и делать архивное дело, заключающееся в разборе, описи и хранении дел и актов, главной своей задачей. Только на этой основе они могут рассчитывать на государственную поддержку. Ныне же губернские комиссии пытаются подражать «столичным ученым обществам»: собираются в заседаниях для заслушивания рефератов, издают

труды, производят раскопки, совершают экскурсии и т. д. По мнению председателя ИАК, подобная «ученая деятельность» вряд ли заслуживает поддержки государства (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 178. Л. 1, 6 — 6 об.).

При этом ИАК достаточно активно сотрудничала с непосредственным детищем архивных комиссий — областными археологическими съездами. Возможно, члены ИАК видели здесь некоторую альтернативу съездам всероссийским. Именно на этих форумах были озвучены некоторые из новых идей А. А. Спицына и А. А. Бобринского, касающиеся славянского расселения и первобытной культуры (РО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 57). Впервые подобное мероприятие, носившее тогда официальное название «съезда исследователей истории и древности Ростово-Суздальской области», состоялось в Ярославле 10–14 августа 1901 г. по инициативе профессора Санкт-Петербургского университета Э. Н. Берендтса, поддержанной ярославским губернатором Б. В. Штюрмером. Содержанием этой инициативы изначально был «съезд деятелей губернских ученых архивных комиссий определенного региона». Закрытие каждого съезда сопровождалось принятием решения о времени и месте проведения следующего подобного собрания. Съезд в Твери состоялся 10–20 августа 1903 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 221). Третий и четвертый съезды, уже официально именовавшиеся «областными историко-археологическими», прошли соответственно во Владимире 20–26 июня 1906 г. и Костроме 21–29 июня 1909 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 100. Л. 1). Пятый съезд, намеченный на сентябрь 1911 г. в Нижнем Новгороде, не состоялся, в частности, из-за проведения в том же году 22 июля — 6 августа XV Археологического съезда в Великом Новгороде.

Идея организации подобного форума в Тамбове в виде созыва «археологического съезда ученых архивных комиссий средней полосы России», предложенная еще в мае 1901 г. председателем Тамбовской архивной комиссии А. Нариовым, не получила своего развития как из-за организационных сложностей, так и из-за слишком широко и обще сформулированных задач. ИАК предложила комиссии выработать программу более определенную и более связанную с местным краем. А. А. Спицын в своем отзыве писал, что «следует воздержаться от одобрения фантастически-широкого и совершенно невыполнимого проекта», а Н. И. Веселовский назвал программу «сумбурной, для одного съезда не осуществимой» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 62). Попытка организовать пятое подобное мероприятие в Крыму не состоялась из-за мировой войны. В 1914 г. Таврическая архивная комиссия обратилась в МВД с просьбой разрешить ей проведение областного съезда в Симферополе или Севастополе 16–23 августа 1915 г., выслав туда программу предполагаемого мероприятия. Министерство запросило у ИАК «заключение по существу ходатайства», и 14 августа 1914 г. ИАК отписала в МВД об отсутствии у нее возражений, при условии, чтобы по отношению к намечаемым перед съездом раскопкам был соблюден существующий порядок, т. е. предварительное сношение с Комиссией и получение Открытого листа. Действительно, прилагаемое при запросе положение о местном археологическом съезде в Крыму своим 12-м пунктом указывало, что «съезд организует производство археологических раскопок»,

непосредственный труд которых лежит на распорядительном комитете — права Комиссии здесь не упоминались (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 213. Л. 1).

В целом же Комиссия никогда не отказывалась от участия в разного рода общественно-профессиональных форумах. Привлечение культурной и научной общественности к сотрудничеству было одним из принципов ее деятельности. В декабре 1899 г. Санкт-Петербургское общество архитекторов пригласило Комиссию принять участие в III Съезде русских зодчих — нерегулярном форуме, созываемом с целью сближения русских архитекторов и совместного обсуждения общих и специальных вопросов. Тогда на съезд от ИАК были отправлены Н.В. Султанов и Г.И. Котов. IV Съезд состоялся в январе 1911 г. Комиссию здесь представляли Н.И. Веселовский, П.П. Покрышкин и К.К. Романов. На V Съезде 15–22 декабря 1913 г. присутствовали К.К. Романов, Г.И. Котов и П.П. Покрышкин (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 199. Л. 6–10).

С 1890-х гг. ИАК привлекалась для экспертизы проектов реформ, уставов и положений ученых обществ и мероприятий. Так, Ковенский статистический комитет 22 сентября 1887 г. попросил у Комиссии замечания на проект Ковенского губернского естественно-исторического и промышленного музея, что не вызвало никаких возражений (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 4. Л. 114).

Однако, когда 25 января 1896 г. в ИАК на экспертное заключение поступил проект правил МАО об устройстве местных отделений этого общества, некоторые его положения вызвали недоумение Комиссии. Здесь говорилось, что иногородние отделения под руководством МАО производят археологические исследования и раскопки.

20 февраля 1896 г. А.А. Бобринской выразил свое согласие на устройство подобных отделений, но посчитал нужным упомянуть в тексте устава, что раскопки производятся с разрешения ИАК. П.С. Уварова пыталась объяснить МВД, что фразы о производстве раскопок «на основании существующих законов империи» было бы совершенно достаточно, и вновь отправила на заключение в министерство слегка переработанный документ. 25 сентября 1897 г. ИАК продолжала настаивать на своей формулировке, приложив при этом докладную записку о порядке производства археологических раскопок на казенных и общественных землях. В письме говорилось, что Высочайшее повеление 11 марта 1889 г. еще не внесено в Свод законов и недостаточно известно, чем и пытается воспользоваться МАО.

Подобная история произошла и в феврале 1899 г., когда МВД препроводило в ИАК для заключения проект устава общества любителей изучения Полтавской губернии. А.А. Бобринской, заинтересованный в соблюдении повеления 11 марта 1889 г., предложил включить в устав упоминание о нем в качестве примечания (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 42).

5 октября 1901 г. на рассмотрение в ИАК попало положение о музее Виленского городского общественного управления, один из пунктов которого упоминал «археологическую коллекцию», в которую вошли бы «разные древние и старинные предметы, могущие быть найденными в городе при раскопках и при постройках зданий, и вообще предметы, представляющие собою следы цивилизации города Вильны в истекшее время». Комиссия предложила в этом пункте сделать оговорку, что при составлении археологических

коллекций следует руководствоваться повелением 11 марта 1889 г., т. е. раскопки производить с разрешения ИАК, а найденные предметы предоставлять на Высочайшее воззрение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 224).

Утверждение устава Бессарабского церковного историко-археологического общества и Кишиневского епархиального древлехранилища, по поводу которых МВД запросило мнение ИАК 4 августа 1902 г., никаких препятствий не встретило: археологические исследования в уставе не упоминались, так как целью общества было абстрактное изучение местных церковных древностей в связи с грядущим в 1913 г. столетием епархии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 193). Точно так же ранее не встретило возражений одобрение проекта устава Астраханского Петровского музея 16 июня 1895 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 160).

XVI

С деятельностью А.А. Бобринского связаны не только труды по превращению ИАК в координирующее археологическое учреждение империи, совмещающее в себе научно-исследовательские и охранно-реставрационные функции, но и значительное увеличение штата Комиссии. Это было неизбежно в связи с тематико-географическим расширением сферы ее академической и практической активности. В «эпоху Васильчикова» весь ее коллектив состоял из 5 человек: старшего члена В.Г. Тизенгаузена, младшего члена Н.П. Кондакова, производителя дел И.А. Суслова, художника И.Н. Медведева и сторожа У. Михайлова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71 Л. 10 — 11 об.). Согласно штатному расписанию председатель трудился бесплатно, один старший член получал 3000 руб., три младших члена — 1800 руб., делопроизводитель-бухгалтер — 1700 руб., журналист — канцелярский чиновник — 900 руб., сторож — 360 руб. На расходные материалы предполагалось тратить 400 руб., покупку книг для библиотеки — 200 руб., на издание отчетов на русском и французском языках — 6000 руб. Археологические раскопки и путевые издержки предусматривали 20000 руб., включая 3700 руб., выделяемые ежегодно из Кабинета его императорского величества на Керченский музей. В самом музее директор получал 1800 руб., его помощник — 572 руб., старший надсмотрщик — 350 руб., младший надсмотрщик — 300 руб., писец — 180 руб., сторож музея — 225 руб., сторож кургана — 150 руб. На расходные материалы выделялось 200 руб., на наем помещений и отопление — 800 руб. Временно состоявший при Комиссии художник получал 500 руб. Всего ИАК полагалось из казны 43037 руб.

17 мая 1886 г. А.А. Бобринской подает проект нового штата и сметы Комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71. Л. 4–5). Помимо председателя здесь должен был быть один старший член (3000 руб.), 4 младших члена с окладом в 2500 руб., делопроизводитель, он же бухгалтер (2000 руб.), журналист (900 руб.) и сторож (360 руб.). Археологические изыскания и дорожные расходы претерпели значительное сокращение — теперь на них отпускалось 12000 руб., на издание отчетов — 6000 руб., на расходные материалы и приобретение книг — 800 руб. В Керченском музее директор должен был

получать 1200 руб., должность помощника ликвидировалась, музейный сторож получал бы 225 руб., сторож курганов — 180 руб., на наем помещений выделялось 800 руб., на наем писца и художника — 350 руб. Общий бюджет Комиссии составлял 35 815 руб. Дополнительные выплаты распределялись бы следующим образом: 500 руб., которые некогда выплачивались И.П. Вольскому согласно предложению Министерства двора от 20 декабря 1859 г., 700 руб. на наем помещения для директора Керченского музея по распоряжению министра двора от 1864 г., 2000 руб. на сверхштатные путевые расходы председателя ИАК и разного рода вознаграждения, с 1882 г. включенные в сумму общих расходов Комиссии, 6000 руб. на издания, которые до 1883 г. также отпускались сверхштатно. При этом А.А. Бобринской обращал внимание управляющего делами министерства на устарелость штатов 1859 г., инфляцию и требования науки. В основе его предложений лежало уравнение содержания служащих Комиссии с должностными лицами Императорского Эрмитажа, а также сверхштатное выделение крупных сумм вознаграждений, выплачиваемых ИАК, за которыми председатель Комиссии каждый раз входит с особым ходатайством к министру. Помимо этого он планировал включить сторожей в штат Комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71. Л. 1–3).

14 января 1887 г. последовал ответ контролера двора Н.С. Петрова, где говорилось, что новые штаты рассмотрят одновременно с изменением штатов министерства в недалеком времени, а ныне надлежит руководствоваться существующим положением (Там же. Л. 76). Тем не менее А.А. Бобринской посылает новые обращения министру, в одном из которых, 17 января 1887 г., пишет: «Надоедаю Вам одним письмом за другим по одному и тому же вопросу. Но я ходатайствую не за себя». В том же письме сообщалось о том, что председатель уже готов принять на службу новых сотрудников, в частности учителя классической гимназии во Владикавказе В. Долбежева, но этому мешает отсутствие средств и штатов, и о жалобах В.Г. Тизенгаузена на низкий оклад и его заявлении, что при прежнем положении вещей он не сможет продолжать службу в Комиссии. А.А. Бобринской писал, что лишиться В.Г. Тизенгаузена для Комиссии было бы «незаслуженным и тяжелым ударом». К тому же канцелярия Комиссии существует только благодаря переводам денег из одной статьи сметы в другую. Председатель предложил одномоментно повысить оклады старшему члену до 3000 руб., младшему члену до 2500 руб. и делопроизводителю до 2000 руб.

3 марта 1887 г. вновь А.А. Бобринской обращался в Министерство двора с просьбой выдать В.Г. Тизенгаузену и И.А. Суслову новое штатное содержание ввиду их крайне стесненного положения, и уже 3 апреля вплоть до утверждения новых штатов было принято решение выплачивать им соответственно 1900 и 1200 руб. добавочного содержания из кредита министерства на непредвиденные расходы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24. Л. 104, 107; РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Д. 71–81).

24 апреля 1888 г. министром двора И.И. Воронцовым-Дашковым был утвержден новый штат Археологической комиссии. Он выглядел следующим образом (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71. Л. 9 — 9 об.). Председатель традиционно не получал оклада, один старший

член получал 3500 руб., 3 младших члена — 2000 руб., однако, поскольку одним из младших членов стал директор Керченского музея, реально количество младших членов сократилось до двух, делопроизводитель — 1800 руб., регистратор — 700 руб. При сохранении прежнего количества сотрудников стоит отметить увеличение денежного содержания. При этом Министерство двора имело право назначать сверхштатных членов Комиссии без содержания, но с соответствующими полномочиями. Помимо увеличения окладов на один ранг увеличивался класс должностей, что было немаловажно в иерархической структуре Российской империи, так должность старшего члена ИАК приравнивалась к V, а членов — к VI классу по «Табели о рангах». Это соответствовало денежному содержанию и классу должностей старшего хранителя и хранителей Императорского Эрмитажа (Обзор деятельности 1901: 374, 696). Однако уже 14 мая 1888 г. А.А. Бобринской вновь входит в министерство с просьбой срочной выплаты квартирных денег членам Комиссии.

Через некоторое время, 26 ноября 1893 г., министр двора вновь предложил пересмотреть министерские штаты в связи с превышением расходов и необходимостью «сбережения в личном составе» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 196). 29 января 1894 г. руководителям учреждений было рекомендовано не увеличивать окладов и не повышать классность должностей. 4 марта 1894 г. барон В.Б. Фредерикс, тогда еще товарищ министра, просит А.А. Бобринского предоставить соображения о новых штатах, которые должны быть сокращены (Там же. Л. 202). Это привело к тому, что 26 июля 1894 г. В.Г. Тизенгаузен написал прошение об отставке. 4 октября 1894 г. тогдашний председатель Комиссии граф А.А. Бобринской подал министру двора рапорт, где просил сохранения для В.Г. Тизенгаузена «в виде монаршей милости» 3500 руб., поскольку тот и «по выходу в отставку» намеревался не отказываться от участия в некоторых работах ИАК. При этом он испрашивал «присвоение Тизенгаузену со дня его увольнения в виде личного для него исключения звания товарища председателя ИАК» с сохранением 900 руб. квартирных денег. 29 декабря 1894 г. последовало решение императора — учредить должность товарища председателя ИАК «по V классу», на которую и определить самого В.Г. Тизенгаузена и назначить, во внимание к свыше сорокалетней деятельности его и особым трудам, 4400 руб. содержания в год (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 30. Л. 53, 54–55, 57 — 57 об.).

Впрочем, новая реформа министра не удалась, и в том же году А.А. Бобринской вновь ходатайствовал об увеличении штатов Комиссии, по крайней мере на еще двух членов, ученого секретаря и архитектора, указывая, что после 1889 г. ее функции значительно расширились и перед ней ставится задача создания общедоступного центра научной информации по отечественным древностям. Последнее должно было быть достигнуто за счет доступности дел для исследователей и расширения библиотеки, на пополнение которой стали выделяться специальные средства (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 203–206).

После отставки В.Г. Тизенгаузена в 1900 г. А.А. Бобринской 27 апреля ходатайствовал о назначении члена совета Министерства народного просвещения академика Императорской академии

ЛАТЫШЕВ Василий Васильевич (29.06.1855 — 2.05.1921) — филолог-классик, эпиграфист, историк античности, специалист по византийской агиографии. Учился в Гродненской гимназии (1865–1872), выпускник Петербургского университета (1876) В 1876–1880 гг. преподаватель древних языков в Виленской гимназии. Магистр (1883) и доктор (1887) греческой словесности. Действительный член МАО с 1886 г. Член-сотрудник (1883), действительный член (1886), секретарь Классического отделения (1886–1891) и член редакционного комитета ИРАО. Действительный член Германского археологического общества с 1885 г. Член Императорской академии наук (1893). Состоял членом совета министра народного просвещения, был директором Историко-филологического института. Председатель Российского Палестинского общества (1918–1921). Член-корреспондент ИАК с июля 1892 г., с июня 1900 г. — штатный член, товарищ председателя; редактор «Известий археологической комиссии». По поручению РАО совершил поездки по югу России для копирования и сличения античных надписей (1882, 1883, 1894, 1900, 1902). Неоднократно командировался за границу с научными целями.

Осн. соч.: О некоторых эолических и дорических календарях. СПб., 1883; Исследования об истории и государственном устройстве Ольвии. СПб., 1887; Свод античных надписей, найденных в Северном Причерноморье. СПб., 1885–1901. Т. 1–2, 4; Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893–1906. Т. 1–2, вып. 1–5.

Лит. о нем: Памяти В.В. Латышева // СА. 1958. Т. 28. С. 3–4; *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999. С. 233–242; *Тункина И. В.* В.В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного отдела) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / ред. И.П. Медведев. СПб., 1999. С. 172–288.

(Ил.: Жебелев 2017: 388)

наук действительного статского советника В.В. Латышева новым товарищем председателя, что и произошло 29 июня того же года (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 90. Л. 5; Д. 91). Однако в сентябре выяснилось, что должность эта была учреждена без содержания, а В.Г. Тизенгаузен получал лично сохраненный за ним оклад. В.В. Латышеву же, как сохранившему должность при министерстве, положено было лишь 1750 руб. без столовых и квартирных, что было меньше, чем зарплаты остальных членов ИАК (Там же. Д. 91. Л. 38 — 39 об.). 24 октября А.А. Бобринской пишет пространный рапорт, объясняя ненормальность создавшегося положения, и 15 декабря товарищу председателя был присвоен должностной оклад, включавший в себя помимо 1750 руб. еще 900 руб.

квартирных денег и 1750 руб. столовых, причем, в случае «совместительства», квартирные не выплачивались (Там же. Л. 40–45, 46).

26 сентября 1901 г. в связи с новым пересмотром штатов министр императорского двора предложил всем руководителям подразделений представить свои соображения о желательных изменениях в штатном расписании, отмечая, что увеличение служащих может быть допущено лишь при условии доказанной целесообразности (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 262. Л. 1 — 2 об.). 30 октября 1901 г. председатель ИАК представил свои предложения и новую штатную сетку, которая уже предполагала, что должность председателя Комиссии соответствовала IV классу. Согласно проекту один старший член должен был получать 3500 руб. (оклад товарища председателя был утвержден ранее), четыре члена, в число которых должен быть включен заведующий раскопками в Херсонесе, — по 2500 руб., вводилась новая должность архитектора Комиссии VI класса (2000 руб.), столько же должен был получать делопроизводитель, оклад регистратора составлял бы 1000 руб., а два канцелярских чиновника и два служителя получали бы по 600 и 300 руб. соответственно (Там же. Л. 3 — 6 об.). Однако 13 августа 1902 г. управляющий Кабинетом предложил ввести иное штатное расписание, которое и было утверждено 6 декабря. Согласно этому штату товарищ председателя получал 4000 руб., старший член столько же, три «старых» члена по 2700 руб., тогда как должности «новоучрежденных» членов предусматривали 2500 руб.; делопроизводитель здесь получал 1800 руб., а регистратор — 900 руб. В штат вводилась новая должность — два чиновника XII класса с канцелярскими функциями получали 750 и 600 руб. (Там же. Л. 9, 17–18; РО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 68).

Еще в 1888 г. А. А. Бобринской добивается увеличения финансирования полевой и издательской деятельности Комиссии. В смету также была введена новая статья расходов — «сверхсметные кредиты», которая значительно расширяла возможности по приобретению древностей у частных лиц. При этом Комиссия передавала древности, выкупленные по собственной инициативе за бюджетные деньги, в российские музеи на безвозмездной основе. Так, в период 1881–1894 гг. ИАК передала в Императорский Эрмитаж 453 клада и отдельных находки, в Исторический музей — 270, в другие музеи — 435.

Вообще же, во второй половине 1880-х — 1890-е гг. штатный состав Комиссии значительно изменился. 1 сентября 1886 г., после длительных переговоров с А. А. Бобринским, младшим членом ИАК становится граф Иван Иванович Толстой, с продолжением службы в МВД (Ананьич 2007; Гайдуков 2008a: 203–206, 2008b: 159–166). 19 декабря 1889 г. по ходатайству А. А. Бобринского он был назначен конференц-секретарем Академии художеств, а 1 апреля 1890 г. — гофмейстером двора. Сам А. А. Бобринской, ходатайствуя о присвоении И. И. Толстому придворного звания, указывал, что тот «составил себе имя русской археологией и нумизматикой», однако впоследствии их отношения приобрели конфликтный характер. 19 января 1891 г. И. И. Толстой был уволен согласно собственному прошению, мотивируя это тем, что не имеет «возможности по недостатку к тому времени посещать ИАК» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 48. Л. 43 об., 48–50). Почти одновременно

9

Проектъ.

ШТАТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссіи.

НАИМЕНОВАНІЕ ДОЛЖНОСТЕЙ.	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ. Одному.	Всѣмъ.	Классъ должности и разрядъ по мундиру.
		Рубли.		
Товарищъ Предсѣдателя.....	I	4.000	4.000	У
Члены.....	I	4.000	4.000	У
	3	2.700	8.100	УI
	2	2.250	4.500	
Дѣлопроизводитель.....	I	I.800	I.800	УII
Регистраторъ.....	I	900	900	IX
Чиновники XII класса.....	I	750	750	XII
	I	600	600	
Итого.....	II	-----	24.650	---

Роспись штата Императорской археологической комиссии, 1902 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 262. Л. 9)

ТОЛСТОЙ Иван Иванович (31.12.1858 — 20.05.1916) — граф (1866), гофмейстер (1898), нумизмат и археолог, почетный член Академии наук (1897) и Академии художеств (1905). Сын министра почт и телеграфов И.М. Толстого, отец антиковеда академика И.И. Толстого. В 1880 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1881 г. служил по ведомству внутренних дел. В 1889 г. назначен конференц-секретарем Императорской академии художеств, а в 1893 г. — ее вице-президентом. Принимал деятельное участие в составлении нового устава Академии и ее преобразовании. Способствовал основанию и устройству Русского музея в Петербурге. С 1885 по 1890 г. — секретарь, с 1899 г. — помощник председателя ИРАО. Младший член (1886), член (1888–1891) ИАК, описывал все монетные клады, поступавшие в комиссию. С 1900 г. состоял председателем Русского общества печатного дела. С 1905 по 1906 г. — министр народного просвещения, в 1913–1916 гг. — городской голова Санкт-Петербурга. Автор многочисленных работ по нумизматике и археологии.

Осн. соч.: Древнейшие русские монеты вел. княжества Киевского. СПб., 1882; Русская допетровская нумизматика. Вып. 1 (Монеты великого Новгорода). СПб., 1884; Вып. 2 (Монеты Псковские). СПб., 1886; Знамя первых наших христианских великих князей // Труды VI Археологического съезда в Одессе в 1884 г. Одесса, 1887. Т. 1. С. 268–272; О русских амулетах, называемых змеевиками // Записки ИРАО. 1888. Т. 3. С. 363–413; Три клада русских денег XV-го и начала XVI в. // Записки ИРАО. 1889. Т. 4. С. 7–19.

Лит. о нем: *Жебелев С.А.* Граф Иван Иванович Толстой. 1858–1916. Пг., 1916; *Сухорукова А.С.* Иван Иванович Толстой (1858–1916) — министр, общественный деятель, нумизмат // Из глубины времен: Альманах. СПб., 1997. Вып. 9. С. 46–58; *Толстой И.И.* Дневник 1906–1916 / публ. Л.И. Толстой. СПб., 1997; *Ананьич Б.В.* И.И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 2007; *Гайдуков П.Г.* 1) К 150-летию со дня рождения Ивана Ивановича Толстого // РА. 2008. №4. С. 159–166; 2) Иван Иванович Толстой как коллекционер // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. М., 2008. С. 203–205.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-Т. Д. 21. Л. 1)

с И.И. Толстым 1 февраля из Комиссии уходит и близкий ему Н.П. Кондаков.

Похоже, что находящиеся между собой в дружеских отношениях граф И.И. Толстой и Н.П. Кондаков просто «не сработались» с новым председателем. Более того, граф И.И. Толстой начал активно интриговать против А.А. Бобринского и в самой Комиссии, и в Академии художеств. Отголоски этого конфликта можно найти и на страницах дневника тестя А.А. Бобринского — государственного секретаря

ДРУЖИНИН Василий Григорьевич (10.08.1859 — 15.01.1936) — историк церковного раскола, археограф, палеограф, коллекционер, член-корреспондент Российской академии наук (1920). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1889 г. получил степень магистра русской истории за диссертацию «Раскол на Дону в конце XVII в.». С 1888 г. секретарь отделения славяно-русской археологии РАО, а с 1890 по 1906 г. секретарь общества. С 1889 по 1896 г. член ИАК, стал ее первым фотографом. В 1896 г. перешел в Археографическую комиссию, с 1921 г. заместитель ее председателя. Член Комитета попечительства о русской иконописи (1903–1918). В 1929 г. исключен из Академии наук и арестован в 1930 г. Сослан в Ростов Великий. Собрал коллекции русского медного литья, старообрядческих рукописей XVII–XX вв.

Осн. соч.: Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889; Священноиерей Матвей Андреев, его беседы с беспоповцами и послания к ним. СПб., 1908; Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911; Поморский торжественник // Сборник в честь профессора С.Ф. Платонова. СПб., 1911. С. 34–55.

Лит. о нем: Память: Исторический сборник. М., 1976. Вып. 1. С. 383–384; *Берестецкая Т. В.* В.Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). Исследования по русской истории. М., 1994. Вып. 2. С. 214–227; *Плигузов А.И.* Библиотека В.Г. Дружинина // Отечественные архивы. 1994. №5. С. 20–24; *Гайдуков П. Г.* «Воспоминания» В.Г. Дружинина как источник по истории Императорской археологической комиссии // РА. 2010. №4. С. 136–142; Памяти В.Г. Дружинина. Материалы научных чтений / ред. И.М. Беляева. СПб., 2010.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 2. Д. 91. Л. 1)

А.А. Половцова, и в дневниковых записях Н.П. Кондакова осенью 1890 г. «Толстой в схватке с Бобринским... помочь в деле укрощения графа Толстого и примирения с Бобринским» (СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 3. Д. 11. Л. 558 об., 460 об.). Определенно об этом писал киевский профессор Ю.А. Кулаковский, посетивший Археологическую комиссию в январе 1891 г.: «В Комиссии теперь такие хлопоты и внутренние нестроения и даже разложения, что трудно что-нибудь закончить и даже столковаться. Толстой, вытеснивший Бобринского из Академии художеств, вышел неделю тому назад в отставку из Комиссии и заменен Дружининым, числившимся до того сверхштатным ее членом. Теперь подал в отставку и Кондаков — так что Комиссия сконцентрирована в Тизенгаузене, который видимо постарел, но все же один там стоит

крепким столпом. Занят он, как и председатель, выставкой, которую они устраивают после трехлетнего перерыва... Насчет будущего в Комиссии очень много планов и соображений, но все это или тормозится заботами о настоящем, или оказывается очень проблематичным» (Пучков 2004: 99–100). В этом конфликте В.Г. Тизенгаузен счел своим долгом встать на сторону председателя, с которым до определенного времени сохранял вполне дружественные отношения.

В связи с расширением полномочий Комиссии и увеличением трудов по ученой переписке 2 мая 1889 г. А.А. Бобринской ходатайствовал о назначении Василия Григорьевича Дружинина членом ИАК без содержания, в расчете усилить состав Комиссии «ученым секретарем» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 36. Л. 1 — 1 об.).

Это был первый опыт введения в ИАК сверхштатного члена, что стало возможным в связи с утверждением новых штатов Комиссии 1888 г. Коллежский секретарь В.Г. Дружинин состоял при МВД чиновником IX класса и уже был ученым секретарем одного из отделений РАО. Он был кавалером самого экзотического ордена среди членов ИАК — ордена Аннамского дракона, полученного им от императора Аннама, будущего Вьетнама, Тхань Тхаи за труды по организации IV Международного тюремного конгресса по линии МВД (Там же. Л. 28).

В результате В.Г. Дружинин был назначен 16 июля, но не членом, а «исправляющим обязанности» члена, поскольку должность самого члена соответствовала VI классу (Там же. Л. 8, 16 — 16 об., 19). Судя по всему, в Комиссию В.Г. Дружинин попал по рекомендации графа И.И. Толстого, с младшим братом которого, Дмитрием, будущим директором Эрмитажа, он учился в гимназии.

В непосредственные служебные обязанности В.Г. Дружинина входили заведывание библиотекой, подготовка и проведение археологических и реставрационных заседаний Комиссии, а также редактирование некоторых выпусков «Материалов по археологии России». Он упорядочил имевшийся карточный каталог книжного собрания Комиссии, вел протоколы заседаний.

Вместе с В.Г. Дружининым в работу ИАК пришли два важных новшества: публикация в «Отчетах» Комиссии подробных сведений о находках монетных кладов и неукоснительная практика фотографирования поступающих в ИАК предметов. Так, он предложил составлять списки поступивших кладов и располагать их по алфавиту местностей, откуда они поступали, с указанием судьбы клада и номера архивного дела о нем. Эти списки и стали печататься в Отчетах Комиссии. Стоит отметить, что книги поступления монетных кладов существовали и раньше и были, судя по всему, заведены П.И. Лерхом, однако в 1880-е гг. работа в этом направлении не велась столь интенсивно. Ее возрождение и оптимизация как раз и связаны с именем В.Г. Дружинина.

По поводу фотофиксации он писал: «До меня зарисовывал их простой рисовальщик и эти рисунки вшивались в дело. Я сам был хороший фотограф и доказал, что фотография пригодней ручной зарисовки. Потом я научил фотографировать сторожа Комиссии [И.Ф.] Чистякова, который стал прекрасно исполнять эти работы» (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 185, 187 об.).

СПИЦЫН Александр Андреевич (14.08.1858 — 17.09.1931) — археолог, историк, член-корреспондент АН СССР (1927). Крупнейший специалист по средневековым русским древностям. Занимался изучением, систематизацией, каталогизацией древностей России (бронзовый век, скифо-сарматские, волжско-камские, славянские древности), датировал многие важнейшие археологические памятники. В 1878–1882 гг. учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. По окончании преподавал в Вятской женской гимназии, изучал историю и древности Вятского края. В 1892 г. переехал в Петербург, где стал членом ИАК. Принимал активное участие в работе ИРАО, с 1907 г. хранитель его музея. Провел ряд экспедиций по исследованию древних памятников Вятской губернии. С 1909 г. читал лекции по археологии в Петербургском университете, с 1914 г. в Петербургском археологическом институте, а также в Новгородской мужской учительской семинарии. Был избран почетным членом Новгородского общества любителей древности. С 1919 г. член РАИМК. Заведовал разрядом русских, финских и литовских древностей. Организовал две комиссии: по изучению русской нумизматики и русской миниатюры. Похоронен на Смоленском кладбище.

Осн. соч.: Археологические разыскания о древних обитателях Вятского края. СПб., 1893; Расселение древнерусских племен по археологическим данным. СПб., 1899; Удлиненные и длинные русские курганы. СПб., 1903; Археологические раскопки. СПб., 1910; Русская историческая география: учебный курс. Пг., 1917.

Лит. о нем: *Жебелев С.А.* Археолог-энтузиаст. (Памяти Спицына) // СА. 1948. №10. С. 9–11; *Бич О.И.* Архив А.А. Спицына // Там же. С. 21–53; *Пассек Т. С., Латынин Б.А.* К столетию со дня рождения А.А. Спицына (1858–1958) // СА. 1958. №3. С. 3–6; *Равдоникас В.И.* Памяти А.А. Спицына (1858–1931) // Сообщение ГАИМК. 1931. №9/10. С. 54–62; *Платонова Н. И.* А.А. Спицын о предмете, задачах и методах археологии // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сборник статей памяти проф. И.В. Дубова. СПб., 2004. С. 134–149; История и практика археологических исследований: Материалы межд. науч. конф., посв. 150-летию со дня рождения А.А. Спицына. СПб., 2008; *Коников Б. А.* А.А. Спицын и средневековая археология Омского Прииртышья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3. С. 24-27; *Тихонов И.Л.* Деятельность А.А. Спицына в Санкт-Петербурге (1892–1931) // РА. 2009. №3. С. 145–154; *Клейн Л.С.* Собиратель: А.А. Спицын // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 566-584.

(Фото: ФО. Отп. О.778-65)

Время от времени В.Г. Дружинин направлялся ИАК для проведения исследований на восток и на юг империи (Там же. Л. 29). Судя по всему, полевые исследования не очень привлекали магистра русской истории, во всяком

случае он стремился ограничиться весьма кратковременными и локальными работами, не используя даже большей части финансовых средств, выделенных на их проведение. Как известно, еще в 1894 г. А.А. Бобринской вновь ходатайствовал перед министерством о введении в штат Комиссии должности ученого секретаря. Как только в 1896 г. выдалась возможность перейти на работу в Археографическую комиссию и заняться более традиционным для историка делом, В.Г. Дружинин не преминул ею воспользоваться. Он был уволен 22 декабря 1896 г. согласно собственному прошению (Там же. Л. 25 об.).

1 февраля 1892 г. младшим членом ИАК стал коллежский асессор, преподаватель Вятской Мариинской женской гимназии Александр Андреевич Спицын, с чьим именем связано развитие славяно-русской археологии и археологии эпохи бронзы и железа в рамках деятельности Комиссии.

Вопреки расхожему мнению о роли С.Ф. Платонова и Н.И. Веселовского в приглашении А.А. Спицына в Археологическую комиссию, именно В.Г. Дружинин сыграл здесь решающую роль. Он входил в число немногих близких друзей А.А. Спицына. Их знакомство началось в студенческие годы на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. В его квартире (В.Г. Дружинин был сыном богатого купца-старообрядца, владельца Кыштымских заводов на Урале) собиралась дружеская компания студентов этого факультета, на основе которой позднее возник «кружок русских историков». Постоянными посетителями обедов у Дружинина бывали С.Ф. Платонов, И.А. Шляпкин, К.А. Иванов, часто там бывал и А.А. Спицын (Бухерт 2000: 130). Дружеские связи между участниками этих собраний в дальнейшем поддерживались на протяжении почти всей жизни. В Музее истории СПбГУ хранится серебряный ковшичек-братина, преподнесенный С.Ф. Платонову сотоварищами со студенческих лет по поводу 25-летия его научной деятельности. На дне выгравирована надпись: «С.Ф. Платонову старые друзья 1883 I/III 1908 В. Г. Д. + К. А. И. + А. А. С. + И. А Ш.».

В переписке В.Г. Дружинина и А.А. Спицына уже с лета 1889 г. обсуждался вопрос о сотрудничестве последнего с Комиссией. Сразу же после назначения В.Г. Дружинина сотрудником Комиссии А.А. Спицын пишет ему из Вятки: «Всего лучше было бы для меня пристроиться не в гимназии, а где-нибудь при архиве и вообще при каких-нибудь кабинетных ученых трудах. Всего было бы лучше, если бы нашлось подходящее место в Археологической комиссии. Давно меня разбирает охота заняться общерусской археологией, и если бы мое желание совпало с желанием Комиссии, то я с удовольствием принял бы участие в ее трудах (конечно, важно, чтобы содержание соответствовало гимназическому — увы! Этот вопрос имеет капитальное значение). Вы ведь знакомы с гр. Толстым, так не можно ли Вас попросить перекинуться с ним об этом словечком-другим? Я знаю, что Комиссия уже давно занята вопросом об общем описании русских древностей, но не знаю, как идет это дело и кто его делает: есть ли у них для него особое лицо или эту работу разобрали члены Комиссии. Вам это нетрудно узнать» (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 465. Л. 37).

Сообщая о своих занятиях историей и археологией Вятского края, Спицын писал Дружинину в декабре 1889 г.:

«Ну, значит, теперь в Археологической комиссии у меня рука. Я очень пробирался к архиву Комиссии, где, я знаю, найдется немало для меня интересного, да как доберешься до Питера? Это не в лавочку сходить за вареньем. Не сообщите ли Вы мне, в порядке архив или нет? Можно ли найти в нем все, что относится, например, к древностям вятским? Или все существенное помещается в Отчетах?» (Там же. Л. 41).

В другом письме, датированном февралем 1890 г., сообщалось: «Еще раз спасибо Вам, голубчик, за заботы о привлечении меня в Комиссию, но я, право, боюсь оказаться неблагодарным. Дело в том, что гр. Уварова меня приласкала, снискала своими милостями, и, хотя я, может быть, щедро заплатил ей за внимание, но все же перебегать при этих условиях в чужой лагерь претит совесть. Я не из перелетов. Однако от души желаю успеха Археологической комиссии, которая могла бы стать во главе нашей археологии, если бы хотела, и не отказываюсь от мысли со временем принять участие в ее работах. Я медлил своим ответом Вам потому, что у меня было явилась мысль некая — проситься в члены Комиссии с жалованьем (до 1200 р.), чтоб заняться вплотную археологией, оставив гимназию, но думаю, что это невозможно, главное, потому, что я еще не зарекомендовал себя, по крайней мере, в настоящее время. Посмотрим — увидим (членом-наблюдателем от Комиссии в губернии я, конечно, готов быть с большим удовольствием)» (Там же. Л. 46). В январе 1891 г. Спицын вновь писал Дружинину о своих археологических работах и планах, делился сомнениями, полагая, что сначала должен зарекомендовать себя большой работой по археологии: «Втайне я рассчитываю стать со временем усердным работником для Комиссии, так как, конечно, только она может дать средства для таких предприятий, какие я задумываю, но мне надо, чтобы расставанье с М. А. О. произошло без боли. Так и потрудитесь пока сказать г. Тизенгаузену: рано или поздно я непременно примкну к Комиссии и надеюсь стать одним из деятельнейших ее сотрудников... Еще раз спасибо за участие. В конце концов, Вы приведете же меня в Комиссию, и я надеюсь, что Вы дадите ей если не хорошего, то порядочного работника» (Там же. Л. 54).

Сам В.Г. Дружинин вспоминал, что как только «возник вопрос о замещении двух открывшихся вакансий членов Комиссии, нужно было найти человека, который занялся бы изучением древностей бронзового века, производить раскопки курганов, по поручению Комиссии ездить доследовать хищнические раскопки, обследовать городища и майданы, описывать предметы этого периода и составлять описания поступающих в Комиссию собраний древностей.

Старший член Комиссии, de facto ею управляющий (В.Г. Тизенгаузен. — *Авт.*), обратился и ко мне за указанием кандидата. Я назвал ему С[пицына], аттестовал его как местного археолога и принес оттиски его печатных трудов. Мне поручено было с ним списаться и предложить приехать в СПб. для личных переговоров. С[пицын] приехал, понравился, и после переговоров принял должность члена Комиссии. ... Это место давало С[пицыну] 1800 р., что при его скромных потребностях его вполне удовлетворяло. С[пицын] был в восторге, т. к. это ставило его на ученую дорогу и научную работу...» (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6. Л. 12 — 12 об.).

Окончательное предложение принять должность члена ИАК, инициированное В.Г. Дружининым, поступило А.А. Спицыну непосредственно от А.А. Бобринского, как явствует из докладной записки самого А.А. Спицына от 31 декабря 1891 г., где он выражает свое совершенное согласие на сделанное предложение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 199. Л. 1).

1 января 1895 г. на должность старшего члена Комиссии был принят Николай Иванович Веселовский, бывший до этого некоторое время членом-корреспондентом ИАК. 1 декабря 1896 г. членом ИАК становится лектор Императорского Петербургского университета Федор Александрович Браун (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 227. Л. 14), однако 14 апреля 1900 г. подает рапорт об увольнении, мотивируя это своим назначением экстраординарным профессором Петербургского университета (Там же. Л. 16). В конце того же года А.А. Бобринской все же ходатайствует о назначении его сверхштатным членом Комиссии (о нем см.: Тихонов 2016; см. также: Тункина 2000b).

27 ноября 1896 г. А.А. Бобринской утвердил «Положение о распределении обязанностей служащих Археологической комиссии» на основании 20-го пункта Положения об ИАК, где этот вопрос был поставлен в зависимость «от усмотрения председателя». Проект нового Положения принадлежал В.Г. Тизенгаузену. Постоянное расширение деятельности Комиссии привело А.А. Бобринского к убеждению о пользе распределить служебные обязанности и ответственность всех служащих в Комиссии лиц. Каждый из трех штатных членов должен был заведовать отдельным районом. К его миссии относилось ведение археологическими делами и производство разысканий, собирание сведений о памятниках древности, принятие мер к сохранению случайных находок, их ученая оценка и издание, вопросы реставрации монументальных памятников, приготовление итоговых отчетов об исследованиях для последующей публикации, организация хранения, каталогизации и выставок поступивших в Комиссию древностей для Высочайшего воззрения, а также их распределение по музеям. Первый район включал в себя северную часть Европейской России и Сибирь примерно до 55-й широты, второй — от 55-й широты до Черного моря, Северного Кавказа и Каспия, третий — Северный Кавказ, Закавказье и Среднеазиатские владения России. Четвертый член в должности директора Керченского музея должен был ведать делами своего музея на месте, но вопросы научного характера входили в компетенцию второго члена Комиссии. Каждый из уполномоченных отчитывался по своему району на заседаниях Комиссии. Ведение общих вопросов и издание отчетов входят в обязанности товарища председателя Комиссии, которому были подчинены также библиотека и проведение выставок. Все входящие в ИАК бумаги должны были поступать на рассмотрение председателя (РО. Ф. 25. Д. 241. Л. 1–2). За второй регион до 1900 г. отвечал Ф.А. Браун: так, в конце 1890-х гг. ему было поручено А.А. Бобринским докладывать на заседаниях Комиссии о текущей реставрации Бахчисарайского дворца, крепости в Алуште и осматривать херсонесские раскопки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 19. Л. 137; РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 197. Л. 7), за северные широты — А.А. Спицын, третьим регионом ведал Н.И. Веселовский.

ВЕСЕЛОВСКИЙ Николай Иванович (11.1848 — 30.03.1918) — археолог, востоковед, специалист по истории Крыма, Кавказа, Золотой Орды, Средней Азии, Персии, Китая. Родился в Вологде в семье разночинцев. В 1867 г. окончил Вологодскую гимназию. В 1869–1873 гг. обучался в Петербургском университете на факультете восточных языков. В 1877 г. защитил магистерскую диссертацию. С 1884 г. профессор, ординарный профессор (1890), заслуженный ординарный профессор (1903) кафедры истории Востока Петербургского университета. С 1892 по 1918 г. профессор первобытной археологии в Петербургском археологическом институте. В 1886 г. за исследование Туркестанского края получил звание члена-корреспондента ИАК. С 1895 г. состоял старшим членом ИАК. Действительный член (1889), управляющий Восточным отделением (1908–1918) РАО. Действительный член МАО с 1887 г., ТУАК — с 1889 г. председатель разряда археологии и археографии Военно-исторического общества (1908–1918). Член Географического общества по отделу этнографии и редактор его записок. В 1884 г. командирован Археологической комиссией в Туркестанский край, где предпринял раскопки древних городов Средней Азии, в том числе первые раскопки на городище Афрасиаб. Результатом раскопок стало открытие эллинистического искусства домусульманского периода в Туркестане. Приобрел в Самарканде для Археологической комиссии значительные коллекции древностей. Принимал активное участие в научной фиксации, охране и проектах реставрации всемирно известных памятников зодчества мусульманского периода в Туркестане. С 1889 по 1917 г. ежегодно проводил археологические раскопки на городищах и могильниках юга России (Таврическая и Ставропольская губернии, Кубанская и Донская области). Раскопал сотни курганов, среди них такие известные памятники, как: Огуз (1891–1894), Деев (1897), Майкопский (1897), Костромской, Ульский, Келермесские, Солоха (1912–1913) и др. Исследовал городища: Недвиговское, Елизаветовское и др. Находки из раскопок явились значительным вкладом в коллекции Эрмитажа, в том числе в сокровищницу «Золотой кладовой». Список печатных трудов насчитывает около 200 работ.

Осн. соч.: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890–1898. Т. 1–3; Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе // Труды XII Археологического съезда в Харькове. М., 1905. Т. 1. С. 350–370; Лекции по истории Востока. СПб., 1910; Из находок в кургане Солоха // Известия ИАК. 1913. Вып. 52. Приб. С. 192–195.

Лит. о нем: *Жебелев С.А.* Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924). М., 2017; *Лунин Б.В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Ташкент, 1979; *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 88–92; *Клейн Л.С.* Курганы как искушение: Н.И. Веселовский // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 467–491.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 2. Д. 60)

БРАУН Федор Александрович (Фридрих фон) (20.07.1862 — 14.06.1942) — филолог-германист и романист, историк, этнолог. Магистр истории всеобщей литературы (1900), почетный доктор философии Лейпцигского университета (1921). В 1885 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1888 г. читал там лекции по истории западноевропейских литератур и германской филологии. В 1900 г., по защите магистерской диссертации, назначен экстраординарным профессором по кафедре истории западноевропейских литератур, с 1905 г. — ординарный профессор и декан историко-филологического факультета, а с 1906 по 1908 г. — проректор. Член учебного комитета Министерства торговли и промышленности.

С декабря 1896 г. по апрель 1900 г. — член ИАК, затем сверхштатный член; с сентября 1918 г. — член Совета РГАК. Действительный член РАО с 1892 г., член-корреспондент АН СССР (1927), иностранный член-корреспондент Шведской королевской академии литературы, истории и древностей (1926). Провел раскопки на городище Мангуп в Крыму, искал следы готов в Приазовье. Научная деятельность — изучение культурных взаимоотношений германского и славянского миров; работал над варяжским вопросом, владея в одинаковой степени скандинавским и русским материалом. В 1920 г. эмигрировал в Германию, был профессором университета г. Лейпицг (1922–1932), где основал школу славистики.

Осн. соч.: Die letzten Schicksale der Krimgoten. СПб., 1890; Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V в. Первый период: готы на Висле // Сборник II отд. Императорской Академии наук. Т. 64; Шведская руническая надпись, найденная на острове Березани // Известия ИАК. 1907. Вып. 23. С. 66–75; Den svenska runstenen från ön Berezanj utanför Dneprmynningen // Fornvännen årgång. 1914. Vol. 9. S. 44–48 (совместно с T. J. Arne).

Лит. о нем: *Тункина И. В.* Н. Я. Марр и Ф. А. Браун: история взаимоотношений (1920–1925 гг.) // Stratum plus. 2000. № 4. С. 384–392; *Тихонов И. Л.* Неоднократный декан историко-филологического факультета Ф. А. Браун // Мат-лы XXXI Всероссийской научно-метод. конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 10. Секция истории филологического факультета. СПб., 2002. С. 8–13.

(Фото: СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Б. Д. 406. Л. 1)

В 1891 г. поменялось руководство Керченского музея. 3 февраля Ф. И. Гросс подал рапорт об отставке, ссылаясь на ослабленную нервную систему и ревматизм, а также на чрезмерные служебные обязанности, ибо все это время он исполнял должность собственного помощника (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 28. Л. 3 — 3 об.). 2 апреля А. А. Бобринской ходатайствовал о его увольнении с 31 марта, прося до прибытия нового директора продолжать заведование музеем. Однако уже 28 февраля 1891 г. Карл

ДУМБЕРГ Карл Евгеньевич (Карл Теодор Роберт Георг) (12.10.1862 — 02.05.1931) — надворный советник, сын кандидата агрономии Дерптского университета. Окончил курс в Дерптском университете по ист.-филол. факультету в звании учителя исторических наук в гимназиях. Преподавал историю и географию. В 1889 г. избран членом Ученого эстонского общества, где был хранителем Нумизматического кабинета и членом-корреспондентом общества для исследования о. Эзель. В 1891 г. назначен на должность заведующего Керченским музеем и исправляющим должность члена ИАК. Проводил раскопки в Керчи, в 1896–1899 гг. первые крупномасштабные раскопки Пантикапея на северном склоне горы Митридат. В 1894 г. избран действительным членом ИООИД, в 1899 г. — членом Таврической ученой комиссии в Симферополе. Член-корреспондент Императорского РАО с 1900 г. В 1901 г. уволен от службы, согласно прошению по состоянию здоровья. В дальнейшем работал в статистическом комитете в Керчи, в археологию так и не вернулся. С 1915 г. — старший преподаватель и инспектор частной гимназии, позднее — ассистент минералогического кабинета университета в Дерпте.

Осн. соч.: Извлечение из отчета о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1899 г. // Известия ИАК. 1901. Вып. 1. С. 80–93; Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1900 г. // Известия ИАК. 1902. Т. 2. С. 40–60.

Лит. о нем: *Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерк истории столицы Боспора. М., 1964; *Федосеев Н. Ф.* Судьбы керченских археологов // Материалы юбилейной конф., посвящ. 175-летию музея (Керчь, 27–29 июля 2001 г.). Керчь, 2001. С. 18–29; *Непомнящий А.* Карл Думберг — археолог, краєзнавець, подвижник музейної справи в Криму // Праці Центру пам'яткознавства. 2006. Вип. 9. С. 94–102; *Мальмберг Я. Н.* Из глубины времен (В. К. Мальмберг — К. Е. Думберг — В. Г. Тизенгаузен) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 77–83.

(Фото: Архив Я. Н. Мальмберг)

Евгеньевич Думберг, преподаватель истории и географии Ревельской гимназии императора Николая I и член Ученого эстонского общества, заранее узнав от В. Г. Тизенгаузена об открывающейся вакансии, обратился к председателю ИАК с рапортом о назначении его директором Керченского музея (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 1).

А.А. Бобринской предполагал изначально сделать его лишь исполняющим должность без утверждения членом Комиссии, однако 31 марта К.Е. Думберг был утвержден министром двора в официальной должности. 1 июля 1891 г. он принимает дела музея и снимает для него новое помещение в доме Парфиевской.

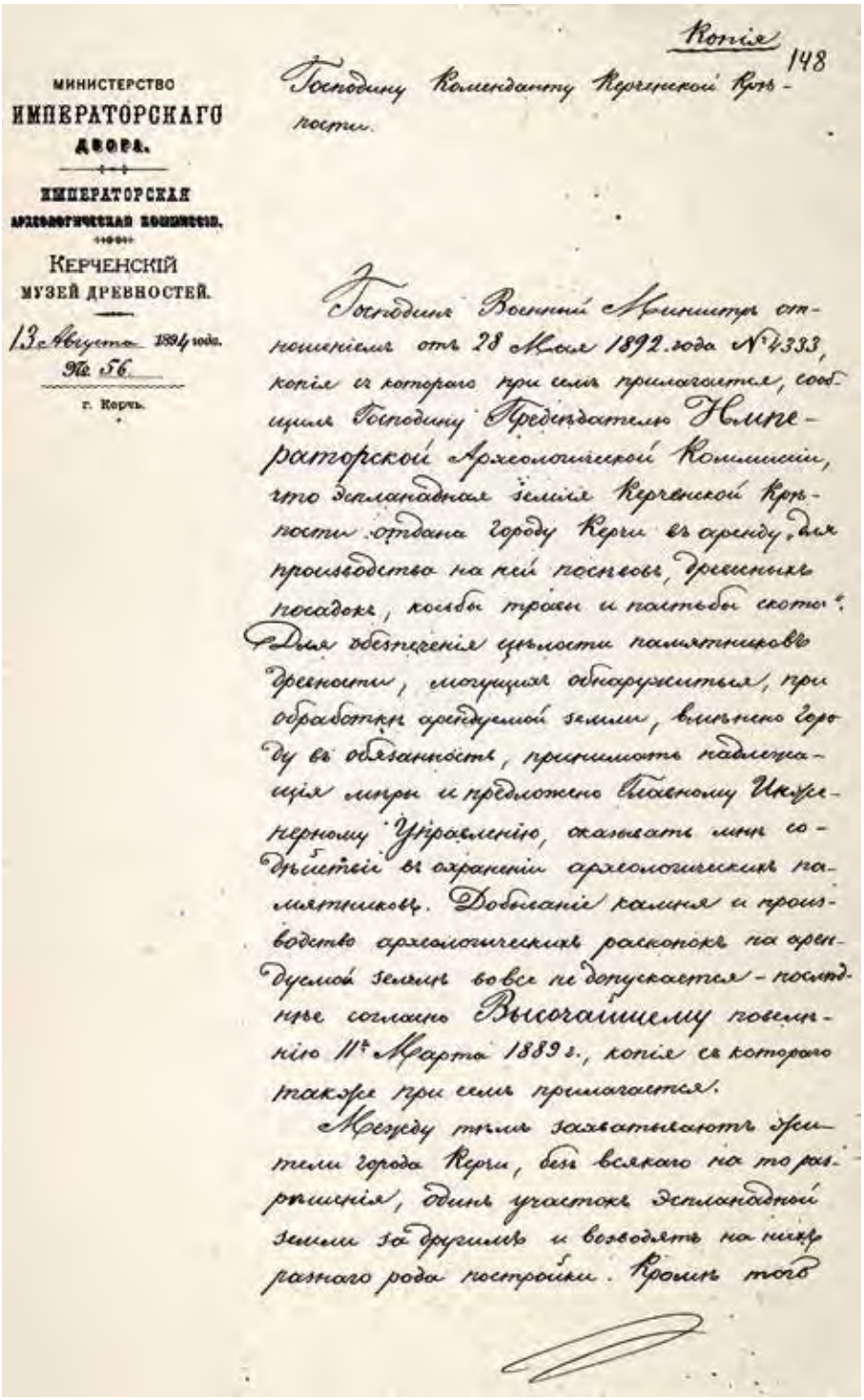
С именем К.Е. Думберга связаны существенные изменения в деятельности Керченского музея, его переезд в новое здание и формирование собственной библиотеки (подробнее см. главу II). В целях придания своим сотрудникам большего общественного веса и успеха борьбы с грабительскими раскопками он 16 декабря 1891 г. предлагает сделать специальные нагрудные бляхи для надсмотрщиков музея и сторожей. 26 мая 1892 г. специальный знак из латуни с надписью «Надсмотрщик Керченского музея» по рисунку архитектора Г. Солтыковича был утвержден министром двора, и одновременно приказом по Кабинету его императорского величества было объявлено, что в случае незаконных раскопок необходимо немедленно уведомить местную полицию и составить соответствующий акт в присутствии надсмотрщика (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 47, 94, 94 об.). 30 октября 1899 г. вновь для поддержания авторитета служащих музея он уже ходатайствует о введении особой формы для сторожей и надсмотрщиков Керченского музея по образцу сторожей ИАК. Стоит отметить, что штат музея в это время состоял из писаря Михаила Чернышева (с 1862 г.), сторожа Антона Основского (с 1894 г.), старшего надсмотрщика Семена Зяблова (с 1876 г.), второго надсмотрщика

Нагрудный знак надсмотрщика Керченского музея, утвержденный 26 мая 1892 г. по рисунку архитектора Г. Солтыковича. Эскиз (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 94–94 об.)

Емельяна Митрова (с 1899 г.) и сторожа при Царском кургане Василия Мазка (с 1895 г.) (Там же. Л. 225, 227).

Несмотря на это, отношения директора музея и председателя ИАК складывались не просто. 27 ноября 1895 г. К.Е. Думберг подал в ИАК рапорт о награждении серебряными медалями на «Станиславовой» ленте музейных надсмотрщиков Семена Зяблова и Павла Варсаблюка, однако сам А.А. Бобринской 9 декабря в то же время просил у министра за Ивана Маленко и Дмитрия Евфимова, которые работали на раскопках с Н.И. Веселовским, и ходатайствовал об их награждении перед керченским градоначальником Митрофаном Егоровичем Колтовским (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 281. Л. 1 — 2 об., 3–4).

Уже 30 декабря 1895 г. М.Е. Колтовский направляет секретный запрос К.Е. Думбергу, не состоят ли выше означенные Маленко и Евфимов



Копія 148

МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОММИССІЯ.

КЕРЧЕНСКІЙ
МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ.

13 Августа 1894 года.
№ 56.

г. Керчь.

Господину Коменданту Керченской Крѣпости.

Господинъ Военный Министръ отношеніемъ отъ 28 Мая 1892 года № 4333, копія съ котораго при семъ прилагается, сообщилъ Господину Предсѣдателю Императорской Археологической Коммиссіи, что эспланадная земля Керченской Крѣпости отдана городу Керчи въ аренду, для производства на ней посѣвовъ, грецкихъ посадокъ, ловли травъ и пастьбы скота. Для обезпеченія цѣлости памятниковъ древности, могущихъ обнаружиться, при обработкѣ арендуемой земли, вмѣнено городу въ обязанность, принимать надлежащія мѣры и предложено Главному Инженерному Управленію, оказывать мѣры содѣйствія въ охраненіи археологическихъ памятниковъ. Добываніе камня и производство археологическихъ раскопокъ на арендуемой землѣ вовсе не допускается - послѣдніе согласно Высочайшему повелѣнію 11 Марта 1889 г., копія съ котораго также при семъ прилагается.

Между тѣмъ захватываютъ арендатели города Керчи, безъ всякаго на то разрѣшенія, одинъ участокъ эспланадной земли за другимъ и возводятъ на нихъ разнаго рода постройки. Кромѣ того

Бланк Керченского музея древностей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 148)

в «счастливчиках» и не занимаются ли кладоискательством, нанося тем вред, а не пользу археологии. 1 января 1896 г. К.Е. Думберг, оговариваясь, что прямых доказательств у него нет, свидетельствует о своей убежденности в этом и 2 января пишет по данному поводу самому А.А. Бобринскому (Там же. Л. 5 — 5 об., 6–7). 15 января 1896 г. председателю ИАК отправил письмо и керченский градоначальник: И. Маленко и Д. Евфимов, «закоренелые счастливчики и опытные воры», «несмотря на службу при археологии, есть самые отчаянные враги ее, беспрерывно занимаясь тайным кладоискательством и сбывая все найденные древности не представителям археологии, а частным лицам». Они заслуживают «не награду, а изгнания и устранения от всякого соучастия в археологии» (Там же. Л. 25–26). Инициированное графом награждение не состоялось.

Почти 10-летний период руководства К.Е. Думберга Керченским музеем закончился драматично. 7 марта 1900 г. он подает в Комиссию рапорт о том, что с 1 июля истекает срок аренды дома Парфиевской, в котором располагался музей, и что хозяйка требует увеличения аренды до 1100 руб. в год. 18 марта А.А. Бобринской ходатайствует перед министром о дополнительных средствах, однако уже 12 апреля К.Е. Думберг подает первый рапорт об увольнении. Председатель Комиссии просит его сначала произвести порученные ему работы на Ольвийском некрополе, но 18 апреля появляется новый рапорт, где К.Е. Думберг, со ссылкой на свою ревматическую болезнь, отказывается от этих раскопок и вновь просит об увольнении. Следующий рапорт датируется 28 апреля, где он вновь подчеркивает свои заслуги и мотивирует необходимость отставки своим болезненным состоянием (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 231, 235, 241, 250, 258–261). Только начатый им переезд музея заставил его еще на один год задержаться в Комиссии.

Именно в это время К.Е. Думберг терпит еще одно поражение в своей борьбе за сохранение керченских древностей, которую он вел с 1897 г. Он боролся за передачу горы Митридат непосредственно в ведение ИАК для окончательного археологического расследования. 14 января 1898 г. Главное инженерное управление Военного министерства, в ответ на письмо А.А. Бобринского от 12 мая 1897 г., вроде бы отклонило ходатайство МВД о передаче этого участка Керченскому городскому правлению и даже предлагало сдать гору в аренду городу с тем непременным условием, чтобы «участки, потребные ИАК для изысканий с научной целью, могли быть выделяемы из аренды во всякое время по первому требованию военного ведомства без всякого за то вознаграждения городу». Однако в 1901 г. вопрос о Митридатовой горе был решен совершенно без участия Комиссии: военные просто произвели обмен этого участка на иную городскую землю (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 187–189, 196–197). 3 мая 1901 г. следует новый рапорт о попытке захвата эспланады горы Митридат Керченским городским правлением, что сопровождалось напоминанием об уже поданной просьбе об увольнении. 12 мая 1901 г. хранителю Мелек-Чесменского кургана преподавателю Керченской Александровской гимназии Владиславу Вячеславовичу Шкорпилу, который уже временно заведовал музеем в мае 1897 г., поступило предложение А.А. Бобринского принять

ШКОРПИЛ Владислав Вячеславович (1853 — 27.12.1918) — археолог, эпиграфист. Действительный член ООИД (1894), ТУАК (1903), Германского археологического института, Общества чешских филологов, Варненского археологического общества. По национальности чех, в 1893 г. принял подданство России. Образование получил в Пражском университете и Русском филологическом семинаре при Лейпцигском университете в 1878 г. По окончании получил назначение в Таврическую губернию — в ялтинскую Александровскую гимназию преподавателем древних языков. Затем переведен в Керченскую гимназию (1886–1903), где заинтересовался памятниками Боспора. В 1894 г. назначен хранителем Мелек-Чесменского кургана в г. Керчи. С 1901 по 1918 г. — член ИАК и директор Керченского музея древностей (с оставлением преподавателем). В честь 50-летия ИАК (1909) выражена благодарность за удачные раскопки, найденные ценные древности и за труды по искоренению кладоискательства, которое значительно сократилось. Опубликовано около 100 работ. В декабре 1918 г. убит грабителями курганов.

Осн. соч.: Вновь открытая христианская катакомба // ЗООИД. 1895. Т. 18. С. 185–198; Из архива Керченского музея древностей: Ашик и Карейша // Известия ТУАК. 1907. №40. С. 61–73; Боспорские надписи, найденные в Керчи в 1910 году // Известия ИАК. 1911. Вып. 40. С. 92–114.

Лит. о нем: *Марти Ю.Ю.* Памяти В.В. Шкорпила // ИТУАК. 1919. №56. С. 144–147; *Шестаков С.А.* Жизнь и деятельность Владислава Шкорпила // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Владислава Шкорпила. 1993. Керчь. 1993; *Лазенкова Л.М.* Керченский музей древностей: Исследователи: В.В. Шкорпил // Боспор Киммерийский: Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 145–152; *Гриненко Л.О.* «Керченский коллега» (Роль В.В. Шкорпила в становлении Херсонесского музея) // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. 9. С. 330-359; *Застрожнова Е.Г.* Внутриполитический кризис в России и археологическое изучение античного наследия Восточного Крыма (1914–1919 гг.) // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции / под ред. И. А. Сорокиной. М., 2017. С. 24–26.

(Фото: ФО. Отп. Q 308-19, фрагмент)

у К.Е. Думберга дела, что и было сделано 6 июля. 15 июля 1901 г. прежний директор был отправлен в отставку.

Невозможно не обратить внимания на практически одновременную отставку В.Г. Тизенгаузена, Ф.А. Брауна, К.Е. Думберга и И.А. Суслова (1900–1902). В действительности это не было случайностью, все четверо ушли из Комиссии в результате серьезного конфликта, который имел под собой личностные, административные и научные причины.

Несмотря на то, что одна из сторон конфликта относит его начало к 1892 г., т. е. ко времени прихода А.А. Спицына в Комиссию, вплоть до лета 1899 г. ничто не предвещало серьезных потрясений в этом учреждении. К.Е. Думберг не собирался в отставку: 15 марта 1898 г. он просит представить его к следующему чину, а также ходатайствует о выделении денежного пособия. Более того, он намеревался расширить свою полевую деятельность: 14 июля он запрашивает Открытый лист на раскопки Кобанского могильника в «Сунженском отделе Терской области» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 3. Л. 87 — 87 об., 122 — 123 об.). Возможно, именно здесь, на Северном Кавказе, и столкнулись впервые его научные интересы с планами Н.И. Веселовского, который за год до этого раскопал знаменитый Майкопский курган.

Одновременно назревал конфликт и в Петербурге между «старой гвардией» и «новобранцами». 27 июня 1899 г. исполнялось 50 лет государственной службы В.Г. Тизенгаузена и 45 лет службы И.А. Суслова. По этому поводу последний, «за свой счет», организовал торжественный молебен с придворным духовенством, после чего состоялся скромный праздничный обед. В адрес юбиляров поступило несколько поздравительных телеграмм. Однако ни Н.И. Веселовский, ни А.А. Спицын, ни И.С. Сутулло никак не поздравили В.Г. Тизенгаузена: если первый просто отсутствовал в Петербурге, то остальные, пребывая в помещениях Комиссии, демонстративно проигнорировали праздничные мероприятия. С возмущением описывая происшедшее на «непризнанном юбилее» в своем письме к А.А. Бобринскому, И.А. Суслов не только дает выход эмоциям, но и указывает на существующие, по его мнению, фундаментальные причины нестроений в Комиссии. Отношение новых членов ИАК к себе и В.Г. Тизенгаузену он объясняет «силой зависти, беспредельной ненавистью, беззубой злобой»: «Мыслимо ли было видеть всю эту мерзость до начала 1892 года?»

Заявляя, что эти сотрудники «губят Комиссию», он характеризует их как «псевдоученых» и «изобретателей прикладной археологии». По его мнению, они ставят себе в заслугу «обработку чужого труда», его «скомпоновку и напечатание под своим флагом, но за счет Комиссии». Непосредственно А.А. Спицын обвиняется в «издании приятельских коллекций». Сравнивая стоимость издания «Древностей камской чуди» и «Русских кладов», он пишет, что «ловко проведенный вопрос об изготовлении для Теплоухова таблиц обошелся для Комиссии дороже I тома труда ак[адемика] Кондакова» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 20–23; Древности камской чуди 1902; Кондаков 1896).

Именно тогда в Комиссии возникло новое напряжение. 2 июня и 18 июня 1899 г. начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского войска генерал-лейтенант Я.Д. Малама сообщал в ИАК из Екатеринодара о разграблении

курганов на Зубовских хуторах, которые якобы находятся на частной земле, а также об открытии древних погребений у селения Гатлукай.

Ф.А. Браун, заведовавший в это время делами ИАК, командировал Н.И. Веселовского, который тогда вел раскопки недалеко от Майкопа, для осмотра открытых памятников и для принятия мер против их разграбления. Однако в письме 7 июля Н.И. Веселовский, ссылаясь на трудности путешествия, практически отказывается от поручения: «Может быть, надумавши, и заеду... Скучно ездить по административным указаниям» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 3 — 4 об.). Судя по последующим письмам, Ф.А. Браун был глубоко задет таким ответом.

Почти одновременно, с июня 1899 г., в Комиссию стала поступать информация о том, что Н.И. Веселовский не присутствует на раскопках, а оставленный им в качестве руководителя керченский надсмотрщик И. Маленко торгует находками и ведет разгульный образ жизни. Сведения об этом в письмах на имя И.А. Суслова сообщал книготорговец из Ростова-на-Дону Ф.С. Романович (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 21 — 23 об.). Действительно, по запросу ИАК, околоточный надзиратель Майкопа Федриков сообщал о кутежах и распутстве И. Маленко, который «уже несколько лет по поручению профессора Веселовского самостоятельно производил раскопки курганов, а профессор приезжал только для того, чтобы забрать то, что найдет Маленко» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 7–10).

К.Е. Думбергу, который и ранее не доверял И. Маленко, было поручено провести расследование инцидента, в результате чего все факты подтвердились, а дополнительно выяснилось, что сам Н.И. Веселовский в это время находился на даче в Анапе (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 5. Л. 137–140). В связи со скандалом в Майкопе он вновь напомнил руководству Комиссии уже известное нам донесение керчь-еникальского градоначальника о керченских надсмотрщиках Евфимове и Маленко как «закоренелых счастливчиках», недостойных государственной награды (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 2 — 2 об.). Поступившее в 1900 г. поручение А.А. Бобринского произвести раскопки в Ольвии было расценено К.Е. Думбергом как ссылка и наказание, своеобразный «карт-бланш» на действия Н.И. Веселовского на Тамани и в Керчи. Очевидно, именно тогда у него сложилось окончательное решение покинуть ИАК — первое прошение об отставке, как мы уже знаем, было подано 12 апреля 1900 г. В.Г. Тизенгаузен и Ф.А. Браун отнеслись к происшедшему схожим образом и заявили о дальнейшей невозможности работать в Комиссии: первый уходит в отставку 27 мая, второй — 14 апреля.

Сам К.Е. Думберг продержался в ИАК дольше всех, что было связано, как мы уже знаем, с переездом музея в новое здание. 23 ноября 1900 г. в своем письме И.А. Суслову, с которым поддерживал весьма близкие отношения, он, жалуясь на ревматизм, пишет: «Граф подумает, пожалуй, что я намеренно откладываю все в долгий ящик», имея в виду, очевидно, упомянутый переезд (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 5. Л. 161 — 162 об.). Еще ранее, 14 сентября, он сожалел в одном из писем, что никак не может «избавиться от музея». Здесь же он оценивает, по счастью ошибочно, будущее ИАК: «Что касается судьбы Комиссии, то я более чем убежден, что она рассыплется даже без нас, благодаря одной только глупости

графа», и предрекает, что «Московская X, наверное, скоро начнет войну», имея в виду, судя по всему, П.С. Уварову (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 5. Л. 137–140).

Судьба Комиссии обсуждалась и в Петербурге. А.А. Бобринской весьма переживал случившееся. В своем письме И.А. Суслову от 20 июня 1900 г. он несколько приоткрывает суть происшедшего конфликта и пишет, что именно на нем «лежит “грех” по последним приключениям в Комиссии»: «Грешен я в том, что моим чересчур добрым и любезным отношением, к сожалению, довел до кризиса. Грешен, что не мог ожидать, что люди, как, например, К.Е. Думберг, предпочтут подчиниться капризу, поставят на первый план мелкие личные интересы и пожертвуют судьбой Комиссии и науки». В заключение он утверждает: «Вся трагикомедия, которая разыгралась весной в Комиссии, является делом неразумным и относительно меня — очень не благодарным» (Там же. Л. 74 — 74 об.).

Именно в этих условиях произошла отставка В.Г. Тизенгаузена и начались переговоры о назначении в Комиссию В.В. Латышева, чему сопротивлялся И.А. Суслов. 24 апреля 1900 г. А.А. Бобринской просит делопроизводителя ИАК дать «немедленное дальнейшее движение» его рапорту министру двора в отношении Латышева. Он также пытается успокоить И.А. Суслова: «На чем основаны Ваши опасения — не понимаю и надеюсь, что спокойно обдумав дело — Вы убедитесь, что Ваше положение в Комиссии не будет поколеблено» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 30 — 30 об.). Однако 27 апреля И.А. Суслов предпринял еще одну попытку отстоять свои позиции. В письме А.А. Бобринскому он утверждает, что непредвиденная председателем отставка В.Г. Тизенгаузена, К.Е. Думберга и Ф.А. Брауна, которая тогда еще только намечалась, но о которой он пишет как о свершившемся факте, поставила председателя ИАК в безвыходное положение. Упоминая, что должность «товарища председателя» была создана исключительно для Тизенгаузена, он нелицеприятно характеризует В.В. Латышева и, указывая, что тот является близким другом Н.И. Веселовского, утверждает, что вся «компания будет стремиться лишь к тому, чтобы ослабить власть председателя». Письмо он заканчивает намеком на свой возможный переход в другое учреждение Министерства двора (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 18–19).

Отношения между И.А. Сусловым и Н.И. Веселовским продолжали портиться. Летом 1901 г. делопроизводитель Комиссии отправил летнее жалование Н.И. Веселовскому по почте в Анапу, где тот пребывал на своей даче. Однако 18 июля 1901 г. Н.И. Веселовский прислал в ИАК безадресную записку, где выказывал свое возмущение как самим фактом перевода, так и произведенными копеечными вычетами на почтовые расходы (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Д. 43. Л. 233). В ответ И.А. Суслов 1 августа пишет Н.И. Веселовскому письмо, где перечисляет все старые обиды. Прежде всего, он упрекает Н.И. Веселовского в узурпации власти в ИАК: после увольнения В.Г. Тизенгаузена, К.Е. Думберга и Ф.А. Брауна тот принял на себя роль владыки и вершителя судеб Комиссии. Были и причины личного характера: в вину профессору ставились «высокомерие», «юпитерский взгляд» и «холодный тон речи». Похоже, что Н.И. Веселовский общался с делопроизводителем через близкого ему регистратора И.С. Сутулло. И.А. Суслов упрекал Н.И. Веселовского в том,

что тот вторгался в сферу его служебных обязанностей, что непосредственно выразилось в самостоятельном заказе ящиков для перевозки археологических коллекций. Это в свою очередь порождало проблемы с Контролем Министерства двора. Пожалуй, самым серьезным обвинением являлось манкирование служебными обязанностями и непрофессионализм. И.А. Суслов писал, что ему пришлось много работать за самого Н.И. Веселовского. В частности, речь шла о «разработке» привезенных Н.И. Веселовским в 1896 г. в огромном количестве древностей, к составлению описи и журнала раскопок которых, по требованию В.Г. Тизенгаузена, он приступил только в апреле 1898 г. И.А. Суслов утверждает, что и то и другое ему пришлось переделывать вместе с В.Г. Тизенгаузеном и И.Ф. Чистяковым летом в течение 4 месяцев по 12 часов ежедневно, поскольку самим Н.И. Веселовским все было составлено так, что «журнал не сходился с описью, опись с вещами, а нумерация вещей ни с тем, ни с другим» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 26 — 29 об.).

Одновременно развернулся новый виток конфликта вокруг личности В.В. Суслова и его трудов по реставрации Софийского сбора в Новгороде. В конце 1900 г. тот обратился с прошением на Высочайшее имя о назначении ему пожизненной пенсии. Начальник Канцелярии прошений барон Александр Андреевич Будберг (1853–1914) направил соответствующий запрос в ИАК. 29 декабря А.А. Бобринской дал отрицательный отзыв, упоминая проблемы при реставрации собора, который оказался «раскрашенным посредственной живописью». Такое же письмо было отправлено К.П. Победоносцеву (Там же. Л. 37 — 39 об.).

В.Г. Тизенгаузен, находившийся в это время в отставке, вместе с тем был в курсе происходящих вокруг ИАК событий. 14 января 1901 г. он адресует А.А. Будбергу свою версию происшедшего, утверждая, что А.А. Бобринской «оклеветал» В.В. Суслова, в частности, упрекая того в небрежности работ в Софийском соборе и преднамеренной утайке некоторых граффити. В неудаче реставрации, по мнению В.Г. Тизенгаузена, виноваты Н.М. Сафонов, М.П. Боткин и, отчасти, ИАК: «В несвоевременном описании, обследовании и сохранении надписей... кругом виновата сама Археологическая комиссия, в чем я откровенно должен сознаться, потому что доля вины этой падает и на меня». Согласно его точке зрения, В.В. Суслов сразу же уведомил Комиссию о возникших проблемах. Поэтому возлагать всю вину на В.В. Суслова недопустимо, что, по его словам, готов подтвердить и И.И. Толстой, который, как мы помним, также находился в конфликте с Комиссией (Там же. Л. 53–54).

Судя по всему, В.Г. Тизенгаузен тяжело переживал свой уход из Комиссии, где прослужил 38 лет. Спустя год после выхода в отставку, 27 мая 1901 г., он пишет И.А. Суслову письмо, в котором сквозь радость «избавления от служебных смут и дрязг» чувствуется своеобразное переживание за судьбу ИАК. «Мирное, скромное и честное строгановское учреждение» превратилось, по его мнению, в «разгульный приют тех ловких карьеристов», которые «к добру и злу постыдно равнодушны»: «Строганов, думается мне, и на порог Комиссии не пустил бы такого человечка». Упрек в таком положении дел бросается новому председателю: «И это опять делает начальник ученого учреждения,

родовой дворянин, сенатор, блюститель права и закона». Новые сотрудники характеризуются им как «самонадеянные невежды», «беззастенчивые тунеядцы» и «казнокрады особого рода». Так же он оценивает и их научные заслуги: «Читаю теперь последнее произведение Спицына... и не могу надивиться его бестолковщине».

Стоит отметить, что научная полемика между В.Г. Тизенгаузеном и А.А. Спицыным этим не ограничивалась. Известна рецензия первого на весьма слабую и неудачную статью А.А. Спицына «О степени достоверности записки Ибн-Фадлана» (Спицын 1899а: 161–166). Рецензия с характерным названием «В защиту Ибн-Фадлана» указывала на то, что сочинение арабского географа тогда еще не было известно в полном объеме, и на поверхностный и дилетантский характер «вторжения» в данную область А.А. Спицына, даже не знавшего некоторой литературы по этой теме (Тизенгаузен 1900: 024–032).

В архиве В.Г. Тизенгаузена сохранилось письмо А.А. Спицына от 11 декабря 1900 г., представляющее собой ответ оппоненту: «Я уже ознакомился с Вашей защитой Ибн-Фадлана, и очень жалею, что Вы здесь приняли слишком пренебрежительный тон. Поднятый мною вопрос серьезнее, чем думается на первый взгляд, и не так-то легко одним взмахом пера сбить меня с моей позиции. Моя постановка вопроса уже потому вполне серьезна, что она единственно научная, так как сочинение Ибн-Фадлана до сих пор имеет только панегиристов и комментаторов и не имеет критиков. Спорить с Вами много и долго я не буду, потому что не имею на это времени и расположения; я спокоен за свою мысль, зная, что всякий новый взгляд усваивается только со временем. Смело говорю это, хотя хорошо знаю, что Вы по поводу такого заявления скажете. Искренне благодарный за Ваше доброе отношение ко мне, А. Спицын» (АВ ИВР РАН. Ф. 52. Оп. 2. Д. 11. Л. 1 об.). Довольно резкий тон письма к пожилому, заслуженному ученому объясняется и долгой предысторией конфликта, и тем, что к этому времени бывший товарищ председателя Комиссии уже вышел в отставку.

В заключение своего письма И.А. Суслову от 27 мая В.Г. Тизенгаузен пишет: «Не теряю надежды повидать Вас вскоре у меня на даче» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 38 — 39 об.). Дача В.Г. Тизенгаузена находилась в Меррекюле, курортном местечке на берегу Финского залива, недалеко от Нарвы. Очевидно, И.А. Суслов побывал там в июле того же года, о чем свидетельствует фотография, посланная В.Г. Тизенгаузеном в Петербург 27 июля.

Вместе с тем факты, связанные с жизнью Комиссии, которые вызывали неудовольствие И.А. Суслова, продолжали множиться. Так, благодаря запросу рыбинскому уездному исправнику от 14 декабря 1901 г., удалось выяснить, что вместо раскопок в Киевском уезде А.А. Спицын с 15 мая по 15 августа проживал под Рыбинском в имении общих знакомых (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 52, 62), хотя им были получены командировочные на раскопки в с. Колодистое Звенигородского уезда Киевской губернии, которые он должен был провести совместно со студентом В.Н. Доманицким. Впрочем, из текста отчета действительно следует, что В.Н. Доманицкий какое-то время работал один (ОИАК за 1900 г. 1902: 81–85). И.А. Суслов так и остался непонятым председателем ИАК. Все это привело

В.Г. Тизенгаузен и И.А. Суслов на даче в Меррекюле под Нарвой, июль 1901 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 52)

к отставке. Летом 1902 г. этот «служака николаевского закала», как он сам себя характеризует, делает последнюю попытку объясниться с А.А. Бобринским. 13 июня он сетует в своем письме, что отношение к нему председателя Комиссии «изменилось с осени 1900 г. не в мою пользу без малейшего повода» с его стороны в результате интриг «известных лиц» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 110 — 111 об.). 1 декабря 1902 г. он выходит в отставку.

Его отставка вызвала шок в археологическом сообществе России. 14 января 1903 г. П.С. Уварова отправляет ему трогательное письмо от имени МАО, где говорится, что общество, «узнав об оставлении Вами занятий в Императорской археологической комиссии почти накануне исполняющегося 50-летия Вашего служения», «не может не высказать своего искреннего и глубокого своего сожаления по этому поводу». Благодаря И.А. Суслова за сотрудничество, она пишет, что МАО «неизменно встречало с Вашей стороны самое просвещенное, строго корректное и радушное отношение ко всем его нуждам, занятиям и запросам научного характера». Еще ранее, узнав о готовящейся отставке, К.К. Косцюшко-Валюжинич прислал в Комиссию телеграмму, где, обращаясь к И.А. Суслову, писал: «Вы уходите из Комиссии, но не из моего сердца» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 60). Свои сожаления по поводу отставки прислали П.В. Зубов, А.В. Орешников и архимандрит

Хачик (Дадян), а Н.П. Лихачев, узнав об этом, даже приехал к И.А. Суслову на квартиру и в оставленной записке выражал уверенность, что тот пострадал «за неослабное соблюдение служебного долга», и сожалел, что «кривда победила правду» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 58 — 59 об., 68, 80 — 82 об.).

Для того чтобы оценить всю сложность и неоднозначность отношений председателя ИАК и ее делопроизводителя, стоит вспомнить, что по ходатайству А.А. Бобринского в 1886 г. И.А. Суслову была предоставлена казенная квартира и удвоено жалование. Даже после выхода И.А. Суслова в отставку А.А. Бобринской продолжал ходатайствовать об оставлении ему квартиры, увеличении пенсии и постоянных денежных пособиях на воспитание и лечение детей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24. Л. 242, 262, 266, 268). Сын И.А. Суслова, Николай Ильич Суслов, с 25 апреля 1895 г. состоял вольнонаемным при ИАК для различных занятий, с 26 апреля 1898 г. был канцелярским служителем Комиссии, а 1 января 1903 г. стал здесь же канцелярским чиновником XII класса, занимаясь описанием библиотеки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 238. Л. 40 об.).

Обида И.А. Суслова на ИАК и ее председателя так и не утихла. 23 июня 1914 г., в день 60-летия своей службы, он напоминает А.А. Бобринскому о своем юбилее, отправляя ему телеграмму со следующими словами: «желаю Вам, граф, достичь такового же дня, сохранив общее нелицемерное к Вам уважение...». Подпись — «Бывший ветеран Археологической комиссии Илья Суслов» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 64). Интересно, что И.А. Суслов не просто сохранил в своем личном архиве подборку документов по истории конфликта в ИАК 1899–1902 гг., но и своеобразно ею распорядился. В марте–апреле 1917 г. он целенаправленно отправляет А.В. Орешникову в Исторический музей эти материалы, дабы сохранить память о деяниях некоторых членов ИАК: «Я скорблю, очень скорблю, что многое, не лишенное интереса для будущего историка Археологической комиссии, уйдет со мной в могилу» (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43. Л. 221).

А.В. Орешников уже был в курсе этого конфликта из письма, которое И.А. Суслов направил ему еще 8 декабря 1900 г. (Там же. Л. 212 — 214 об.). Теперь бывший делопроизводитель подводит итог деятельности Комиссии, резко прочерчивая грань между эпохами Строганова и Бобринского. Прежде в ИАК служили люди, не набиравшие себе в сотрудники легион «“недоучек-молодцов” для массового уничтожения курганов и городищ, высокоценных для будущих ученых исследователей». Из новых приобретений Комиссии он выделяет только Б.В. Фармаковского. Здесь же он пишет о «захвате власти обольщенного Председателя», лжи, практикуемой «“дельцами” Комиссии в изданиях ее и при ежегодных обозрениях выставок древностей», якобы имевших место финансовых злоупотреблениях и перерасходе средств на издания (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 66 — 67 об.).

И позднее И.А. Суслов обращался к А.В. Орешникову. Первое письмо датировано 18 марта 1917 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43. Л. 221–222; ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 65 — 65 об.). Вместе с ним он отправил в Москву копию своей телеграммы А.А. Бобринскому от 23 июня 1914 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43. Л. 223) и копию своего письма министру двора В.Б. Фредериксу

от 25 февраля 1913 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43. Л. 224 — 225 об.). Второе письмо А.В. Орешникову датировано 19 апреля 1917 г. (сохранилось в двух копиях: ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43. Л. 241 — 241 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 66 — 67 об.). К нему И.А. Суслов также присовокупил ряд документов: фотокопии письма Тизенгаузена (оригинал поступил позже, вместе с фондом, очевидно, в 1923 г.: ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 109 — 109 об.), подлинную записку Н.И. Веселовского (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43. Л. 233, 240), копию своего ответа Н.И. Веселовскому от 1 августа 1901 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43. Л. 234 — 239 об.) и некоторые другие документы.

Летом 1917 г. И.А. Суслов перебрался в Ярославль. Здесь он сохранял добрые отношения с В.В. Сусловым, последняя открытка от которого, сообщающая о новостях в Комиссии, датирована 11 января 1918 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 114). И.А. Суслов скончался в августе 1919 г., а основная часть его архива, в частности переписка 1874–1902 гг., была передана в музей несколько позже, уже сыном Суслова — Алексеем Ильичем (1887–1962), впоследствии — архитектором и реставратором в Ярославе (см.: ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. Р-2543). Об этом написал А.В. Орешников в своем дневнике за 31 (18) мая 1921 г.: «...в Музей заходил сын Ильи Андреевича Суслова, умершего в августе 1919 г. и велевшего отдать некоторые свои бумаги в архив Музея; сын обещал их прислать» (Орешников 2010: 290). В Отделе письменных источников ГИМ эти материалы числятся за двумя номерами в Главной инвентарной книге: № 54677 (5 переплетов и 2 папки) был записан 6 июля 1923 г. с указанием в графе «источник поступления» — «доставлены Алексеем Ильичем Сусловым по воле его умершего отца», а № 64195 зафиксирован позднее, от 28 сентября 1928 г. Здесь также указано: «Дар А.И. Суслова». В настоящее время не представляется возможным выяснить, почему комплекс документов был разбит на две части. Нельзя исключить, что они поступили в музей разновременно.

Должность И.А. Суслова с 1 января 1903 г. занял Александр Сергеевич Раевский, младший помощник начальника Архива Министерства народного просвещения, занимая ее до 1 декабря 1910 г., когда согласно прошению он был уволен и тут же принят на внеклассную должность библиотекаря ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 238. Л. 12, 78). Интересно, что на ту же должность еще 30 апреля 1909 г. претендовал преподаватель 6-й гимназии член Археологического института Федор Виноградов (Там же. Л. 72). С именем А.С. Раевского связана организация настоящего библиотечного дела ИАК, которое началось с проведенной им «фактической ревизии». 28 января 1911 г. он подал рапорт на имя А.А. Бобринского, будучи обеспокоенным тем, что в библиотеке начали пропадать книги (Там же. Л. 84). Он предложил ряд мер, связанных с порядком пользования библиотекой, вполне европейского типа. В случае выноса книги из библиотеки он просил оставлять на ее месте «фантом-заместитель» с личной подписью, помимо традиционных расписок за уносимые на дом издания. Также он рекомендовал запретить самостоятельное, без библиотекаря, посещение библиотеки лицами, не служащими в Комиссии. В результате А.А. Бобринской обязал всех, «не принадлежащих к служебному персоналу Комиссии», «с просьбами

РАЕВСКИЙ Александр Сергеевич (1871–1920[?]) — окончил историко-филологический факультет Сибирского университета, с января 1902 г. — делопроизводитель ИАК, с января 1910 г. библиотекарь, осуществил реформу библиотеки ИАК. С 1910 г. гласный Городской думы в Петербурге, с 1911 г. председатель «Комиссии для подробного ознакомления с предметами старины, оставшимися от различных городских сооружений и памятников» Городского общественного управления Санкт-Петербурга, в ноябре 1918 г. назначен помощником библиотекаря РГАК по архиву. В 1918 г. обратился в Комиссию с просьбой о выдаче ему Открытого листа на разведку городища Вырь Путивльского уезда Курской губернии, работы не удалось осуществить в полном объеме из-за непредвиденных обстоятельств. 2 сентября 1919 г. арестован из-за участия в Сибирских городских выборах по спискам партии кадетов в 1917 г. 22 октября отправлен в Москву. В марте 1920 г. находился в Брестской больнице на Пречистенском валу, где лечили больных тифом заключенных московских концлагерей. Место и время смерти не известно.

Источник: РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 238; РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 7; ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 238. С. 102, 136–137 (см.: http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Ra.html, дата обращения: 15. 11. 2019).

о выдаче книг непременно обращаться к библиотекарю и не брать их из шкафов без его ведома» (Там же. Л. 85). Зимой 1917/18 г. А.С. Раевский, который был к тому же гласным Городской думы, тяжело болел и смог выйти на службу лишь во второй декаде апреля (Там же. Л. 88 об.).

СУТУЛЛО Илья Семенович (16.06.1859 — ?) — надворный советник. Из солдатских детей. Окончил полный курс наук в Московской военно-фельдшерской школе. По окончании утвержден младшим медицинским фельдшером. С 1876 по 1882 г. служил в кавалергардском полку сначала младшим медицинским фельдшером, а с 1879 г. старшим аптечным фельдшером. Сотрудничал с Комиссией «по вольному найму» на канцелярской должности с 1883 г. В 1888 г. поступил в ИАК регистратором, затем получил должность делопроизводителя (1910).

Источник: РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 32.

18 июля 1888 г. регистратором Комиссии с 1 мая 1888 г. был утвержден Илья Семенович Сутулло (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 32), однако он уже сотрудничал с Комиссией «по вольному найму» на канцелярской должности с 11 февраля 1883 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 4. Л. 1–3). 1 января 1910 г. он был назначен делопроизводителем Комиссии. Освободившуюся таким образом должность регистратора занял Н.В. Суходольский. Леонид Александрович Филиппов попал в ИАК 13 января 1910 г., когда попросил предоставить ему «письменные занятия по вольному найму», а с 1 мая 1910 г. был принят сюда же на должность канцелярского чиновника XII класса. Однако в сентябре 1914 г. он был призван в действующую армию на Галицийский фронт и вернулся к службе в Комиссии лишь 17 апреля 1918 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 17. Л. 21, 41). На его должность с 1 ноября 1914 г. был взят Константин Иванович Высотин.

Стоит добавить, что в 1890–1900-х гг. в Комиссии было уже два

ЧИСТЯКОВ Иван Федорович (5.11.1865 — 7.12.1935) — запасной унтер-офицер 45-го пехотного Новороссийского полка, сторож ИАК (1890) и одновременно бессменный фотограф ИАК/РГАК/РАИМК/ГАИМК (1896–1934). Сотрудник фотографического отдела РАИМК (1919). Его фотографии и негативы отличались высоким качеством. С 1896 г. он вел понегативную запись и нумерацию всех своих снимков. В 1918 г. передал РГАК свою коллекцию из 20315 аннотированных негативов, положившую начало организации специализированного хранилища — Фотоотдела Научного архива ИИМК РАН.

Источник: РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 12; Ф. 2. Оп. 3. Д. 733.

(Фото: 1914 г. ФО. Нег. II 38219)

сторожа — отставной жандармский фельдфебель Матфей Викторов, пришедший сюда 8 января 1892 г. по вольному найму, и старший унтер-офицер 45-го Новороссийского пехотного полка Иван Чистяков, исполнявший эту должность с 1 сентября 1890 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 12. Л. 1 — 1 об., 10 об., 19 об.). 1 января 1901 г. в Комиссию пришел новый сторож Дмитрий Павлов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 262. Л. 16). С 1896 г. И.Ф. Чистяков, изучивший фотодело под руководством В.Г. Дружинина, стал дополнительно выполнять обязанности фотографа Комиссии (Длужневская 2007a: 254; Медведева 2015b).

Заслуги И.Ф. Чистякова в деле основания археологической фотографии были отмечены председателем ИАК А.А. Бобринским. По его представлению И.Ф. Чистяков был награжден в 1899 г. «золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте» за исполнение по поручению ИАК фотофиксации древних самаркандских памятников зодчества, в 1904 г. «золотой медалью для ношения на шее на Анненской ленте» за исполнение снимков с фресковых росписей церкви Спаса на Нередице близ Новгорода (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 12. Л. 48). Высокая квалификация фотографа И.Ф. Чистякова была подтверждена и профессиональными фотографическими организациями. В 1898 г. совет Императорского русского технического общества утвердил постановление комиссии экспертов Пятой фотографической выставки о награждении И.Ф. Чистякова бронзовой медалью Министерства финансов «за точное исполнение снимков с древних предметов». В 1903 г. эксперты Международной фотографической выставки, состоявшейся в Санкт-Петербурге,

наградили Чистякова малой серебряной медалью Министерства земледелия и государственных имуществ также за прекрасное изготовление фотоснимков древностей (Там же. Л. 47 об.). Фотографии и негативы, сделанные И. Ф. Чистяковым, всегда отличались высоким качеством и точностью фиксации.

Впрочем, В. Г. Дружинин дополняет эту картину забавными бытовыми подробностями внедрения фотографии в научную и культурную жизнь России: «В Эрмитаже не было фотографии и все, кому были нужны снимки с предметов, хранящихся в Эрмитаже, обращались к Чистякову, а он хорошо на этом зарабатывал. Чистякова как фотографа взял с собой Н. И. Веселовский, когда поехал в Ташкент описывать мечети, и поручил ему съемку мечетей. Чистяков составил альбомы снимков и продавал их по 300–400 рублей» (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 187 об.)

А. А. Бобринской намеревался наладить обзор научной литературы в ИАК. 13 июня 1887 г. он писал Н. С. Петрову как управляющему делами министерства о том, что Комиссия обязана собирать информацию о памятниках старины, которая в настоящее время недостаточно известна. Для этого было необходимо создать библиографический указатель, идея и «образчик» которого были представлены ИАК еще в 1869 г. на Археологическом съезде в Москве. Председатель предполагал ассигновать для этих целей сумму в 600–700 руб. на наем лица, которому можно было поручить такую работу. Сам А. А. Бобринской предполагал привлечь к составлению библиографии библиотекаря Публичной библиотеки Эрнеста Ивановича Боннеля (1816–1893), «испытанное усердие и добросовестность» которого были хорошо известны. Министерство выделило Комиссии для этих целей 700 руб. за счет сбережений от кредитов, выделенных на содержание ИАК, и в дальнейшем обзор научной периодики, прежде всего статей из «Чтений в Обществе истории и древностей российских», производил Эдуард Александрович Вольтер (1856–1940) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 37). С 1902 г. обзор повременных изданий, выходящих в России, производил профессор Императорского Историко-филологического института Александр Иустинович Малеин, удостоенный за это звания члена-корреспондента ИАК 8 февраля 1917 г.

В связи с расширением исследовательской программы ИАК в Причерноморье «южный фронт» Комиссии существенно укрепился. В 1901 г. членом ИАК, которому были поручены раскопки в Ольвии, стал Борис Владимирович Фармаковский. В 1908 г. штатным членом Комиссии был назначен Роберт Христианович (Роберт Георг Христиан) Лепер, возглавивший раскопки в Херсонесе после смерти Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича. Его немецкая фамилия писалась Loeper, поэтому в ряде публикаций можно встретить иное написание — Лёпер (см., напр.: Басаргина 2008b; Монахов, Кузнецова, Чурекова 2017: 15; Лесная, Дорошко 2016; Журавлев, Костромичев 2016; Журавлев, Костромичев 2017; Тункина 2017b; ср.: Жебелев 2017: 61, 86, 155, 168), хотя согласно документам, хранящимся в архиве ИАК, он всегда подписывался как Лепер. Так же он значился в формулярном списке Комиссии.

В данном случае фонетические особенности фамилии очевидны. Еще одно ономастическое недоумение, касающееся Р. Х. Лепера, связано с его двумя

МАЛЕИН Александр Иустинович (25.08.1869 — 26.10.1938) — филолог-классик, историк античности. Из семьи чиновника, выпускник тверской гимназии (1888). Окончил курс Петербургского историко-филологического института (1892). Профессор того же института, позднее профессор ЛГУ. Член-корреспондент Академии наук (1916). С февраля 1917 г. — член-корреспондент ИАК, с сентября 1918 г. член Совета РГАК. Редактор и редактор-издатель журналов «Филологическое обозрение», «Библиограф», «Гимназия», ЖМНП, «Гермес». С 1925 г. в штате Государственной публичной библиотеки, действительный член Института книговедения, создатель и заведующий Кабинета инкунабулов БАН СССР. С 1931 г. старший ученый хранитель Института книги документа и письма АН СССР, президент Русского библиографического общества. Автор переводов «Записок Сигизмунда Герберштейна» (СПб., 1908), «Дневника путешествия в Московию Корба Иоанна Георга» (СПб., 1906).

Осн. соч.: Библиографический указатель книг и статей по римской истории на русском языке. СПб., б/г.; Латинский церковный язык. Сергиев Посад, 1907; Рукописное предание загадок Альгельма. СПб., 1905.

Лит. о нем: Sertum bibliologicum в честь президента Русского библиологического общества проф. А.И. Малеина. Пг., 1922; *Тонкова Р., Новосадский А.* Александр Иустинович Малеин (1869–1938) // Советская библиография. 1940. №1 (18). С. 221–222; История Библиотеки АН СССР, 1714–1964. М.; Л., 1964. С. 329, 349, 352, 378, 380; Архив А.И. Малеина (1869–1938) // Советская библиография. 1987. №3. С. 86–87.

(Фото: СПбФ АРАН. Ф. 1908. Оп. 1. Д. 50)

именами — Роберт и Роман, встречающимися в документах, причем современные исследователи зачастую предпочитают второе из них (Жебелев 2017: 86; Романчук 2008; Сорочан 2013: 124; Монахов, Кузнецова, Чурекова 2017: 15; Тункина 2017b).

Стоит уточнить, что сам Р.Х. Лепер именовал себя исключительно Робертом, а имя Роман функционировало лишь в русскоязычной бюрократической среде: Романом мог называть Лепера начальник жандармского управления Севастополя, а сын, который как раз носил имя Роман, очевидно, в официальных ситуациях, связанных в том числе с получением документов, мог именоваться Роман Романович (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 22. Л. 82, 94, 101).

Это назначение подчеркивает возросшее значение исследований Херсонеса в деятельности ИАК. Как известно, Косцюшко-Валюжинич, который в 1888–1891 гг. проводил раскопки ИАК на Херсонесском городище при формальном руководстве со стороны Н.П. Кондакова, а в 1891–1907 гг. — самостоятельно, был лишь членом-корреспондентом ИАК, да и то с 1898 г., а не членом Комиссии (подробнее см. главу V).

ФАРМАКОВСКИЙ Борис Владимирович (31.01.1870 — 29.07.1928) — историк античного искусства, археолог, создатель школы полевых исследований античных памятников в России. Окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета (Одесса) в 1892 г. Ученик Э. Р. фон Штерна и Н.П. Кондакова. Стажировался в Италии, Греции, Франции, Англии, Австро-Венгрии и т. д. (1894–1897). В 1898 г. назначен ученым секретарем РАИК. Член ИАК с марта 1901 г. Продолжил широкомасштабные раскопки в Ольвии. Раскопки прервались в 1915 г. и возобновились в 1924–1926 гг. Член-корреспондент Академии наук (1914). С 1906 до 1919 г. ученый секретарь РАО. Член РАИМК/ГАИМК, принял активное участие в преобразовании РГАК в Академию. С 1921 г. — бессменный ученый секретарь РАИМК/ГАИМК. В 1924 г. избран хранителем Эрмитажа. Член многих археологических и искусствоведческих институтов и обществ. В 1905 г. избран приват-доцентом Петербургского университета, в 1910 г. — профессором Петербургских высших женских курсов, в 1917 г. — доцентом Петроградского университета, в 1919 г. — профессором Петроградского университета, профессором Педагогического института и Института истории искусств.

Осн. соч.: Стенная живопись Микенской эпохи. СПб., 1897; Второй Международный конгресс классической археологии в Каире. СПб., 1910; Архаический период в России. Пг., 1914; Ольвия. М., 1915; К истории учреждения Российской Академии истории материальной культуры Пг., 1921; Розкопування Ольбії в р. 1926. Одесса, 1929.

Лит. о нем: Б.В. Фармаковский. Некролог (Читан академиком С.А. Жебелевым) // Известия АН СССР. 1928 г. Л., 1929. С. 275–278; *Карасев А.Н.* Борис Владимирович Фармаковский // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 5–47; *Фармаковская Т.И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988; *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999. С. 92–97; *Смаль О.А.* Поиски красоты и совершенства: взгляд Б.В. Фармаковского на античное искусство // Проблемы древней и средневековой истории. Сб. науч. ст. Иваново, 1999. С. 54-59; *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 70–73; *Гаркуша Н.М.* Борис Владимирович Фармаковский. Николаев, 2010; *Клейн Л.С.* Ольвия поквадратно: Б.В. Фармаковский // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. СПб., 2014. С. 48–59.

(Фото: ФО. Нег. I 65281)

Назначение Р.Х. Лепера оказалось сопряжено с рядом научных и церковных интриг. А.А. Бобринской первоначально рассчитывал назначить в Херсонес Федора Ивановича Шмита

ЛЕПЕР Роберт Христианович (Роберт Георг Христиан) (23.04.1865 — 14.10.1918) — филолог-классик, археолог, эпиграфист. Член-сотрудник РАО с 1894 г. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета. По окончании командирован в Грецию и Италию (1890–1894). С 1897 по 1901 г. преподавал в петербургской гимназии. Ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе (РАИК) в 1901–1908 гг. По заданию РАИК провел археологические исследования в Малой Азии. Начал изучение топографии Константинополя. Привел в порядок нумизматическую коллекцию института. Член ИАК с 1908 г. В 1908–1914 гг. возглавлял раскопки в Херсонесе. В 1912 г. провел археологические исследования на Мангупе. Выйдя в отставку, преподавал в Севастополе, затем в Петербурге.

Осн. соч.: Архаическая надпись на Аттике. СПб., 1895; Древний город Афины. СПб., 1911; Херсонские надписи // Известия ИАК. 1912. Вып. 45. С. 23–70.

Лит. о нем: *Басаргина Е.Ю.* 1) Слово С.А. Жебелева, посвященное памяти Р.Х. Лепера // Деятели русской науки XIX–XX вв. СПб., 2000. Вып. 1. С. 324–332; Вып 7. С. 249, 253, 264, 272, 327, 432, 437; 2) К биографии Р.Х. Лепера // История и практика археологических исследований. Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 150-летию со дня рождения А.А. Спицына. СПб., 2008. С. 228–231; *Вдовиченко И.И.* Коллекции древностей Херсонеса Таврического. Расписная керамика из раскопок Р.Х. Лепера // Культура народов Причерноморья. 2006. №83. С. 59–62; *Журавлев Д.В., Костромичев Д.А.* Р.Х. Лепер и его раскопки херсонесского некрополя // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 152–159; *Журавлев Д.В., Костромичев Д.А.* Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя. Ч. 1: Материалы раскопок Р.Х. Лепера в 1909–1910 гг. М., 2017.

(Фото: ФО. Нег. II 94947)

(1877–1937), специалиста по позднеантичным и византийским мозаикам, одного из секретарей Русского археологического института в Константинополе и преподавателя Петергофской гимназии императора Александра III, о чем свидетельствует письмо графа от 9 февраля 1908 г. Однако уже 14 февраля 1908 г. газета «Слово» (№380) опубликовала информацию о том, что назначение Ф.И. Шмита заведующим раскопок Херсонеса вызывает озабоченность археологического сообщества: «Указанное лицо никогда такими раскопками не занималось и вообще мало знакомо с самой техникой раскопок». При этом в числе лиц, заинтересованных в назначении в Херсонес правильного человека,

КОСЦЮШКО-ВАЛЮЖИНИЧ Карл Казимирович (Mikołaj Karol Kościuszko-Waluszyński) (20.04.1847 — 14.12.1907) — инженер, археолог, потомственный дворянин. Образование получил в Горном корпусе. Окончил старший класс в 1867 г. В 1868–1888 гг. служил на разных должностях на Динабургско-Витебской железной дороге. Выйдя в отставку, поселился в Крыму. Принял деятельное участие в организации кружка любителей истории и древностей Крыма с музеем и библиотекой. С 1885 по 1890 г. товарищ директора Севастопольского городского банка. В 1888 г. при формальном руководстве Н.П. Кондакова начал производство работ по исследованию Херсонеса по поручению ИАК, в 1891–1907 гг. непосредственно заведовал раскопками. Назначен член-корреспондентом ИАК в 1898 г. Создатель Музея древностей Херсонеса (1892). Состоял членом ИООИД; Московского нумизматического общества; Рязанской ученой архивной комиссии; ИРАО; Ростовского музея церковных древностей; Уральского общества любителей естествоведения; Симбирской ученой архивной комиссии.

Лит. о нем: Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич. [Некролог основателя Херсонесского музея древностей и раскопок] // Крымский вестник. 1907. 16 декабря. С. 1, 3; *Антонова И.А.* Основатель Херсонесского музея // Крымский архив. 1997. №3. С. 57–67; *Hochleitner J.* Polski badacz Chersonezu — K.K. Kościuszko-Waluszyński. Przyczynek do twórczości naukowej // W kraju i na wychodźstwie: księga pamiątkowa ofiarowana Profesorowi Sławomirowi Kalembce w sześćdziesięciopięciolecie urodzin/ red. Z. Karpus, N. Kasparek, L. Kuk, J. Sobczak. Toruń, 2001. S. 891–898; *Шевченко Т.М., Тарасенко І.Г.* Пам'яті К.К. Косцюшка-Валюжинича — видатного дослідника Херсонеса // Археологія. 2007. №3. С. 4–7; *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1: Античный полис; Т. 2: Византийский город. Тюмень, 2008; *Романчук А. И.* К.К. Косцюшко-Валюжинич. Этюды повседневности. Saarbrücken, 2014.

упоминалась и председатель МАО П.С. Уварова. Действительно, в своей переписке с графом А.А. Бобринским по поводу организации XV Археологического съезда графиня П.С. Уварова несомненно демонстрировала корпоративную заинтересованность в исходе дела с назначением нового археолога. В своем письме 20 марта 1908 г. она даже предлагает перенести место проведения съезда из Новгорода в Севастополь, открыто свидетельствуя, что в этом случае «немаловажное значение будет иметь для будущего

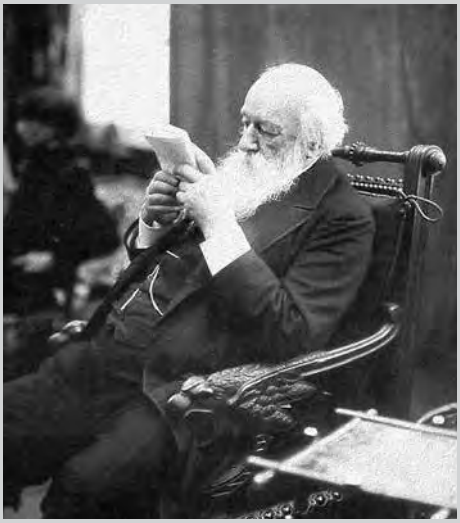
съезда выбор лица, которое будет призвано заменить в Херсонесе покойного Косцюшко-Валюжинича» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 36. Л. 3 — 3 об.).

Однако для кандидата существовала проблема и гражданского характера: уход Ф.И. Шмита от преподавательской деятельности неминуемо бы повлек за собой его призыв на военную службу. В связи с этим А.А. Бобринской обратился к министру просвещения А.Н. Шварцу о предоставлении будущему заведующему учительской вакансии в Севастополе. Министр отвечал в том духе, что подобное назначение зависит от попечителя Одесского учебного округа, куда непосредственно и рекомендовал графу обратиться. Официальное письмо ИАК из министерства все же было переправлено в Одессу, откуда 29 марта сообщили, что такая вакансия для Ф.И. Шмита имеется. Однако сам Ф.И. Шмит, не дожидаясь ответа, 27 марта отказывается от работы в Херсонесе, ссылаясь на то, что А.А. Бобринской начал процесс его назначения без подачи официального прошения со стороны самого Ф.И. Шмита (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 22. Л. 10).

В то же время появляется и письмо обер-прокурора Синода Петра Петровича Извольского (1863–1928) А.А. Бобринскому. Новый таврический епископ Алексий (Молчанов) уже проинформировал обер-прокурора о грядущих переменах. Письмо преследовало цель избежать возможных конфликтов между ИАК и монастырем, причину которых прокурор и епископ видели следующим образом: покойный К.К. Косцюшко-Валюжинич, будучи поляком и католиком, «нередко игнорировал в своих действиях справедливые заявления администрации… монастыря и вообще относился к этой обители без достаточного внимания и уважения», из-за чего и возникали частые недоразумения. При этом адресат указывал, что «личность заведующего раскопками имеет большое значение для монастыря», ибо «раскопки производятся не только в научных целях, но и в целях возвышения той обители, которая располагается на городище»: для этого был нужен «не просто ученый археолог, но и православный верующий человек». Сам таврический епископ просил содействия Синода именно такому назначению. В проекте ответного письма А.А. Бобринской писал, несколько лукавя, что впервые слышит от П.П. Извольского о каких бы то ни было конфликтах: «монастырь никогда не жаловался мне на покойного».

В результате такой сложной комбинации в Херсонес и был назначен Р.Х. Лепер «реформатского исповедания», бывший в то время ученым секретарем РАИК. Его прошение на службу в ИАК, в котором говорилось о желании вернуться в Россию, было датировано 22 марта и согласовано с директором института Ф.И. Успенским и Ф.И. Шмитом. Он был назначен членом ИАК с 1 апреля. Однако на этом история с преподавательской вакансией для члена ИАК не закончилась: 31 июля 1908 г. Министерство народного просвещения, будучи не в курсе отказа Ф.И. Шмита от работы в ИАК, официально уведомляло А.А. Бобринского, что с 1 августа тот назначен на место сверхштатного преподавателя Севастопольской мужской гимназии. В сложившейся ситуации в октябре месяце учебные часы были переданы самому Р.Х. Леперу.

Осуществляя свою кадровую политику, А.А. Бобринской начал активно



СТАСОВ Владимир Васильевич (2.01.1824 — 10.10.1906) — музыкальный и художественный критик, искусствовед. Окончил Училище правоведения. Служил в межевом департаменте Сената, потом в департаменте герольдии и при Министерстве юстиции. В 1851 г. вышел в отставку и до 1854 г. жил во Флоренции и Риме. В 1856 г. поступил на службу в Комитет по собиранию материалов о жизни и царствовании Николая I. С 1856 г. принимал участие во всех работах по художественному отделу Императорской публичной библиотеки. С 1872 г. занял место библиотекаря и заведовал этим отделом. В начале 1860-х гг. был редактором «Известий» ИРАО, секретарем Этнографического отдела музея, устроенного в сотрудничестве с В.А. Прохоровым. В 1866 г. избран действительным членом МАО. Изучал настенную живопись керченских катакомб. В 1886 г. избран членом-корреспондентом ИАК. С 1900 г. почетный член АН. Один из организаторов и идеологов объединения композиторов «Могучая кучка» и художников «Товарищество передвижных выставок».

Осн. соч.: Заметки о древнерусской одежде и вооружении. СПб., 1882; Трон хивинских ханов. СПб., 1886; Армянские рукописи и их орнаменты. СПб., 1886; Собр. соч. Т. 1–4. СПб., 1894–1906; Избр. соч. Т. 1–3. М., 1952; Письма к родным. Т. 1–3. М., 1953–1962.

Лит. о нем: *Каренин В.* Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. Ч. 1–2. Л., 1927; *Лебедев А.К., Солодовников А.В.* В.В. Стасов. Жизнь и творчество. М., 1976.

(Ил.: Жебелев 2017: 550)

пользоваться возможностями параграфа 4 «Положения об Императорской археологической комиссии» 1859 г., который гласил, что «Комиссия имеет почетных членов, членов-корреспондентов, содействующих ей в достижении ее целей». До 1886 г. только Л.Э. Стефани являлся единственным членом-корреспондентом АК. 16 мая 1886 г. В.Г. Тизенгаузеном, вероятно по поручению А.А. Бобринского, была составлена докладная записка о кандидатурах на звание почетных членов и членов-корреспондентов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 7. Л. 4–5). Членами-корреспондентами стали 31 мая 1886 г. старший библиотекарь Публичной библиотеки Владимир Васильевич Стасов за описание клада, найденного в 1865 г. во Владимире, издание Скифского сборника и исследованной в Керчи катакомбы с фресковой живописью, директор Азиатского музея Академии наук академик Василий Васильевич Радлов, производивший в 1862–1866 гг. раскопки в Приалтайском крае и составивший сборник «Сибирских древностей», и старший хранитель Эрмитажа Юлий Богданович Иверсен, «безвозмездно рассматривавший и определявший содержание и нумизматическое значение

РАДЛОВ Василий Васильевич (5.01.1837 — 12.05.1918) — востоковед, этнограф, археолог и педагог, один из пионеров сравнительно-исторического изучения тюркских языков и народов. Родился в Берлине, в 1858 г. приехал в Петербург для занятий при Азиатском музее. Для изучения тюркских языков занял учительское место в Барнауле. Он объездил Алтай, восточные киргизские степи, часть губерний Енисейской и Тобольской, Ташкент, Ходжент, Джизак, Самарканд, Монголию. С 1862 по 1866 г. производил для ИАК раскопки в Приалтайском крае. В 1871 г. поселился в Казани, где до 1884 г. занимал должность окружного инспектора магометанских школ, изучая тюркские говоры (приволжские и башкирские), чувашский и черемисский языки. В 1884 г. назначен директором Азиатского музея в Петербурге (по 1890 г.) и избран ординарным академиком Академии наук. В 1886 г. совершил поездку в Крым для изучения языка крымских татар, а в 1887 г. — в Литву и Волынь для исследования караимского диалекта. В 1886 г. получил звание члена-корреспондента ИАК. В 1891 г. возглавил экспедицию от ИАН для исследования древних памятников долины р. Орхон в Монголии. В 1894 г. избран директором МАЭ. В 1898 г. организовал Турфанскую экспедицию (Центральная Азия) во главе с Д. А. Клеменцем. Один из организаторов Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. С 1903 по 1918 г. его председатель.

Осн. соч.: Observations sur les Kirghis. Paris, 1864; Proben der Volkslitteratur der turkischen Stamme Südsibirien. Sankt-Petersburg, 1866–1896. Vol. 1–7; Vergliechende Grammatik der nordlichen Türksprachen. T. 1. Phonetik. Leipzig, 1882–1883; Wörterbuch der Kinai-Sprache (Словарь кинайского языка). Sankt-Petersburg, 1874; Die alttürkischen Inschrif en der Mongolei. Sankt-Petersburg, 1894, 1899; Мифология и миросозерцание жителей Алтая // Восточное обозрение. 1882. №7, 8; 1883. №8; Altas der Altertumer der Mongolein. Sankt-Petersburg, 1892.

Лит. о нем: Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов, М., 1974; *Демин М.А.* Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989; *Решетов А.М.* Академик В.В. Радлов, востоковед и музеевед (Основные этапы деятельности) // Радловские чтения-2002. Материалы годичной научной сессии. СПб., 2002. С. 95–101; *Матвеева П. А.* «Все человечество едино»: В.В. Радлов и МАЭ. СПб., 2014.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-Р. Д. 39. Л. 1)

ежегодно присылаемых в большом количестве монетных кладов». В почетные члены были выдвинуты и «ветераны Археологической комиссии» уже известные нам Л.Э. Стефани и И.Е. Забелин, утвержденные в этом звании 22 августа 1886 г., первый за исследования в области древностей Черноморского края, второй — за блестящие

САМОКВАСОВ Дмитрий Яковлевич (27.05.1843 — 16.08.1911) — историк-правовед, археолог, архивист. В 1868 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. Был профессором истории русского права в Варшавском (1873–1892) и Московском (1894–1911) университетах. Читал открытые лекции по археологии и истории. В 1892–1911 гг. — директор Московского архива Министерства юстиции. Занимался археологическими раскопками в разных частях России. Исследовал курган Черная Могила в Чернигове. С 1883 г. проводил раскопки курганов в Приднепровье по поручению ИАК, с 1886 г. — ее член-корреспондент. Интересовался вопросами этногенеза славян, формирования государства и права Древней Руси, возникновения и развития древнерусских городов. Большое внимание уделял изучению истории и современного состояния архивного дела в России и за рубежом. Автор свыше 200 печатных трудов.

Осн. соч.: Древние города России. СПб., 1873; Условия научного исследования курганов и городищ. Варшава, 1878; История русского права. Варшава, 1878–1884. Вып. 1–2; Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892; Государственные архивы Западной Европы и реформа архивов в России. М., 1900; Архивное дело в России. М., 1902. Т. 1–2; Могилы русской земли. М., 1908; Происхождение русского народа. М., 1908; Крестьяне древней России по новооткрытым документам. М., 1909.

Лит. о нем: Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова. М., 1912; *Щавелев С.П.* Историк русской земли: Жизнь Д.Я. Самоквасова. Курск, 1998; *Клейн Л.С.* В поисках славного прошлого: Д.Я. Самоквасов // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 329–359.

(Фото: частная коллекция)

археологические открытия на Днепре и Таманском полуострове.

Тогда же членом-корреспондентом Комиссии стал профессор Варшавского университета Дмитрий Яковлевич Самоквасов за раскопки курганов в Приднепровье в 1883 г., а 28 ноября того же года — профессор Петербургского университета Николай Иванович Веселовский. Интересно отметить, что напротив фамилии Веселовского в майском «списке Тизенгаузена» стоит помета «рано», возможно, принадлежавшая самому А.А. Бобринскому. К осени это мнение уже было забыто. 20 сентября председатель ИАК писал в Министерство двора о необходимости утвердить Н.И. Веселовского в звании члена-корреспондента за его археологические исследования и публикации (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 7. Л. 4–5, 19–20). 15 февраля 1888 г. в этом звании был утвержден горный инженер Иннокентий Александрович

ЛОПАТИН Иннокентий Александрович (21.01.1839 — 15.11.1909) — инженер, археолог, коллекционер. В 1852–1860 гг. учился в Институте корпуса горных инженеров. Внес большой вклад в дело естественно-географического изучения Сибири и Дальнего Востока. 1868–1869 гг. посвятил исследовательской работе в Приморье, результатом которой явилась статья о древних урочищах Амурской страны. В 1870 г. был избран действительным членом Русского минералогического общества, в этом же году вышел в отставку по состоянию здоровья. После 1870 г. занялся сбором археологических материалов, на собственные средства производил раскопки. Основные интересы в области археологии относились к бронзовому веку Южной Сибири, преимущественно ее приенисейской части. В течение 15 лет собрал богатую коллекцию, положенную в основу исследований В.В. Радлова, опубликованную в МАР в 1888–1902 гг. (Сибирские древности, СПб. Т. 1–2. МАР №3, 5, 15, 27). С 1888 г. член-корреспондент ИАК. Нумизматическая коллекция передана Томскому университету, археологическая коллекция согласно завещанию была передана в Исторический музей.

Лит. о нем: *Клеонов И. Л.* И.А. Лопатин. Очерк жизни и научной деятельности. Иркутск, 1964.

Лопатин, собравший и передавший Комиссии большую коллекцию древностей бронзового века в Южной Сибири, в особенности в Минусинском крае. 28 июля 1892 г. членом-корреспондентом Комиссии стал академик Василий Васильевич Латышев за издание памятников греческой и латинской эпиграфики из раскопок ИАК 1889–1891 гг. (МАР №9), 26 мая 1893 г. — генерал-майор Александр Львович Бертье-Делагард за публикацию исследований Херсонеса (МАР №12) и академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский за раскопки кургана Карагодеуашх, 23 мая 1894 г. — профессор Киевского университета Юлиан Андреевич Кулаковский за раскопки на юге России и публикацию Керченской катакомбы 1890 г. (МАР №6) и чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области Николай Николаевич Пантусов за многолетние труды по исследованию несторианских кладбищ близ Пишпека и Токмака и другие исследования в Семиреченской области.

6 января 1895 г. в звании членов-корреспондентов были утверждены профессор факультета восточных языков Петербургского университета Валентин Алексеевич Жуковский за исследования Закаспийского края и описание Старого Мерва, академики архитектуры Иероним Севастианович Китнер за сотрудничество при рассмотрении проектов реставрации древних зданий

БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД Александр Львович (26.10.1842 — 14.02.1920) — военный инженер, строитель, археолог, нумизмат, библиофил, коллекционер древностей. Из семьи обрусевших французских эмигрантов-роялистов, сын морского офицера. Учился в Брест-Литовском кадетском корпусе, Константиновском военном училище в Петербурге и Инженерной академии (выпуск 1864 г.). Служил инженером на юге России и работал по строительству портов в Одессе, Ялте, Феодосии и Ростове. По болезни вышел в отставку в чине генерал-майора (1887) и поселился в Ялте. С 1887 г. руководил строительством торговых портов, водопроводов и железных дорог в Одессе, Ялте, Феодосии, Ростове-на-Дону. Член-корреспондент (1886), действительный член (1906) МАО и РАО (1890), член-корреспондент ИАК (1893), действительный член (1880) и вице-президент (1899–1919) ООИД. Собирал книги, карты и изобразительные материалы о Северном Причерноморье, этнографические, археологические и нумизматические коллекции, связанные с Новороссийским краем. Автор трудов по исторической топографии Крыма, по истории и древностям Херсонеса, по античной нумизматике. Провел раскопки некрополя Феодосии, исследовал святилище римского времени близ Ялты и раннесредневековый могильник Суук-су в Крыму. Осуществлял обследование Инкерманской крепости, составлял план Херсонского городища. В последние годы занимался изучением Тмутараканского камня. Остались незаконченными исследования о Судаке и памятниках горного Крыма.

Осн. соч.: Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 170–279; Как Владимир осаждал Корсунь. СПб., 1909; Раскопки Херсонеса // МАР. №12. Древности Южной России. СПб., 1893. Т. 5; Избранные труды. Т. 1–3 / под ред. В.М. Басырова. Киев, 2009–2012.

Лит. о нем: ИМАО в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.) / под ред. П.С. Уваровой, И.Н. Бороздина. М., 1915. Т. 2. С. 9–10; *Кропоткин В.В., Шелов Д.Б.* Памяти А.Л. Бертье-Делагарда // СА. 1971. №1. С. 140–142; Бертье-Делагард Александр Львович (1842–1920): [Биобиблиогр. справ.] / предисл., сост. Н.Н. Колесникова. Симферополь, 2002; *Избаш Т.А.* Два патриарха // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб., 2004. С.166–175.

(Фото: ФО. Отп. О.1226-53)

и Григорий Иванович Котов за исполнение поручений ИАК по осмотру памятников зодчества и участие в реставрационных заседаниях. 20 февраля 1895 г. это звание получил и. о. ординарного профессора Юрьевского университета Владимир Константинович Мальмберг

ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ Александр Сергеевич (15.01.1863 — 7.02.1919) — историк, археограф, археолог. Из дворян Екатеринославской губернии. Родился в имении Удачное Верхнеднепровского уезда. Среднее образование получил в Симферопольской гимназии, которую окончил в 1882 г. с золотой медалью. Выпускник Петербургского университета. Магистерская диссертация: «Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты и до эпохи преобразований» (СПб., 1896). Крупнейший специалист по методологии истории и источниковедения, член Академии наук (1899). Профессор Петербургского археологического института (1891–1899); приват-доцент, председатель кружка историков при Петербургском университете. Действительный член РАО (1889). Принимал участие в Археологических съездах и международных конгрессах. С мая 1893 г. — член-корреспондент ИАК, с сентября 1918 г. член Совета РГАК.

Осн. соч.: Скифские древности. СПб., 1887; Вопрос о делении первобытной культуры на периоды // Историческое обозрение. 1892; Древности кургана Карагодеуашх как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III ст. до Р. Х. // Материалы по археологии России. СПб., 1893. № 13.

Лит. о нем: *Тихонов И.Л.* Деятельность академика А.С. Лаппо-Данилевского в археологии // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып. 2. С. 154–165; *Малинов А., Погодин С.* А.С. Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2000; *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть. XX века. СПб., 2010; *Малинов А.В.* Социологическое наследие А.С. Лаппо-Данилевского: исследования и материалы. СПб., 2017.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-Л. Д. 5. Л. 1)

за исследование памятников прикладного искусства из кургана Карагодеуашх (МАР № 13) (см. о нем: Горончаровский 2019). Руководитель раскопок в Херсонесе Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич был удостоен этого звания 7 марта 1898 г., а профессор Петербургского университета Сергей Александрович Жебелев — 18 января 1902 г. за труд, посвященный изучению пантикапейских ниобид. 18 февраля 1903 г. звание члена-корреспондента получил преподаватель Тифлисского кадетского корпуса Эмиль Александрович Реслер за раскопки в Закавказье. Старший хранитель Эрмитажа Алексей Константинович Марков и Николай Яковлевич Марр получили звание 12 апреля 1907 г. Архитектор Константин Константинович Романов, исследовавший Георгиевский собор в Юрьеве-Польском,

КУЛАКОВСКИЙ Юлиан Андреевич (25.07.1855 — 21.02.1919) — историк Древнего Рима и Византии, профессор университета св. Владимира в Киеве, статский советник, член-корреспондент Академии наук. Сын настоятеля церкви в г. Поневеж. В 1876 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета со степенью кандидата по отделению классической филологии. В 1876–1878 гг. — тютор (помощник старшего тютора) в Лицее цесаревича Николая. В 1878–1880 гг. — в научной командировке от Министерства народного просвещения за границей: Бонн, Тюбинген, Берлин. С 1880 г. приват-доцент, с 1884 г. профессор университета св. Владимира в Киеве, председатель Исторического общества Нестора Летописца при университете св. Владимира (в 1905, 1908–1919 гг.). С мая 1894 г. утвержден в звании члена-корреспондента ИАК за производство археологических раскопок на юге России, составление научного исследования христианской катакомбы, найденной в 1890 г. в Керчи, и открытие там же в 1891 г. катакомбы с фресками. С февраля 1911 г. — сверхштатный член ИАК, с сентября 1918 г. — член Совета РГАК.

Осн. соч.: Керченская христианская катакомба 491 года // МАР. №6. Древности Южной России. СПб., 1891. Т. 1; Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. Киев, 1906; История Византии: в 3 т. Киев, 1910–1915 (переиздания: СПб., 2003–2004, исправ. и доп.).

Лит. о нем: *Соболевский А.И.* Ю.А. Кулаковский: Некролог // Известия Российской академии наук. 1919. Сер. 6. Т. 13. №12–18. С. 567–568; *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999; *Матвеева Л.В.* Юлиан Кулаковский. Киев, 2002; *Пучков А.А.* Юлиан Кулаковский и его время. Из истории антиковедения и византинистики в России. СПб., 2004; *Чеканов В.Ю.* Київський візантиніст Юліан Кулаковський та міжнародні конгреси історичних наук на початку XX ст. // Вісник Київського славістичного університету. Сер. «Історія». 2009. Вип. 41. С. 202–209.

стал членом-корреспондентом ИАК 14 декабря 1910 г. 25 ноября 1913 г. в качестве члена-корреспондента ИАК был утвержден Мстислав Владимирович Фармаковский за художественные копии фресок погребальных склепов на юге России и научное исследование ювелирных изделий Полтавского клада 1912 г. Последним этого звания

ПАНТУСОВ Николай Николаевич (11.05.1849 — 11.06.1909) — востоковед, статский советник, окончил Петербургский университет по факультету восточных языков с ученой степенью кандидата. В 1872 г. был направлен в Туркестан, с 1883 г. служил чиновником особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области. С 1884 по 1903 г. осуществил ряд поездок и археологических раскопок, собирал и отсылал древности в музеи Петербурга. С 1886 г. член-сотрудник РАО. В 1894 г. был избран членом-корреспондентом ИАК. С 1903 г. член-корреспондент РКИСВА. В 1886–1892 гг. осуществил археологические исследования несторианских христианских средневековых могильников в Пишпеке и Токмаке в Семиреченской области, башни Бурана, а в 1892 г. вместе с А.М. Фетисовым — обследования в Верненском уезде Семиреченской области. В 1898–1899 гг. совершил поездку по Семиреченской области и прислал в ИАК свои фотографии мавзолеев в Кульдже, снимки могил Чокана Валиханова близ Кунякузской станции Копальского уезда и Танека Дюсетова близ г. Копала, ряда других сооружений и наскальных изображений.

Осн. соч.: Фергана по запискам султана Бабура. СПб., 1884; Христианские памятники в Семиреченской области. СПб., 1886 (совместно с Д.Д. Хвольсоном); Древности Средней Азии. Казань, 1897–1902. Вып. 1–4; Материалы по изучению казахско-киргизского наречия. Казань, 1900–1903. Вып. 1–6; Тамгалы-Тас Урочище Капчай Копальского уезда Балгалинской вол. СПб., 1898.

Лит. о нем: *Горбуров Е., Горбуров К.* Николай Николаевич Пантусов (1849–1909) // Емінак. 2016. №3 (2). С. 118–123; *Скопа В. А.* Н.Н. Пантусов — секретарь Семиреченского областного статистического комитета и выдающийся исследователь Семиречья // Novainfo.ru. 2017. Т. 1. №59. С. 194–198.

(Ил.: Горбуров, Горбуров 2016: 118)

в 1917 г. был удостоен уже упоминавшийся нами Александр Иустинович Малеин.

В 1890-е гг. появляется и новая категория лиц, сотрудничающих с Археологической комиссией, — ее сверхштатные члены, которые не получали жалования, но могли присутствовать на ее заседаниях с правом голоса. Одним из первых таким членом стал академик живописи, директор Музея Общества поощрения художеств, известный коллекционер Михаил Петрович Боткин (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 58. Л. 1–2). 7 декабря 1888 г. А.А. Бобринской подал соответствующий рапорт о назначении его сверхштатным членом без содержания, но со служебными правами должности VI класса, на которую он и был назначен 8 декабря.

ЖУКОВСКИЙ Валентин Алексеевич (24.04.1858 — 4.01.1918) — ориенталист, специалист в области иранского языкознания, литературы, фольклора, этнографии и археологии. Член-корреспондент Академии наук (1899). Родился в Воронеже. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета по арабо-персидско-турецко-татарскому разряду в 1880 г. В 1883 г. — магистр персидской словесности Петербургского университета. В 1883–1886 гг. находился в научной командировке в Иране (Тегеран, Исфахан, Шираз), изучал персидский язык, его диалекты и литературу.

По возвращении в Петербург (1886) был утвержден в должности приват-доцента с исполнением обязанностей руководителя кафедры персидской словесности и стал читать лекции на факультете восточных языков университета, где и работал до конца жизни. В 1888 г. получает степень доктора, с 1889 г. — профессор. С 1892 по 1902 г. — секретарь, с 1902 по 1911 г. — декан факультета восточных языков. В 1890 г. был командирован Императорской археологической комиссией в Закаспийский край для изучения древнего Мерва. В 1895 г. получил звание члена-корреспондента ИАК за археологическое исследование Закаспийского края и составление научного описания развалин Старого Мерва, что было первой попыткой описания истории среднеазиатского города в широкой и исчерпывающей форме с привлечением мусульманских источников. Путешествовал по Туркменистану и Ирану в 1896 и 1899 гг. Зав. учебным отделом восточных языков при МИД России (1905).

Значительным вкладом в науку явились работы по персидской литературе, в особенности суфийской.

Осн. соч.: Материалы для изучения персидских наречий. СПб., 1880–1922. Ч. 1–3 (Persische Grammatik mit Literatur, Chrestomathie und Glossar. 4 Auf. Leipzig, 1947); Али-Аухадэддин Энвери. Материалы для его биографии и характеристики. СПб., 1883; Жизнь и речи старца Абу Саида Мейхенейского. Персидский текст. СПб, 1889; Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва // Материалы по археологии России. №16. СПб., 1894; Человек и познание у персидских мистиков. СПб., 1895.

Лит. о нем: *Бартольд В.В.* Памяти В.А. Жуковского //ЗВОИРАО. 1921. Т. 25. С. 399–415; *Ромаскевич А.А.* В.А. Жуковский и персидская народная поэзия // Там же. С. 415–422; Валентин Алексеевич Жуковский. 1858–1918. Попытка характеристики деятельности ученого. (Читано академиком С.Ф. Ольденбургом в заседании Отделения ист. наук и филологии 17 янв. 1918) // Известия РАН. 1918. Серия 6. №12. Т. 3. С. 2039–2068; *Ольденбург С.Ф.* Валентин Алексеевич Жуковский, 1858–1918. Пг., 1919; *Бушев П.П.* Жизнь и деятельность В.А. Жуковского // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. IV. М., 1959. С. 116–136.

МАЛЬМБЕРГ Владимир Константинович (01.12.1860 — 25.10.1921) — историк искусства, археолог, выпускник историко-филологического факультета Казанского университета (1884), оставлен для приготовления к профессорской должности. В 1887 г. перевелся в Дерпт. Неоднократно путешествовал по Греции, Италии, Англии, Германии, Франции, Дании, Швеции для изучения древних памятников. Приват-доцент Казанского университета (1888–1890), экстраординарный профессор Юрьевского университета (1890–1907), с 1907 г. его ординарный профессор, директор Музея изобразительных искусств имп. Александра III в Москве (1913–1921). Главные труды посвящены исследованию памятников греческой декоративной скульптуры. Действительный член (1897) РАО. Член-корреспондент Императорской археологической комиссии с 1895 г., с сентября 1918 г. — член Совета РГАК, затем член РАИМК (Московская секция). Число научных трудов, напечатанных при жизни, достигает 50, неизданных работ — 20.

Осн. соч.: Метопы древнегреческих храмов. Исследование в области декоративной скульптуры. Дерпт, 1892; Успехи современной археологии. Юрьев, 1896; Древнегреческие фронтонные композиции. СПб., 1904; Этюды по древнегреческой вазовой живописи. СПб., 1906–1909. Вып. 1–6; Античные мраморы и бронзы. Юрьев, 1911 (совместно с Б. А. Тураевым); Памятники Музея изящных искусств имени императора Александра III в Москве. М., 1912–13; Курган Карагодеуашх // МАР. № 13. Древности Южной России. Т. 6. СПб., 1894 (совместно с А. С. Лаппо-Данилевским).

Лит. о нем: *Щербаков Н. А.* Неопубликованное научное наследие проф. В. К. Мальмберга // Труды секции искусствознания РАНИОН. 1928. Т. 2. С. 71–76; *Мальмберг Я. Н.* Из глубины времен (В. К. Мальмберг — К. Е. Думберг — В. Г. Тизенгаузен) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 77–83.

(Фото: ФО. Нег. II 99124, фрагмент)

6 декабря 1902 г. в соответствии с новыми штатами он был переутвержден в своей должности.

М. П. Боткин — личность, несомненно, колоритная, характеризующая культурную жизнь Санкт-Петербурга той эпохи. Кроме «исправного посещения заседаний» Комиссии, его деятельность здесь никаким реальным и полезным вкладом не была отмечена. Про него ходили типичные рассказы, как, например, этот: «Приходит приезжая дама в Археологическую к[омис]сию, приносит крест, который оценивает в 1000 р[ублей]; Боткин от к[омис]сии предлагает ей 100, и она, отказавшись, уходит; Боткин нагоняет ее на набережной и, жалеючи ее, от себя лично предлагает 175; дама тоже отказывается. “Куда же вы теперь понесете крест? Кто же купит?” — “Пойду к Ханенко в Киев, он мне давал приличную

ЖЕБЕЛЕВ Сергей Александрович (10.09.1867 — 28.12.1941) — историк, филолог-классик, археолог-антиковед, историк археологии. Член-корреспондент Императорской академии наук (1914), действ. член АН СССР (1927). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1890 г. Преподавал и служил в университете на различных должностях. Секретарь классического отделения РАО (1894–1919). С января 1902 г. — член-корреспондент ИАК. С сентября 1918 г. — член Совета РГАК. С 1919 г. — член РАИМК/ГАИМК, зав. разрядом Эллады и Рима, товарищ председателя (1923–1928). В ноябре 1941 г. назначен главой ряда академических институтов, оставшихся в блокадном Ленинграде без руководства.

Осн. соч.: Введение в археологию. Пг., 1923; Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953.

Лит. о нем: Академик Жебелев Сергей Александрович (1867—1941): библиографический указатель / сост. А.А. Пучков. Киев, 1997; *Фролов Э.Д.* Сергей Александрович Жебелев // Портреты историков. Т. 2: Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000. С. 16–27; *Тункина И. В.* «Дело» академика Жебелева // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. Вып. II. СПб., 2000. С. 116–161.

(Фото: ФО. Нег. I 65490)

РЕСЛЕР Эмиль Александрович (?–?) — статский советник, немецкий педагог, исследователь древностей Закавказья и Азербайджана, основоположник археологии Нагорного Карабаха. В 1893–1898 гг. преподавал в Шушинском реальном училище. Впоследствии преподавал в Тифлисском кадетском корпусе. Производил раскопки по поручению ИАК.

Среди находок наибольший интерес представляет агатовая бусинка (II тыс. до н. э.) с ассирийскими надписями, обнаруженная в 1895 г. Некоторые материалы из его раскопок оказались в Германии у известного антрополога Рудольфа Вирхова (1821–1902). С 1903 г. член-корреспондент ИАК. В октябре 1906 г. уезжает в Германию.

Лит. о нем: *Тер-Аветисян С.* Памятники древности Карабаха и скифская проблема. Тифлис, 1934; *Qədirova-Atəşi N.* Emil Röslerin arxeoloji qazintilarinin orijinal hesabatlari (tədqiqatlarin ilkin nəticələri) // Gənc Alimlərin Əsərləri. 2014. №10. S. 213–219.

(Источник: РО. Ф.1. Оп. 1-1903 г. Д. 34)

МАРКОВ Алексей Константинович (11.04.1858 — 1.08.1920) — крупный русский археолог и нумизмат. Получил образование в Париже и в петербургском Археологическом институте. С 1888 г. работал в Отделе нумизматики Эрмитажа, а с 1900 г. — его руководитель. В 1907 г. избран членом-корреспондентом ИАК за постоянное содействие в течение 20 лет по вопросам восточной и классической нумизматики. Читал курс лекций по античной и русской нумизматике в Археологическом институте. Им издан ряд работ по нумизматике эллинистического Востока, а также по античной и византийской нумизматике. Наиболее близкой областью были восточные монеты. Составленный каталог восточных монет Эрмитажа, топография находок кладов восточных монет до сих пор не потеряли своего первостепенного научного значения.

Осн. соч.: Библиография классической археологии за 1884–1886 гг. СПб., 1886; Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896; Монеты джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. Казань, 2008; Русская нумизматика. Конспект лекций А.К. Маркова, читанных в СПб. Археологическом институте. СПб., 1905; О чистке древних монет. СПб., 1908; Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.

Лит. о нем: Словарь нумизмата / пер. с нем. М., 1993; *Спасский И.Г.* Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики. 1764–1964 // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8. С. 123–234; Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2004; *Калинин В.А., Лепехина Е.В.* Хранители Эрмитажа: А.К. Марков и А.А. Ильин // Нумизматика. 2008. № 19 (ноябрь). С. 54–55.

(Ил.: Рисунок Э.К. Липгарта 1911 г.; по: Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 109)

цену". — "Богдан Иванович? Неужели не знаете... Царство ему небесное (крестится)! Он убит на войне", — и начинает оплакивать его и соболезновать даме, которая, не зная куда сунуться, уступает ему крест. Это была, конечно, смехотворная цена, а Ханенко был жив и здрав» (Вейнер 2008: 110). О способах, которыми М.П. Боткин пополнял свою коллекцию, свидетельствует и такой факт: в Эрмитаже среди сасанидских серебряных блюд из коллекции Строганова была обнаружена гальванокопия, а подлинник «нашелся» у М.П. Боткина, который объяснил это тем, что, получив от владельца разрешение на изготовление копии, «по ошибке» вернул ее вместо оригинала (Там же: 111).

Эти наблюдения подтверждаются воспоминаниями членов Комиссии,

МАРР Николай Яковлевич (25.12.1864 — 20.12.1934) — востоковед, филолог, археолог, историк Кавказа, лингвист. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1888). С 1891 г. — приват-доцент, с 1900 г. — профессор, с 1907 г. член-корреспондент ИАК, в 1911–1919 гг. — декан того же факультета. Академик с 1912 г. С 1892 г. по поручению ИАК проводил масштабные раскопки средневековой столицы Армении — городища Ани, на месте раскопок создал музей. В 1917 г. основал Историко-археологический институт РАН в Тифлисе. Член РГАК с мая 1918 г. С октября того же года — председатель РГАК. С 1919 г. — председатель РАИМК/ГАИМК. Создатель (1921) и директор Яфетического института АН СССР. Директор ГПБ в Ленинграде (1924–1931). С 1930 г. — вице-президент АН СССР. Внес большой вклад в отечественное кавказоведение, в первую очередь как филолог и археолог. Выдающийся организатор, приложил все силы к спасению научных кадров и инфраструктуры отечественной науки после Октябрьского переворота. Автор «нового учения о языке», объявленного «лингвистическим отделом марксизма». Нервные потрясения рубежа 1910–1920-х гг. стали причиной психического заболевания, постепенно прогрессировавшего в 1920-х — начале 1930-х гг.

Осн. соч.: Избранные работы. М.; Л., 1933–1937. Т. 1–5; Яфетидология. М., 2002.

Лит. о нем: Николай Яковлевич Марр и советская археология. Л., 1950; *Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991; *Голубева О.Д.* Н.Я. Марр. СПб., 2002; *Платонова Н.И.* Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // АВ. 1998. №5. С. 371–382; *Васильков Я.В.* Трагедия академика Марра // Христианский Восток. Т. 2 (VIII). Новая серия. 2001. С. 390–421; *Илизаров Б.С.* Почетный академик Сталин и академик Марр. М., 2012; *Клейн Л.С.* Необузданный интеллект и революция: Н.Я. Марр // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. СПб., 2014. С. 97–122.

(Фото: ФО. Отп. О.1067-5)

которые характеризовали М.П. Боткина как «весьма лукавого человека, сладкого в обращении и не устойчивого в принципах»: «так, когда приносили в Археологическую комиссию продавать предметы его интересовавшие, он низко их ценил, а сам потом, когда продавец не уступал предметы, забегал к продавцу и покупал их для себя по более возвышенной цене. И на этом его ловили... В Комиссии он присутствовал только в заседаниях и был совершенно бесцветен, поддакивая графу Бобринскому и барону Тизенгаузену. Он,

ФАРМАКОВСКИЙ Мстислав Владимирович (16.09.1873 — 29.03.1946) — специалист по истории древних технологий и научной реставрации, художник. Один из основоположников новой дисциплины — археологической технологии. Окончил Новороссийский университет (1895), Академию художеств в Дюссельдорфе (1902). В 1892–1906 гг. — сотрудник Музея Общества истории и древностей в Одессе. Занимался химией и техникой прикладного искусства в Сорбонне (1906–1908). С 1913 г. — член-корреспондент ИАК. С 1918 г. — сотрудник и хранитель Русского музея. В 1919–1930 гг. — ученый секретарь Института археологической технологии РАИМК/ГАИМК, один из главных организаторов этого начинания.

Уволен из ГАИМК «по категории», в результате «чистки» кадров (1930), сослан в Ярославль. В 1934 г. вернулся в Ленинград. Работал в ГАИМК, где заведовал кафедрой реставрации и консервации (до 1937 г.), и в Русском музее.

Осн. соч.: Блюдо епископа Патерна // Известия ИАК. 1913. Вып. 49. С. 101–127; Горит из кургана Солохи // Известия РАИМК. 1922. Т. 2 . С. 23–48; Консервация и реставрация музейных коллекций. М., 1947; Акварель. Ее техника, реставрация и консервация. М., 2000.

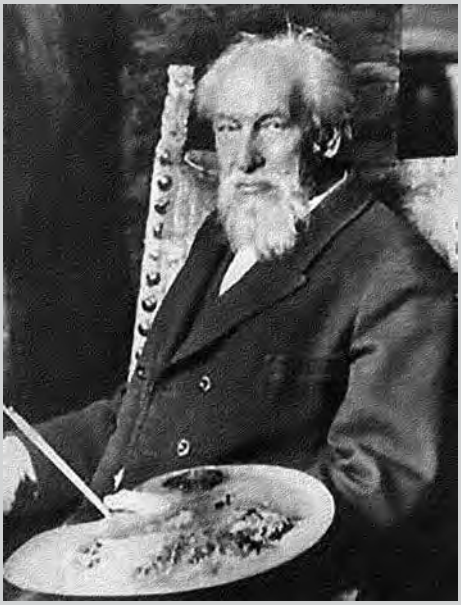
Лит. о нем: *Иессен А.А.* Мстислав Владимирович Фармаковский // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С. 165–167; *Корнилов П. Е.* М.В. Фармаковский // Сообщения Государственного русского музея. 1947. № 2. С. 48-49.

(Фото: ФО. Нег. II 99124, фрагмент)

очевидно, был членом Комиссии для получения чинов и орденов» (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 180, 182).

Впоследствии сверхштатными членами ИАК являлись профессор Варшавского университета, а затем директор Московского архива Министерства юстиции Дмитрий Яковлевич Самоквасов, ставший таковым непосредственно из членов-корреспондентов, с 11 февраля 1891 г., и профессор Киевского университета Владимир Бонифатьевич Антонович — с 10 декабря 1891 г., одновременно с Н.И. Веселовским. Оба были утверждены приказом от 1 февраля 1892 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 180. Л. 20–21). Эти деятели уже ранее проявили себя как полевые археологи и знатоки скифо-сарматских и славяно-русских древностей.

Однако назначение 11 декабря 1892 г. сверхштатным членом Комиссии профессора Петербургской духовной академии и впоследствии директора Петербургского археологического института (с 1898 г.), а тогда его секретаря, Николая Васильевича Покровского (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 197. Л. 21,



БОТКИН Михаил Петрович (7.08.1839 — 22.01.1914) — художник, гравер, академик исторической живописи и выдающийся коллекционер. Родился в Москве, в семье известного чаеторговца П.К. Боткина. В 1856 г. поступил в Императорскую академию художеств. После окончания нескольких лет провел в Германии, Франции и Италии. Здесь сблизился со многими русскими художниками, в особенности с А. Ивановым, в 1880 г. издал книгу «Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка». За картины «Вакханка с тамбурином» и «Плач на реках Вавилонских» в 1863 г. получил звание академика. Член совета Академии художеств (с 1879 г.), сверхштатный член ИАК (1888), член Общества поощрения художеств, директор Музея Императорского общества поощрения художеств (с 1896 г.), председатель правления Первого российского страхового общества, член совета Петербургского международного коммерческого банка и др. Постоянно участвовал в делах Общества поощрения художеств, и комиссиях, учреждаемых для организации художественных начинаний, — распорядитель художественными отделами на Всероссийской промышленной выставке в Москве 1882 г., участвовал в устройстве русского отдела на Международной промышленной выставке в Копенгагене 1888 г. Один из виднейших коллекционеров и меценатов. Из итальянских путешествий 1858–1863 гг. привез ценные памятники ренессансного и античного искусства. Особенно выдающееся собрание ваз и этрусских терракотовых масок происходило из раскопок 1875–1876 гг. в Тарквиниях. Владел уникальной коллекцией произведений прикладного искусства: античного, византийского, древнерусского, готического и ренессансного (выделялись византийские эмали на золоте, французские и немецкие эмали, бронзы романской эпохи и итальянские майолики эпохи Возрождения). В 1920 г. художественные собрания поступили в Государственный Эрмитаж.

Лит. о нем: Собрание М.П. Боткина. СПб., 1911; Некролог М.П. Боткина // Известия ИАК. Приб. к № 46 (Хроника и библиография. № 26). 1914. С. 160–161; *Барышников М.Н.* Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998. С. 70–72, 183, 283, 286; *Неверов О.Я.* Боткин // Санкт-Петербург и античность. СПб., 1993; Коллекции Михаила и Сергея Боткиных: [Каталог выставки, Санкт-Петербург. Русский музей, 2011 –2012]. СПб., 2011; *Манойленко А. С., Манойленко Ю.Е.* Документы о художнике и коллекционере М.П. Боткине в Российском государственном историческом архиве // Отечественные архивы. 2014. № 5. С. 35–41.

(Ил.: Рюмин 1991: 153)

АНТОНОВИЧ Владимир Бонифатьевич (30.01.1834 — 21.03.1908) — историк, археолог, археограф, фольклорист, общественный деятель, один из основоположников украинской национальной историографии, глава киевской школы украинских историков. Магистр (1868), доктор (1878) русской истории, действительный член МАО (1874), РАО (1894), профессор Киевского университета с 1878 г., декан историко-филологического факультета 1880–1883 гг.

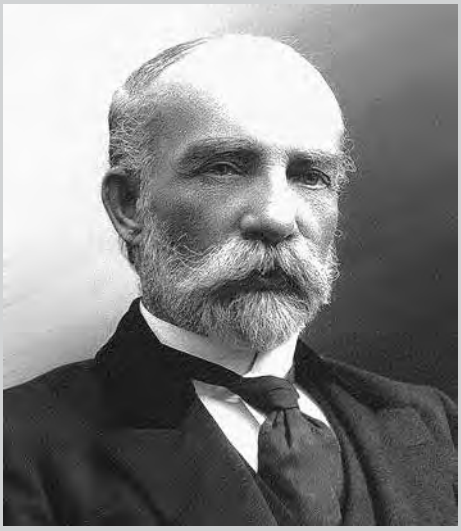
Основатель и председатель Исторического общества Нестора Летописца (1881–1883). Принадлежал к шляхте, разделял демократические идеи. Основные труды посвящены истории Правобережной Украины и Великого княжества Литовского, археологии Украины. Издал 9 томов материалов «Архива Юго-Западной России», из которых 4 посвящены казачеству. Исследовал курганы Киевской, Волынской, Черниговской, Подольской, Полтавской губерний, стремясь установить отличительные черты и пределы расселения отдельных племен. Являлся непременным участником всех Археологических съездов. Много трудов положил на организацию археологического музея Киевского университета и нумизматического кабинета. В начале XX в. вышел на пенсию по болезни и подолгу жил в Италии.

Осн. соч.: Археологическая карта Волынской губернии // Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899 г. 1901. Т. 1. С. 1–333; Археологическая карта Киевской губ. М., 1895; Раскопки в стране древлян. СПб., 1893; Бакотский скальный монастырь. Киев, 1880; Описание монет и медалей, хранящихся в нумизматическом музее университета св. Владимира. Киев, 1896–1904. Вып. 1–3.

Лит. о нем: Памяти члена-учредителя исторического общества Нестора Летописца, заслуженного ординарного проф. В.Б. Антоновича. Киев, 1904; *Болсуновский К.В.* В.Б. Антонович как нумизмат. СПб., 1912; *Кіян О.І.* Життєвий та творчий шлях В.Б. Антоновича // Український історичний журнал. 1991. №2. С. 64–76; *Ульяновський В., Короткий В.* Володимир Антонович: образ на тлі епохи. Київ, 1997; *Гордієнко Д.* До участі Володимира Антоновича у XII Археологічному з'їзді в Харкові 1902 р. (за листами Єгора Рєдіна) // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Вип. III. Київ, 2013. С. 93–107.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-А. Д.13. Л. 1)

23 — 23 об.), представляется деянием совершенно иного порядка, которое может быть по достоинству оценено лишь в свете сложных отношений между ИАК, Синодом и епархиальными архиереями. Н.В. Покровского вполне можно назвать «отцом церковной археологии» в России. Окончив Духовную академию в Петербурге, он в 1880 г. защищает



ПОКРОВСКИЙ Николай Васильевич (20.10.1848 — 8.03.1917) — историк, археолог, искусствовед, «отец церковной археологии» в России. Родился в семье священника в Костромской губернии. Окончил курс в СПбДА со степенью кандидата богословия в 1874 г. В 1876 и 1888 гг. изучал византийские памятники за границей. С 1874 г. — приват-доцент, с 1880 г. — доцент, с 1883 г. — экстраординарный профессор, с 1894 г. — ординарный профессор, с 1899 г. — заслуженный ординарный профессор, с 1905 по 1917 г. — сверхштатный заслуженный ординарный профессор по кафедре церковной археологии и литургики; основатель и заведующий церковно-археологическим музеем (1879) Санкт-Петербургской духовной академии. Именно Н.В. Покровскому, а не Н.П. Кондакову, как принято считать, принадлежит честь создания иконографического метода. Магистр богословия (1880), доктор церковной истории (1892). Действительный (1880) и почетный член (1910), секретарь Русского отделения (1885–1888) ИРАО. Действительный член МАО (1887). Сверхштатный член ИАК с 1892 г. Почетный член Общества антиквариев в Лондоне (1896). Член Совета Общества распространения религиозно-нравственного просвещения, заведующий педагогическими курсами учителей и учительниц церковноприходских школ (1897–1898). С 1878 г. профессор кафедры церковных древностей и с 1898 г. директор Петербургского археологического института. Исследовал историю христианского искусства от его истоков вплоть до XVII в. Ввел в научный оборот значительный массив памятников восточнохристианского искусства.

Осн. соч.: Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб., 1892; Очерки памятников христианской иконографии и искусства. СПб., 1900; Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Пг., 1916.

Лит. о нем: *Мусин А.Е.* 150 лет со дня рождения Н.В. Покровского // Новгородский исторический сборник. 1999. № 7 (17). С. 262–266; *Пивоварова Н.В.* Н.В. Покровский: личность, научное наследие, архив // Мир русской византинистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / ред. И.П. Медведев. СПб., 2004. С. 41–118.

(Фото: частный архив)

магистерскую диссертацию о происхождении древнехристианской базилики, а в 1892 г. — докторскую диссертацию «Евангелие в памятниках иконографии», где через историко-критическое исследование произведений искусства проводит мысль о церковной культуре как воплощенном Священном Предании.

По сути дела, им впервые применяется типологический метод в церковной археологии, где церковный канон предстает как иконографический тип. Знаток русских церковных древностей

ХАНЕНКО Богдан Иванович (3.01.1848 — 26.05.1917) — промышленник, коллекционер, меценат. В 1871 г. окончил Московский университет со степенью кандидата права. Занимал пост мирового судьи в Петербурге. В 1876–1882 гг. — член Варшавского окружного суда. Выйдя в отставку, путешествовал по Западной Европе. С конца 1880-х гг. поселился в Киеве. С 1892 г. — директор-распорядитель, а затем — председатель правления Южно-Русского общества содействия земледелию («Земледельческий синдикат»). С 1896 г. — директор-распорядитель и глава правления Товарищества свеклосахарных и рафинадных заводов братьев Терещенко. В начале 1890-х гг. — член Всероссийского товарищества сахарозаводчиков, Киевского биржевого товарищества, глава Киевского комитета торговли и мануфактуры. В 1906–1912 гг. — выборный член Государственного совета от промышленников. Член партии октябристов. Почетный член Академии художеств, председатель Киевского общества древностей и искусства, сверхштатный член ИАК, член-корреспондент МАО с 1899 г. Собрал большую коллекцию произведений искусства и библиотеку. Сыграл главную роль в основании Киевского художественно-промышленного и научного музея (официально открыт в 1904 г.), основу экспозиции которого составила археологическая коллекция Ханенко (3145 предметов). По дарственной его супруги В.Н. Ханенко коллекция была передана в Киевский музей западного и восточного искусства, сегодня — Национальный музей искусств имени Богдана и Варвары Ханенко.

Осн. соч.: Древности Приднепровья. 1899–1907; Вып. 1–6. Русские христианские древности. 1899; Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899–1900. Вып. 1–2; (в соавт. с Ханенко В.Н.); Спогади колекціонера. Київ, 2008.

Лит. о нем: *Крачковская В.А.* Мусульманское искусство в собрании Ханенко. Л., 1926; Історія художнього зібрання відомих київських колекціонерів Богдана та Варвари Ханенків. Київ, 2005; *Пескова А.А., Строкова Л.В.* Христианские древности Византии в «сирийской коллекции» Б.И. и В.Н. Ханенко. СПб.; Киев, 2012.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 2. Д. 60)

и памятников христианской археологии вообще, человек, пользовавшийся уважением в Синоде и в Церкви, был чрезвычайно важен для А.А. Бобринского в его стремлении влиять на ситуацию с охраной и реставрацией памятников церковной старины.

Директор Института гражданских инженеров Николай Владимирович Султанов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 38.

Л. 2), ставший 20 октября 1903 г. председателем Техническо-строительного комитета МВД, еще 20 марта 1897 г. был кооптирован А.А. Бобринским в Комиссию в качестве сверхштатного члена в связи с возлагаемыми на него ИАК «поручениями по осмотру и исследованию древних памятников зодчества» и «постоянным участием в заседаниях по рассмотрению поступающих в ИАК проектов реставрации храмов и других древних зданий».

Помимо этого в число членов ИАК без содержания были введены бывший хранитель московской Оружейной палаты шталмейстер двора, граф Алексей Егорович Комаровский, управляющий двором принца Александра Ольденбургского (27 марта 1898 г.), который скончался 14 августа 1899 г., никак не проявив себя в деятельности Комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 42. Л. 1, 6), известный коллекционер, председатель Киевского общества истории и древностей Богдан Иванович Ханенко (10 июня 1905 г.), член ООИД, профессор Новороссийского, а затем Галльского университета Эрнст Романович фон Штерн (20 апреля 1909 г.), профессор Киевского университета Юлиан Андреевич Кулаковский (7 марта 1911 г.), профессор Петербургского университета Михаил Иванович Ростовцев и князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов (7 апреля 1912 г.) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 298; РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 415).

Стоит отметить назначение 22 марта 1903 г. сверхштатным членом ИАК члена Государственного совета Николая Ивановича Булычева (см. о нем: Добычина, Иванов 2016). Еще 5 февраля А.А. Бобринской подает рапорт министру двора о том, что ИАК нужен сотрудник для разбора монетных кладов и «ближайшего заведования делами», связанными с находками монет и распределением их по музеям, для чего необходим археолог, хорошо знакомый с отечественной нумизматикой. Таким археологом и стал Н.И. Булычев, сохранивший свой пост при МВД (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 21. Л. 5).

Два последних назначения говорят о А.А. Бобринском как стратеге, готовом обеспечить деятельность своей Комиссии на высоком государственном и общественном уровне с помощью связанных с ИАК известных государственных деятелей. Назначение А.А. Ширинского-Шихматова, который не только, подобно Н.И. Булычеву, был членом Госсовета, но и членом Сената и гофмейстером двора, а с 1903 г. еще и тверским губернатором, нужно рассматривать как создание мощной поддержки деятельности ИАК на уровне принятия общеимперских решений.

К тому же это назначение было важным и в отношениях с Синодом и епархиальными архиереями: новый сверхштатный член долгое время начиная с 1890 г. был юрисконсультом Святейшего Синода, в 1911 г. стал председателем комиссии по реставрации Большого Успенского московского собора. Нельзя сказать, что он был далек от археологии: под его руководством в 1903 г. в его имении Федово Тверской губернии был раскопан древнерусский грунтовой могильник (Ширинский-Шихматов 1906). Несмотря на то, что в интерпретации автора исследований этот памятник был отнесен к «языческим древностям», сегодня его материалы занимают ключевое место в научных представлениях о христианизации Древней Руси вообще и сложении древнерусской погребальной культуры в частности.

ШТЕРН, фон, Эрнест Романович (Эрнст-Валльфрид) (25.06.1859 — 27.04.1924) — историк, филолог-классик, археолог, эпиграфист. Действительный член МАО (1896), сверхштатный член ИАК (1909). Учился в Дерптском и Лейпцигском (1877–1880) университетах. Ученик Ю.-Г. Липсиуса и Г. Лешке. В 1884 г. приглашен преподавать классическую филологию в Новороссийском университете. Приват-доцент, экстраординарный (1896), а затем ординарный профессор (1898). Был деканом историко-филологического факультета и директором Высших женских курсов. Педагогическая деятельность Штерна явилась важным этапом в развитии антиковедения в Одессе. Член ИООИД (1891), хранитель музея древностей Общества (1896–1911). Систематизировал обширные музейные коллекции. Вел широкие полевые исследования на очень высоком методическом уровне, воспитал целое поколение археологов-антиковедов. В 1911 г. переехал в Галле (Германия), где преподавал в университете и прожил до смерти. Избирался деканом и ректором местного университета. В сентябре 1918 г. заочно избран членом Совета РГАК.

Осн. соч.: Полный список трудов помещен в т. 30 ЗООИД; Алебастр Псиакса и Гилина. Исследования в области греческой керамики. Одесса, 1894; Античная глазированная посуда с юга России. Одесса, 1899; Две хранящиеся в Одесском музее античные вазы строгого краснофигурного стиля. Одесса, 1900; К вопросу об эллинской керамике. Одесса, 1910; О местоположении древнего Херсонеса. Одесса, 1908; Отчет о раскопках на острове Березани летом 1913 года. Одесса, 1915; Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906.

Лит. о нем: *Жебелев С.А.* Отзыв о трудах Э.Р. фон Штерна. Одесса, 1901; Проводы профессора Э.Р. фон Штерна. Одесса, 1911; *Хойслер А.* Эрнст фон Штерн, археолог в Одессе и Галле // Традиции российской археологии. СПб., 1996. С. 54–56; *Щеглов А.Н.* Э.Р. Штерн в России (несколько поправок и заметок к тезисам А. Хойслера) // Там же. С. 56–57; *Фролов Э.Д.* Немецкий профессор в русском университете: Эрнест Романович фон Штерн (1859–1924) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2001. Вып. 3. С. 280–285; *Кузьмищев А.Г.* Археологические исследования Э.Р. фон Штерна: Березань, Тира, Петрены // Археологія і давня історія України. 2012. Вип. 9. С. 139–147; *Кузьмищев А.Г.* Березань в археологических исследованиях Э.Р фон Штерна // Боспорские исследования. Вып. XXVI. Симферополь; Керчь. 2012. С. 433–461; *Кузьміщев О.Г.* Е.Р. фон Штерн у вітчизняній історіографії // Археологія. 2013. № 4. С. 121–130; *Кузьміщев О. Г.* Е.Р. фон Штерн — дослідник античної археології північного Причорномор'я (кін. XIX — поч. XX ст.) // Археологія і давня історія України. 2015. Вип. 1 (14). С. 430–437; *Кузьміщев О.* Науково-педагогічна та організаційна діяльність Ернста Романовича фон Штерна // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 2015. Вип. 19. С. 46–57; *Кузьмищев А.* Э. Р. фон Штерн и борьба с фальсификациями археологических материалов в конце XIX — начале XX века // ЕМІНАК. 2016. № 4. С. 320–326.

РОСТОВЦЕВ Михаил Иванович (29.10.1870 — 20.10.1952) — историк античности и археолог. Образование получил в Киевском и Петербургском университетах. С 1895 по 1898 г. находился в заграничной командировке: Константинополь, Афины, Рим, Вена, Лондон, Париж, Испания, Малая Азия. В 1899 г. защитил магистерскую диссертацию, в 1903 г. — докторскую. Чл.-корр. (1908), член Академии наук и многих ученых, исторических и археологических обществ. С 1898 г. приват-доцент, в 1901–1918 гг. профессор Петербургского университета. С октября 1912 г. — сверхштатный член ИАК, с сентября 1918 г. — член Совета РГАК. Принял участие в разработке проекта создания на базе ИАК/РГАК Академии археологических знаний (1917–1918). Занимался изучением Помпей, искусством Египта и Востока. В 1918 г. эмигрировал. В 1920–1925 гг. профессор в Мадисоне (штат Висконсин, США), в 1925–1944 гг. профессор Йельского университета в Нью-Хейвене. В 1928–1937 гг. возглавлял раскопки Дура-Европос. Развернул широкие исследования древней культуры и письменности на Ближнем Востоке, создал в США научную школу папирологии. В 1929 г. принял американское гражданство. Президент Американской исторической ассоциации (1935). Исследовал проблемы социально-экономической истории эллинизма и Римской империи, а также древнюю историю юга России, им было выявлено сложное взаимодействие греческой, иранской и местных культур.

Осн. соч.: Античная декоративная живопись на юге России. СПб. 1913, 1914. Атлас 1913, Текст 1914; Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж. СПб., 1908; Скифия и Боспор. Л., 1925; Рождение римской империи. Пг., 1918; Studien zur Geschichte des römischen Kolonates, Berlin; Leipzig, 1910; Mystic Italy. New York, [1927]; Dura-Europos and its art. Oxford, 1938; The social and economic history of the Roman Empire. Oxford, 1926; A history of the ancient world. Oxford, 1926–27. V. 1–2; The social and economic history of the hellenistic world. Oxford, 1941. V. 1–3.

Лит. о нем: *Бороздин И.* Ученые заслуги М.И. Ростовцева. [М., 1915]; Скифский роман. М., 1997; Парфянский выстрел. М., 2003; *Алипов П.А.* Историк М.И. Ростовцев: научный успех эмигранта // Новый исторический вестник. 2009. №1 (19). С. 128–133; *Алипов П.А.* Труды М.И. Ростовцева по истории древнего Рима в оценках англо-американской историографии конца 50-х — 70-х годов XX века // Вестник Пермского университета. Политология. История. 2009. Вып. 1 (8). С. 86–91; *Musin A., Dennert M.* Rostovcev Mihail Ivanovič, Arthistoriker, Archäologe // Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16. bis 21. Jahrhundert / Hrsg. S. Heid, M. Dennert. Regensburg, 2012. Bd. 2 (K–Z). S. 1092–1095; *Алипов П.А.* Эпиграфические находки первого сезона раскопок в Дура-Европос и их интерпретация М.И. Ростовцевым // Вопросы эпиграфики. Вып. 7. Ч. 1. 2013. С. 285–298; *Алипов П.А., Соловьев К.А.* Михаил Иванович Ростовцев: «Большевистская теория может привести только к вырождению культуры…» // Российский либерализм: Идеи и люди / под ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2018. Т. 2: XX век. С. 688–701.

(Фото: 1905 г. ФО. Отп. Q 548-50, фрагмент)

ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ Алексей Александрович (6.11.1862 — 22.12.1930) — князь, государственный, общественно-политический и церковный деятель, публицист. Служил по ведомству Министерства внутренних дел. Помощник юрисконсульта при обер-прокуроре Святейшего Синода (1890), прокурор Московской Синодальной конторы (1894). С 1903 г. — тверской губернатор. С октября 1903 г. — гофмейстер. В мае — товарищ обер-прокурора Синода (1905), обер-прокурор, член Государственного совета (1906). Вице-председатель православного Палестинского общества. Проводил археологические раскопки средневековых погребальных памятников Северо-Запада России. В 1915 г. основал Общество возрождения художественной Руси. После Октябрьского переворота участвовал в деятельности подпольных монархических организаций. Эмигрировал. На съезде правых монархистов (1921 г., Рейхенгаль, Германия) был избран одним из трех членов Высшего монархического совета. Умер во Франции.

Осн. соч.: Федовский могильник: Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 г. 10–20 августа. Тверь, 1906. Отд. I. С. 53–62.

Лит. о нем: *Жевахов Н.Д.* Князь А.А. Ширинский-Шихматов. Новый Сад, 1934; Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 700–701.

Пласт грунтовых могильников XI–XII вв. при сопках Федово, Деревяницы, Михаил-Архангел, Нередица (Спицын 1905а; Конецкий 1982; Носов 1982), которые зачастую являются организующим центром некрополя и определяют ориентацию погребенных, позволяет увидеть динамику сложения новой обрядности в конкретных социоисторических параметрах, связанных с боярской патронимией. Однако стоит признать, что его фраза, написанная им в благодарственном письме А.А. Бобринскому в ответ на извещение об избрании сверхштатным членом ИАК: «В меру скромных моих познаний и слабых сил готов принять деятельное участие в трудах Комиссии, насколько это окажется возможным без ущерба для прямых моих служебных обязанностей», — должна рассматриваться не просто как проявление подобающей скромности (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 225. Л. 9).

Кадровая политика А.А. Бобринского вообще отличалась продуманностью и логикой. Так, он практиковал перевод членов-корреспондентов ИАК в сверхштатные члены Комиссии, а последних в действительные, как это имело место с Н.И. Веселовским, занявшим 12 января 1895 г. место старшего члена ИАК, ранее принадлежавшее В.Г. Тизенгаузену, ставшему в тот же день товарищем председателя (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 186. Л. 13, 30 — 30 об.).

БУЛЫЧЕВ Николай Иванович (02.05.1852 — 20.11.1919) — выпускник Петербургского университета. Камергер двора его императорского величества, предводитель дворянства Калужской губернии, член Государственного совета, сверхштатный член ИАК с марта 1903 г., краевед, археолог. Много лет исследовал курганы в Верхнем Поднепровье и Поочье. Проводил раскопки в Калужской и Смоленской губерниях в 1886–1892 гг., в Уфимской губернии (1902), в Пензенской губернии (1897). С 1900 г. — член-корреспондент Московского археологического общества, в том же году избран действительным членом МАО. При баллотировке в РГАК 24 сентября 1918 г. не был переизбран и выбыл из ее состава. Во время революционных событий Булычев находился в Петрограде.

Осн. соч.: Раскопки по берегам Оки. М., 1902.

Лит. о нем: ИМАО в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.) / под ред. П. С. Уваровой, И. Н. Бороздина. М., 1915. Т. 2. С. 9–10.

(Фото: Калужский музей изобразительных искусств)

Мероприятия А. А. Бобринского по созданию коллектива членов-корреспондентов и сверхштатных членов ИАК свидетельствуют не только о попытке решить кадровые проблемы самой Комиссии, но и о дипломатическом таланте ее председателя, умело формировавшего общественное мнение и вербовавшего надежных союзников своему ведомству. В своем письме от 6 сентября 1886 г. Д. Я. Самоквасову, сразу после назначения того членом-корреспондентом Комиссии, А. А. Бобринской выражает надежду, что профессор и впредь не будет отказывать Комиссии в ее просьбах (Археология... 2007: 271).

10 марта 1890 г. председатель ИАК обращается к Д. Я. Самоквасову по вопросам классификации курганов в Черкассах (Там же: 85–86), а 14 января 1893 г. запрашивает его мнение о проекте новых правил для археологических раскопок (Там же: 88; РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 260). В своем письме от 9 июля 1906 г. граф вновь просит «не оставлять» его указаниями: «Ежели Вы, опытные исследователи, не станете отказывать в совете и помощи, то можно будет мало-помалу прийти к лучшему положению вещей и сплотить археологические силы России в одно системное целое» (Археология... 2007: 88). Таким образом, мы видим, что А. А. Бобринской сумел привлечь к работе в Археологической комиссии значительное число выдающихся исследователей древности и лиц, обладающих значительным общественным весом в России. Необходимо отметить,

что именно в «эпоху Бобринского» произошло объективное совпадение персональных научных интересов членов Комиссии и выполняемых ею административных и исследовательских задач. С этого времени можно говорить о вкладе сотрудников ИАК в развитие науки и охраны древностей, как и вкладе самого учреждения.

А.А. Бобринской заботился об охранении престижа сотрудников и служащих ИАК на местах. Так, 31 октября 1895 г. он обратился к министру двора с просьбой учредить особый нагрудный знак «Надсмотрщик Императорской археологической комиссии» для успешной организации работ, по образцу нагрудного знака надсмотрщика Керченского музея, утвержденного 26 мая 1892 г. Разрешение последовало 20 ноября 1895 г., где особо оговаривалось, что представители ИАК имеют право ношения такого знака при отправлении ими своих служебных обязанностей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 316–319). Еще ранее, 4 декабря 1894 г., председатель заказал портному мастеру Ивану Вагину форменное обмундирование сторожам Комиссии по образцу присяжных Петербургского дворцового управления, на что было потрачено, после нудных переговоров с министерством, 183 рубля.

Здесь же стоит добавить, что во время реставрационно-археологических работ в храме Спаса на Берестове в Киеве 23 сентября 1911 г. П.П. Покрышкин ходатайствовал о назначении своего помощника Л.И. Кириллова сверхштатным членом Комиссии с правом ношения мундира и знака прилагаемого образца, который, к сожалению, не сохранился. Это должно было наглядно свидетельствовать о правах и функциях археолога во время исполнения им своих обязанностей. 11 января 1912 г. А.А. Бобринской ходатайствует об этом перед министром двора, но, судя по всему, проект остался нереализованным (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 322).

Вообще, председатель Комиссии всегда вникал в нужды своих сотрудников. В связи с этим не очень понятно, что имеют в виду современные авторы, пишущие, например, что он «держал в черном теле в Комиссии» А.А. Спицына (Формозов 2004: 29), который для него был «чем-то вроде второго сорта» (Бердинских 2003: 421). Сам же А.А. Спицын подчеркивал, что пользовался полной свободой действий в Археологической комиссии, занимался тем и публиковал то, что сам хотел (Спицын 1928: 332). Также нужно заметить, что А.А. Спицын за годы своей службы под началом А.А. Бобринского регулярно получал новые чины и награды. В декабре 1915 г. А.А. Бобринской подал рапорт министру двора, в котором просил в обход существующих правил производства в новые чины (А.А. Спицын занимал должность VI класса и не прослужил 35 лет): «Не признаете ли Вы возможным обратить особое благосклонное внимание на этого труженика и в награду за его неустанную работу на пользу Археологической комиссии исходатайствовать ему, в виде исключения, чин действительного статского советника (IV класс, “Ваше превосходительство”. — *Авт.*)» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 199. Л. 60 — 60 об.). В итоге 10 апреля 1916 г. А.А. Спицын получил этот чин. Он также участвовал во всех мероприятиях, определяемых придворным статусом Комиссии, в частности, в представлении новых находок лично императору. Однажды, возвратившись с такого

представления, А.А. Спицын рассказывал домочадцам, что даже спорил с императором Николаем II по поводу некоторых вещей и перемигивался с великими княжнами (Тихонов 2003c: 107). Нелишним будет и упомянуть, что в 1918 г. после смерти Н.И. Веселовского А.А. Спицын был избран старшим членом Комиссии по предложению А.А. Бобринского, и именно на него председатель возложил свои обязанности, покидая Петроград летом того же года.

Совсем иное отношение к А.А. Спицыну было у И.И. Толстого, оставившего следующие записи в своем дневнике: «Спицын докладывал о китайском влиянии на татаро-монгольские и русские произведения вплоть до XIV–XV вв. Менее научного и более слабо обоснованного фактически доклада мне редко приходилось слышать в жизни! Голословность и отсутствие умения обращаться с научными методами исследования сделали то, что интересный сам по себе вопрос не был продвинут ни на йоту к разрешению. Бедный Спицын — несомненно, замечательно туп и не ему заниматься наукой!..» (Толстой 1997: 259). «...Докладчиком был Спицын, причем его изложение было образцом ненаучного отношения к предмету (древности Галиции). Трудно себе представить большего нагромождения фантастических выводов и субъективных решений самых разнообразных вопросов археологии...» (Там же: 261). «...После завтрака я ездил в Археологическую комиссию, а затем к Кондакову. В Комиссии мне показали поразительные находки нынешнего года. Члены, к сожалению, ничего в них не понимают (говорю о Николае Веселовском и Спицине, которых застал в Комиссии), и они с открытыми ртами слушали мои объяснения (например, о серебряном блюде...)» (Там же: 588).

На страницах этого же дневника содержатся и довольно резкие характеристики политической деятельности А.А. Бобринского (Там же: 166, 292, 314, 395). Бывшие сотрудники Археологической комиссии граф И.И. Толстой и Н.П. Кондаков продолжали оставаться в жесткой оппозиции председателю ИАК, а по существу и всему возглавляемому им учреждению. Впрочем, о частом необоснованном злословии последнего писали многие мемуаристы. Так, например, сын Н.О. Лосского вспоминал, что в устах Кондакова русские археологи следующего за ним поколения были в большинстве «археолухами», а о Б.В. Фармаковском Кондаков говорил так: «сорок лет молчал, а потом такое сказал, что лучше бы и совсем рта не открывал» (Лосский 1993: 154-155; ср. подобные оценки, приведенные в мемуарах Б.В. Варнеке: Тункина 2002b).

Предпринимались меры и для «повышения квалификации» сотрудников Археологической комиссии, связанные с их служебными командировками за границу, а также для формирования полноценного представления о деятельности ИАК в европейской науке. Так, 23 января 1897 г. через Ф.И. Успенского в ИАК поступило приглашение на Археологический съезд в Афинах, который должен был открыться 26 апреля в связи с 50-летием Французской археологической школы в этом городе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 18. Л. 1).

ИАК осознавала необходимость профессионального роста своих сотрудников, повышения их квалификации. В 1904 г. планировалась поездка по археологическим памятникам Греции, в связи с чем 29 мая 1903 г.

В. В. Шкорпилу было направлено письмо (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 74. Л. 1). В нем писалось: «Императорская археологическая комиссия, сознавая всю важность ознакомления своих сочленов, ведущих практически дело раскопок, с результатами грандиозных археологических раскопок на почве собственно Греции и с применяемым при производстве их методом, предполагала командировать Вас в Грецию и с этой целью входила с ходатайством к управляющему Афинским отделением Немецкого археологического института профессору В. Дерпфельду о допущении Вас к участию в имеющих состояться в апреле и мае 1904 года под его руководством археологических поездках Германского археологического института по Греции.

Получив ныне согласие профессора Дерпфельда на принятие Вас в число членов указанных поездок, Императорская археологическая комиссия имеет честь уведомить Вас об этом и при сем присовокупляет, что проф. Дерпфельдом Вам будет прислана программа поездок, по получению коей Вы имеете войти в Комиссию с представлением о снабжении Вас нужными на поездку средствами, заграничным паспортом и соответствующими инструкциями, — если, конечно, командировке не воспрепятствуют Ваши служебные обязанности в Керченской гимназии».

Кроме В. В. Шкорпила отправиться в поездку по Греции предлагалось также К. К. Косцюшко-Валюжиничу, при этом все расходы (500 руб.) брала на себя Археологическая комиссия. Однако по причине большой занятости, планировавшегося Высочайшего приезда в Херсонес и проч. Косцюшко-Валюжинич отказался от лестного предложения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 74. Л. 5). Директор Керченского музея нашел для этого время и под руководством В. Дерпфельда осмотрел памятники древней Греции, путешествовал по Пелопоннесу (17 дней), по островам (13 дней), посетил Афины (25 дней), а также Трою и Константинополь. Стоит вспомнить и об участии Б. В. Фармаковского и С. А. Жебелева в 1-м Международном археологическом конгрессе в Афинах в 1905 г. (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1905. Д. 29; ср.: Тункина 2006).

Несколько раз ездил за границу для участия в археологических конгрессах и осмотра археологических музеев и А. А. Спицын; так, в частности, в 1912 г. он был на археологическом конгрессе в Стокгольме (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 83). К сожалению, на общей фотографии участников конгресса А. А. Спицына не оказалось (Svedin 2007: fig. 1), однако здесь запечатлен другой член Комиссии Ф. А. Браун. Участвовал в этой встрече и ученик А. А. Спицына А. В. Тищенко.

15 марта 1908 г. в ИАК через Министерство иностранных дел было передано приглашение на Международный археологический конгресс в Каире, куда был отправлен Б. В. Фармаковский. Интересно, что эта поездка имела своим следствием попытку организации Отдела древностей Антиохийского патриархата при одном из русских музеев, в которую была вовлечена и ИАК. Во время конгресса его участники посетили Дамаск, где встречались с недавно избранным патриархом Григорием, который и предложил русскому консулу и Б. В. Фармаковскому вывезти коллекцию христианских древностей Ближнего Востока, «ныне расхищаемых иезуитами и попираемых мусульманами», в Россию. Параллельно с устным предложением записка

подобного содержания была отправлена в Петербург по дипломатическим каналам. Из рапорта самого Б.В. Фармаковского от 22 мая 1909 г. выяснилось, что во время личной беседы с патриархом дело обстояло несколько иначе, чем было изложено в записке: никакой готовой коллекции в патриархате не существовало. В результате Комиссия в своем отзыве увязала «желательность» такого мероприятия с качеством и составом предлагаемых вещей, однако сама возможность организации музея антиохийских древностей в России была признана затруднительной, так как в Турции существовал запрет на вывоз древностей за рубеж (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 66). Интересно, что за поступившим в Россию предложением, в обсуждение которого была вовлечена ИАК, могли стоять и вполне конкретные церковные причины геополитического характера: избрание антиохийским патриархом этнического араба Григория в 1906 г. не было признано греческими патриархатами, и для национальной арабской церкви в Сирии реализация «музейного проекта» стала бы средством прорыва «дипломатической блокады».

3–9 апреля 1913 г. в Лондоне состоялся Международный конгресс исторических наук (International congress of Historical studies), Оргкомитет которого направил соответствующее приглашении в ИАК, названную здесь Imperial Russian Archeological Commission, с предложение организовать особую секцию русских древностей. 30 января 1913 г. А.А. Бобринской подал в Министерство двора рапорт о том, что «участие в занятиях международных съездов вверенной мне Комиссии представляется весьма желательным». В Лондон были отправлены сам председатель ИАК и Б.В. Фармаковский (Доклады 1914). Интересно, что следующий IV конгресс должен был состояться в 1918 г. в Петербурге, и Академия наук приняла на себя устройство предварительного совещания 18–20 декабря 1913 г., куда от Комиссии был направлен Н.И. Веселовский (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 29. Л. 1 — 2 об., 11).

Еще одно важное направление деятельности А.А. Бобринского на посту председателя Археологической комиссии — это заметная активизация раскопок и расширение их географии в пределах Российской империи, что нашло отражение и в издательской политике Комиссии. Иногда такая стратегия ИАК вступала в противоречие с планами расширения международной научной деятельности прочих российских организаций. В таких случаях А.А. Бобринской достаточно жестко защищал как свои намерения, так и иерархическую позицию Комиссии в системе отечественной науки.

25 октября 1893 г. министр народного просвещения вошел в Государственный совет с предложением создать в Стамбуле Русский археологический институт. Предполагалось, что он будет императорским. Принято считать, что такая инициатива была выдвинута еще послом России в Турции А.И. Нелидовым в 1888 г. Однако в действительности он лишь реанимировал старую идею уже известного нам А.В. Прахова о создании в Константинополе археологической академии, сформулированную им в 1881 г. в письме российскому послу Е.П. Новикову (см.: Смирнов 2014; ср.: АВПРИ. Ф. 180. Оп. 571/2. Д. 4757. Л. 1–2, 9 об. — 10). Институт мыслился как учреждение по изучению христианского Востока и «разработке» его истории,

быта, искусства и науки. Византийская культура рассматривалась здесь как «источник гражданственности», а сам институт оказался бы базой для научных командировок. Реализация проекта предлагалась и в целях упрочения влияния России на православное население Востока. В 1888–1889 гг. идея получила поддержку Святейшего Синода и Министерства иностранных дел, однако необходимые для ее осуществления 12000 руб. золотом вызвали недоумение в Министерстве финансов.

Предлагаемый Министерством народного просвещения проект создания РАИК был составлен Н.П. Кондаковым, Ф.И. Успенским и А.И. Кирпичниковым. В уставе будущего учреждения предполагалось, что в задачи института будет входить: 1) организация и направление «на месте» научных занятий русских ученых древностями и историей Греции, Византийской империи и Передней Азии, 2) «изучение монументальных памятников, географии, топографии, быта и права, эпиграфики и искусства», 3) организация «раскопок по соглашению посла с правительствами Турции и Греции». Предполагалось, что институт будет контролировать перемещения художников и ученых, которые будут обязаны являться к директору с отчетами. Отдельно предполагались стажировки в институте для кандидатов и магистрантов духовных академий (РО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 32. Л. 17–25).

4 декабря 1893 г. Государственный совет заслушал это предложение и обратился к российским министерствам и ведомствам с просьбой высказаться по данному вопросу. Свое мнение, с учетом пожеланий и предложений членов Комиссии, в письме на имя министра двора высказал и А.А. Бобринской. Прежде всего, он обратил внимание на то, что в проекте никак не упоминалась ИАК, занимавшая «первенствующее место среди археологических учреждений России». Председатель ИАК выразил сомнения в перспективности такого начинания и привел в качестве примера судьбу Римской археологической комиссии, вскорости изжившей себя. Он считал, что проще всего было бы не учреждать дорогостоящего института, а если у правительства есть лишние деньги, то предоставить их в распоряжение ИАК на специальную цель изучения византийских древностей: «для сего особых штатных должностей и содержания не потребуется». Не без иронии он писал, что «если в этом деле контроль ИАК и Министерства двора представляется чем-то страшным для составителей проекта (вспомним недавний конфликт ИАК с Н.П. Кондаковым. — *Авт.*), то испрашиваемые деньги могли бы с несравненно большей пользой быть переданы Одесскому обществу». Записка А.А. Бобринского предполагала возможность устроения Института византийских древностей на юге России, дабы изучать многочисленные находящиеся здесь памятники.

В заключение граф писал: «Что же касается упрочения чувства уважения и доверия местного общества к России, то едва ли турецкое общество возгорится особым уважением к учреждению, в коем при штатной сумме в 12000 руб. только 3000 руб. предназначено на научные цели (издание и раскопки), а остальные 9000 руб. будут расходоваться на жалование служащих лиц и на их удобства» (Там же. Л. 1–4). Впрочем, очевидно, что в этом пункте граф, как человек европейской культуры, ошибался. Его мнение и легло в основу соответствующего письма министра двора по поводу учреждения РАИК.

И.И. Воронцов-Дашков указывал, что едва ли можно ожидать, что учреждением в Константинополе Археологического института в том виде, в каком он представлен в проекте устава, будут достигнуты плодотворные результаты. Будущие директор и секретарь не могут обладать необходимыми разнообразными знаниями, чтобы читать в стенах института все курсы, а сложная система разновидностей членства в институте затрудняет руководство этим учреждением. Отмечалась чрезмерная «цензорская роль» директора по отношению к лицам, посещающим институт. Предполагаемые для организации института средства министр предлагал передать Академии наук или Одесскому обществу истории и древностей (Там же. Л. 8–9). Как известно, средства на институт в Константинополе нашлись, и он был создан в 1894 г. (Басаргина 1999).

XVII

В «эпоху Бобринского» значительно расширился ареал научных интересов Археологической комиссии, лишь намеченных при С.Г. Строганове. Еще в начале 1880-х гг. В.Г. Тизенгаузен писал, что задачи археологических раскопок на юге (Пантикапей, Фанагория, Ольвия, Танаис) в основном выполнены и нужно сосредоточиться на «разыскании предметов древности, относящихся к отечественной истории», и указывал на необходимость изучения Киева и его окрестностей, а также Пермской и Вятской губерний (АВ ИВР РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2).

Позднее С.А. Жебелев писал: «С 80-х гг., когда во главе Комиссии стал А.А. Бобринской, Комиссия постепенно стала производить раскопки и археологические разыскания почти по всей европейской, а отчасти и азиатской России, хотя и тогда основным центром деятельности Комиссии продолжал оставаться юг России» (Жебелев 1923: 108). Изменение стратегии Комиссии хорошо видно и из текста «Очерка деятельности ИАК в царствование в Бозе почивающего Императора Александра III (1 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.)», составленного по распоряжению от 11 марта 1900 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 174. Л. 2 — 23 об.). К 1899 г. годовой бюджет Комиссии значительно возрос и достиг 57915 руб., из которых выделялось 6000 руб. на раскопки в Херсонесе и 4000 руб. — в Керчи, 12000 на остальные раскопки, 3240 — на приобретение древностей, 7000 — на издания (РО. Ф. 25. Д. 47. Л. 11). Всего только за период с 1881 по 1894 г. на деятельность Комиссии было истрачено почти полмиллиона рублей казенных средств (Обзор деятельности 1901: 125). Для сравнения, в 1886 г. на содержание личного состава ИАК и хозяйственно-операционные расходы было выделено 21600 руб., на Керченский музей 6564 руб. и на путевые издержки и раскопки 2000 и 6300 руб. соответственно (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 1. Л. 2 — 6 об.).

В 1888 г., после Высочайшего повеления 12 июня 1887 г., начались раскопки в Херсонесе, которыми формально руководил Н.П. Кондаков, а непосредственные исследования проводил К.К. Косцюшко-Валюжинич. Иногда встречающееся мнение, что Косцюшко-Валюжинич первое время работал под наблюдением А.Л. Бертье-Делагарда

(Тункина 2017а: 370), не находит подтверждения в имеющейся в архиве переписке того времени (подробнее см. главу V). 10 мая 1893 г. городище посетил император Александр III, который одобрил происходящее своей знаменитой фразой «Теперь виден порядок», о чем лично сказал А.А. Бобринскому пятью днями позже (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 174. Л. 11 об., 63 об.).

Еще более масштабные и систематические раскопки в 1901 г. были начаты в Ольвии под руководством Б.В. Фармаковского, после того как А.А. Бобринской добился выделения на них специальных средств в сумме 4000 руб. в год (подробнее см. главу IV). Однако даже в местностях традиционного интереса ИАК ее исследовательская политика изменилась. Научные интересы все более выходили за рамки классических памятников античной археологии, в том числе и в Крыму. Так, в 1886 г. В.Д. Смирнову было выделено 150 руб. для разведок и раскопок курганов и погребений в Старом Крыму. 30 марта 1887 г. он представил в Комиссию отчет, в котором фигурировали и христианские по облику некрополи, в частности, упоминался медный крест из могилы у церкви с. Бия (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 25. Л. 3 — 29 об., 36 — 36 об.).

Новый этап наступил и в изучении Сибири. В мае 1886 г. Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894), идеолог «сибирского областничества», отправляясь в поездку по Сибири, предложил ИАК свои услуги по собиранию сведений о коллекциях и раскопах как в Западной, так и в Восточной области за последние 25 лет. Это предложение заинтересовало А.А. Бобринского, которому, судя по его письму, мало что было известно об этом регионе, за исключением исследований В.В. Радлова, которые велись здесь под наблюдением Комиссии. Одновременно ИАК поручила Н.М. Ядринцеву сбор сведений обо всех остатках древности, включая пещеры, курганы, изваяния и др. По своем возвращении 23 мая 1887 г. он представил в ИАК детальный отчет с предложением конкретных людей на местах, на которых Комиссия может опереться как на своих региональных сотрудников. География отчета охватывала Тюмень, Тобольск, Ишим, Томск, Красноярск, Минусинск, Иркутск и Сургут. К нему прилагалась составленная Д.А. Клеменцем археологическая карта Минусинского округа (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 26. Л. 2 — 2 об., 8–10, 15).

В это время Кавказ также надежно вошел в научное поле зрения ИАК, однако первый опыт изучения Комиссией местных христианских древностей имел последствия, далеко выходящие за рамки собственно академических целей. 26 мая 1889 г. член ИАК Н.П. Кондаков подал в Министерство двора записку о вопиющих фактах продажи и расхищения христианских древностей в храмах и монастырях Кавказа. В 1882–1885 гг. разбойники ограбили три монастыря Джумаши и Шемокмеди в Гурии и Мартвили в Мингрелии. Н.П. Кондаков сообщал, что местная спекуляция и поиски иностранных агентов приведут к опустошению богатых ризниц.

Так, тифлисский дворянин Сабинус, по разрешению Синодальной конторы, собрал из ризниц церквей и монастырей старое серебро, забрал дорогие эмали на золоте (иконы XI в., эмали XI–XII вв., Евангелие 1300 г. на пергаменте), «отблагодарив» монастыри новыми иконами в ремесленных окладах. По мнению Н.П. Кондакова, для сохранения

остатков церковных древностей следует собрать их в Гелатском монастыре и в Сионском соборе в Тифлисе.

28 июня по докладу министра состоялось Высочайшее повеление о поручении Н.П. Кондакову составить описи угрожаемых древностей, а ИАК — произвести их научную оценку (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 69. Л. 1–2, 47 — 47 об.). Летом того же года Н.П. Кондаков совместно с товарищем председателя Кавказского археологического общества Д.З. Бакрадзе совершил научную поездку по Кавказу, от которой сохранились уникальные кальки с изображениями изучаемых предметов. Исследователи посетили 14 монастырей Грузии, Имеретии, Мингрелии и Гурии. В августе министр велел опубликовать составленную зимой 1889/90 г. опись, а на изготовление фотографий Э. Гоппе в марте 1890 г. выделены 1800 руб. (Кондаков 1890). Н.П. Кондаковым же была инициирована поездка по Крыму и Кавказу тогда еще студента Петербургского университета Я.И. Смирнова. Основным поручением Я.И. Смирнову от ИАК было составление описи древностей Тифлисского музея, что им и было выполнено летом 1889 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 44).

Прошло 14 лет, и «Правительственный вестник» сообщил, что 19 июля 1904 г. был ограблен Гелатский монастырь и похищены «археологические драгоценности». 20 августа А.А. Бобринской запросил из общего архива дело об описании Н.П. Кондаковым кавказских древностей и тогда же написал экзарху Грузии с просьбой прислать в Комиссию полный список похищенных вещей. 16 сентября экзарх пересылает в Петербург список, составленный епископом Имеретинским, в котором из 7 украденных предметов два были учтены в издании 1890 г. — потир (№ 29) и перстень царя Давида (№ 34). 25 января 1905 г. А.А. Бобринской обратился в Министерство иностранных дел с просьбой передать в главнейшие музеи мира список похищенных вещей ради предостережения иностранных коллекционеров от покупки ворованных древностей. Уже в марте через российского посла в Англии подобное предостережение поступило в Британский музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 69. Л. 35, 42–44). Действия А.А. Бобринского по сути дела предвосхищали современную практику профилактики преступлений против культуры.

Именно в «эпоху Бобринского» исследования Кавказа и Средней Азии, не став приоритетами деятельности ИАК, все же приобрели более систематический характер. В 1891–1893 гг. и с 1904 по 1917 г. Н.Я. Марр вел археологические исследования средневекового армянского города Ани в Карской области (подробнее см. главу IX). В Азии на смену Н.Н. Пантусову, трудившемуся здесь с 1867 до 1892 г., пришел Н.И. Веселовский, который был в 1884–1885 гг. отправлен ИАК на городище Той-Тюбе Кураминского уезда и Чорлен-тепе близ кишлака Намданак в 40 км от Ташкента. Он также осмотрел памятники Ахсыкета, Касана и Узгена и даже приступил к раскопкам гордища Афрасиаб под Самаркандом. В 1897–1899 гг. Н.И. Веселовский снова был в Средней Азии. В 1898 г. Н.И. Веселовский вместе с сотрудниками экспедиции побывал в Шахрисябзе для обследования дворца Ак-Сарай. Исследование среднеазиатских городов трудами ИАК связано с деятельностью ираниста В.А. Жуковского. В 1890 и 1896 гг. на средства ИАК он совершил поездки в Туркестан: здесь

в 1890 г. осматривал Мешхед и Тус в Мерве и Хорасане, а в Закаспийской области в 1896 г. произвел раскопки на городище Анау (Жуковский 1894) (подробнее см. главу X). Отметим, что А.А. Бобринской в целом поддержал и идею составления карты археологических памятников Кубанской области, предложенную Е.Д. Фелицыным, с условием, что из издания будут удалены собственно этнографические сведения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 16). Это отражало новый этап в исследовании этого традиционного для Комиссии региона.

Одним из приоритетных направлений в «эпоху Бобринского» стала славяно-русская археология, что было связано не только с приходом в ИАК А.А. Спицына, но и с ростом общественного интереса к национальным древностям (подробнее см. главы XI и XIII). В 1886–1887 гг. Императорская археологическая комиссия начала финансирование раскопок в Старой Ладоге и в Старой Рязани, причем в последнем случае материальная поддержка исследований продолжалась вплоть до 1904 г. Напомним, что на подобное предложение, поступившее в Комиссию в 1860 г., С.Г. Строганов ответил отказом. В 1886–1887 гг. в недрах ИАК при участии В.Б. Антоновича и В.З. Завитневича сложилась программа систематических исследований славянских древностей Восточной Европы, преимущественно в Юго-Западном и Северо-Западном краях, на территории современных Беларуси, Восточной Польши и Литвы. Позднее к активным археологическим исследованиям славяно-русских древностей подключился член ИАК А.А. Спицын.

Первые его труды в качестве члена ИАК, ставшие классическими и не утратившие своего научного значения до сих пор, были связаны с систематизацией и исследованием погребального инвентаря из раскопок на Ижорском плато и в Причудье. С древностями славяно-русскими неразрывно оказались связаны балтские и финно-угорские средневековые памятники. Труды А.А. Спицына по картированию археологических памятников по губерниям и соответствующие обзоры опирались на традиции, заложенные ИАК в «эпоху Бобринского». Параллельно в его публикациях происходило обобщение и осмысление средневековых древностей (Список 1948: 14–19). Эти работы печатались зачастую в изданиях РАО, что отражает активный уровень взаимодействия Комиссии и Археологического общества.

С деятельностью ИАК связано и начало изучения русской эпиграфики и храмовых граффити. Комиссия поддержала исследование приднестровского пещерного монастыря XIV в. в Бакотах Подольской губернии. В 1894 г. А.А. Бобринской обратился к И.А. Шляпкину с предложением заняться изучением «настенных надписей» Новгородского Софийского собора за счет Комиссии. Этот проект должен был включить в себя не только граффити, но и вещевую палеографию и надгробия XI–XVI вв., но, к сожалению, он так и не осуществился. Зато вышел том Н.П. Кондакова, обобщивший поступившие в Комиссию клады древнерусского времени (подробнее см. главу XI).

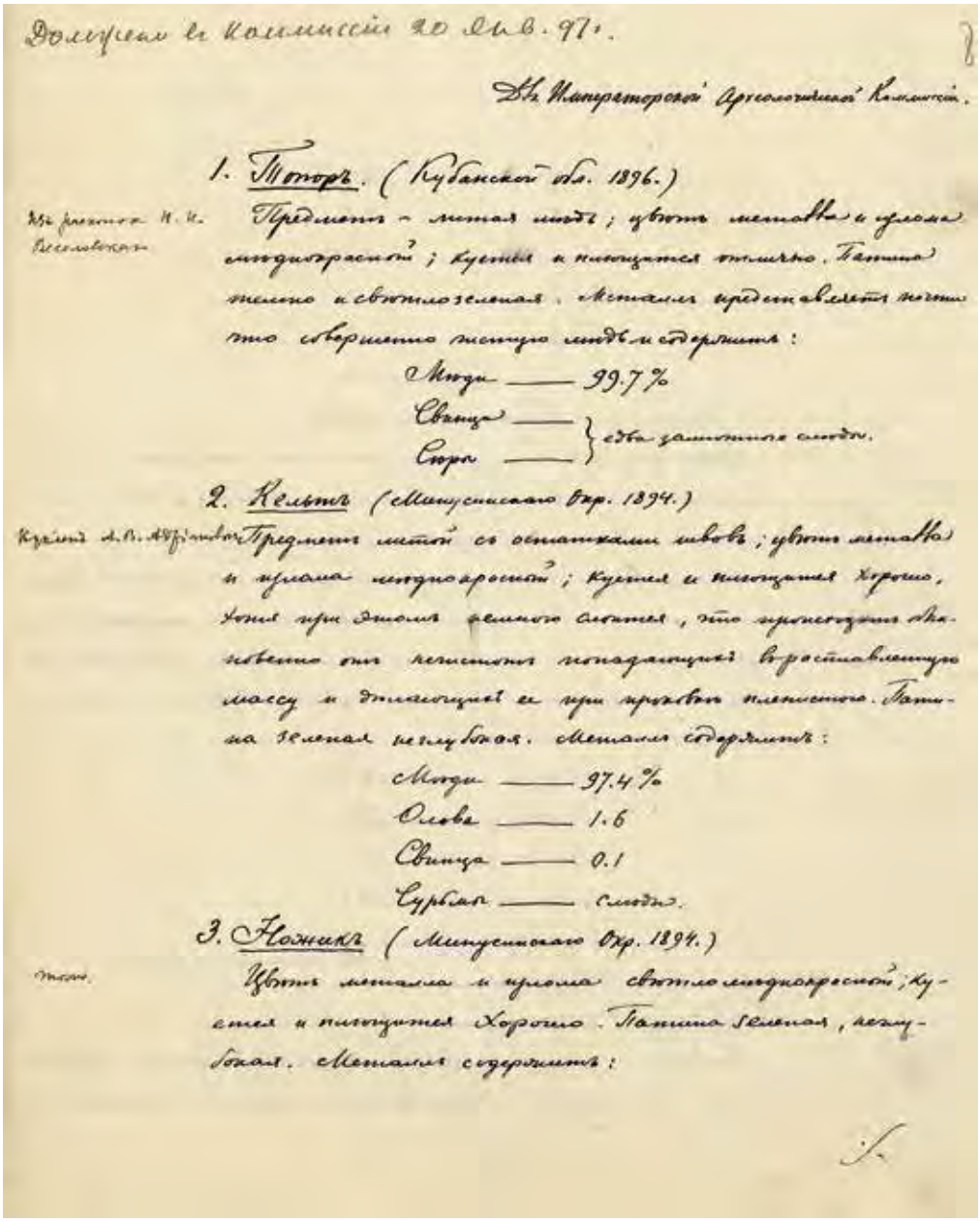
Интересно отметить, что именно в 1886 г. начинается ряд важных дел, связанных с реставрацией и исследованием, в том числе и археологическим, целой серии замечательных памятников древнерусского зодчества — Успенского Мстиславова храма XII в. во Владимире-Волынском, чтимых часовен близ Переславля-Залесского,

Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и Преображенского собора и его росписей XII в. в Мирожском монастыре во Пскове (подробнее см. главу XIII).

Деятельности Комиссии не было чуждо и применение естественно-научных анализов в археологических изысканиях. Так, 22 декабря 1896 г. А.А. Бобринской, упоминая предшествующее сотрудничество и договоренности, остающиеся нам в настоящее время неизвестными, обращается к Дмитрию Алексеевичу Сабанееву с просьбой провести для ИАК исследование химического состава древних бронз, на что тот отвечает согласием. Через некоторое время ему направляются 2 археологических предмета, найденных на Кубани, 4 — из Минусинского края и 1 из Елизаветополя. Результатом исследования становится присланная в Комиссию таблица процентного состава химических элементов бронзовых изделий (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 186). С тем же процессом расширения сферы исследовательских интересов и превращения ИАК в координирующее археологическое учреждение России, заботящееся о должном, а, следовательно, и методически верном научном поиске, связаны «инспекционные поездки» как членов Комиссии, так и персонально привлекаемых специалистов. Уже в 1887 г. для осмотра раскопок Старо-Рязанского городища, проводимых Рязанской архивной комиссией, был командирован И.И. Толстой (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 45. Л. 3а–4, 9). Летом 1892 г. подобную миссию в отношении раскопок неолитического поселения Коломцы под Новгородом, произведенных В.С. Передольским, взял на себя А.А. Иностранцев. В его обязанности входила не только «ближайшая проверка» осуществленных исследований и знакомство с приемами раскопок В.С. Передольского с точки зрения их системности и полноты, но и «определить, какое место среди других известных древностей северного края» занимают сделанные находки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 67. Л. 1 — 1 об.). Точно так же в 1905 г. Н.Е. Макаренко, получив 450 руб. аванса, отправился в Воронежскую губернию, в частности, в слободу Верхняя Салты, где местный учитель В.А. Бабенко производил многолетние раскопки Салтовского могильника, будущего эталонного памятника салтово-маяцкой культуры. Целью поездки было знакомство и критическая оценка применяемых местным археологом методик раскопок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 70).

Финансирование Комиссией инициатив отдельных исследователей и обществ в области археологии конкретных памятников должно расцениваться как выражение научного интереса к данной области и тематике.

Важно отметить, что в первые три десятилетия своего существования Археологическая комиссия финансировала, как правило, только раскопки своих сотрудников, лишь изредка выделяя деньги на работы других исследователей. Так, в 1884 г. Д.Я. Самоквасову было выделено 3000 руб. на археологические исследования в Екатеринославской губернии с условием последующего предоставления финансового и научного отчетов, полевой документации и всех найденных вещей. Помимо этой суммы еще 500 руб. выделялось в безотчетное распоряжение на «путевые издержки» (Археология... 2007: 264). Впрочем, из «Книги выдачи открытых листов и авансов за 1891–1897 гг.» можно узнать, что регулярно крупные суммы по нескольку тысяч рублей



Доложено в Комиссіи 20 Дек. 97 г.

Въ Императорской Археологической Комиссіи.

1. Топоръ. (Кубанской обл. 1896.)

Изслѣдовано Н. Н. Бесѣловскимъ

Предметъ – литая мѣдь; цвѣтъ металла и излома мѣдно-красный; куется и пилится отлично. Патина темно и свѣтло-зеленая. Металлъ представляетъ почти что совершенно чистую мѣдь и содержитъ:

Мѣди — 99.7%
Свинца — } слѣды замѣтныя слѣды.
Сѣры —

2. Кельтъ (Минусинскаго Окр. 1894.)

Куется А. В. Абрамовъ

Предметъ литой съ остатками швовъ; цвѣтъ металла и излома мѣдно-красный; куется и пилится хорошо, хотя при этомъ замѣтно слѣдствіе, что происходитъ отъ примѣсей попадающихъ въ составляющую массу и дѣлающихъ ее при ковкѣ пластичною. Патина зеленая неглубокая. Металлъ содержитъ:

Мѣди — 97.4%
Олова — 1.6
Свинца — 0.1
Сѣрнаго — слѣды.

3. Ножикъ (Минусинскаго Окр. 1894.)

Тоже.

Цвѣтъ металла и излома свѣтло мѣдно-красный; куется и пилится хорошо. Патина зеленая, неглубокая. Металлъ содержитъ:

Отчет об исследовании химического состава древних бронз с Кубани и из Минусинска, выполненном для Императорской археологической комиссии Д. А. Сабанеевым (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 186. Л. 8)

получали только члены Комиссии К.К. Косцюшко-Валюжинич, К.Е. Думберг, Н.И. Веселовский и Н.Я. Марр в 1891–1892 гг. на раскопки Ани. Остальные исследователи, как сотрудники Комиссии, так и другие, как правило, получали на раскопки денежные суммы в размерах от 50 до 500 руб. Например, в 1890 г. А.А. Спицыну (тогда еще учителю Вятской женской гимназии) было ассигновано 400 руб. на исследования в Вятской губернии.

В 1892 г., когда Спицын уже стал сотрудником Археологической комиссии, эта сумма возросла до 900 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 71. Л. 58, 115), но в дальнейшем он чаще получал по 100 руб. в год на свои раскопки.

После знаменитой «археологической конференции» 1889 г. и установления единой печатной формы Открытого листа с 1891 по 1918 г. в Комиссии велись «Книги записей на выданные разрешения на раскопки», в которых отмечался факт выдачи Открытого листа конкретному обществу или исследователю, сумма аванса, результат исследований в виде предоставления научного и финансового отчетов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 200; РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 295; РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 321). Изначально в книгах существовала графа, указывающая, что раскопки производились «по поручению Комиссии», однако с исчезновением такой графы связь ИАК с организацией полевых исследований надежно фиксируется выдачей аванса на раскопки.

На основании анализа этих книг полевая активность Комиссии, не связанная с исполнением Высочайших повелений на археологические исследования и с проведением раскопок членами ИАК, показана в табл. на с. 312–313.

И количество поддержанных экспедиций, и их география хорошо соответствуют расширению научных интересов и административных полномочий ИАК. Характерно принципиальное различие подходов «эпохи Строганова» и «эпохи Бобринского» к этому вопросу и с точки зрения имевшихся приоритетов, и с точки зрения перспективных планов исследований. 29 апреля 1877 г. А.С. Уваров обратился к С.Г. Строганову с предложением выделить его обществу сумму на снаряжение ученой экспедиции в Киевскую, Черниговскую и Полтавскую губернии. Ответ от 3 августа того же года был предельно ясен: «Не желая отвлекать средств, дарованных ИАК, от прямой их цели — от раскопок в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове, я не считаю возможным принять деятельное участие в предполагаемых МАО изысканиях» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1877 г. Д. 4. Л. 6 — 6 об., 7). Стоит предположить, что резкость отказа была непосредственно связана с личностью просителя, однако за этим стояла настоящая тактика и стратегия Комиссии. В новую эпоху ИАК неоднократно приходилось подчеркивать, что в предшествующее время она занималась изучением отнюдь не одних памятников античной культуры на территории России.

Главным принципом, которым Комиссия руководствовалась при решении вопроса о выдаче Открытого листа и денежных средств на раскопки, было научное имя заявителя и известность его Комиссии. Никогда не получали отказа уже зарекомендовавшие себя научными работами исследователи. Большие шансы получить Открытый лист, дающий право на раскопки памятников, находящихся на казенных, церковных и общественных землях, имели

Год	Количество поддержанных экспедиций	География экспедиций — округа, края, губернии и области (в порядке выдачи Открытых листов)
1891	13	Таврическая, Херсонская, Тобольская, Томская, Витебская, Киевская, Тифлисская, Казанская, Саратовская, Симбирская, Екатеринославская, Екатеринбургский уезд, Семиреченская, Донская, Терская
1892	23	Терская, Кубанская, Северо-Западный край, Херсонская, Таврическая, Эриванская, Новгородская, Семиреченская, Рязанская, Могилевская, Подольская, Пермская, Нижегородская, Тамбовская, Пензенская, Виленская, Курляндская, Оренбургская
1893	17	Пермская, Астраханская, Рязанская, Могилевская, Витебская, Северо-Западный край, Русская Армения, Архангельская, Черниговская, Казанская, Таврическая, Симбирская, Херсонская, Сырдарьинская, Кубанская
1894	25	Рязанская, Смоленская, Енисейская, Имеретинская, Томская, Херсонская, Екатеринославская, Семиреченская, Елизаветпольская, Вятская, Таврическая, Кубанская, Архангельская, Курляндская, Акмолинская, Харьковская, Пермская, Воронежская, Черниговская, Новгородская, Нижегородская, Енисейская
1895	21	Архангельская, Эриванская, Елизаветпольская, Семиреченская, Херсонская, Минусинский округ, Красноярский округ, Евпаторийский уезд, Акмолинская, Пермская, Вятская, Томская, Ярославская, Саратовская, Таврическая, Полтавская
1896	25	Киевская, Новгородская, Волынская, Архангельская, Херсонская, Кутаисская, Тифлисская, Рязанская, Московская, Томская, Ярославская, Смоленская, Орловская, Минусинский округ, Эриванская
1897	21	Терская, Таврическая, Томская, Казанская, Пермская, Харьковская, Екатеринославская, Елизаветпольская, Семиреченская, Минусинский округ, Амурская, Забайкальская, Приморская
1898	14	Кубанская, Семипалатинская, Терская, Енисейская, Екатеринославская, Елизаветпольская, Уфимская, Вятская, Казанская, Таврическая, Варшавская, Смоленская, Новгородская
1899	19	Таврическая, Бессарабская, Ярославская, Енисейская, Черниговская, Ставропольская, Смоленская, Елизаветпольская, Воронежская, Закавказье, Херсонская, Бахчисарайский уезд, Семипалатинская, Семиреченская, Кубанская
1900	19	Забайкальская, Кубанская, Карская, Семипалатинская, Терская, Эриванская, Пермская, Смоленская, Киевская, Таврическая, Новгородская, Елизаветпольская, Архангельская, Херсонская, Черноморская
1901	15	Таврическая, Пермская, Елизаветпольская, Киевская, Смоленская, Харьковская, Семиреченская, Терская, Кубанская, Акмолинская
1902	13	Черниговская, Таврическая, Войско Донское, Тифлисская, Елизаветпольская, Терская, Витебская, Тамбовская, Рижская, Тверская, Кубанская, Пермская, Енисейская, Волынская
1903	16	Таврическая, Елизаветпольская, Енисейская, Новгородская, Тверская, Петербургская, Смоленская, Волынская, Кубанская, Тифлисская, Пермская, Томская, Енисейская, Ярославская

Год	Количество поддержанных экспедиций	География экспедиций — округа, края, губернии и области (в порядке выдачи Открытых листов)
1904	10	Таврическая, Витебская, Херсонская, Батумская, Карская, Кутаисская, Черноморская, Вятская, Уральская, Петербургская, Эриванская
1905	14	Минская, Херсонская, Елизаветпольская, Тифлисская, Карская, Пермская, Харьковская, Витебская, Волынская, Тамбовская, Черноморская, Вятская, Воронежская, Киевская, Таврическая
1906	20	Елизаветпольская, Войско Донское, Карская, Херсонская, Харьковская, Ставропольская, Киевская, Тамбовская, Воронежская, Полтавская
1907	16	Черниговская, Черноморская, Таврическая, Калужская, Ставропольская, Киевская, Виленская, Архангельская, Воронежская, Карская, Эриванская, Вятская, Херсонская, Киевская
1908	13	Таврическая, Одесский уезд, Кубанская, Екатеринославская, Херсонская, Нижегородская, Воронежская, Виленская, Костромская, Вятская, Киевская
1909	9	Виленская, Семиречье, Кубанская, Ковенская, Херсонская, Новгородская, Эстляндская, Оренбургская, Киевская, Воронежская, Тамбовская, Одесский уезд, Подольская, Саратовская, Петербургская
1910	10	Ставропольская, Пермская, Владимирская, Киевская, Подольская, Новгородская, Тамбовская, Курская, Ковенская, Войско Донское, Херсонская, Люблинская
1911	14	Енисейская, Пермская, Петербургская, Киевская, Вологодская, Ставропольская, Черноморская, Херсонская, Волынская, Подольская, Гродненская, Новгородская, Киевская, Калужская
1912	12	Саратовская, Уфимская, Курская, Таврическая, Воронежская, Подольская, Войско Донское, Киевская, Черноморская, Одесский уезд, Херсонская, Екатеринославская
1913	12	Кубанская, Таврическая, Екатеринославская, Киевская, Петербургская, Новгородская, Архангельская, Черноморская, Тобольская, Курская, Херсонская
1914	13	Пермская, Войско Донское, Кубанская, Таврическая, Гродненская, Саратовская, Самарская, Петербургская, Волынская, Херсонская, Черноморская, Акмолинская, Киевская
1915	3	Таврическая, Херсонская, Владимирская
1916	4	Таврическая, Курская, Оренбургская, Новгородская
1917	6	Киевская, Терская, Кубанская, Подольская, Новгородская, Херсонская, Таврическая
1918	1	Новгородская

представители провинциальной интеллигенции: учителя, врачи, чиновники и т. д. Но и в этом случае, если заявитель впервые обращался за листом, Комиссия, как правило, требовала рекомендаций уже известных ей исследователей. Так, например, в ответ на ходатайство урядника Новочеркасской станицы Федора Акулиничева было постановлено «разрешить раскопки только в том случае, если он укажет лицо, под наблюдением которого будут раскопки, и это лицо будет Комиссией признано сведущим». Сотнику Нестерову были разрешены раскопки только 2–3 курганов в Кубанской области вместо 60, о которых он просил, и то под руководством Е.Д. Фелицына. В другом случае, получив ходатайство от врача К.П. Палинова, Комиссия решила запросить об этом мнение того же Е.Д. Фелицына. Постоянные отказы получали крестьяне, обращавшиеся за разрешением на раскопки с явно кладоискательскими целями (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 71. Л. 7 об., 14 об., 85 об.).

Правда, иногда и в этой системе выдачи Открытых листов происходили сбои и серьезные недоразумения. Наиболее крупный скандал разразился в 1904 г., когда выяснилось, что горный техник Д.Г. Шульц, копавший скифские курганы у станицы Келермесской на Кубани по Открытому листу, полученному от Археологической комиссии, присвоил и продал часть найденных золотых вещей. Комиссия, опасаясь за свою репутацию в случае широкой огласки этого дела, не стала доводить его до судебных инстанций (Галанина 1997: 16–24).

Помимо раскопок Комиссия имела средства на приобретение древностей у частных лиц, так в период 1885–1894 гг. на эти цели было отпущено 29 тысяч руб. С 1880-х гг. все чаще в Археологическую комиссию пересылались клады и отдельные находки, за которые находчикам выплачивалось вознаграждение. Например, только в 1892 г. через Вятский статистический комитет поступило 15 крупных находок, сделанных на территории Вятской губернии, среди них были клад серебряных монет XVI в., серебряная чаша VIII–X вв., за которую находчику было выслано 100 руб. А за огромный клад серебряных слитков, найденный крестьянином В.П. Зуевым в Малмыжском уезде Вятской губернии, Археологическая комиссия выплатила 975 руб. 36 коп. (Бердинских 2005: 155, 165).

И.Г. Спасский в своем очерке по истории нумизматического собрания Эрмитажа особо отмечал, что «во второй половине столетия пополнение нумизматической коллекции Эрмитажа приобрело небывалый размах в связи с успешно развивающейся деятельностью Археологической комиссии, взявшей после 1859 г. в свои руки учет монетных находок в стране. Каждая монета и каждый клад, доставленные в Комиссию, предлагались Эрмитажу» (Спасский 1970: 160). При этом Комиссия неоднократно подчеркивала, что передавала в музеи безвозмездно клады и находки, приобретенные за счет ее бюджета. Одним из самых крупных приобретений была покупка коллекции кавказских древностей полковника К.И. Ольшевского, из которой в Эрмитаж передано 453 предмета, в Исторический музей — 270 и в другие музеи 435 предметов.

Из среды специалистов-археологов нередко раздавалась критика в адрес такой практики распределения находок между музеями, при которой происходило разделение вещей из единых комплексов по принципу их

художественной ценности. Но, как писал Н.Е. Макаренко в письме к главному критику — Д.Я. Самоквасову: «Одно могу сказать об Археологической комиссии, что она здесь менее всех виновата, так как Эрмитажу предоставлено право заниматься выборкой вещей для своих коллекций из вещей, ежегодно доставляемых из различных раскопок в Комиссию» (Археология... 2007: 224).

Об этой же проблеме тому же адресату писал и сам А.А. Бобринской в письме от 9 июля 1906 г., когда на вопрос Д.Я. Самоквасова о том, где находятся найденные им в 1883 г. предметы византийского искусства из курганов Александровского уезда Екатеринославскойгубернии,председатель Комиссии вынужден был ответить: «...Вероятно, в Эрмитаже, но где именно? При этом позвольте заметить, что я не назначен директором Эрмитажа, но только председателем Археологической комиссии, посему бессилен по отношению к золотым предметам, остающимся в кладовых Эрмитажа.

Могу только обещать одно, что на будущее время, при распределении добытых раскопками или случайно найденных вещей между музеями России — буду осторожен, постараюсь не разъединять находок одной и той же местности и (между нами) направлять не в Эрмитаж все то, что рискует попасть в кладовые... За последние годы моя Комиссия *de facto* обратилась как бы в поставщика Эрмитажа. По положению же своему ей эта роль не предписана. По закону, государь указывает предметы, которые должны поступить в Эрмитаж. Остальные распределяются между музеями России» (Там же: 89).

XVIII

А.А. Бобринскому удалось добиться и перевода Археологической комиссии в новые, более подходящие для ее занятий помещения. 26 января 1887 г. и вторично 10 февраля 1888 г. он подает рапорт о том, что в занимаемое Комиссией помещение в верхнем этаже одного из павильонов здания Эрмитажа невозможно доставлять тяжелые и громоздкие предметы, и просит предоставить другое. Дополнительным стимулом для переезда было намерение заведующего Главным дворцовым управлением освободить прежнее помещение к весне 1887 г. для ремонта. По воспоминаниям В.Г. Дружинина, чтобы попасть туда, сначала надо было пройти нижним этажом через зал античных мраморов, а потом подняться 110 ступеней по витой железной лестнице на третий этаж. Помещение из двух комнат было тесное и неудобное, а у председателя не было отдельного кабинета. В основной комнате, где работали сотрудники, был большой стол для разбора поступающих древностей. В другой комнате, узкой и длинной, с единственным окном, располагалась канцелярия (см. Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д 6. Л. 17 об.; Там же. Д. 7. Л. 167–169).

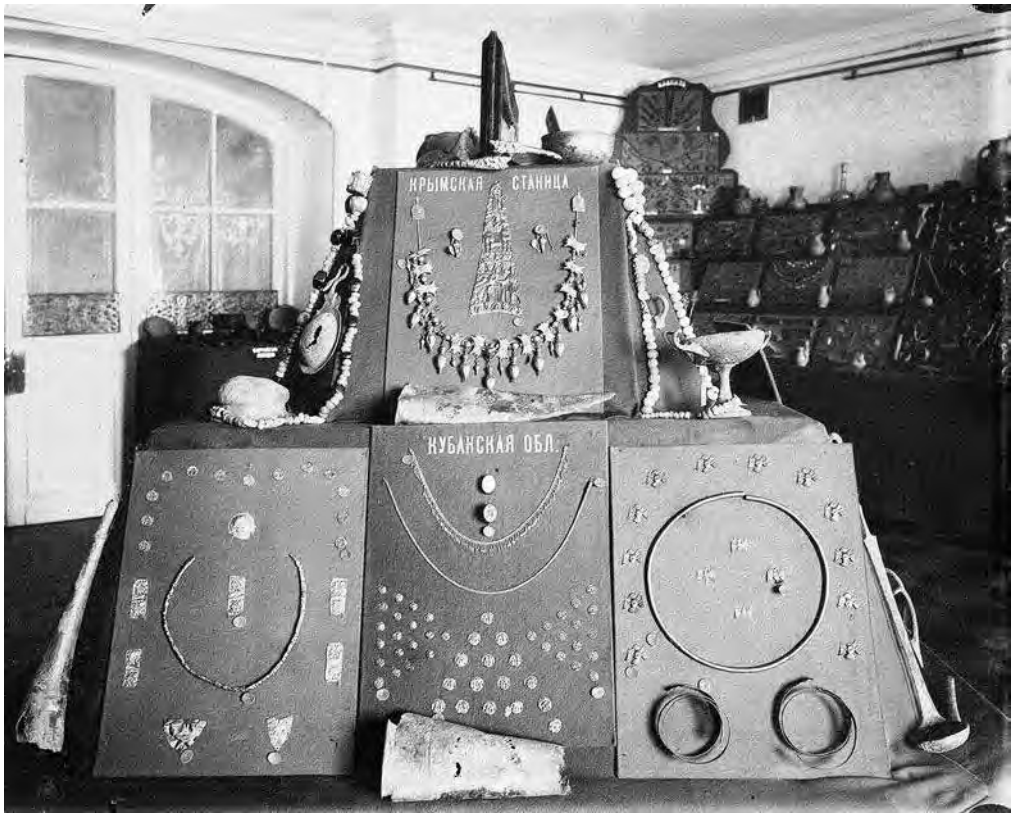
В качестве варианта новой резиденции рассматривался бывший Иезуитский дом на углу Итальянской улицы и Екатерининского канала, где некогда находились помещения Экспедиции церемониальных дел (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 72. Л. 1–2). А.А. Бобринской был согласен даже на наем частной квартиры вместе с помещением для склада изданий Комиссии и квартирой для сторожа в пределах 3000 руб.

Лишь в декабре 1889 г., без малого через три года, Комиссия начинает переезжать в новые помещения на первом этаже здания Старого Эрмитажа на углу Дворцовой набережной и Зимней канавки, освободившиеся в 1885 г. после переезда Государственного совета и Комитета министров (ср.: Сивков 2018: 82). Эти помещения были в несколько раз больше прежних, так как металлической антресолью были разделены на два уровня и составляли как бы два этажа, а находящиеся под ними подвальные помещения тоже были впоследствии переданы Комиссии.

14 декабря 1889 г. А.А. Бобринской обращается к Константину Карловичу Гернету с просьбой сохранить электрическое освещение в новом помещении Комиссии и выделить необходимую для ее деятельности мебель (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 100 — 100 об.). Ему же адресована просьба от 18 декабря произвести ремонт в новом помещении в связи с тем, что в скором времени нужно будет представлять археологические находки на Высочайшее воззрение (Там же. Л. 102). 13 января 1890 г. А.А. Бобринской пишет министру о необходимости изготовления специальной мебели, пересылая ее чертежи, для чего просит выделить специалиста из Технического отдела Кабинета его императорского величества (Там же. Л. 103), однако в результате в помещения Комиссии поступила старая мебель из Таврического дворца. На этот переезд 6 марта 1890 г. было выделено первоначально 500 руб. на «обустройство» и электрическое освещение, а в июне 1890 г. еще 2000 руб. из сумм Кабинета на изготовление шкафов (Там же. Л. 79, 110, 158–159). Основные труды по переезду были совершены нижними чинами лейб-гвардии Преображенского полка с 19 июня по 7 августа 1890 г., на что было потрачено 18 руб. 80 коп., однако перенесение отдельных вещей продолжалось вплоть до 18 октября. 22 декабря министерство выплатило 65 руб. 30 коп. Герману Корнфельду за изготовление бронзовой вывески и 4 каучуковых штемпелей. Ремонтные работы продолжались до конца февраля 1891 г. Определенную проблему вызвало перемещение библиотеки Комиссии в комнаты второго этажа, и лишь 15 марта 1890 г. Главное дворцовое управление сообщило, что эти антресоли сооружены на железных балках, что позволяет разместить здесь тяжелые шкафы с книгами (Там же. Л. 157). 27 апреля 1890 г. граф А.А. Бобринской подал рапорт о том, что ИАК заняла отведенные ей помещения, однако сообщал о недостатке мебели (Там же. Л. 160). Подвальный этаж был передан Комиссии лишь 14 мая (Там же. Л. 163). Для входа в Комиссию, по особому разрешению Кабинета от 24 апреля, был открыт подъезд бывшего Комитета министров с Дворцовой набережной, куда был поставлен особый швейцар, в соответствии с просьбой самого А.А. Бобринского от 6 апреля 1890 г. (Там же. Л. 159). На этом процесс обустройства ИАК на новом месте не закончился: 29 мая 1893 г. ее председатель ходатайствовал об устройстве здесь отдельного туалета и ремонте форточек.

В.Г. Дружинин вспоминал, что Комиссия теперь получила два зала, семь комнат и одну кладовую. Существовало и два входа: один с Дворцовой набережной «со швейцаром», а другой с Зимней канавки. На первом этаже находился зал для выставок, кабинет председателя и канцелярия. На верхнем этаже был зал заседаний и несколько кабинетов для работы членов Комиссии, где

Помещения Императорской археологической комиссии в Эрмитаже после переезда 1889 г. (ФО. Отп. Q 646-1; Q 517-3)



Помещения Императорской археологической комиссии в Эрмитаже после переезда 1889 г. (ФО. Отп. Q 517-9; Q 517-2)

Помещения Императорской археологической комиссии в Эрмитаже после переезда 1889 г. (ФО. Отп. Q 517-29; О.442-13)

размещалась и библиотека (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 170).

Однако в апреле 1897 г. на помещения Археологической комиссии стало претендовать Управление гофмейстерской части Министерства императорского двора в связи с переустройством Эрмитажного театра. Возникает идея о переводе Археологической комиссии в Таврический дворец. На это последовал ответ А. А. Бобринского о крайней нежелательности подобного перемещения, так как между Комиссией и Эрмитажем существуют очень тесные связи (Там же). Комиссия осталась на прежнем месте, и в фондах Эрмитажа сохранились списки посетителей ИАК в ее новом помещении за 1909–1913 гг. (Пиотровский 2000: 267–269).

С самого начала своей деятельности Комиссия часто устраивала выставки наиболее значимых в научном отношении, ярких и эффектных находок. Естественно, для этого были нужны соответствующие помещения и площади. Изначально выставки устраивались в Голубом зале «запасной половины» Зимнего дворца. В эпоху А. А. Бобринского в новом помещении Комиссии появился особый выставочный зал с полками по стенам, обитыми сукном, однако зачастую выставки продолжались и в кабинете председателя, находившемся рядом. Выставки обычно длились три месяца (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 197–198).

По Положению 1859 г. требовалось представлять находки на «воззрение» императора. Именно в 1890-е гг. посещения выставок императором стали регулярными. Они служили своего рода «отчетом» (помимо печатного) о том, на что Комиссия расходовала государственные средства. После императора

выставку осматривали члены Русского археологического общества и другие лица, интересующиеся археологией. Информация о таких «Высочайших посещениях» публиковалась в «Правительственном вестнике», изданиях Археологической комиссии и столичных газетах. Так, «Известия Археологической Комиссии» за 1904 г. сообщали: «9 апреля в 2 ч. 50 м[ин]. Их Величества Государь Император и Государыня Императрица Александра Федоровна прибыли в помещение Императорской Археологической Комиссии, где были встречены председателем Комиссии, гофмейстером, графом А.А. Бобринским, товарищем председателя академиком В.В. Латышевым и членами Комиссии: Н.И. Веселовским, А.А. Спицыным, Б.В. Фармаковским и П.П. Покрышкиным» (Высочайшее посещение 1904: 1). Поздоровавшись со встречавшими лицами, монарх с супругой прошли в первую комнату, где смотрели предметы, добытые раскопками В.И. Каменского на неолитических стоянках близ Балахны на р. Оке, а также коллекции каменного века с верховьев Волги и оз. Бологое. В других комнатах царственные супруги осмотрели материалы курганных раскопок А.А. Бобринского и Н.И. Веселовского в Среднем Поднепровье и на Кубани, их особое внимание привлекли вещи из раскопок Херсонеса и Керчи. В последней, четвертой комнате монаршие особы осмотрели древнерусские материалы из раскопок В.Н. Глазова и Н.И. Репникова, а фотограф Комиссии преподнес царю фотоальбом с изображением фресок Спасо-Нередицкой церкви под Новгородом. Осмотр выставки занял более часа. Важно отметить, что на выставке показывались не только высокохудожественные вещи, но и рядовой археологический материал, т. е. тем самым давалось адекватное представление о деятельности археологов как ученых, исследующих древнейшее прошлое, а не «раскопщиков-кладоискателей», добывающих ценные экспонаты для музеев.

В феврале 1913 г. Николай II посетил Археологическую комиссию с дочерями и другими родственниками. Особый интерес царя вызвали древности Ольвии, Полтавский клад, находки из скифского царского кургана Солоха. С замечательных произведений искусства, найденных при раскопках Солохи и из Перещепинского клада, художником М.В. Фармаковским были изготовлены рисунки, предназначавшиеся в подарок от русского императора германскому кайзеру Вильгельму II, слывшему знатоком и любителем археологии (Высочайшие посещения 1914: 1). Посетителями выставок, устраиваемых Археологической комиссией, были не только высокопоставленные особы, но и студенты, гимназисты, слушательницы Высших женских курсов (Археология... 2007: 241–242).

Несколько раз императоры посещали раскопки Археологической комиссии в Херсонесе. Известно, что в мае 1893 г. Александр III с семьей осмотрел раскопки и «склад древностей», о чем К.К. Косцюшко-Валюжинич составил специальный рапорт председателю Комиссии. В рапорте он сообщал, что император не оставил своим вниманием ни одной интересной находки, удивился большому количеству глиняных лампад, рассматривал железный якорь, каменные ядра, огромные пифосы и собрание амфорных ручек с именами астиномов. Император также выслушал объяснение о значении этих находок для истории Херсонеса.

В августе 1913 г. А.А. Бобринскому удалось организовать визит Николая II в Херсонес, о котором граф сообщал в письме к Б.В. Фармаковскому от 16 августа 1913 г.: «В Херсонесе посещение Государя состоялось, благодаря моей настойчивости. Телеграммами и письмами я неустанно напоминал о лично высказанном нам — помните? — в Царском Селе желании посетить раскопки, и до того я всем надоел, что пробил брешь в свитском равнодушии (чтобы не сказать более) к археологии, и посещение состоялось… Показали мы Государю: могилу мучеников, башню, музей, город с башнями, мозаичные полы храмов и т. д. Для первого номера (могила мучеников) выписал я из Кореиза (по его желанию) М.И. Ростовцева. Конституционист-либерал-профессор приехал в соломенной шляпе и пиджаке, для чего сделал (с 5-ти часов утра) 80 верст в автомобиле. Усерднейше показывал, доказывал, объяснял, предлагал таблицы будущего издания и стоял под зноем без шляпы до того, что Государь двукратно просил его покрыться… За пиджак Ростовцева я извинился перед Государем, предполагая, “что Вашему Величеству важнее были знания М[ихаила] И[вановича], чем его мундир”. — “Конечно, конечно!” (хотя комендант крепости смотрел кисло). Этот визит удался вполне…» (Зуев 1997: 67). Главным результатом этой встречи, продлившейся несколько часов, стало распоряжение царя о выделении специальных средств на публикацию труда М.И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России» (Ростовцев 1913–1914; см. переиздание: Rostovtzeff 2002–2004; подробнее об издании см.: Виноградов, Медведева 2017).

Подобные визиты, которые широко освещались прессой, способствовали росту авторитета Археологической комиссии и археологической науки в придворных кругах и, что особенно важно, в глазах административно-чиновничьего аппарата. О том, что это было необходимо, свидетельствует, например, зафиксированный мемуаристами некий скепсис среди определенных влиятельных кругов по отношению к Историческому музею в Москве: «Для чего музей, говорили иные, собирать какие-то черепки? На что?» (Шереметев 2001: 332). Соответственно формирование подобного имиджа археологии в качестве социально значимой и полезной науки могло облегчать деятельность археологов, в частности, неизбежные контакты с местным начальством и требовать от такового содействия их полевым работам. Не случайно член Археологической комиссии А.А. Спицын в своих руководствах по практической деятельности археологов рекомендовал им появляться в местах раскопок в форменном мундире или, по крайней мере, фуражке, которые в глазах местного капитана-исправника или сельского старосты были куда более серьезным аргументом, чем любые малопонятные им научные доводы.

XIX

Издательская деятельность Комиссии заслуживает отдельного очерка (ср.: Всевиов 2018). Значительный масштаб работ и обилие получаемого материала диктовали необходимость введения этого материала в научный оборот. Результаты исследований начали публиковаться в ежегодных

отчетах, всего с 1859 по 1881 г. был издан 21 том «Отчетов Императорской археологической комиссии». Все они сопровождались отдельно прекрасно изданными атласами большого формата. Последний изданный таким образом «Отчет» был сводным за 1882–1888 гг. с альбомом к нему. До 1903 г. «Отчеты» издавались параллельно на русском и французском языках, что делало их доступными для европейского читателя. С 1904 г. «Отчеты» публиковались только по-русски.

Публикацией в 1866 г. «Древностей Геродотовой Скифии» было положено начало создания серии «Материалы по археологии России». Всего по 1918 г. было издано 37 томов. В годы председательства А.А. Бобринского заметно активизировалась издательская деятельность Археологической комиссии. В серии «Материалы по археологии России» с 1888 по 1916 г. были выпущены 35 из всех 37 изданий этой серии, которые представляли собой монографические публикации и исследования.

Все выпуски «Материалов» готовились к печати очень тщательно, проводилась большая работа не только авторами, но самим руководством Археологической комиссии. Весьма показательно в этом отношении издание «Сибирских древностей» В.В. Радлова. Для полноты исследования и последующей публикации необходимо было просмотреть материалы экспедиции в Сибирь академика Г.Ф. Миллера, хранящиеся в различных архивах и учреждениях. Разыскания этих материалов Комиссия поручила своему старшему члену барону В.Г. Тизенгаузену.

В архиве ИАК сохранилась часть бюрократической переписки председателя Комиссии графа А.А. Бобринского по этому вопросу. Характерна его переписка с директором Московского главного архива Министерства иностранных дел бароном Ф.А. Бюлером. Почтительно было испрошено разрешение барону В.Г. Тизенгаузену на работу в архиве для выявления нужных рукописей. Барон исправно трудился и обнаружил там «рисунок сибирской каменной бабы с рунической надписью и 16 рисунков... с так называемых писаниц». Копии с этих рисунков было решено поместить в III выпуске «Сибирских древностей». Граф А.А. Бобринской попросил разрешения переправить эти рисунки в Санкт-Петербургский архив этого же министерства на предмет их фотографирования. Как явствует из официального рапорта председателя Императорской археологической комиссии на имя министра императорского двора, барон Ф.А. Бюлер отказал в просьбе и предложил сделать все в Москве, причем оценил работу в 100 руб. Возмущенный граф вынужден был написать официальную жалобу, причем подписался не как председатель Комиссии, а как гофмейстер двора его величества, не преминув заодно сообщить о нехватке денежных средств и возможности сделать фотографии в Петербурге бесплатно, к тому же мельком заметил о праве Археологической комиссии пользоваться материалами московского архива в Петербурге с приложением копий соответствующих документов. После всех перипетий поступило Высочайшее соизволение уже прямо в Министерство иностранных дел, и нужные документы были получены. Переписка длилась с 20 октября 1889 г. по 30 апреля 1893 г. (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 46)

Более продуктивно было сотрудничество с Академией наук и ее библиотекой, просьбы и. о. председателя

барона В.Г. Тизенгаузена, хотя и не без проволочек, все же достаточно быстро исполнялись. Так, на пожелание барона в письме к Г.Н. Потанину получить в свое распоряжение подробную опись «коллекции древних металлических вещей», хранящихся в музее Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, и рисунки наиболее замечательных предметов был дан самый положительный ответ, в свою очередь музей просил прислать 100 экземпляров оттисков таблиц, если таковые будут сделаны. Все тома «Материалов» не только издавались на высочайшем для того времени научном уровне, но и полиграфическая культура исполнения также заслуживает всяческих похвал. До сего времени «Материалы по археологии России» служат образцом серийного издания и пользуются большой популярностью у современных исследователей, достаточно сказать, что в Библиотеке ИИМК РАН в Санкт-Петербурге «МАРы» являются одними из наиболее спрашиваемых читателями.

5 октября 1894 г. А.А. Спицын подал председателю Археологической комиссии «Представление», где, отмечая важность и полезность для археологической науки издаваемых ИАК «Отчетов» и «Материалов по археологии России», выразил мнение, что эти издания не отражают всю полноту археологических изысканий, производимых Комиссией (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 199). Он спрашивал, не признает ли Комиссия «желательным предпринять, наряду с дорогостоящим изданием “Материалы по археологии России”, еще издание “Сборника материалов по археологии России”, в который полностью входили бы все отчеты и описания, не нашедшие места в “Материалах” и которые издавались бы возможно дешевым способом». В этом случае ежегодные издания приняли бы следующую стройную систему, состоящую из: «Отчета» о действиях Комиссии за истекший год, в который войдет резюме всех представленных в Комиссию поданных отчетов и краткое описание полученных древностей, томов «Сборников материалов по археологии России», в которые войдут отчеты о раскопках второстепенного значения и достаточно подробное описание поступивших в Комиссию случайных предметов древностей, а также одного или двух выпусков «Материалов», заключающих в себе какую-либо монографию. «Отчеты» и «Сборники» должны были выходить в малом формате, «Материалы» — в большом.

«Представление» поступило в Комиссию 24 октября 1894 г. и было заслушано, однако дальнейшая судьба этого документа не прослеживается. Только несколько лет спустя этому проекту был дан ход. В июне 1901 г. в типографию Главного управления уделов из Археологической комиссии за подписью товарища председателя В.В. Латышева было направлено письмо, в котором сообщалось, что издаваемые Комиссией «Известия» должны быть напечатаны в количестве 875 экземпляров на простой и 25 экземпляров на веленовой бумаге, всего 900 экземпляров (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 49. Л. 2). Уже в августе того же года типографию просили приступить к набору статьи К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе. Эта статья вместе с другими присланными позже и составит первый выпуск. В ноябре того же 1901 г. 1-й выпуск «Известий» был представлен министру императорского двора «для всеподданнейшего поднесения их императорским величествам

государю Императору и государыне Императрице Александре Федоровне».

Всего же с 1901 по 1918 г. вышло в свет 66 выпусков этого издания. «Известия» стали подлинно научным журналом, с присущими подобным изданиям стилем публикаций и структурой, охватывающей обзоры отдельных групп памятников, хронику деятельности археологических обществ и музеев, библиографию. В последнем разделе в первых выпусках обзор литературы и журналов на французском и немецком языках велся лично самим председателем Комиссии. В предисловии к первому выпуску «Известий» редакция, сообщая о выходе нового повременного издания, практически повторяла доводы А. А. Спицына, изложенные в его «Представлении». Стоит отметить, что начиная с этого времени вплоть до реорганизации Комиссии в редактировании всех ее периодических изданий (ИАК, ОАК, МАР) и таких трудов как «Античная декоративная живопись на юге России» М. И. Ростовцева и «Восточное серебро» Я. И. Смирнова, принимал активное участие новый товарищ председателя В. В. Латышев (см.: Тункина 1999).

Структура «Известий» была весьма своеобразна. Некоторые выпуски дополнялись отдельными «Прибавлениями» и имели собственный подзаголовок «Хроника и библиография», всего таких прибавлений насчитывается 32 тома. В собственно «Известиях» печатались отчеты о проводимых Комиссией работах, статьи об отдельных памятниках и предметах, найденных в результате раскопок. В «Хрониках» же освещалась деятельность научных учреждений и ученых обществ, музеев. Здесь же давались «сведения о раскопках, памятниках древности, кладах и находках и разные известия», о состоянии памятников на местах и их охране или небрежении по отношению к ним. Все сведения, попадавшие на страницы «Хроник», брались из сообщений газет, как столичных, так и губернских.

В этих томах имелся, в отличие от других повременных изданий, раздел «Библиография», где помещались сведения о некоторых, наиболее важных, с точки зрения редакции, вышедших в предшествующем году монографиях и сборниках. Очень важными были два раздела: «Обзор повременных изданий, выходящих в России и за рубежом» и «Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России». Круг расписываемых журналов был чрезвычайно широк, от крупных и солидных до мелких провинциальных изданий. Например, в «Хрониках» за 1908 г. было расписано 41 повременное издание, а в не самом лучшем для России 1917 г. — 69 изданий. Очень жаль, что современный читатель, продвинутый пользователь Интернета, редко обращается к содержанию этих разделов: именно там можно почерпнуть самую любопытную и порой неожиданную информацию. Кроме того, в отдельных томах давалась «экспресс-информация» о самых важных и сенсационных на данный момент археологических событиях. Так, в «Прибавлениях» к 50-му выпуску ИАК была перепечатана заметка о находке знаменитого гребня из кургана Солоха из газеты «Новое время» от 19 июля 1913 г. с поправками автора — графа А. А. Бобринского.

Поскольку в работе Археологической комиссии большое значение придавалось проблемам сохранения и реставрации памятников архитектуры, то именно этой проблематике

посвящалась в рамках «Известий ИАК» подсерия «Вопросы реставрации», всего их насчитывалось 19 номеров. В «Вопросах» печатались протоколы реставрационных заседаний Комиссии, сведения о сохранности памятников деревянного и каменного зодчества. Текст всегда сопровождался огромным количеством иллюстраций прекрасного качества. Эти выпуски содержат значительное количество фотографий архитектурных объектов, ныне исчезнувших в силу тех или иных обстоятельств с лика земли, и поэтому очень важны для современных исследователей.

Широко разбросанные на территории империи археологические раскопки и явно ощущаемая нехватка квалифицированных специалистов-археологов заставили Комиссию обратить внимание на разработку методических пособий. Эту миссию взял на себя выдающийся русский археолог А.А. Спицын. С 1895 по 1910 г. им было опубликовано под грифом Императорской археологической комиссии три работы по методике производства археологических раскопок и разведок (см.: Спицын 1895; 1908; 1910).

Помимо серийных и повременных изданий Археологическая комиссия предпринимала издания монографического плана. Для осуществления подобных начинаний производились подчас огромные затраты сил и средств. Ряд работ имел не только научное, но и политическое значение. Именно таковым было гигантское начинание по описанию и изданию мечетей эпохи Тамерлана в Самарканде, части сравнительно недавно присоединенного к Российской империи Туркестанского края.

В 1895 г. была организована археологическая экспедиция в Самарканд под руководством старшего члена Археологической комиссии профессора Н.И. Веселовского, работы планировалось закончить через три-четыре года. Исследование велось помимо руководителя двумя художниками, двумя архитекторами и фотографом (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 69). Организация подобных работ за пределами исконной России подтверждала включение этих земель в империю и необходимость изучения памятников старины края как памятников именно всероссийского, а далеко не регионального значения. Осенью 1895 г. Самарканд посетил председатель Комиссии граф А.А. Бобринской. Убедившись в высокой степени организации исследований и придавая «национальное значение по своей важности и по лежащей на России обязанности относительно столь исключительных памятников старины», он просит у министра финансов С.Ю. Витте на окончание работ еще 12000 руб. (Там же. Л. 82). Уже в ноябре 1898 г. председатель Комиссии сообщил С.Ю. Витте об окончании большей части работ и «возможности приступить к первому выпуску издания Самаркандских мечетей, в коем предлагается описать мавзолей Тамерлана» (Там же. Л. 244). Комиссия в лице А.А. Бобринского и Н.И. Веселовского готова представить С.Ю. Витте планы, изображения фасадов и архитектурных деталей и прорисовки надписей. Издание предполагалось осуществить в достойном полиграфическом исполнении. В письме министру финансов от 25 января 1899 г. граф А.А. Бобринской определил смету приблизительно в 13000 руб., ибо издание это «должно быть образцовым, в европейском смысле, как с технической стороны, так и художественной» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 69а. Л. 2 — 2 об.),

и поэтому работы должны производиться в Экспедиции заготовления государственных бумаг. Текст предполагалось печатать на лучшей бумаге (тряпичной), и поскольку подобная бумага в России, как дипломатично пишет граф, «изготовляется не столь изящно», то он просит закупить ее за границей и освободить от таможенных пошлин. Подобное издание можно будет поднести высочайшим особам, а для казны гораздо выгоднее: одна таблица вместо 4590 руб. обойдется в 4451 руб. Дело двигалось достаточно быстро, и 5 февраля 1899 г. по всеподданнейшему докладу министра финансов «последовало Высочайшее соизволение на отпуск из Государственного Казначейства 13 000 руб. на покрытие расходов по изданию Императорской археологической комиссией "Описания Самаркандских мечетей"» (Там же. Л. 11). После утверждения сметы на испрошенную сумму Экспедиция сообщила Комиссии о посылке ей трех образцов тряпичной бумаги и просила сообщить о сделанном выборе.

Сразу же по получении кредита 3 марта 1899 г. было созвано Совещание по изданию самаркандских древностей. На заседании присутствовали не только члены Археологической комиссии, но и приглашенные представители Академии наук и Академии художеств. Председатель Комиссии сообщил об окончании подготовительных работ, об отпуске нужной суммы и о том, что собравшиеся ученые-востоковеды, архитекторы, художники должны всесторонне обсудить план Н.И. Веселовского по изданию I выпуска, посвященного описанию мечети Гур-Эмир. Н.И. Веселовский доложил, что в I выпуске предполагается поместить 11 таблиц, а весь текст заключить в четыре главы: 1. Вступление; 2. Архитектурное описание; 3. Публикация надписей с переводом; 4. Исторические сведения, причем вторая глава уже написана П.П. Покрышкиным и А.В. Щусевым. В результате обсуждения было предложено произвести анализ цемента постройки, изложить технику изготовления всех типов изразцов, их позолоты и окраски. Совещание рекомендовало издать только том исследований Гур-Эмира, изложив общие положения о такого рода постройках во вступительной части. Было решено просить Управление Экспедицией заготовления государственных бумаг о возможности печатать рисунки, слабо сделанные карандашом, техникой гелиогравюры, надписи же фототипическим способом. Тираж выпуска был определен в 1000–1500 экземпляров, текст было признано желательным поместить параллельно на русском и французском языках, перевод надписей с арабского на французский сделать с подлинников. Совещание выразило желание оказывать всестороннюю помощь в дальнейшей работе.

Подобное начинание тут же вызвало понятный интерес, и читающая публика была информирована «Петербургской газетой» в № 55 от 25 февраля 1899 г. и «Московскими ведомостями» в № 58 от 27 февраля того же года и о подготовке издания, и об отпуске на него денежных средств. Книгу предполагалось выставить на Всемирной парижской выставке 1900 г., однако выпуск задержался, и только 27 апреля председатель Археологической комиссии был уведомлен, что его ходатайство о посвящении издаваемого тома императрице Александре Федоровне удовлетворено, 21 апреля 1905 г. 2 экземпляра первого выпуска и, увы,

последнего — «Описание Самаркандских мечетей» были препровождены для вручения императору и императрице.

Вообще же, Императорская археологическая комиссия достаточно ревниво охраняла добытую ею интеллектуальную собственность. Так, 19 марта 1903 г. А.А. Бобринской писал временно управляющему делами Министерства императорского двора Константину Николаевичу Рыдзевскому для доклада государю о дошедшей до сведения Комиссии информации, что МАО собирается приступить к полному описанию всех археологических памятников Херсонеса. Поскольку для самого общества такое издание было бы финансово непосильно, П.С. Уварова рассчитывала получить деньги от императора.

С точки зрения самого А.А. Бобринского, идея была бы весьма здравой, если бы речь шла об общем своде древностей, но пока такой свод делать было преждевременно, поскольку новые раскопки неминуемо сделают его неполным. Издание же частных томов нарушило бы весь план исследования Херсонеса. При этом председатель ИАК выгодно подчеркивал заслуги Комиссии в уже состоявшихся изданиях трудов В.К. Мальмберга и А.В. Орешникова (1891), В.В. Латышева (1892, 1895, 1899), А.Л. Бертье-Делагарда (1893), А.А. Павловского (1903), которые были посвящены херсонесским древностям. При этом он писал, что Археологическая комиссия «дорожит правом издавать то, что ее трудами извлечено из земли и сохранено для науки», и в какое бы «затруднительное положение она была бы поставлена, если бы графиней Уваровой удалось исходатайствовать Высочайшее разрешение на издание древностей Херсонеса на Высочайше дарованные средства без всякого участия Комиссии». В итоге он предполагал, что руководство возможным изданием должно было быть вверено ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 2а. Л. 105–108). Своеобразным ответом на эту попытку со стороны ИАК была публикация А.А. Бобринским очерка по истории Херсонеса (Бобринской 1905с).

Стоит отметить, что МАО все же сумело издать серию работ по археологии Херсонеса, в частности, труд Д.В. Айналова о местных христианских храмах (Айналов 1905). Рецензия на этот труд, написанная близким к ИАК Я.И. Смирновым, но так и оставшаяся неопубликованной, считает изданные Д.В. Айналовым планы храмов не заслуживающими доверия как непрофессиональные и не имеющие органической связи с описанием памятников. Автор отмечал: «Появление книги не снимает с Археологической комиссии обязанности издания, наконец, в надлежащем, редактированном специалистом-архитектором виде всех развалин, всех многочисленных церквей, которые раскопки, производимые вот уже около 15 лет под [*оставлен пробел*] Комиссии, вывели из земли на свет божий и... на быстрое разрушение природой и человеком» (РО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 75. Л. 7, 9, 26, 27). Интересно, что одно из своих первых исследований древностей Херсонеса, в частности, описание и идентификация фрагментов мраморных храмовых деталей, в 1890 г. Д.В. Айналов выполнил на средства и по поручению ИАК, на что ему было выделены немалые деньги — 300 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 61. Л. 2 — 2 об., 12–16).

В заключение надо отметить высокую степень востребованности изданий

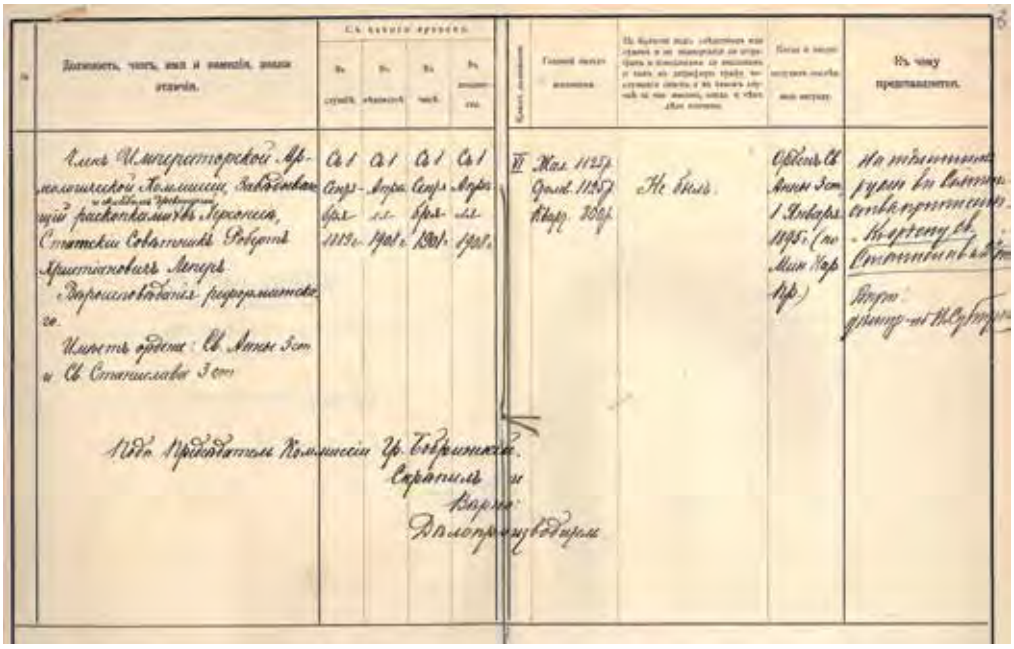
80

СПИСОКЪ НАГРАДЪ,

за служебныя отличія,

испрашиваемой по ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Коммиссіи

Министерства ИМПЕРАТОРСКАГО Двора.



№	Должность, чинъ, имя и званія, знаки отличія.	Съ какого времени.				Какого достоинства	Главный мотивъ	Въ какомъ видѣ „обыкновенныя или отличныя и не заслуженныя за испрашиваемыя и комиссіями, со мнѣніемъ о томъ къ дворцовому тракту относящагося спросить, и въ какомъ случаѣ на чье имя, какъ и сколько дѣлъ отличныя.	Когда и какого получили послѣ или матери.	Къ чему представляется.
		въ службѣ.	въ званіи.	въ чинѣ.	въ должности.					
	Членъ Императорской Археологической Коммиссіи, Завѣдывающій раскопками въ Херсонесѣ, Статскій Совѣтникъ Робертъ Христіановичъ Бенеръ. Вторгнулъ на редуктированное. Имѣетъ ордена: Св. Анны 3 ст. и Св. Станислава 3 ст.	Съ 1 Апрѣля 1895 г.	Съ 1 Марта 1901 г.	Съ 1 Апрѣля 1901 г.	Съ 1 Марта 1908 г.	V Жал. 1125 р. Долж. 1125 р. Квар. 300 р.	Не былъ.	Орденъ Св. Анны 3 ст. 1 Января 1895 г. (по Мин. Нар. Пр.)	На такомъ-то ранѣ въ Императорскомъ Кортеку Ея Статскаго Совѣтника. Второ: директоръ Императ.

Общ. Предсѣдатель Коммиссіи Гр. Говринскій.
Секретарь
Верно:
Дѣлопроизводитель

Списки наград, испрашиваемых для членов Императорской археологической комиссии у Министерства императорского двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 22. Л. 80 об. — 81)

Археологической комиссии и в наше время, поскольку ее публикации с прекрасными фотографиями древних вещей и архитектурных памятников задали высочайший стандарт археологических публикаций.

XX

Празднование 50-летнего юбилея ИАК, состоявшееся 5 февраля 1909 г., стало важной вехой в истории Комиссии. Более детальное знакомство с его обстоятельствами позволяет не только показать ее достижения и выявить насущные проблемы деятельности, но и вскрыть внутренний мир этого археологического учреждения Российского государства. Еще 25 мая 1908 г. граф Бобринской подал соответствующий рапорт о предстоящем праздновании на имя министра двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 78. Л. 1–2). Здесь предлагалось «ознаменовать юбилей» рядом ценных публикаций «экстренного характера», восстановить право ИАК на бесплатную пересылку изданий и корреспонденции, подобно тому, которое было закреплено за Академией наук и Русским географическим обществом, а также гарантировать ИАК беспошлинное приобретение необходимых материалов для научных изданий — право, которым уже пользовалась Академия художеств. В связи с этим председатель спрашивал министра, не признает ли тот «справедливым исходатайствовать» о выделении на «юбилейные издания» 25 000 руб. Отдельной строкой А. А. Бобринской просил поощрить деятельность сотрудников ИАК юбилейными подарками.

17 сентября 1908 г. министр в ответном письме определил параметры будущего празднования. Возможность восстановления льгот при пересылке изданий представлялась сомнительной, поскольку закон от 16 июня 1905 г. предполагал сокращение количества бесплатных отправлений, а разрешение на беспошлинное приобретение материалов для издательской деятельности зависело не от Министерства двора, а от Государственной думы (Там же. Л. 5–6). Требуемые на издания деньги были выделены двумя траншами после 1 ноября 1908 г. (Там же. Л. 7). Однако министерство категорически отвергло идею раздачи наград к юбилею (Там же. Л. 3 — 3 об.), ибо по существующим законам (примечание к ст. 665 Устава о гражданской службе, т. III, 1896 г.) «празднование юбилеев не должно служить поводом к представлению о наградах». Одновременно барон Б. В. Фредерикс выразил готовность ходатайствовать об изготовлении особого жетона к юбилею ИАК, если ее председатель возбудит этот вопрос перед министерством.

При этом предполагалось строго определить правила награждения жетоном и способ его ношения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 78. Л. 8 об.). 17 января 1909 г. был одобрен эскиз «Высочайше утвержденного юбилейного жетона ИАК», а 10 марта — правила о его ношении на груди. Однако вскоре правила были изменены, так как по закону 1900 г. было признано нежелательным учреждение различными обществами жетонов для ношения на груди: они могли носиться на цепочке от часов. Такова была, очевидно, и практика ношения юбилейного жетона Комиссии. Всего из бюджета министерства на изготовление жетонов 31 января

1909 г. было выделено 1600 руб. Ювелирной фирмой «Эдуард» в Петербурге было изготовлено в общей сложности 15 золотых и 15 серебряных жетонов. Предполагалось, что стоимость золотого жетона, который предназначался председателю, его товарищу и членам Комиссии, составит 75–85 руб., а серебряного — 20–25 руб. Серебряный жетон предназначался для служащих по канцелярии, при этом специально оговаривалось, что жетон мог выдаваться и сотрудникам, хоть и не состоявшим во время вручения на действительной службе, но трудившимся в ИАК до юбилея.

Похоже, что приведенное уточнение имело отношение лишь к одному человеку, бывшему делопроизводителю Комиссии И.А. Суслову. Однако, судя по всему, памятный жетон до адресата не дошел. Об этом свидетельствуют обиженные письма И.А. Суслова от 26 января и 12 марта 1912 г., которые, видимо остались без ответа (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 78. Л. 36–37). В этих письмах, обращенных к председателю ИАК, адресант патетически вопрошал: «Вы ли не признали нужным включить меня, ветерана Комиссии», в наградной список? И.А. Суслову прислали в подарок лишь изданное Я.И. Смирновым к юбилею ИАК «Восточное серебро», он благодарит, но дополнительно требует прислать ему некогда заказанные им оригинальные фотографии к этому изданию. Мы знаем, что такая реакция И.А. Суслова была связана с конфликтом в Комиссии 1899–1902 гг.

К сожалению, и образцы подобных жетонов, и их эскизы или описания остаются доселе неизвестны.

Так, золотой жетон должны были получить: сам А.А. Бобринской, В.В. Латышев, Н.И. Веселовский, А.А. Спицын, Б.В. Фармаковский, П.П. Покрышкин, Р.Х. Лепер, В.В. Шкорпил, Б.И. Ханенко, М.П. Боткин, Н.И. Булычев, Д.Я. Самоквасов, Н.В. Покровский, М.И. Ростовцев, а также Ф.А. Браун, который, впрочем, оставался «под вопросом». В числе получателей серебряного жетона значились: А.С. Раевский, И.С. Сутулло, Н.В. Суходольский, И.А. Суслов, Е.Б. Барсукова, Н.Е. Макаренко, М.И. Скубетов и Н.И. Репников (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 78. Л. 38).

Основным юбилейным изданием Комиссии стал атлас «Восточное серебро», вышедший в свет в 1909 г. Это издание имело долгую предысторию и было задумано еще в начале 1890-х гг. под названием «Приуральские древности». В 1893 г. И.И. Толстой отказался от этой работы, и тогда Н.П. Кондаков рекомендовал своего ученика, 24-летнего выпускника Петербургского университета Я.И. Смирнова, который предложил новую программу издания, предусматривающую также включение всех находок с территории России, попавших в европейские собрания. Изучение этих вещей было одной из важнейших целей научных командировок магистранта Я.И. Смирнова за границу в 1894–1897 гг. Он собрал огромный материал, но подготовить его к изданию, прежде всего из-за своей тщательной скрупулезности, смог только по истечении весьма длительного времени (Беленицкий, Зеймаль 1985: 11; Тихонов 2009b) .

К самому дню юбилея ИАК был объявлен Высочайший рескрипт «Нашей Археологической комиссии», где император Николай II писал, что ИАК «оправдала постоянное доверие, проявленное предками Нашими и Нами» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 78. Л. 13 —14 об.,

39–41). В то же время министр объявил 2 февраля благодарность чинам канцелярии (Там же. Л. 15), в частности А. С. Раевскому, И. С. Сутулло и Н. В. Суходольскому.

Около этого времени естественный спад научной активности ИАК, связанный с русско-японской войной и общественной нестабильностью в России 1904–1908 гг., сопровождался, судя по всему, усиленной аналитической работой самого А. А. Бобринского и его сотрудников, которая была направлена на формирование будущей стратегии деятельности Комиссии. Похоже, что к концу 1900-х гг. у А. А. Бобринского возникли некоторые идеи по поводу дальнейшего реформирования деятельности ИАК, которые он, в частности, обсуждал с Д. Я. Самоквасовым. Последний в своем письме от 7 декабря 1908 г. сообщал А. А. Бобринскому будущие «Основные положения устава Киевского музея русских древностей». Музей должен был состоять в ведомстве непоименованного министерства, а его деятельность — подчиняться направлению и контролю ИАК. Все приобретаемые им коллекции должны поступать на предварительное рассмотрение ИАК, имеющей право их публикации. Коллекции принимаются в музей также с разрешения ИАК. При этом задача музея состоит в изыскании, собирании, хранении, издании и научной обработке древностей губерний области (бассейна) Днепра и его верхних и средних притоков (до порогов). Музей должен был посылать в ИАК копии отчетов своих полевых исследований. Интересно, что при музее планировалось организовать лабораторию для анализа состава древних металлических изделий. Можно предположить, что дело шло к созданию сети региональных научных учреждений с Комиссией во главе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 162. Л. 25 — 26 об.). Очевидно, подобные идеи обсуждались и с Б. Н. Ханенко, который уже с 1905 г. был членом ИАК.

Несколько ранее, в 1906 г., в переписке с тем же Д. Я. Самоквасовым А. А. Бобринской также «проговаривается» о начале нового этапа своей деятельности как в организационном, так и в тематическом плане. Признавая справедливой критику разделения археологических коллекций между двумя главными музеями империи, он пишет: «С будущего года думаю уже вступить в том отношении на несколько иную дорогу. К тому же я лично так пристрастился к камню и бронзе, что могу только опасаться, не придаю ли слишком много значения тому, что, может быть, до сих пор считалось... хламом». Далее, говоря о трудностях, которые могут возникнуть в связи с поручением одному из членов Комиссии заняться изучением и публикацией древностей центра России («скифо-славянской эпохи»), А. А. Бобринской высказывает новые мысли в отношении организации отечественной науки и периодизации отечественной археологии: «Ежели на предстоящем съезде (XIV Археологический съезд в Чернигове в 1908 г. — *Авт.*) удалось бы выработать нечто в виде соглашения между нашими разными археологическими обществами и учреждениями, то можно было бы в принципе решить, где сосредоточить собирание сведений и исследование Центральной России, и возложить издание этих материалов хотя бы на Археологическую комиссию, открыв широко двери всем заинтересованным в деле и желающим сотрудничать в нем. Следовало бы поставить “рамки”, “а то скифы-сарматы-славяне

простираются чуть не от Кавказских гор до Финского залива"». Также он полагал, что издание материалов проведенных им раскопок Смелы в виде приложений к отчетам ИАК будет первым шагом к новому направлению в трудах Комиссии (Археология... 2007: 88–90).

Тогда же А.А. Спицын составляет и публикует новые инструкции к производству археологических раскопок и разведок (Спицын 1908; 1910). В своих воспоминаниях В.Г. Дружинин пишет: «С[пицын] составил, а Комиссия издала руководство для производства раскопки курганов, обследования майданов и городищ. Это руководство вытерпело два издания и богато иллюстрировано. ...Это было первое научно составленное руководство, а до него каждый археолог копал курганы как ему вздумалось» (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6. Л. 13 об. — 14).

Определенным этапом в жизни ИАК было празднование 25-летнего юбилея служения самого А.А. Бобринского в Комиссии в феврале 1911 г. Помимо «Сборника», выпущенного в его честь, материалы архива хранят много интересных документов, связанных с этим празднованием. В предисловии к «Сборнику» сотрудники ИАК писали: «Вы, Граф, обладаете редчайшей способностью привлекать к себе симпатии всех, кому выпадает на долю вступать в близкое общение с Вами, и неотразимо действовать на них обаянием Вашей личности. Для всех Ваших сотрудников по Комиссии работа в ней под Вашим благожелательным руководством представляет собою не тяжкий обязательный труд, а истинное наслаждение» (Сборник 1911: 1). Сохранилась и рассадка приглашенных на праздничном обеде — всего 34 человека.

Впрочем, «Сборником» и юбилеем были довольны не все. По поводу «Сборника» Н.П. Кондаков, продолжавший крайне негативно относиться к А.А. Бобринскому, отзывался «особенно сурово и жестоко издевался над его сотрудниками по Комиссии, не постыдившимися посвятить целый сборник статей этакому убожеству. Отчего не посвятили сборника швейцару Комиссии? Тот, во всяком случае, был умнее» (СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 3. Д. 91. Л. 56–57; Варнеке 2002: 99). Думается, что подобное высказывание, оскорбительное не только для самого А.А. Бобринского, но и для его коллег по Комиссии, многие из которых были учеными с мировым именем, следует оставить на совести самого Н.П. Кондакова. Его обида могла усугубляться тем, что предложенный им проект изучения Десятинной церкви в Киеве был в конце концов поручен императором Археологической комиссии.

Время конца 1900 — начала 1910-х гг. было связано со многими новыми начинаниями в области исследования древностей Восточной Европы. Почти одновременно с началом исследования Десятинной церкви (996 г.) и Старокиевского городища в 1908 г. ИАК в 1909 г. приступила к реставрации и раскопкам храма Спаса на Берестове в Киеве XI в. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 275) (подробнее см. главу XIII). Одними из ярких эпизодов деятельности ИАК в 1910-е гг. были не только раскопки выдающихся памятников, таких как курган Солоха, за исследование которого Н.И. Веселовский был представлен к ордену св. Анны 1-й степени, который и получил 6 апреля 1914 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 186. Л. 2, 65 об.), но и участие в собирании и исследовании «Перещепинского

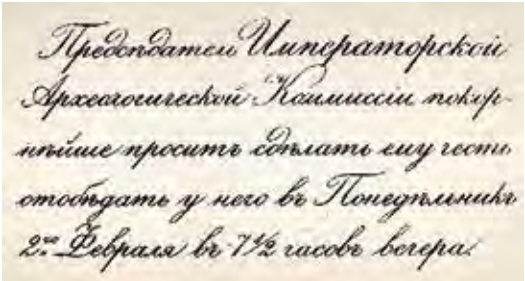
Поздравление А. А. Бобринскому из Херсонеса в связи с 25-летием его службы в Императорской археологической комиссии (РО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 87. Л. 15)

Телеграфъ
Телеграмма.
С-Петербургъ
Почтамтская, 15.
№ 91/

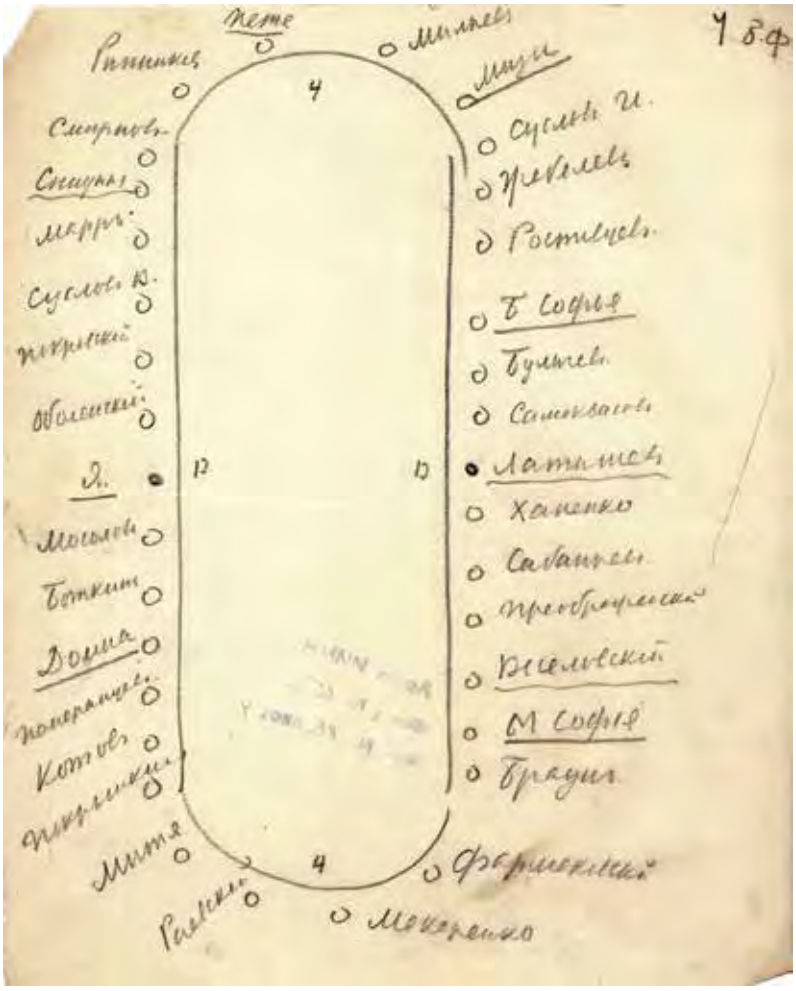
Телеграфъ
Телеграмма.
С-Петербургъ
Почтамтская, 15.
№ 13/

Телеграфъ
Телеграмма.
№ 32/

Поздравительные телеграммы В.В. Шкорпила, С. А. Жебелева и Н.В. Покровского А. А. Бобринскому в связи с 25-летием его службы в Императорской археологической комиссии (РО. Ф. 25. Д. 87. Л. 28, 29, 30)


Предсѣдатель Императорской Археологической Коммиссіи покорнѣйше просить сдѣлать ему честь отобѣдать у него въ Понедѣльникъ 2-го Февраля въ 7½ часовъ вечера.

Приглашение на обед в честь 25-летия службы А.А. Бобринского в Императорской археологической комиссии, 2 февраля 1911 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Д. 117)



Рассадка на обеде в честь 25-летия службы А.А. Бобринского в Императорской археологической комиссии, автограф А.А. Бобринского: «Петя (Петр Алексеевич Долгорукий (1883–?), муж Софии, дочери А. А. Бобринского. — Ред.), Милеев, Мизи (? — Ред.), Суслов И., Жебелев, Ростовцев, Б. Софья (Софья Андреевна Бобринская (1829–1912), мать А.А. Бобринского. — Ред.), Булычев, Самоквасов, Латышев, Ханенко, Сабанеев (Д.А. Сабанеев. — Ред.), Преображенский (М.Т. Преображенский. — Ред.), Веселовский, М. Софья (Софья Алексеевна Бобринская (1882–1936), дочь А.А. Бобринского. — Ред.), Браун, Фармаковский, Макаренко, Раевский, Митя (Дмитрий Александрович Шереметев (1885–?), муж Домны, дочери А.А. Бобринского. — Ред.), Покрышкин, Котов, Померанцев (А.Н. Померанцев. — Ред.), Домна (Домна Алексеевна Бобринская, дочь А. А. Бобринского. — Ред.), Боткин, Масолов, я, Оболенский (Дмитрий Александрович Оболенской (1882–?), муж Елены Андреевны, дочери Андрея Александровича Бобринского, брата А.А. Бобринского. — Ред.), Покровский, Суслов В., Марр, Спицын, Смирнов, Репников» (РО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 87. Л. 4)

клада» — погребения хана Кубрата (Залесская, Львова и др. 1997). Уже 12 июня 1912 г. по распоряжению ИАК Н.Е. Макаренко был отправлен на Полтавщину скупать оставшиеся вещи и произвести дополнительные раскопки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 174. Л. 7).

Поток новой информации привел к такому явлению, которое А.А. Спицын описывал в своем лекционном курсе за 1909 г.: «Открытия идут за открытиями. Не успеешь освоиться с одним новым разделом древностей, как на смену его выступает другой. Мы, члены ИАК, под потоком новостей чувствуем себя так, словно стоишь в теплый, тихий зимний день под хлопьями мягкого, пушистого снега, непрерывно и равномерно падающего. Уже насладился, насмотрелся, а снег все валится и валится. И домой ушел, а он продолжает все так же лететь, и нет ему конца», выражая при этом надежду на благодетельную специализацию, школу, привычку к системе, метод... (Спицын и др. 1910–1911: 8, 9). Однако, несмотря на то, что сами члены ИАК считали себя не справляющимися с этой «снежной лавиной» информации, она не превратилась в «прошлогодний снег», а надежно осела в архиве и публикациях Комиссии. К тому же необходимо отметить, что деятельность ИАК пришлась на эпоху становления археологической науки в России в целом, оформления ее теоретической основы и методологического арсенала, поэтому противоречия в ее деятельности были неизбежны. Помимо практического накопления и систематизации знания надо отметить и теоретические разработки таких членов ИАК, как И.Е. Забелин, Н.П. Кондаков, Н.В. Покровский, А.С. Лаппо-Данилевский, А.А. Спицын, в определенной мере влиявшие на деятельность их коллег по Комиссии и самого учреждения (см.: Лаппо-Данилевский 1923).

Таким разработкам способствовала активная профессорско-преподавательская, лекционная и педагогическая деятельность членов и членов-корреспондентов ИАК, читающих в Петербургском университете Петра Великого, Археологическом институте, Санкт-Петербургской духовной академии, на провинциальных курсах. Так, дважды, 29 мая — 8 июня 1904 г. и 28 мая — 8 июня 1912 г. в Твери проходили церковно-археологические курсы при участии крупнейших российских историков и археологов, в том числе и членов ИАК (Мусин 1993: 145–156; 1999: 262–266; 2004: 83–86).

В связи с увеличением объема задач Комиссии, после соответствующего рапорта А.А. Бобринского и доклада министра двора императору, 5 марта 1914 г. на Комиссию было возложено составление проекта новых штатов, который был закончен 15 мая. В его основу были положены предложения Б.В. Фармаковского и П.П. Покрышкина. Согласно проекту, товарищ председателя ИАК должен был получать 5500 руб., а один старший член — 4000 руб., тогда как число членов Комиссии с окладом в 2700 руб. должно было быть увеличено до 7 человек. При этом четверо должны были служить в Петербурге, а остальные трое — в Киеве, Херсонесе и Керчи.

Наиболее существенное реформирование должно было коснуться реставрационных сил ИАК. Известно, что в делах, связанных с реставрацией памятников архитектуры, Археологическая комиссия сотрудничала в 1910-е гг. с Обществом защиты и сохранения в России памятников

искусства и старины (см.: Алябьева 2001). В апреле 1912 г. великий князь Николай Михайлович, председатель Общества, послал письмо А. А. Бобринскому с просьбой об оказании содействия и поддержки со стороны Комиссии «в вопросах принятия всех законных мер, отвечающих назначению Общества для более успешного осуществления дела защиты и охранения художественных, бытовых и исторических памятников от разрушения и искажения» (РО. Ф. 68. Д. 4. Л. 1). В своем ответе председатель ИАК писал, что «Императорская археологическая комиссия, глубоко сочувствуя задачам Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, готова содействовать Обществу, поскольку это зависит от нее, и в этом отношении Комиссия предлагает Обществу командировать своего делегата-архитектора для участия в реставрационных заседаниях с правом совещательного голоса» (Там же. Л. 2). Впоследствии ИАК заранее присылала приглашения с программой докладов перед каждым реставрационным заседанием, и представитель Общества мог полноправно принимать участие в обсуждении и решении вопросов ремонта и реставрации памятников древнего зодчества в России. Таким представителем от Общества был избран архитектор А. В. Щусев, но затем в связи с переездом в Москву его заменил молодой архитектор Н. Е. Лансере. С 1912 г. он являлся постоянным участником реставрационных совещаний ИАК (РО. Ф. 21. Д. 11. Л. 4 об.).

К 1914 г. в помощь заведующему реставрационным делом так или иначе были приданы 4 человека: один архитектор, получавший зарплату как канцелярский чиновник XII класса; один помощник, который трудился в Киеве,

Обложка издания «Личный состав Императорской археологической комиссии. 1913 г.» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 415)

получая вознаграждения из личных средств соответствующего члена ИАК; еще один сотрудник привлекался к разным работам без определенного вознаграждения; и, наконец, последний трудился при реставрации Бахчисарайского дворца, получая содержание от МВД. Вместо такой нестабильной структуры в штат ИАК предлагалось ввести троих помощников членов Комиссии по архитектурной части с окладом в 1500 руб.

По новому расписанию делопроизводитель должен был получать 1800 руб., регистратор — 900, двое чиновников XII класса — соответственно 750 и 600, чиновник для поручений для Ольвии — 600, специальный фотограф, ибо «совмещение обязанностей сторожа и фотографа доставляло неудобство», — 1200. Два сторожа должны были получать по 300 руб., и еще

два сторожа дополнительно вводились в штат для охраны раскопок и древностей Ольвии. В штате появлялась и совершенно новая должность — хранитель древностей с окладом в 1500 руб., так как в помещении Комиссии ежегодно скапливались десятки тысяч предметов, и лишь в 1913 г. стоимость хранимых здесь золотых вещей достигала 500 000 руб. Однако 11 августа в свете военных событий процесс принятия новых штатов был остановлен впредь до особого распоряжения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 52. Л. 2–3, 16 — 18 об., 30 об. — 32).

Тогда же, 11 августа 1914 г., дворцовый комендант Свиты его величества «срочно и секретно» «по встретившейся надобности» просит председателя ИАК сообщить ему список германских и австрийских подданных, служащих в его учреждении, и отметить, с какого времени осуществляется эта служба (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 262. Л. 140). Таковых в Комиссии не было, однако происшедший примерно в это время конфликт между Р. Х. Лепером и Севастопольским жандармским управлением, связанный с высылкой его сына из «крепостного района», привел к тому, что осторожный А. А. Бобринской решил просить В. В. Шкорпила 11 сентября принять заведование херсонесскими раскопками и музеем, а самого Р. Х. Лепера 13 сентября — подать прошение об отставке, которое и было написано, где, впрочем, отставка была мотивирована болезнью и усталостью (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 22. Л. 82 — 82 об., 84 об., 90, 92).

Из рапорта начальника Севастопольского жандармского управления от 4 августа известно, что конфликт произошел в канцелярии сыскной части, где на стене висел большой портрет государя императора. Сын археолога, Роман, остался в фуражке.

О том, что происходило дальше, жандармское донесение повествовало следующее: «На обращенную просьбу к студенту пристава сыскной части во вполне корректной форме снять фуражку отец студента статский советник Лепер стал упрекать пристава в том, что он обращается с его сыном не по-человечески, требуя от него невозможного, при чем выразился так: “перед портретом никто не обязан снимать фуражку, портрет носят и по улице, что ж и там прикажете снимать фуражку, это произвол”».

За отсутствием состава преступления дело против Р. Х. Лепера севастопольской прокуратурой было прекращено, однако, по мнению жандармского управления, «публичное выражение неудовольствия на законное требование полиции» «вырисовывало» его, Р. Х. Лепера, «взгляды и степень преданности и уважения Верховной власти».

В результате сношений с Комиссией Управление то ли «потребовало», то ли «признало необходимым» удаление заведующего раскопками из Севастополя, что явствует из письма А. А. Бобринского от 15 сентября. В реальности этот инцидент, скорее всего, был типичным проявлением ксенофобии по отношению к людям с немецкими именами и фамилиями, которая широко развернулась в первые месяцы начавшейся мировой войны, тем более что Херсонес находился почти на территории главной военно-морской базы на Черном море. Р. Х. Лепер вернулся в Петроград, где учительствовал в средней школе до самой своей кончины в 1918 г. (Басаргина 1996: 96–104; 2008b: 228-231).

МОИСЕЕВ Лаврентий Алексеевич (1882–1946) — археолог и гидролог. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1909 г., в 1905–1912 гг. участвовал в раскопках Ольвии под руководством Б.В. Фармаковского. Стажировался в Гейдельбергском университете. Вернувшись из-за границы в начале Первой мировой войны, принял предложение ИАК стать заведующим раскопками в Херсонесе (1915–1924). Член ИАК с сентября 1915 г. В трудных условиях сумел подготовить к эвакуации херсонесские коллекции и архив и отправить их в Харьков. С ноября 1920 г. — заведующий Севастопольским комитетом по делам музеев, директор Херсонесского музея. Производил разведки неолитических памятников в Крыму. В 1924 г. арестован, пробыл в заключении 5 месяцев. До начала 1930-х гг. работал в Севастопольском отделении Общества по изучению Крыма, увлекся проблемами ирригации и сейсмологии. Позднее работал на Ялтинской оползневой станции.

Осн. соч.: Фрагменты аттических ваз строгого стиля. СПб., 1912; В защиту римского Геркулеса. СПб., 1916; Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском полуострове // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. 1926. Симферополь, 1927. Т. 9. С. 115–122; Дары Асклепия. Севастополь, 1928; Иранские системы водоснабжения в Крыму // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М.; Л., 1939. С. 135–137.

Лит. о нем: *Антонова И.А.* Херсонесский музей за годы советской власти // Херсонесский сборник. 1959. Вып 5. С. 3–12; *Гриненко Л.О.* Из истории Херсонесского музея (1914–1924 гг.) // Древности 1997–1998. Харьков, 2000. С. 187–198; *Жуков Ю.И.* Операция «Эрмитаж». М., 1993; *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1: Античный полис. Т. 2: Византийский город. Тюмень, 2008.

(Фото: ФО. Отп. О.2730-114)

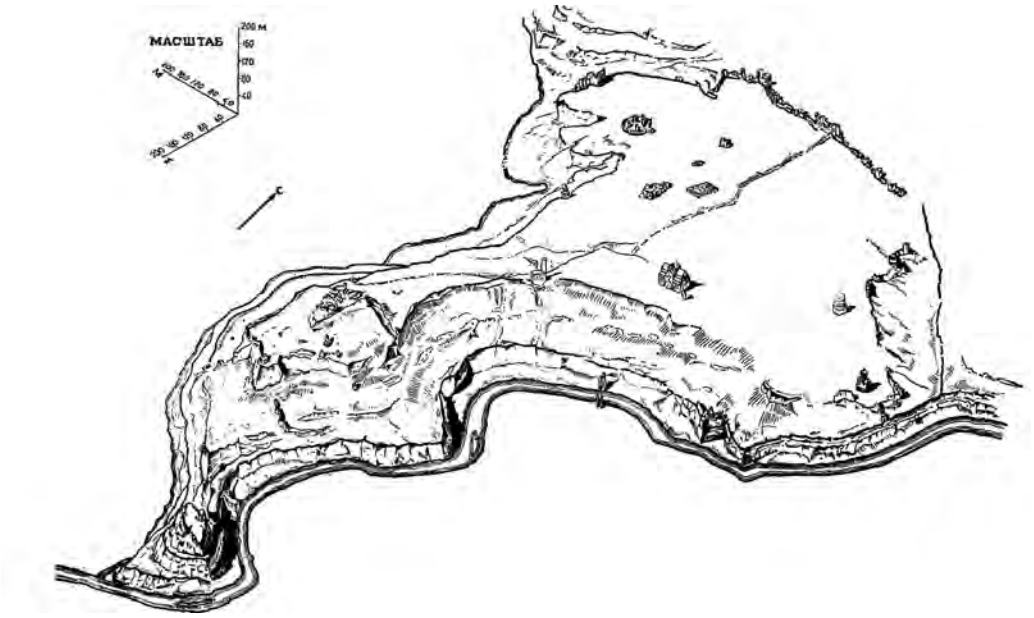
На место Р.Х. Лепера был назначен Лаврентий Алексеевич Моисеев, имевший опыт работы в Ольвии с Б.В. Фармаковским с 1905 по 1912 г. и в сентябре 1914 г. срочно командированный в Херсонес в качестве временно заведующего раскопками. Он еще 17 февраля 1915 г. просил об окончательном назначении на эту должность, однако, как военнообязанный, он мог быть в любой момент мобилизован. 12 мая А.А. Бобринской отправил военному министру В.А. Сухомлинову письмо с просьбой рассмотреть вопрос об освобождении Л.А. Моисеева от воинской повинности. Главный штаб не возражал против такого исхода дела, однако желал бы, чтобы оно свершилось не в порядке ст. 79 Устава о воинской повинности

20 мая 1915 г., предполагавшей льготы для педагогов, а на иных основаниях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 207. Л. 8–9, 10 — 10 об.). Вопрос не был решен в скором времени, и 19 августа 1915 г. МВД объявило Л.А. Моисеева «уклонистом» еще с 1913 г. — именно тогда он ушел с преподавательской службы и отправился в ученую командировку — и было готово принять меры к его безотлагательному призыву на воинскую службу (Там же. Л. 14 — 14 об.). 4 сентября Л.А. Моисеев уже был призван, 9 сентября председатель ИАК ходатайствовал перед главкомом Черноморского флота о возможности оставления его на службе в Севастополе, однако 9 октября Астраханским уездным военным присутствием тот окончательно признан «совершенно неспособным к военной службе» и «воинской повинности не подлежащим» (Там же. Л. 23). В результате Л.А. Моисеев был утвержден членом ИАК задним числом лишь 14 декабря 1915 г.

Трудности с назначением нового члена не остановили активности «крымского направления» в деятельности ИАК. 19 января 1916 г. М.И. Ростовцев предложил провести раскопки в Ласпинской бухте, на что было выдано 600 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 128. Л. 1–2), а 9 сентября А.А. Бобринской, по предложению Л.А. Моисеева, М.И. Ростовцева и Б.В. Фармаковского, подал в министерство рапорт о необходимости проведения археологических исследований в Евпатории-Киркениде на месте строительства грязелечебницы, которые и начались 1 ноября 1916 г. Здесь вновь не обошлось без П.С. Уваровой, которая 26 октября рекомендовала министру возложить эти исследования на М.И. Ростовцева (Там же. Л. 18 — 19 об., 24 — 24 об., 39).

Еще одна сторона деятельности А.А. Бобринского в это время — это постоянная борьба за сохранение памятников старины. Очень показателен в этом отношении эпизод, когда ему понадобилось добиться личной аудиенции у императора Николая II, чтобы предотвратить возможное разрушение знаменитой церкви Спаса-Нередицы близ Новгорода из-за проекта прокладки там железной дороги. Граф пытался также прекратить использование важнейшего памятника греческой культуры в Причерноморье — острова Березань в качестве стрельбища для кораблей Черноморского флота. Но спорить с Военно-морским ведомством оказалось значительно сложнее, чем с Министерством путей сообщения (Бобринский 2003: 516–517).

Формой охраны старины в деятельности ИАК стала передача памятников и исторических мест в ведение и в собственность Комиссии. 5 мая 1900 г. Департамент государственных земельных имуществ сообщил в ИАК о разрушении местными арендаторами памятников Ани и Беш-Килисса, обратившись при этом с просьбой осмотреть памятники, оценить их историческое значение и принять меры к их охране. В свою очередь 20 мая ИАК предлагает Департаменту каждый раз включать особый пункт об охране древностей в контракты с арендаторами, однако 27 ноября 1901 г. МВД просит ИАК принять эти памятники старины, находящиеся на казенных участках, «в свое ведение». При тогдашней смете ИАК не имела возможностей на наем сторожей и затруднялась назвать, кому конкретно могло бы быть поручено наблюдение за этими древностями на месте (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 98), но по мере раскопок в Ани этот исторический



Ани, перспективный план (ФО. Нег. III 14682)

участок перешел в непосредственное ведение Комиссии.

В то же время, 19 января 1901 г. Департамент государственных земельных имуществ предложил принять в ведение Комиссии развалины Бодзентинского замка Келецкой губернии. Епископский замок, построенный в XIV в. и затем существенно перестроенный в XVII в. по проекту итальянских архитекторов Иоанна Бальцера и Якова Фонтаны, был заброшен уже в первой половине XVIII в. (Guerquin 1974: 94–95, рис. 46, 48). Определенно к 1911 г. этот памятник находился в собственности Комиссии, поскольку 1 апреля 1914 г. в Келецком окружном суде слушалось дело по иску ИАК к крестьянам Войцеху Аниолеку и другим о восстановлении нарушенного владения. В результате было выяснено, что участок Замчиско в посаде Бодзентин Келецкого уезда является собственностью Комиссии, а появившиеся здесь постройки возведены незаконно. Суд принял решение захватчиков выселить, постройки снести, а участок вернуть законному владельцу. Однако подробности этой передачи, связанные со временем, обстоятельствами и условием получения ИАК этого участка земли и его строений в собственность, остаются неясными, поскольку из-за упомянутого выше процесса 30 октября 1911 г. ИАК препроводила в прокуратуру Царства Польского все касающиеся замка архивные документы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 20).

В некоторых случаях инициатива могла принадлежать самой Комиссии. Так, 28 октября 1915 г. ИАК поставила вопрос об отчуждении в ведение Комиссии участка земли близ колонии Шабо Аккерманского уезда Бессарабской губернии для исследования находящегося на нем кургана. Ввиду ликвидации немецких колоний в губернии появилась опасность, что курган может попасть

Развалины замка в Бодзентине близ Кельце (Польша), фото П.П. Покрышкина, 1907 г. (ФО. Отп. О.661-22)

Развалины замка в Бодзентине близ Кельце (Польша), фото П.П. Покрышкина, 1907 г. (ФО. Отп. О.585-40)

в частные руки и сделается недоступным для правительственных исследований или же будет испорчен неумелой раскопкой. Однако в результате выяснилось, что земля, на которой находился курган, принадлежала Покровской церкви и согласно правилам от 2 февраля 1915 г. не подлежала отчуждению (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 217).

В связи с охраной памятников Комиссия принимала участие в подготовке Всероссийского съезда деятелей музеев. Предложение собрать подобный форум было выдвинуто на XV Археологическом съезде в Новгороде в 1911 г. Предварительный съезд был созван в конце 1912 г. при Историческом музее, а сам съезд планировался на 2–7 января 1915 г. 9 сентября 1913 г. Министерство народного просвещения попросило Министерство императорского двора дать экспертное заключение на программу предстоящего съезда, 3 октября 1913 г. министр отправил в ИАК на отзыв полученную им программу. В ответном письме А.А. Бобринской предлагал исключить из будущей программы ряд пунктов как не имеющих прямого отношения к музейному делу. В частности, речь шла о следующих пунктах: «25. Необходимость скорейшего издания закона о мерах охраны памятников старины; 26. Способ охраны памятников старины и участие в этом деле учреждений духовных, светских, земских и городских; 27. Пересмотр действующего законоположения о производстве раскопок и установление правил раскопок на частновладельческих землях». Также он обращал внимание на то, что в программе отсутствует важнейший вопрос о научной системе регистрации (классификации) музейных коллекций (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 264. Л. 3–8).

Музейное движение в это время вообще переживало значительный подъем. В том же году в Государственной думе и в Комитете министров решался вопрос об учреждении в России национального музея в ознаменование 300-летия царствования Романовых. По предложению думцев, этот музей должен был стать хранилищем русских исторических памятников. Предложение было одобрено 15 марта 1913 г., однако оно должно было быть реализовано таким образом, дабы не нанести «ущерба для интересов других музеев».

1 августа было получено Высочайшее соизволение на учреждение под председательством великого князя Георгия Михайловича Особого совещания для выработки главных оснований законопроекта о всероссийском национальном в память 300-летия царствования дома Романовых музее или Романовской палате церковных древностей с бюджетом в 60000 руб. в год. В обсуждении проекта, который так и не был воплощен в жизнь из-за начавшейся Первой мировой войны, от имени Комиссии участвовал Б.В. Фармаковский (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 335. Л. 1–2, 16–17).

В первой половине 1910-х гг. отношения ИАК с учреждениями Ведомства православного исповедания и изучение христианских древностей стали одним из приоритетов ее деятельности. Помимо крупных реставраций церковных и монастырских комплексов, таких как Ипатьевский монастырь, церковь Спаса на Нередице, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, церковная тема преобладала и в «реставрационных заседаниях» в виде обсуждения проектов сноса и переустройства рядовых приходских церквей православного мира. Сведения об этих храмах приходилось

собирать по крупицам. Еще в 1896 г. А.А. Бобринской обращался к епархиальным архиереям с просьбой содействовать отправке в ИАК описаний местных церквей и монастырей. К концу 1900-х гг. Комиссия, благодаря отложившимся в архиве материалам, оказалась способна начать масштабный проект по изданию кратких описаний, фотографий и планов памятников архитектуры российских губерний, прежде всего храмов и часовен. Накануне великих потрясений, когда многие из описанных объектов оказались утрачены, эта инициатива выглядит провидчески, а результаты ее реализации становятся надежным историческим источником.

В 1909 г. собственными силами ИАК были изданы храмы Костромской епархии (Церкви Костромской епархии 1909), что до определенной степени было связано с интересами сверхштатного члена Комиссии Н.В. Покровского — выходца из Костромской губернии. Следующей губернией стала Архангельская (Описание памятников русской архитектуры 1911a: 102–162; 1911b: 78–222). В первой части были изданы городские храмы Архангельска, Архангельского и Кемского уездов, во второй — Кольский, Онежский, Пинежский, Холмогорский и Шенкурский уезды. Описание было составлено по материалам, собранным П.П. Покрышкиным и хранящимся в архиве Комиссии, характерно активное использование данных храмовых метрик 1887 г., переданных из ИАХ в ИАК в 1890 г., а также местных епархиальных и краеведческих изданий. В публикации были фотографии В.В. Суслова, В.А. Плотникова, Д.В. Милеева, И.Я. Билибина. К сожалению, П.П. Покрышкину не удалось найти описание архангельских церквей, созданное епископом Макарием (Миролюбовым, 1817–1894).

Следующий этап издания памятников сопровождался активным сотрудничеством между местными епархиями и Комиссией. 26 октября 1911 г. из ИАК в Вятскую духовную консисторию поступило предложение издать храмы губернии по образцу Архангельской и Костромской епархий. После решения вопроса о том, на чьи средства будут отнесены расходы по пересылке снимков, в Комиссии были собраны 101 фотография местных храмов и их древностей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 311. Л. 1–3, 6–10). Издание начало осуществляться на следующий год (Описание памятников русской архитектуры 1912: 95–142).

24 апреля 1913 г., в связи с изданием изображений и описаний церквей Олонецкой епархии, ИАК обратилась в местную духовную консисторию с просьбой о присылке клировых ведомостей. В течение последующего года на их основе был составлен список храмов, которые должны войти в публикацию (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 219. Л. 1). 4 октября 1914 г., по поводу описания церквей Полтавской епархии, в полтавскую консисторию была направлена просьба о присылке фотографических снимков церквей, иконостасов, предметов старины и искусства для их издания в «Известиях» ИАК. 29 ноября в ИАК были доставлены три альбома бумаг из Полтавского епархиального древлехранилища (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 283. Л. 1). При попытке издания описания церквей Вологодской епархии 8 февраля 1914 г. Комиссия вновь запросила консисторию о присылке клировых ведомостей, а также материалов, опубликованных в «Епархиальных

ведомостях», и о доставлении фотографий церквей и их древностей при согласии и желании клира. Дополнительно ИАК пришлось 17 марта обращаться в Этнографический отдел Русского музея, Совет которого через год, 9 апреля 1915 г., разрешил Комиссии пользоваться своими фотоматериалами (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 81. Л. 1–4). Последним нереализованным проектом было издание описания храмов Тверской епархии, куда ИАК обратилась 4 ноября 1915 г. с просьбой о присылке клировых ведомостей и храмовых фотографий. 16 ноября консистория пересылает в ИАК «Статический епархиальный сборник», изданный И. Добровольским, и сообщает, что препятствий к выдаче распоряжений клиру церквей об отсылке в Петроград фотоснимков не встречается (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 202. Л. 1).

К этому времени Комиссией в лице П. П. Покрышкина были разработаны и основные положения по реставрации и сохранению древних зданий, которые он представил в нескольких статьях, вышедших в серии реставрационных выпусков «Известий ИАК». В 1905 г. П. П. Покрышкин, обобщив свой накопленный опыт, издал «Краткие советы для производства точных обмеров в древних зданиях» (Покрышкин 1905: 120–123), где сформулировал несколько важных практических рекомендаций технического характера.

В 1910 г. была опубликована статья П. П. Покрышкина «Проветривание зданий», где он обратил внимание на важность поддержания влажностного микроклимата в древних памятниках архитектуры для наилучшего сохранения фресковых росписей, деревянных конструктивных элементов, старинных документов (Покрышкин 1910: 85–87). Он вывел несколько правил проветривания зданий в зависимости от времени года, погодных условий, указал на необходимость следить за разницей наружной и внутренней температур. Инструкция предназначалась для лиц, заведовавших памятниками. Автор был убежден, что выполнение этих несложных мер значительно способствовало бы более длительному сохранению древних сооружений, прежде всего православных храмов.

К 1910 г. П. П. Покрышкин разработал свой проект опросных листов для специалистов из комитета по охране памятников по описанию древних церквей и зданий (РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 6. Л. 4, 20–33). За основу он взял составленную Академией художеств форму метрик для получения сведений о древних храмах, зданиях и художественных предметах (подробнее см. главу XIII), которую он переработал и дополнил. В опросных листах, составленных П. П. Покрышкиным, первым же пунктом указано на необходимость фотографирования зданий, иконостасов и утвари с 4 сторон: «Многие из ответов на вопросы могли бы быть заменены отчетливыми фотографическими снимками» (Там же. Л. 32 об.). При подаче проектов ремонта, реставрации или расширения древних зданий в ИАК он советовал обращать внимание на наличие в них кроме чертежей здания снимков как фасадов и «частей здания, назначенных к переделке или реставрации, так и находящихся в нем отдельных памятников старины (иконостасов, икон, паникадил, колоколов и т. п.» (Там же. Л. 16).

По поручению ИАК в 1915 г. П. П. Покрышкин составил статью «Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства» (Покрышкин

1915b: 178–190). Археологическая комиссия посчитала необходимым ознакомить с инструкцией П.П. Покрышкина всех лиц, причастных к реставрации древних зданий и надзору за их состоянием, особенно техников и составителей проектной документации по ремонту памятников архитектуры, прежде всего православное духовенство. Статья была направлена в 1916 г. в Святейший Синод с просьбой опубликовать ее в «Церковных ведомостях» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 296). 54 экземпляра ИАК послала всем архиереям для издания в епархиальных ведомостях (Там же. Л. 302–305).

Первыми просьбу Комиссии поддержали Архангельская, Псковская и Смоленская епархии. Глава Смоленской епархии даже отметил, что он настоятельно предложил местному духовенству «внимательно прочитать эту статью, дабы не допускать непоправимых ошибок при ремонте церквей и особенно старинных церквей и иконостасов и избежать обвинения в порче памятников старины неумелыми исправлениями их» (Там же. Л. 314). Впрочем, случались и проблемные ситуации. 5 августа 1914 г. А.А. Бобринской с сожалением писал в Тульскую духовную консисторию о ее нежелании представлять в ИАК нужные сведения, что делает ее «печальным исключением из других епархий» (Там же. Л. 298–299). Главой епархии в это время был архиепископ Парфений (Левицкий).

В 1916 г. текст «Краткие советы...» П.П. Покрышкина был разослан в количестве 59 экземпляров губернаторам и начальникам областей, московскому и петроградскому градоначальникам, ученым обществам с просьбой напечатать целиком в местных изданиях «с целью распространить возможно шире знания, добытые многолетним опытом, и тем самым облегчить задачу лицам, трудящимся над составлением проектов ремонта», поступающих на рассмотрение Комиссии (Там же. Л. 306 — 306 об.). Правда, некоторые чиновники сообщили о невозможности опубликовать бесплатно текст статьи в местных ведомостях. Например, петроградский градоначальник сослался на то, что в ведомостях нет раздела неофициальной информации, а изданию в официальной части содержание статьи не отвечает. И все же большинство одобрило подобную инициативу. Псковский губернатор в 1916 г. написал в Комиссию, что он не только опубликовал статью П.П. Покрышкина в местной центральной газете, но и «отпечатал 100 отдельных экземпляров», которые были разосланы для «руководства учреждениям, техникам и лицам», отвечавшим за составление проектов ремонта и реставрации памятников старины и искусства (Там же. Л. 336).

В 1916 г. П.П. Покрышкин поместил в «Вопросах реставрации» заметку «Указания для перенесения деревянных церквей» (Известия ИАК. Вып. 61. 1916: 191), где дал четкие рекомендации, как поэтапно произвести разборку конструкции и какие правила при этом нужно соблюдать. Он указал на обязательную необходимость производства точных измерений и чертежей до начала работ, подробного документирования процесса и фиксации всех конструктивных элементов, особенно первоначальных. Публикация П.П. Покрышкина сама по себе свидетельствовала, что перенос или переборка деревянных зданий больше не составляли проблем для исследователей, и Комиссия «санкционировала подобного рода работы» (Памятники архитектуры... 2002: 482).

Однако именно в это время осложнились отношения ИАК со Святейшим Синодом по вопросу о реставрации памятников церковной старины (подробнее см. главу XIII). Воспользовавшись общим кризисом российской государственности и общественной нестабильностью военного времени, 20 июля 1915 г. Синод издал указ о порядке разрешения споров между духовными консисториями и ИАК по вопросу о реставрации древних храмов, где в случае возникновения конфликтных ситуаций последнее слово оставалось за «синодалами» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 300; Охрана памятников 1978: 305–309). Все попытки А.А. Бобринского вернуть процесс в законное русло и восстановить предшествующую практику, как об этом свидетельствует отношение канцелярии Синода в ИАК от 16 августа 1916 г., не увенчались успехом (Охрана памятников 1978: 319–325). Отношения с церковной властью наследникам ИАК пришлось строить заново уже в совершенно иных социально-политических условиях...

Необходимо отметить, что ситуация в Российской церкви середины 1910-х гг. вызывала озабоченность не только Императорской археологической комиссии. Одновременно, в 1916 г. при Министерстве юстиции образовалось Особое совещание для выработки законоположения об охране памятников древнерусской иконописи. В состав его участников вошли представители Министерства юстиции, Академии художеств (Н.П. Кондаков), Комитета попечительства о русской иконописи (К.К. Романов), Техническо-строительного комитета при Министерстве внутренних дел (А.Н. Померанцев), Русского музея (П.Н. Шеффер, П.И. Нерадовский), Эрмитажа (Д.И. Толстой), Ведомства православного исповедания (Н.В. Покровский), Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (А.А. Половцов), Публичной библиотеки (Н.П. Лихачев) (РО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 60. Л. 6). Возглавил работу Совещания товарищ министра юстиции А.Н. Веревкин. Председатель Императорской археологической комиссии попросил включить в состав участников совещания своего сотрудника. Получив полное согласие, он назначил представителями от ИАК П.П. Покрышкина и А.А. Спицына (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 338).

Поводом к созыву Совещания для разработки дополнений к законодательству, касающихся обеспечения сохранности памятников древнерусской иконописи, послужил факт судебного разбирательства о «растрате икон» из сельской церкви в Тверском уезде. По делу обвинялись священник церкви, сельский староста и московский иконописец-реставратор. Первые двое тайно продали иконописцу 15 икон, заменив их копиями. Он отреставрировал иконы и перепродал их в частные руки в несколько раз дороже. Одна из икон «Лицевое Евангелие», самая ценная по своему художественному значению, оказалась приобретена Русским музеем. Данное дело вызвало широкую общественную реакцию, поскольку в нем были затронуты интересы Императорского музея, и это обусловило его рассмотрение на министерском уровне. Самым спорным являлось решение проблемы, как распорядиться дальнейшей судьбой иконы «Лицевое Евангелие» — вернуть в церковную собственность или оставить ее в правительственном музейном собрании. Ко времени созыва Совещания дело тянулось уже несколько лет.

Основными темами для обсуждения стали вопросы: 1) достаточны ли существующие правила об охране предметов церковной старины вообще и памятников древней иконописи в частности, изложенные в уставе духовных консисторий; 2) «если эти правила недостаточны, то в чем они подлежали бы дополнению, притом какие из намечаемых... мер возможно было бы осуществить в порядке административном (распоряжением Святейшего Синода), а какие представлялось бы необходимым установить в порядке законодательном.

В частности, не следовало ли бы установить, что памятники церковной старины, находящиеся в церквах, часовнях, ризницах, не могут быть никому отчуждаемы без особого каждый раз разрешения епархиального начальства»; 3) требовалось ли издание особого законодательного постановления о праве музеев на все приобретаемые ими и внесенные в инвентарь предметы, устанавливающего «неотчуждаемость всех попавших в музей тем или иным путем памятников древнего искусства»; 4) частный вопрос о «правах Русского музея на оставление за собою иконы “Лицевое Евангелие” по окончании уголовного дела, возникшего по поводу похищения ее из церкви в Тверском уезде» (РО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 60. Л. 6).

В течение весны и осени 1916 г. состоялось несколько заседаний нового Особого совещания. Участники заседаний подробно рассмотрели все распоряжения Святейшего Синода, направленные на охрану памятников церковной старины, и признали, что формально они в достаточной мере обеспечивали охрану памятников древней иконописи «как предметов, входящих в состав церковного имущества и подлежащих в вышеозначенном порядке бдительному надзору со стороны духовных властей. Вместе с тем, однако, совещание заметило, что, как свидетельствует опыт, помянутые постановления закона, к сожалению, не соблюдаются в полном их объеме» (Там же).

На практике предметами повышенного внимания и должного ухода являлись лишь чудотворные или особо чтимые иконы, тогда как сохранность всех остальных находилась под угрозой, условия хранения не отвечали необходимым требованиям. Особенно это касалось обветшавших икон, среди которых часто оказывались экземпляры высокой художественной и исторической ценности. Участники совещания также положительно оценили деятельность Святейшего Синода по составлению подробных описаний предметов исторического, археологического и художественного значения в храмах, монастырях, ризницах, книгохранилищах. Вместе с тем они обратили внимание на то, что «среди представителей местной духовной власти только в виде крайне редких исключений встречаются лица, обладающие познаниями в области церковной старины или же даже хотя бы просто способные составить надлежащую и правильную опись подобных предметов. Кроме того, поддержание памятников церковной старины, и в частности икон, в соответствующем их ценности виде само по себе требует наличности необходимых денежных средств, каковыми средствами епархиальные власти отнюдь не всегда располагают. При недостаточности же таких средств церковные власти зачастую и видят себя вынужденными прибегать к распродаже этих памятников, притом даже без всякого преступного умысла» (Там же).

Поэтому Совещание признало меры по охране памятников церковной старины не вполне достаточными и требующими дальнейшего развития. При этом наиболее целесообразным участникам совещания казалось усовершенствование системы охраны не путем введения новых законодательных положений, а методом усиления контроля за выполнением административных распоряжений Святейшего Синода с объяснением епархиальным архиереям «значения для отечественного искусства старинных икон и прочих предметов церковной старины и с увещанием о вящем наблюдении за их сохранностью во вверенных им епархиях и принятии для сего соответственных мер». Совещание предложило также «установить, в административном порядке, воспрещение отчуждения без разрешения высшей духовной власти всех без исключения предметов церковной древности», даже если они не внесены в церковные описи (Там же).

Вопрос о неотчуждаемости предметов, приобретенных в государственные музейные хранилища, затрагивал право частной собственности и вызвал бурные прения среди собравшихся. В итоге они разработали проект статьи в законодательство России, согласно которому «имеющие научно-историческую или художественную ценность предметы, возмездно приобретенные музеями, хранилищами... состоящими в ведении правительственных, общественных и научно-просветительных учреждений, остаются в их собственности, хотя бы впоследствии судебным решением было признано, что они были похищены у прежнего их собственника». При этом проект все же сохранял для собственника возможность возвращения «ему означенных предметов по возмещении уплаченной за них цены и произведенных на них необходимых и полезных издержек» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 175. Л. 10).

В обстановке военного времени и в связи с политическими изменениями, происходившими в России в тот момент, ни один из законопроектов так и не был утвержден. Тем не менее нельзя недооценивать значение активной деятельности научного сообщества России во второй половине XIX — начале XX в. по разработке законодательства по охране национального исторического наследия. Благодаря неоднократному обсуждению этой проблемы, были выработаны основные организационные подходы к созданию системы правовой охраны памятников, к формированию структуры исполнительных охранных органов, признана важность осуществления государственной программы по составлению единого свода древностей, определены критерии их отбора для постановки под охрану. Многие из положений позже легли в основу современного российского законодательства по охране исторических памятников.

Совершенно очевидно, Императорская археологическая комиссия с момента образования была вовлечена в процесс борьбы за сохранение древностей. Эпоха каждого председателя характеризовалась своими особенностями этой борьбы и стоящими перед Комиссией задачами. Ее представители принимали активное участие в работе всех комиссий и совещаний по разработке Положения об охране исторических памятников в России. Более того, планировавшуюся к созданию в 1916 г. Комиссию для окончательного утверждения законопроекта, не состоявшуюся в силу изменения политической ситуации в России, должен был возглавить председатель ИАК А. А. Бобринской.

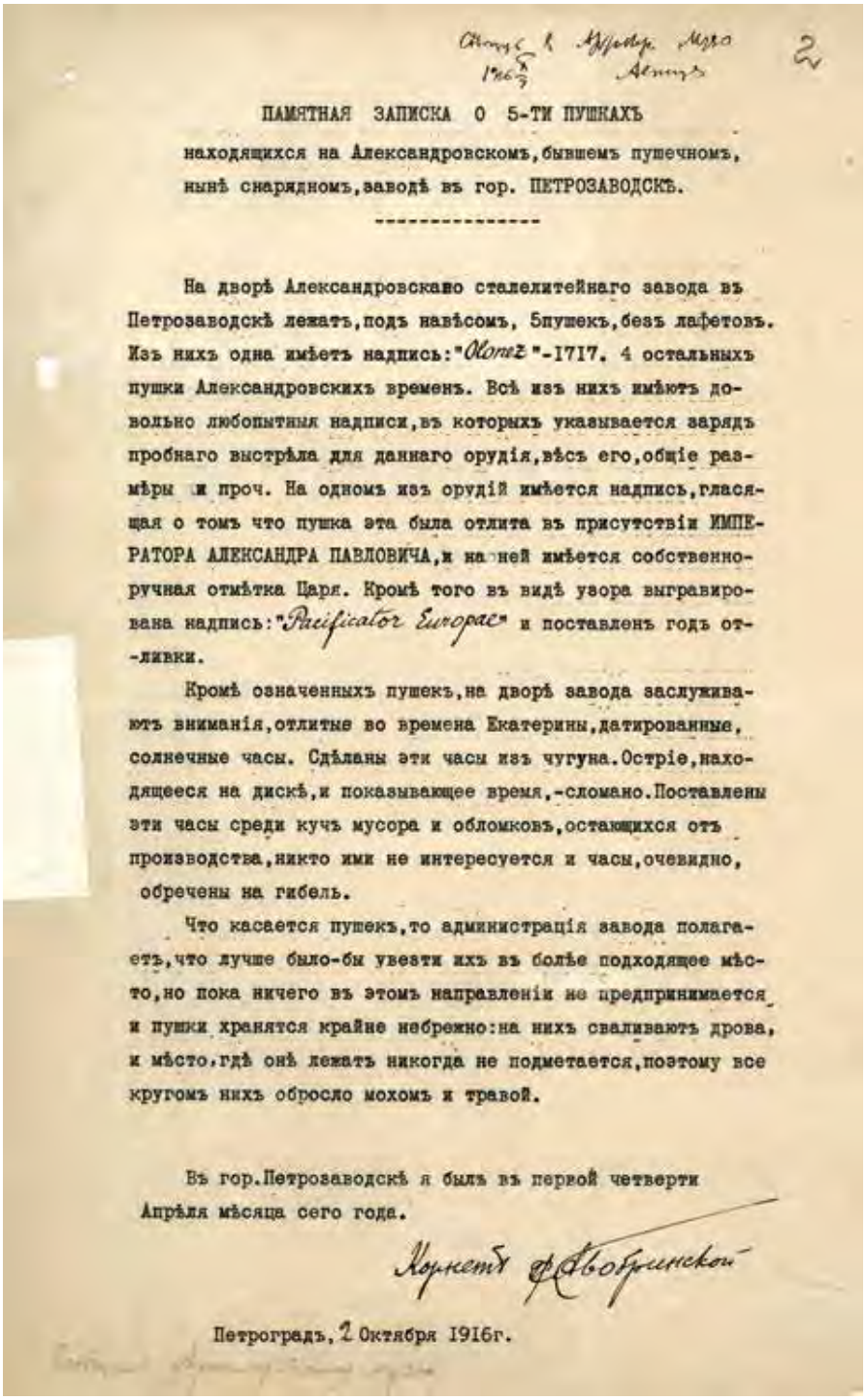
XXI

В двери стучался 1917 год. Императорская археологическая комиссия вступила в него, не подозревая, какие радикальные перемены несет ей ближайшее будущее... Сейчас, оглядываясь назад, мы можем сказать: значение деятельности ИАК для науки — как надежного хранителя археологической информации, как организующего центра «добычи» этой информации и, наконец, как органа, регламентирующего процедуру полевых и камеральных исследований — не подлежит сомнению. Именно в процессе деятельности Комиссии сформировался основополагающий принцип подхода к сохранению археологических памятников и реставрации памятников архитектуры. Стало очевидно, что охрана культурного наследия должна быть не только неразрывно связана с его научным изучением, но и подчинена исследовательским задачам. Однако сумела ли Комиссия переломить своей активностью общественную инерцию и равнодушие русского человека к своему культурному наследию?

Дабы подвести некоторый итог влиянию Комиссии на общественную жизнь и сознание к началу 1917 г., обратимся к трем эпизодам этого времени. 21 апреля 1916 г. петербуржец Эрих Васильевич Диль был приглашен инженером В.А. Васильевым, начальником работ по изысканиям и составлению проектов орошения в бассейне р. Чу, «произвести археологические обследования местности производства». Похоже, ни тот, ни другой никогда ранее не были связаны с ИАК, однако непосредственно перед выездом в Азию Э.В. Диль просит у Комиссии Открытый лист на раскопки в Семиреченской и Сырдарьинской областях и подтверждения своих полномочий для фотографической фиксации памятников (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 80. Л. 1–2).

Помимо отчетов об археологической разведке Чуйской долины, снабженной подробными картами, он составляет «Инструкцию хранителю древностей» Управления по орошению, а в августе 1916 г., отправляясь в Петроград, предлагает на эту должность архитектора Н.А. Черепанова. Уже первый пункт этой инструкции предполагает глубокий профессионализм и исторический такт: «Все вещи одинаково важны, неважных вещей нет» (Там же. Л. 50–52). Оказавшись затем в революционном Петрограде, Э.В. Диль, будучи по долгу службы в Ораниенбауме, 25 мая 1917 г. препровождает в ИАК, по собственной инициативе, подробный отчет о разрушениях дворца, совершенных погромщиками за несколько дней до этого. Он не только дает социальную характеристику нападавших, но и детально фиксирует произведенные разрушения, вплоть до расстрела из ружей бронзовых фигур вокруг дворца (Там же. Л. 54–59).

Точно так же один корнет 2 октября 1916 г. после посещения Петрозаводска представил в ИАК записку о пяти старинных русских пушках и солнечных часах екатерининского времени, хранящихся во дворе Александровского завода. На всех орудиях были указаны заряд пробного выстрела, вес и общие размеры. На одной из пушек была надпись «Olonez 1717», а на другой — свидетельство, что она была отлита в присутствии Александра I. О находке было сообщено в Артиллерийский музей, и его начальник, поблагодарив Комиссию за сообщение, обещал



Отнес в Арх. Муз. 1916 г. Автор

2

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА О 5-ТИ ПУШКАХЪ

находящихся на Александровскомъ, бывшемъ пушечномъ, нынѣ снарядномъ, заводѣ въ гор. ПЕТРОЗАВОДСКѢ.

На дворѣ Александровскаго сталелитейнаго завода въ Петрозаводскѣ лежатъ, подъ навѣсомъ, 5пушекъ, безъ лафетовъ. Изъ нихъ одна имѣетъ надпись: "Ютъ"-1717. 4 остальныхъ пушки Александровскихъ временъ. Всѣ изъ нихъ имѣютъ довольно любопытныя надписи, въ которыхъ указывается зарядъ пробнаго выстрѣла для даннаго орудія, вѣсъ его, общіе размѣры и проч. На одномъ изъ орудій имѣется надпись, гласящая о томъ что пушка эта была отлита въ присутствіи ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, и на ней имѣется собственноручная отмѣтка Царя. Кромѣ того въ видѣ узора выгравирована надпись: "Pacificator Europae" и поставленъ годъ отливки.

Кромѣ означенныхъ пушекъ, на дворѣ завода заслуживаютъ вниманія, отлитые во времена Екатерины, датированные, солнечные часы. Сдѣланы эти часы изъ чугуна. Остріе, находящееся на дискѣ, и показывающее время, -сломано. Поставлены эти часы среди кучъ мусора и обломковъ, остающихся отъ производства, никто ими не интересуется и часы, очевидно, обречены на гибель.

Что касается пушекъ, то администрація завода полагаетъ, что лучше было-бы увезти ихъ въ болѣе подходящее мѣсто, но пока ничего въ этомъ направленіи не предпринимается и пушки хранятся крайне небрежно: на нихъ сваливаютъ дрова, и мѣсто, гдѣ онѣ лежатъ никогда не подметается, поэтому все кругомъ нихъ обросло мохомъ и травой.

Въ гор. Петрозаводскѣ я былъ въ первой четверти Апрѣля мѣсяца сего года.

Корнетъ А. Бобринской

Петроградъ, 2 Октября 1916г.

Записка корнета А.А. Бобринского о пушках и солнечных часах Александровского завода в Петрозаводске (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 105. Л. 1)

Раскопки Ф.Е. Щитникова в Западной Беларуси, 1916 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 176. Л. 6)

ходатайствовать о передаче орудий в его фонды. Правда, тут стоит уточнить: корнета звали Алексей Алексеевич Бобринской (1893–1971), и был он сыном председателя ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 105).

Еще один пример также связан с обстоятельствами военного времени. 20 марта 1964 г. из архива Института археологии в Москве в фонд ИАК, хранившийся в ЛОИА, был передан анонимный археологический отчет о раскопках двух курганных могильников, проведенных 21–30 мая 1916 г. группой солдат около д. Калечье-Поле тогдашней Виленской губернии невдалеке от дороги Полоцк — Молодечно, где располагалась группа озер Сшо, Пеуя, Долгое, Бобровское, Кривое и Белое (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 176; РО. Дело фонда № 1. Ч. 1. Л. 42–43). В московский институт документ поступил от А. В. Арциховского, которому этот отчет в конце 1940-х гг. передал его сосед Э. К. Фикерт. По словам последнего, автором раскопок был Федор Евгеньевич Щитников, его пасынок, к тому времени скончавшийся. А. В. Арциховский идентифицировал автора отчета со студентом Археологического института Ф. Е. Щитниковым, раскопавшим в 1912 г. 37 курганов в Лужском уезде (Щитников 1913). Сличение публикации и рукописного отчета позволило отождествить «исследовательские почерки» и манеру описания и рисунков. И здесь, и там мы сталкиваемся с описанием погребений древнерусского облика с точными обмерами, хорошими рисунками и качественными фотографиями, правда, преимущественно «группового» характера.

Уникальная археологическая информация, которая согласно букве закона и здравому смыслу предназначалась для архива Императорской археологической комиссии, попала в это хранилище через полвека, пережив и самого автора раскопок, и почтенное учреждение императорской России.

Февраль 1917 г., вначале более сказавшийся на названии Императорской археологической комиссии, нежели на ее деятельности, положил начало реорганизации этого учреждения, превратившей Комиссию из организующего центра российской археологии в ведущую научную силу страны…

А. Е. Мусин, М. В. Медведева,
Н. И. Платонова, Л. М. Всевиов,
И. Л. Тихонов